

МАХМУД ЭСАМБАЕВ



Алауди
Мусаев



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Жизнь великого танцовщика Махмуда Эсамбаева так же необычна, как его творчество. Вопреки всему — бедности, запретам отца, войне, сталинским репрессиям — выходец из чеченского аула смог воплотить в жизнь свою детскую мечту и стать всемирно знаменитым артистом, «чародеем танца». В своей уникальной программе «Танцы народов мира» Эсамбаеву удалось понять и выразить на языке хореографии глубинную суть культуры разных народов. Много лет зрители всех континентов аплодировали его искусству, им восхищались звезды мирового балета, о нем писали статьи и книги. При этом Эсамбаев был не только танцором, но и преданным другом, мудрым советчиком, верным сыном своего гордого, много пережившего народа. Обо всех этих ипостасях удивительной судьбы артиста рассказывает книга писателя и юриста Алауди Мусаева, соединившая повествование о жизни Эсамбаева с воспоминаниями самого Махмуда, его близких и друзей.

[Адаптировано для AlReader]



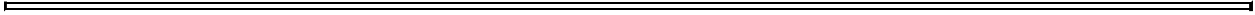
FB2 книгу сделал *mefysto*

-
- [Алауди Мусаев](#)
 -
 -
 - [ЖИВОЙ МАХМУД](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)

-
-
-
-
-
-
-

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)



ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1522

(1322)

Алауди Мусаев

МАХМУД ЭСАМБАЕВ



МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Автор выражает благодарность за помощь в создании этой книги

В. Ф. Юркину, К. А. Молчанову, А. В. Петрову, К. Г. Фадину, И. И. Цыбульскому, А. А. Аслаханову, Х. Х. Бокову, М. Б. Гешаеву, В. И. Загороднюку, А. А. Исбахиеву, Н. И. Семенову, Х. В. Туркаеву, В. В. Эрлихману, а также безвременно ушедшему Руслану Нашхоеву — другу Махмуда Эсамбаева и исследователю его творчества.

© Мусаев А. Н., 2011

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2011

*Папаху сбережет тот, у кого под папхой есть
голова. Имя сбережет тот, у кого в сердце огонь.*

Чеченская пословица

ЖИВОЙ МАХМУД

Вместо предисловия к книге друга

Алауди Мусаев предлагает вниманию читателей популярной серии «ЖЗЛ» новую свою книгу о чародее танца, замечательном сыне чеченского народа Махмуде Эсамбаеве. Писали о нем и прежде, начиная с семидесятых годов прошлого столетия, но многое тогда недоговаривали, уступая угрюмому взору недремлющей цензуры. О великом артисте — восторженные слова, письма зрителей, газетно-журнальные выдержки, а о частной стороне жизни Эсамбаева, о полной его биографии не говорилось, увы, почти ничего.

Теперь иное время, дающее возможность и право говорить об этом замечательном человеке всё, что должно и необходимо исторически и психологически. Это и радует, и заставляет внести в мозаику эсамбаевской судьбы новые цвета, звуки, мысли, чувства — как рожденные открывшимися биографическими фактами, так и запомнившиеся благодаря личному общению.

Отмечу, что искренность нашего великого земляка требовала взаимной искренности. Лицемерить, фальшивить, славословить и лукавить перед Эсамбаевым было пустой забавой. Он — ребенок в душе (примета многих гениев). Махмуда не обманешь, почувствовав фальшь, он тут же становился «инквизитором», «палачом» цинизма и пошлости, халтуры и дешевки. Его добрые, всегда лучащиеся весельем и жизнелюбием глаза мигом становились стальными обнаженными клинками. Его слово превращалось в меч и разило, не различая ни ранга, ни чина, ни национальности, ни возраста, и тут же ставило подлеца любого уровня, зарвавшегося чинодрала и лицемера на место. Так что вблизи Махмуда могли находиться только друзья. Враги смотрели на него издали.

Как рождаются гении? Я задаю себе этот трудный вопрос, как задает его себе и Алауди Мусаев. Вопрос открытый. Загадка. Непостижимо. Мы знакомы с событиями жизни великого чудодея и повелителя танца. Но совершенно напрасны попытки разгадать до конца тайну махмудовского лучащегося, искрящегося, неуловимого дара. Это как явление природы, как смена времен года, как цветение наших священных груш, как рождение человека. Мы, кажется, знаем об этом всё. Но это только чувства, сумбур мыслей. А то важное и непостижимое, то глубинное, что мы называем

гениальностью, ускользает из наших очарованных душ. Что это, откуда, как, зачем?

За телесным, очевидным и вроде бы понятным — тайна неуловимого внутреннего и, скорее всего, внеземного. Хотя в облике Махмуда Эсамбаева, в его дивном танце и, конечно, в колоритной натуре горчачеченца так много земного, из недр, из почвы, от глубоких корней родины великого вайнаха.

Кто объяснит нам, простым смертным, как из тонкой гибкой тростиночки, из мальчугана с живыми, пытливыми, то дерзкими, то лукавыми, а то печальными глазами вырастает гений? Гений красоты — и не злой, а добрый! И что за сила была в этом хрупком несмышленье, никудышном ученике, осилившем всего-то шесть классов средней школы, у которого были абсолютно непримиримые нелады с математикой, и почему этот чеченский мальчик, будучи уважительным сыном своих родителей (закон гор!), решился сказать своему старому отцу «нет», когда тот объявил, что Махмуд станет юристом, судьей, то есть «человеком серьезной профессии», а не каким-то там плясуном-клоуном.

Мир крестьянства, а особенно горского, где жесткие условия жизни часто диктуют суровость отношений, не очень-то признает эстетику. Красота тут, в горах, аскетичная — выжить бы, а не растрачивать силы на бесполезные танцы. Впрочем, в горах почти всякий танцует, когда выдается минута досуга. Но это не более чем «разминка души», нечто вторичное, необязательное, как брикетик мороженого эскимо, которое горские дети в своих аулах и видеть не видели. А тут мальчишка упрямо твердит: «Я буду танцевать», да еще и наперекор отцу.

Вот загадка гения. Все против, а он танцует и в танце кончиком большого пальца ноги запросто достает до мочки уха. Он высок, строен, музыкален. Слух абсолютный, птица крикнет — Махмуд отзовется чистой нотой в унисон. А поразительная способность движением тела передавать любое чувство! Что это? Откуда?..

Горы скупы на цвета и звуки. Вот стадо пасется, а вон небо хмурится, в сумерки волк завоет душераздирающе, как уходящий в никуда пароход. Это один мир. Дикий, голодный, холодный. Мир Махмуда совсем другой — он полон красок, движения и радости.

Танец... Когда он начал танцевать? А как стал себя помнить, так и завихрился, воспарил. Думал и верил: сейчас взмахнет тонкими, гибкими руками-крыльями и полетит. И ведь полетел, да еще как!.. Вопреки всему и всем.

Когда он узнал, что его танец нравится людям? В семь лет. Махмудик

тогда впервые танцевал на свадьбах. Горцы — народ бывалый, суровый, многое повидавший. А тут глядят с удивлением — до чего же красиво танцует этот сын старого Алисултана! Вон как вьется лозиной, вертится волчком, руки-ноги без костей! Даже старики-аксакалы изумленно качали седыми головами, мяли папахи, одобрительно восклицали. Но кто из них, познавших суровый быт гор с резкими переменами властей и погоды, мог угадать, что из этого юного ловкача-танцора выйдет всемирно знаменитый артист?

Не часто, но появляются в мире такие личности, такие творческие натуры, которые не подражают природе — они сами становятся подобны природной стихии.

Вот акын, брякнув двухстрункой, заявляет: «Что вижу, то пою».

Махмуд с детства говорил: «Что вижу, то танцую».

Мог ли отец, видевший в сыне сбившегося с пути «бесплезного плясуна», отпустить Махмуда в совершенно непонятный ему «мир иной», в мир искусства? Да и что такое «искусство», угрюмый, не улыбочивый Алисултан вряд ли знал. «Баловство сытых! — так думал он. — Всё это лишнее! Танцевать умей, но дело разумей».

А Махмуд на воле, среди дикого очарования гор и звонких напевов бурных рек, забывал про стадо и про всё на свете. Он танцевал, а стало быть, жил своей, мало кому понятной жизнью.

Самородок? Абсолютный!

Гений? Безусловно. И вот почему.

Какой-нибудь талантишко повертел-покрутил ногами-руками, потешил себя и честную публику — усердных в труде земляков и вскоре бросил бы «валить дурака», если бы кто-то из старших сородичей цыкнул на него: «А ну кончай дурить, малец; делу время, а потехе час!..» А то и не сказал бы, а просто нагрузил тяжелой работой, с которой не всякий взрослый крестьянин совладеет.

Но у будущего гения всё иначе. Творчество, попросту выражаясь, прет из него. И что ему суд людей! Да хоть и уважаемого отца. То, что бурлит внутри несмышленьша Махмуда, больше всего похоже на вулкан. Кто удержит поток огненной лавы?

Идем дальше и выше, читатель, предваряя книгу моего друга Алауди Мусаева, по этой удивительной стезе Махмуда, что вроде крутой горной тропы. Идем и не перестаем удивляться, как удивляется и сам автор книги.

Извилиста, опасна тропа восхождения, особенно к себе самому, к своей удивительной судьбе. Хотя еще не знает будущий великий маг танца — что там такое сидит в нем, что за диво дивное? Ведь самое

непостижимое в человеке — его внутренний мир. И это не врата резные, широко распахнутые. Вход в него — узкий и юркий сквознячок, щелочка в чуть приоткрытой потаенной дверце, как хлопающая от дикого ветра форточка: то откроется на миг, пахнув глотком терпкого вольного воздуха, то враз захлопнется с треском. А окрест крутой и дикой тропы восхождения — ущелья, бездонные пропасти, бурелом и отвесные скалы, жесткий, упорный ветер в лицо.

Вот-вот сорвется мальчишка, упадет в бездну, где гулким эхом, как из преисподней, отзывается дикий и неумный поток, ворочающий валунами. А надо выше. Еще выше. Кто-то или что-то внутри него ведет и повелевает: уцепись за можжевельник, оглянись, только не смотри вниз — голова кругом пойдет, разобьешься. Держись, как держится корявый и разлапистый горный дуб, опасно, но и прочно наклонившийся, нависший над гибельной бездной.

Глядит Махмуд на дерево. Понимает, как тяжело ему там наверху, над кручей. Буря гнет и качает его, наваливаясь со всех сторон, а дуб стоит, только стонет да скрипит утробно. Да, трудно, зато весь мир виден отсюда!

А вон гранитная темная скала и поворот его, Махмуда, тропы. Тяжело, круто, но дошел до поворота. И тут — какие дали открылись! Пощупал, уцепился — не сон ли? Нет, явь. Какая красота! Сказка! И тут же попробовал станцевать эту красоту на высокой, узкой и опасной площадке размером с медный пятак.

Встал на мысок, обернулся, еще и еще. Голова чуть кружится. И сладко. Первые его пируэты, фуэте.

Он еще знать не знает, как эти движения называются. Но руку вскинул в своем неповторимом движении, соединив кольцом большой и указательный пальцы, словно измеряя осиную свою талию.

Много лет спустя Махмуд скажет, улыбаясь по-мальчишески, лукаво: «У меня все росло, а талия остановилась в детстве... на сорока семи сантиметрах».

В пятнадцать лет он начал танцевать в Чечено-Ингушском государственном ансамбле песни и танца. В семнадцать уже в настоящем театре — в Пятигорской оперетте.

Юность его опалила война. Восемнадцатилетний Махмуд — любимый солдатами солист-танцор, участник мобильных фронтовых концертных бригад, выступавших на передовой и в тылу, на возведении оборонных сооружений и в госпиталях. Был тяжело ранен осколком во время выступления.

Казалось — всё, точка! Нет — многоточие...

Через пару лет он уже солист Киргизского театра оперы и балета. Открылась поразительная разноплановость его танцевального дара: он в равной степени владеет народным танцем, характерным, основами классического балета.

Позже эти редкостные способности отметят старшие мастера-коллеги: Уланова (с Галиной Сергеевной он выступал на одной сцене во Фрунзе), Лепешинская, Моисеев и другие именитые артисты, титаны и мэтры советской, а потом и мировой хореографии.

Артист, постигший классический балет, в характерном танце плавает как рыба в воде, парит как птица, поймавшая крылом поток теплого ветра. Жить бы и радоваться, но тут начинаются самые трудные, горькие страницы биографии. Депортация и долгие поиски родных, по воле властей заброшенных на далекий степной полустанок. Однажды за единственное нарушение режима солиста балета Киргизского оперного театра, спецпереселенца Эсамбаева, отправили в лагерь на лесоповал. Несколько месяцев жизни над бездной. Один шаг в сторону — и выстрел конвоира.

Но и тут он прошел и продолжил свой танец над бездной. Вернулся в театр. Помчался, полетел этап классических постановок: «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Спящая красавица».

И вот очередной крутой поворот жизни души. Не протест, а открытие. Что случилось? Тесны стали рамки классики? Или открыл в себе нечто особенное, индивидуальное, невозможное и непонятное для других?

Похоже, Махмуд почувствовал в себе вполне оформившийся театр танца. И тут же поставил задачу: за несколько сценических минут станцевать главные пьесы жизни. Какие? Самые разные. Земля безгранична. Разнообразие речей, красок, звуков, движений зовет и манит. Танцы народов мира! Да, это его увлекло.

Первоначально это был мир народного танца родной Чечено-Ингушетии. Потом появились танцы-новеллы: к ним прибавился индийский ритуальный «Золотой бог», испанская «Ля коррида», таджикский «Танец с ножами» и в самом начале, конечно, родная «Лезгинка»...

Пятьдесят седьмой год. Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Две золотые медали за народный танец и классику. Первые зарубежные гастроли: Франция, Южная Америка... Сразу же небывалый успех. Он ездил, выступал, копил впечатления и танцы. Учился, изучал пластику и движения разных народов мира. Где выступал, там исполнял местные колоритные танцы. Слава шлейфом летела за ним. И вот создан свой коллектив, своя уникальная программа «Танцы народов мира»,

которую вернее было бы окрестить «Народы мира в танцах». В одной толковой рецензии написали: «Танцы Эсамбаева — это театр переживания, а не представления».

Мэтр балета Юрий Григорович уже тогда, на восходе гения Махмуда, заметил: «Каждое его выступление на эстраде, каждая миниатюра — маленький законченный балет».

Звания и награды потекли горным потоком. Эпитеты восходили до облаков: «Шляпин в танце», «звезда балета и эстрады», «великий», «гениальный», «чародей танца», «легенда XX века»... Но это всё мимо его служения искусству, вне его пытливей, страдающей и страждущей, в муках рождающей красоту души. Compliments не волновали его, не сбивали с толку.

Жизнь, однако, не стала легче. Общественные пути постепенно отняли досуг, которого у него всегда было в обрез. С этим пришлось мириться. Депутат Верховного Совета своей республики, РСФСР и СССР не любил вещать с трибун о том, что «наша цель — коммунизм». Его, Махмуда, целью было решение текущих проблем — насущных и неотложных. Не перечислить людей, которым он помог. Его благодарили, он морщился, отыгрывался шуткой, улыбался, обнимал того, кому помог... А если не мог обнять — нельзя объять необъятное (ведь помогал целым коллективам, районам), выходил на сцену, говорил: «Я лучше вам станцую то, что чувствую. Слова — звук, исчезающий в воздухе. Крепкие, лихие слова — матерщина. Орудие пролетариата. Ладные-складные слова — поэзия. Я стихов не пишу, хоть и люблю, матерщину держу про запас, если понадобится такой усмирительный булыжник. Но я человек воспитанный, хоть и абсолютно неграмотный... Я вам сейчас станцую свою к вам любовь» — и танцевал не хуже, чем на сцене столичного зала имени Чайковского, на святых подмостках Большого театра или французского зала «Олимпия»...

А какой он был меценат (слова «спонсор» он не любил): помогал строить в столице Чечни Грозном новые здания драмтеатра, цирка, театра, школы, детского сада...

Кроме Великой Отечественной, на его долю выпали еще две войны. Та и другая рубанули клинком по его открытому сердцу. Первую чеченскую тяжело переживал, оставив в ее огне свой дом, уникальные картины, разнообразные материалы судьбы, подарки друзей и властей. Сгорели работы Пикассо, те, что великий художник подарил великому артисту.

Больше Махмуд домой не возвращался. Ни жить, ни выступать, ни просто видеть, что сотворила вражда дурных политиков с его родиной, он

не мог. Признавался: «Увижу руины — тут же умру от горя». Размышлял горько: неужели никто из этих не думает о Красоте, об уюте родного очага, о садах, фонтанах, детском смехе и радостных голосах людей?! Еще горше и безнадежнее стали думы, когда Махмуд уже был приговорен смертельной болезнью: «Страшно! Дьявол поселил в душах людей раздор и гордыню, — говорил он. — Эти, из преисподней, сковали мир черным льдом отчаяния, и это страшнее страха, потому что объяснить его живыми словами невозможно...»

Январь метельный, лютый, хмурое небо, ветер рвал, как парусину, скованный морозом воздух. Рождественские морозы. 7 января 2000 года. Держава и весь мир, покоренный Махмудом, входили в новое тысячелетие, не взяв с собой гения из прошлого века.

И тут наш мир, уже потерявший голову в искушениях золотого тельца, почувствовал, что осиротел. Телеобыватель обнаружил вдруг, что на экране больше не появляется высокий, стройный, легкий на ногу барс, в каракулевой папаше и в элегантном ярком, сочном, сияющем костюме от лучшего кутюрье, на лацкане которого неизменный огонек «из прошлого» — золотая звезда Героя Социалистического Труда. Труд у него был никакой ни социалистический, а самый что ни на есть каторжный. Но каторга эта была его жизнью и радостью...

Книга моего друга Алауди Мусаева, как и другие книги о великом артисте, — прежде всего удивление. Удивительно, как мальчишка из забытого Всевышним аула, вопреки воле отца, взял в свои руки собственное призвание. Сам его открыл, утвердил и воплотил в полет гения. И как не удивляться раннему махмудовскому восхождению и его славе, в мгновение ока преодолевшей границы Союза. Или тому, как ему, одному артисту, удалось делать то, что было по силам только целому ансамблю.

А смелость гражданина, который понятия не имел о том, что такое «чинопочитание», властная иерархия и субординация! Правду из его уст слышали и местные божки обкомовского разлива, и столичные министры. Екатерина Фурцева незадолго до своего трагического ухода признавалась: «Махмуд Эсамбаев — один из немногих, кто говорил мне правду, часто горькую, и хотел услышать такую же правду в ответ». Когда опальную министершу обходили и не замечали, Махмуд тут же кинулся к ней, чтобы поддержать. Он вообще ценил опальных.

А неповторимый его юмор, арабески его колоритных историй! Он начинал рассказ... и всё. Весь вечер все вокруг слушали его с открытым ртом и сердцем, смеялись, грустили и... вкусно всё это закусывали;

Махмуд ведь еще и великий кулинар, король гостеприимства, как и подобает истинному горцу-чеченцу. В гости ходить не любил, к себе же приглашать — обожал.

А наряды его, которые он сам задумывал и заказывал!

Насчет грамоты... ну, грамота грамоте рознь. И уж точно, чем не страдал и не болел Махмуд, так это образованщиной. В школе не доучился. Шесть классов — навывлет, сквознячком. Зато потом всю жизнь так упорно, по-толстовски, самообразовывался, что с годами стал редкостным интеллектуалом. Со многими мастерами слова состоял в дружбе. Изучал разные языки — так, ради любопытства. А вот его мысли об искусстве, всего лишь несколько цитат. Это любопытно — ведь здесь не только эстетика:

«...Когда курам бросают горсть зерен и они, кудахча, подбегают к этим зернам, — клюют ли они зерна подряд, без разбора? Можно, как будто, и подряд клевать, но они разгребают зерна клювом, когтями, клонут одно зернышко — и снова разгребают.

Оказывается, и курицу не всё устраивает...

Искусство — это те самые зерна, что лежат у ног артиста. Я исполняю танцы народов мира; сколько этих танцев — не счесть. Танцовщик работает не ногами, а головой. Я выбираю танец в зависимости от того, как я вижу его, как я смогу его исполнить, примеряю его к своей индивидуальности артиста и человека. Если я могу к красоте народного танца добавить какую-то внутреннюю силу, придать танцу иной оттенок, усовершенствовать, только тогда я его разучиваю. Это трудно, поверьте, очень трудно — выбрать танец, ведь в каждом есть своя философия, своя красота, созданная природой...»

«Вы видели Волгу? Она течет и течет. Она не может не течь. Вы бодрствуете — она течет, вы спите — она течет. Она не может не течь, не может остановиться.

Найти мечту — это на всю жизнь обрести стремление к движению. Нефть не может вечно бить из одной скважины, но энергия будет вечно бить ключом из человека, если он попал именно в ту сферу, которая отвечает его внутренней потребности.

Искусство питает меня силами и энергией. Мне уже немало лет, но с пятилетними я чувствую себя пятилетним, с юношами — юношей, со стариками — стариком. Это волшебное преображение вдохнуло в меня искусство.

Искусство — постижение человеческой красоты, а красота бесконечна, бездонна, из этого колодца можно черпать веками...»

«Радость и танец — два слова, созданные друг для друга. Для меня радость и танец понятия тождественные...»

Что еще удивляет?

Махмуд нигде не учился хореографии. Откуда же взялось его непостижимое мастерство? Подсмотрел? Но у кого? У людей? У самой природы? Глазами этого не разглядишь, ушами не услышишь, устами не выразишь. Но есть глаза сердца. Это единственный путь постижения в искусстве. И тут пытливость особая, она выше любой шкалы и академии.

Он ведь из простых людей, что называется — из простолюдинов. Чеченцы — абсолютные демократы по происхождению и по укладу. Но откуда в этом отпрыске горского сурового крестьянства самый настоящий, высокий — аристократизм? Нет, не по крови. Это другое. Это аристократизм духа и награда тут — диплом от Академии Красоты и Нравственности, Вкуса и Изящества. Его утонченность и изысканность во всем спустились на него с небес. Не иначе — Божественный промысел. Иначе объяснить сие невозможно, да и не нужно.

В конце концов Махмуд преодолел всё. Даже суровый отец сдался. Развел руками, опустил гордую голову:

— Знаешь, Махмуд, а хорошо, что ты не послушался меня и стал артистом.

Это прозрение Алисултана в старости. Махмуд уже и не ждал такого откровения. Он был терпелив. Сверхтерпение — принцип вайнаха, остов, опора его души. Об этом надо знать. Если чеченец обнажает оружие — знайте: до этой крайности его довели, лопнуло последнее, девятикратное терпение. Махмуд не раз напоминал об этом людям власти. И когда непримиримые буйные головы в середине девяностых затевали бойню на Северном Кавказе, неплохо было бы им спросить у мудрого Махмуда. Но не слушает власть гениев красоты...

Еще удивительнее его сердце. Он плакал ребенком, когда не мог сдерживать чувств. От беды плакал и от счастья — и не стыдился слез.

Этим своим вступлением я не ставлю цели отразить в капле росы солнце — Махмуда, глядящего на нас отныне с небес. Пусть течет раздольная река книги моего друга Алауди Мусаева. Рассказывая людям о великом сыне нашего древнего народа, мы невольно рассказываем о себе и о нашей бесконечно любимой Чечне.

Говоря о Махмуде Эсамбаеве, мы, по сути, объясняем этот прекрасный и яростный мир (по словам Андрея Платонова) и человека, в котором заключены «признаки живой планеты». А также и призраки ее, ибо, как незадолго до смерти признавался Махмуд: «Моя жизнь — призрак... я

вхожу в сумерки, переходящие в ночную темь, чтобы неминуемо впасть в утро. Призраки, сумерки, ночь — это обратная сторона души. Зато на другой стороне — свет новой жизни. Даже когда небо закрыто пологом туч, мы знаем, что над тучами сияет солнце...»

Как-то ему подарили роскошного коня. Не помню — арабского скакуна или ахалтекинца. Я видел Махмуда рядом с конем, и ни один из них не уступал другому ни в чем. Махмуд смотрел своему любимцу в глаза, обнимал и млеял от счастья. Так же, как скакун, он заворуженно кивал головой и говорил восторженно: «Живая красота! Высшая форма развития природы. И тут не обошлось без усердия Всевышнего!» Глаза его были в лиловой поволоке. Как же они тогда были похожи — конь и человек!

Вспомнилось четверостишие моего московского друга:

*Человек и конь. Смотрю на коня.
Ум, норов, стать!.. Не нахожу изъяна.
Гей, мистер Дарвин, послушайте меня:
Наш предок — лошадь, а не обезьяна!*

И вот этого его коня убило бомбой в самом начале первой чеченской войны. Махмуд, узнав об этом, рыдал безутешным ребенком, твердя: «За что его-то? За что?!.. Таковую красоту! Такое совершенство! Таковую невинность!.. О люди, до чего вы докатились! Рубите ветку, на которой сидите. Еще немного, и ваш общественный сад станет отхожим местом. Я не хочу жить в таком мире!»

Он находился тогда в больничной палате. Неловко семеня ногами в шлепающих тапочках, он ходил из угла в угол, стирая руками бегущие по щекам слезы.

В больнице Махмуд постарел сразу на десять лет. Он выглядел стариком. Кажется, впервые на моей памяти ему было всё равно, как он выглядел. Он был смертельно болен и еще не знал об этом. Надеялся на врачей.

«Надо отнять власть у людей и отдать зверям. Они благороднее. У них инстинкты, данные природой. Их поведение по крайней мере предсказуемо...» — он сильно, до удушья, зашелся в кашле. Лицо побледнело. Глотнув холодной чайной заварки, он осевшим, затихающим голосом выговорил: «Человечество сошло с ума!»

Тогда он еще продолжал выступать. И никто, кроме близких и друзей, не знал, что нередко после концерта (я видел это!) его выносили из-за кулис

на руках.

Перетрудился? Недоедал? У него был, как он сам говорил, вечный пост перед вечным воскрешением. Но в это же время были и другие его состояния, и другие признания. Об этом вспоминают самые близкие его друзья, ощутившие волшебную магию его последних танцев, о которых он сам говорил с эдаким боковым и коротким взглядом, как бы брошенным из-за кулис. Рассказывал, не скрывая удивления:

— В пик выступления, на изломе реального и нереального, я терял ощущение времени и пространства, мое тело лишилось земного притяжения, и я стал парить, как лермонтовский Демон в бесплотном небесном эфире. Теперь я знаю, что есть другой — божественный мир. Благодарение Аллаху, что этот мир открылся мне!

Энергетика, аура, иные измерения — вроде бы заигранные нынче слова. Но они работают и объясняют многое. Важно понять — откуда, из чего, из каких здешних и нездешних сил и состояний все это исходит. Зов предков, корни — да. Особенно у тех, кто эту энергию предков концентрирует в сердце, мыслях, воле, судьбе. Отсюда этот заряд невероятной силы и ослепительное свечение. Воздействие гения на людей удивительно.

Пример? Прочитал книгу Толстого, закрыл, а его гений остался, преображая тебя. Литературные образы становятся твоими близкими и дальними родственниками, друзьями и врагами, небесными святыми, лютыми врагами. Книга захватывает, преображает тебя, становится второй жизнью, равной первой, сотворенной Всевышним. Дух гения входит в каждую твою клетку.

Не надо долго объяснять, что такое Лев Толстой. Открой любую его книгу, в любом месте — и ты не оторвешься от нее до самой последней строки, до конца, потому что не сможешь жить, не узнав, что было дальше.

Как? Почему? Книжное слово становится живым, волнуя, будоража.

Мы говорили с Махмудом об этом (мы много о чем «эдаком» говорили с ним); он читал много, у него была чудесная (в смысле подбора, а не количества томов) библиотека. Он весь вечер мог говорить о горькой правде толстовского «Хаджи-Мурата».

— Неужели нынешние власти и их военные слуги не читали эту мудрую повесть? Про жестокость колонизаторов и про достоинство горцев?! — спрашивал Махмуд.

Я неопределенно кивал головой. Мне не хотелось перебивать его мысли.

— Верно, дело в цене победы. Для политиков жертвы неважны, для

них это всего лишь цена достижения поставленной цели, — говорит он задумчиво... — Да, знаешь... — Он резко меняет интонацию. — Помнишь, ты дал мне прочитать книгу с письмами Льва Толстого?

Я сказал, что не дал почитать, а подарил.

— Да, да, подарил... так вот, я всю ночь читал эти письма Толстого... и вдруг почувствовал, что он здесь. Я долго приходил в себя, озираясь. Мне было и радостно, и страшно. А если он правда здесь и сейчас заговорит со мной, что я смогу ответить?.. Я не спал до утра...

Вот как действуют на нас гении. Обычное необычное дело. Но как писателю удастся столько всего вложить в слово? Столько, что это становится даже больше чем жизнь...

Пауза. Махмуд подходит к окну.

— А когда я был в гостях у Семена Гейченко, у этого однорукого хранителя обители Пушкина в Михайловском... я, помнится, рассказывал тебе об этом, о той незабываемой золотой осени... Я ходил тогда по комнатам поэта, по приземистому сараю, где Александр Сергеевич с утра палил из пистолетов в присутствии красивых барышень, страшно (якобы) испуганных и смущенных этим смуглым гением и грохотом его огромных пистолетов, я, Муса, душой и каждой своей живой клеткой чувствовал, что Пушкин... чертяка, гений из гениев, здесь! И никуда он не уходил, и никто его не убивал. Гения нельзя убить... — Махмуд вертит указательным пальцем у виска. — Думаешь, небось, что я того?.. У мужика, мол, под старость крыша поехала?..

Я, растроганный монологом, обнимаю его.

— Дай бог, чтобы все были такими безумцами, Махмуд! Ты гений, и твоя красота — страшная сила!

Мне показалось, что он как бы и не слышал меня. Но серьезно ответил:

— Не возражаю. Пусть я буду гением! — Тут он не выдержал и рассмеялся. — Хорошее дело, скажу тебе, Муса, быть гением. Что ни скажешь, все замечательно! — Тут он наконец расхохотался от души, развеселился так, что даже с размаха стукнул кулаками по столешнице.

Услышав шум, в комнату заглянула его жена, Нина Аркадьевна:

— Мальчики, у вас все в порядке? Вы не деретесь?

— Деремся, Нина, деремся... на комплиментах... — отозвался Махмуд, все еще давясь от смеха. — Меня тут Муса обозвал гением, пусть теперь всем это объясняет...

— Господи! И всего-то... — вздохнула жена гения и исчезла в дверном проеме, оставив в нем малый просвет — на всякий случай, вдруг позовет.

Махмуд в то время уже тяжело болел. Нина Аркадьевна боялась приступов, а они случались нередко.

Сколько уже лет прошло, а я помню тот разговор до последней черточки и снова слышу смех Махмуда. Он чудесно смеялся, хотя смеяться ему было уже тяжело...

Завершая свое предисловие, скажу, что искренне рад появлению новой книги о Махмуде, с которым я дружил сорок лет. Это не простая книга — она выходит в старейшей и знаменитейшей серии «Жизнь замечательных людей», в том самом издательстве «Молодая гвардия», где в далеком уже 1972 году вышла первая книга о Махмуде Эсамбаеве — «Повесть о танце» Геннадия Пожидаева.

Надеюсь, что не только мои ровесники, но и другие поколения расскажут по-своему о великом чародее и маге танца. Хорошо, славно, справедливо, что мир открыт глаза — глаза души — на этого уникального артиста и человека, которого доселе многие воспринимали банально и вскользь, как колоритную приметку советских времен: папаха, модный костюм, тонкая стать, легкая походка и золотая звезда героя на лацкане пиджака.

И все-таки, все-таки и мы, соплеменники и ровесники Махмуда, и последующие поколения вряд ли сумеют разгадать его тайну, непостижимую загадку гения.

...В Шатойском районе Чечни есть родник Эсамбаева.

Место тут удивительно красивое. Самой природой срезана отвесная скала, подернутая мхом. Ручей падает и хрустально дымит. Он живой, он журчит, и тихие эти звуки напоминают далекую музыку.

Махмуд всякий раз останавливался возле этого чудесно поющего источника. Припадал к нему у подножия и черпал пригоршней ледяную, хрустально чистую влагу.

Пил жадно и долго. Поднимал голову, приговаривал: «Вкусно!.. Сок родины!.. Живая сила! Чувствую, как молодею!..»

А где начало родника? Никто не знает. Не раз забирались люди (и сам Махмуд) на вершину скалы, чтобы отыскать исток. Напрасно. Глубоко залегает он. В недоступной глубине. Течет из самого сердца гранитных гор родной Чечни.

Исток увидеть нельзя. Пусть так и будет. Наверное, и не стоит пытаться все разгадывать и объяснять.

Пусть и Махмуд Эсамбаев останется такой же загадкой. Вековой загадкой гения.

Он был! И он есть!

Душа его соединилась с настоящим, прошлым и будущим миром, а это и есть цель абсолютного жизненного воплощения. И воскрешения...

Живи, Махмуд! Живи вечно!!!

Муса Гешаев, поэт, писатель, драматург, историк, публицист, заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушетии, член Союза писателей России и международной ассоциации писателей и публицистов

Часть первая

ЛЕЗГИНКА



Глава первая

ПАДА

Это случилось 15 июля 1924 года (некоторые биографы сомневаются и называют 1922 год, но сам герой нашей книги Махмуд Эсамбаев такой дотошности не одобрял), в большом чеченском селе, который называется Старые Атаги. В семье знаменитого красного партизана Алисултана Эсамбаева родился сын. Отцу новорожденного тогда было 79 лет. Матерью мальчика стала молодая женщина по имени Бикату — ей не так давно исполнилось шестнадцать. Для чеченцев такая разница в возрасте супругов не редкость.

Как все чеченские женщины, Бикату мечтала о том, что первый ее ребенок будет мальчиком. Имя ему она придумала давно — Махмуд. Однако первой у Бикату родилась девочка, которой дали имя Пада. Хорошая, веселая девочка. Отец, Алисултан Эсамбаев, ее конечно же любил, но старался не показывать этого в воспитательных целях — дочь не должна знать, что она поселилась в отцовском сердце. Но строгость нужна была еще и для того, чтобы Бикату не вздумала опять родить ему девочку.

Молодая жена Алисултана прониклась высокой ответственностью, и вторым ребенком у нее стал мальчик.

Бикату была счастлива. Счастлив был и ее муж — от предыдущего брака у него уже были сыновья Мума и Муца, но чем больше в доме мальчиков, будущих джигитов, тем крепче его стены. К тому же это был сын Бикату, ставшей последней и самой главной любовью в жизни старого Алисултана. Он не стал спорить с женой из-за имени мальчика. Наоборот, похвалил ее: что ж, Махмуд — хорошее имя. По-арабски оно означает «славный», и маленький Махмуд, как думал Алисултан, вырастет и прославит свое имя и свой род. Он обязательно добьется того, чтобы на земле было больше правды.

Всю свою немалую жизнь бывший красный партизан, а теперь земледелец Алисултан Эсамбаев мечтал о справедливости. Жизнь его сложилась так, что пришлось увидеть немало бед, обид и несправедливостей. Много лет он жил впроголодь, крестьянствуя на маленьком клочке земли — после Кавказских войн лучшие земли чеченцев были конфискованы царскими властями. Прошел Гражданскую войну, сражался с белыми за народную правду. Алисултан лучше многих знал, что тогда на земле творилось много несправедливости. Не мог он утверждать,

что справедливость оказалась в большом почете и сейчас. Видеть это Алисултану было неприятно и горько, тем более что сам он не мог уже встать на защиту справедливости. Судьба не дала ему возможности выучиться и познать грамоту, а как без этого узнать все множество сложных законов, управляющих миром?

Зато теперь у него был сын, которому предстояло воплотить в жизнь давнюю мечту отца о справедливости. Старшие сыновья унаследуют дом, скот и поля и станут работать на земле, как и сам Алисултан. Зато младший, Махмуд, должен стать судьей. Теперь это возможно. Наступили такие времена, когда ребенок может учиться сколько угодно и узнать всё необходимое для того, чтобы судить справедливо и неподкупно.

У одного доброго человека, который был знаком с настоящим судьей, Алисултан узнал, какие книги должен прочитать человек, чтобы стать достойным вершителем справедливости. Книг оказалось много. Некоторые из них Алисултану удалось купить, и он стал ждать времени, когда сможет вручить их сыну со словами: «Вот, сынок, ты и стал большим, знаешь грамоту и можешь не только прочесть, но и понять эти замечательные книги, которые я для тебя уже давно приготовил». И он передаст сыну из рук в руки большую пачку прекрасных книг, самая толстая и важная из которых называлась «Уголовно-процессуальный кодекс»...

Мальчик пока ничего об этом не знал. Он лежал в колыбели и улыбался, глядя, как медленно движется по белой стене комнаты золотой квадрат солнечного света. Ему казалось, что свет играет с ним. Когда подступала ночь, он плакал, потому что не любил неподвижность и темноту.

Мама брала его на руки и укачивала. Ему очень нравилось плавное, мягкое, округлое движение маминых рук. Он внимательно слушал, как она напевает старинную колыбельную песню; звуки эти тоже были округлые и ласковые. Махмуд быстро переставал плакать и засыпал на руках у матери.

Сон тогда для него как бы не существовал вовсе, потому что он его не помнил, а когда открывал глаза, веселое солнечное пятно уже сияло на стене и откуда-то доносились всякие интересные звуки.

В эти утренние часы нередко случался приятный момент — к его колыбели подходила девочка. Про нее он знал только то, что это не мама, но всё равно он ее очень любил и радовался приходу. Девочка говорила: «А вот и Махмудик наш проснулся. Махмудика петушок разбудил. Не кричи, петушок, не мешай спать Махмуду. А вы, индюки, чего раскричались? Не мешайте Махмуду спать».

Махмуду очень нравилось, как девочка разговаривает с ним. Он ничего

не знал про индюков и петушка, но девочка так хорошо и ласково всё это говорила, что он радостно улыбался во весь беззубый рот и тянулся к ней.

Ему нравилось, что девочка старалась, как мама, взять его на руки. Иногда ей это удавалось, и она даже вытаскивала Махмуда из колыбели и доносила до самых дверей. Тогда он мог увидеть нечто совершенно удивительное. Он видел, что творилось во дворе, который казался ему бесконечно огромным и столь же бесконечно интересным.

Но путешествия эти скоро заканчивались, потому что появлялась большая женщина — мама и отнимала его у маленькой. При этом она сердито что-то приговаривала. Этих сердитых слов он хотя и не понимал, но всё равно не любил и сразу начинал плакать изо всех сил. Он плакал потому, что его совершенно против воли уносили из этого мира, который он еще не успел как следует рассмотреть. А ведь он был таким интересным!

В один голос с ним плакала девочка.

— Ну перестань, Пада! Прекрати реветь! — говорила мама. — *Я тебе сто раз говорила, что ты еще маленькая. Уронишь братика или еще какую беду учинишь. Не можешь, что ли, подождать немного, пока вы оба с Махмудиком подрастете...*

Махмудик подрастал, и скоро старшей сестренке, Паде, уже совершенно законно было разрешено выносить его во двор и там с ним играть.

Он тогда уже научился сидеть и с огромным интересом оглядывался по сторонам. Тут было на что поглядеть. По яркой зеленой траве бегали светлые куры. Важно вышагивал огромный, красный с синим хвостом петух. Задумчиво бродили пестрые индюшки и огромный, никого на свете не боявшийся, индюк, которого мама называла Султаном, такой он был всегда надутый и важный.

Однажды к Махмуду подбежало какое-то громадное мохнатое существо, повалило его на землю и стало возить по лицу чем-то горячим, мокрым и скользким. Махмуд завопил, призывая на помощь. Он не то чтобы сильно испугался, но уж очень большим было это существо и как-то неожиданно и непонятно поступило с ним.

— Эй, пес, уходи сейчас же! — грозно прикрикнула сестренка Пада. — Не смей пугать Махмудика!

Пес отошел неохотно и залег, положив на лапы большую голову. Ему очень хотелось еще поиграть с малышом. Махмуд тоже с большим интересом смотрел на доброго зверя и даже тянул к нему руки. Он уже не боялся мохнатого пса...

Махмуд продолжал расти. Он уже мог вперевалочку ходить по дому и

даже иногда сам выбирался на двор. Теперь Пада бегала за ним и затаскивала его обратно в дом, не обращая никакого внимания на его возмущенные вопли и слезы.

Мама требовала, чтобы брат всегда был у нее на глазах. А ведь у Пады и кроме наблюдения за братом было много важной работы. Она уже умела подметать пол, мыть и расставлять на места домашнюю посуду. Она же готовила корм для индеек и кур. При всей этой работе ей было нелегко следить, чтобы Махмудик не заполз куда-нибудь в хлев, где мычит и грустно вздыхает корова, чтобы он не поспорил с важным индюком, которого сама Пада, по правде сказать, боялась. Индюк Султан считал себя самым главным существом во всем дворе и мог запросто наброситься даже на хозяйку, если ему что-то не нравилось. Ну а расправиться с маленьким человечком ему и вовсе ничего не стоило.

Однако кроме Пады у Махмудика был во дворе надежный друг и защитник. Вот он-то и был настоящий хозяин двора — могучий, бесстрашный и добрый пес. Он преданно защищал Махмудика от бесчисленных дворовых опасностей. Пес был, наверное, единственным существом на свете, перед которым даже сам большой индюк, яростно курлыкая и раздувая кроваво-красную бороду, все-таки отступал.

Махмуд очень любил своего большого мохнатого друга, и нередко случалось, что Пада вытаскивала брата из самых разных укромных мест, где он, наигравшись, дремал, прижавшись к теплому боку верного друга.

Нана Бикату дружбы сына с дворовым псом не одобряла. Это понятно — у мусульман собака не относится к чистым существам. Но как Бикату могла за всем уследить?..

В детстве время идет очень тихо и незаметно, как растет трава, как расцветают цветы, но порой события вдруг начинают разворачиваться стремительно и грозно, и такое запоминается навсегда...

Отец Алисултан был прекрасным наездником и с удовольствием рассказывал, как дада — отец учил его верховой езде и всей непростой науке джигитовки. Впервые отец посадил Алисултана на коня, когда тому не исполнилось и трех лет. И не просто посадил впереди себя и прокатил, но отправил одного, да еще крепко хлестнул коня, чтобы тот мчался галопом.

— Тогда я научился держаться на коне. Только так можно стать настоящим джигитом, — объяснил Алисултан. — Вот исполнится Махмуду три года, я его тоже начну учить.

Слушая эти разговоры, робкая Бикату только глубоко вздыхала и в душе надеялась, что Алисултан забудет свои обещания.

Плохо еще знала она своего непреклонного мужа!

Вскоре после того как Махмуду исполнилось три года, Алисултан подхватил сына на руки и спросил: «Хочешь на коне покататься?»

Какой же мальчишка откажется!

Алисултан посадил сына на молодого, недавно взятого из табуна полудикого жеребца и дал только один совет — сказал, чтобы Махмуд крепче держался за гриву.

— Что ты делаешь?! Он же маленький совсем, упадет, разобьется!!! — вцепилась в сыночка Бикату.

— Отойди, Бикату! — сурово приказал старый партизан. — Ничего с ним не случится. Я же не разбился, а он мой сын. Махмуд Эсамбаев будет настоящим наездником... или никем не будет...

И наотмашь хлестнул коня плеткой.

Нет, Махмуд не хотел умирать. Каким-то образом ребенок, еще только начавший познавать жизнь, понял, что спасти свою жизнь он может только в том случае, если не упадет с коня. Намертво вцепившись в гриву, Махмуд словно прилип к спине огромного жеребца.

Всё вокруг мелькало, как в каком-то страшном сне. Разъяренный жеребец летел во весь опор, не разбирая дороги. Он мчался так до тех пор, пока не выбился из сил и не понял, что это маленькое, но удивительно цепкое существо, вросшее в его гриву, никакими силами сбросить невозможно. Только тогда, тяжело и шумно дыша, конь медленным шагом вернулся в родной двор.

Махмуд помнит, что в те свои малые годы он еще и ходил-то не очень ловко. Случалось, и падал. Взрослые переглядывались: «Гляди, младший-то сынок Алисултана на лошади крепче держится, чем на своих ногах!»

Отца Махмуд ни тогда, ни после ни в чем не винил.

Он словно бы уже тогда, в детстве, каким-то образом понимал, что отец не может быть другим. Еще недавно Алисултан был революционером, вожакom партизанского отряда, и риск для него — дело привычное.

Однако тот нескончаемый страшный полет на коне он не забыл никогда. Не забыл свист рвущегося ветра и жестокую силу, которая стремилась сорвать его с коня и швырнуть на каменистую землю...

Это было похоже на чудо. Полудикий конь так и не смог сбросить с себя маленького наездника. Но матери после этой сумасшедшей скачки пришлось долго лечить раны Махмуда. Впрочем, в молодости всякие раны, и телесные, и душевные, заживают быстро...

Надо сказать, что у Алисултана, как и у всякого уважаемого мужчины аула, было много дел вне дома, и потому воспитанием сына он занимался

не очень часто. Да и нужно ли? Скакать на коне он его уже научил. Не бояться смерти и бороться за жизнь — тоже. Всё остальное нормальный чеченский мальчик освоит и поймет сам.

Махмуд осваивал и старался понять.

Каждый день был бесконечен и полон событий. В это время многому можно было научиться.

Зато как длинна, непроглядна и утомительна ночь!

Правда, с недавних пор не всякая ночь казалась ему пустой темной ямой. Иногда Махмуду снился удивительный сон. Этот сон повторялся не один раз. Он был необыкновенно прекрасен и, если бы снился чаще, мальчик ничего бы не имел против ночи.

В этом сне к Махмуду приходил удивительный человек. Он не был похож ни на отца, ни на маму, ни на сестренку Паду. Он не был похож ни на кого из людей, каких Махмуду доводилось видеть днем.

Одежда на нем необыкновенно белая, как полуденные облака или сияющие вершины снежных гор, что видны на горизонте.

Этот человек умел летать.

Он брал Махмуда за руку, и они совершенно свободно парили в небе, как большие птицы.

Полет уже сам по себе — непередаваемая радость. Но они не просто летели, они при этом совершали какие-то плавные, слаженные, красивые движения. Они вращались, сходились, расходились, как кружатся в летнем небе танцующие бабочки.

Когда Махмуд просыпался после такого сна, то всегда очень хорошо все помнил, и ему хотелось повторить удивительные и прекрасные движения, которые так легко получались у него во сне.

Иногда получалось что-то похожее. Вот только полета не хватало...

У Махмуда было свое укромное местечко во дворе за сараем. Там он пытался повторить те удивительные движения, которые так красиво получались во сне.

Первым зрителем, который смог высказать свое отношение к танцам Махмуда, стала Пада. Как-то потеряв в очередной раз своего шустрого братишку, она отправилась на поиски. Но ни в саду, ни на улице возле калитки, ни даже в гостях у ласкового дворового пса она брата не нашла. Однако не было на месте и собаки.

Тут Пада заволновалась по-настоящему. А не отправился ли ее неугомный братишка в путешествие, прихватив с собой собаку?

Тут она услышала за сараем необычный, игривый какой-то лай, сердитое бормотание индюка и направилась туда. Выглянула из-за угла и

замерла, увидев необычно интересную картину.

Ее маленький братишка, вытянувшись в струнку, подняв к груди руки, шел на носочках по кругу, мелко и быстро перебирая ногами. Он двигался так легко и ловко, что казалось, скользил над землей. Пада слышала, как старики про таких воздушных танцоров говорили: «Так легко идет, что и муравьиного следа на молочной каше не оставит». Вокруг Махмудика, стараясь все же не мешать, прыгал, лаял от восторга и тоже словно бы танцевал радостный пес.

Как любопытные зрители, собравшиеся в круг, чтобы посмотреть танец известного плясуна, стояли замороженные индюшки и куры... и только злой и завистливый султан-индюк, раздувшись так, что казался в два раза больше самого себя, кружился неподалеку, распутив крылья и показывая, что не один только Махмуд умеет красиво танцевать. Он явно стремился привлечь внимание всегда таких покорных женщин своего гарема, но индюшки, похоже, не могли оторвать глаз от юного плясуна.

— Махмудик, так ведь ты у нас просто замечательный танцор! — искренне восхитилась Пада.

Махмуд остановился, поглядел на сестренку как бы откуда-то издалека. Похоже, он все еще пребывал где-то там в своем летящем танце. Потом вздохнул, улыбнулся и опять стал родным и понятным маленьким братишкой.

— Тебе правда понравилось, Пада? — спросил он сестру с искренним интересом.

— Еще как понравилось! — призналась Пада. — А ты можешь так станцевать, чтобы мама и папа посмотрели?

— Могу, — кивнул Махмуд.

— Тогда давай попробуем лезгинку. Я буду тебе подпевать, а ты танцуй. Помнишь, как недавно парень на свадьбе плясал?

— Помню, как же, мне понравилось! А ты, Пада, давай тоже со мной танцуй, тогда лучше получится. Помнишь, как невеста тогда...

— Ладно, давай попробуем...

Вскоре Пада решила, что подготовка завершена и можно устраивать концерт. На просмотр она пригласила отца и мать. Сделала она это очень таинственно, так что родители никак не могли догадаться, что их ожидает.

— Ой, вы так удивитесь, — обещала она. — Вы такого никогда не видели!

Бикату улыбалась — она любила затеи своей веселой, озорной дочки. Алисултан согласился как бы нехотя: «Ну что такого интересного могут устроить девочка, которая ходит во второй класс, и мальчишка, которому

только что исполнилось пять лет?» Однако тоже пошел — надо уважить детишек, они все-таки старались.

— Сейчас вам будет показан кавказский танец лезгинка! — торжественно, как на концерте в клубе, объявила Пада.

Она встала перед родителями в скромной позе невесты.

— Вы на меня особенно не смотрите, — сказала Пада стеснительно. — Я просто так, для компании. Вы, главное, на него смотрите, как он танцует... Махмудик, значит, давай лезгинку, как мы разучивали, я буду подпевать...

Пада повела мелодию и медленно, плавно пошла по кругу. Напрасно стеснялась, она была очень хороша.

Но Махмуд... он поднялся на носки, вырос над землей и пошел, поплыл, полетел...

Родители переглянулись и притихли. Много чего повидали они на своем веку. Видели, конечно, и не раз, хороших танцоров на свадьбах и на разных других праздниках. Да и сами неплохо танцевали. Помнится, на одной свадьбе прошлись так лихо, что остальные перестали танцевать, встали в круг и хлопали, глядя только на них.

Тут нечему удивляться. Нет, наверное, на земле такого чеченца, который не смог бы красиво пройти по кругу в стремительной лезгинке. Но такой легкости, стройности, такого полета, какой получался у маленького Махмуда, им до сих пор видеть не приходилось...

— Ну как? — спросила раскрасневшаяся сияющая Пада. — Правда, здорово! Помните, у соседней свадьба была? Как там один парень здорово танцевал! Подружки мне сказали, что он из города приехал, говорят, он там в специальной школе танцев учился. А у Махмудика не хуже получается, чем у этого взрослого парня, честное слово!

— Что, Пада, уже всё? — спросил Махмуд с какой-то даже досадой.

— Махмудик... ну я правда устала.

— Я бы еще мог, еще долго-долго... мне так нравится!

— Потом, я сначала немного отдохну.

— А я еще вот как могу, — объявил Махмуд, поняв, что с танцами на время покончено.

Он встал на одну ногу, а другую с удивительной легкостью заложил себе за голову. Так и стоял, точно цапля на болоте, и, поворачивая голову налево и направо, весело поглядывал на родителей и сестренку.

— Ну циркач! — не в силах скрыть изумления, пробормотал Алисултан.

— Ой, сыночек, ты лучше так не делай, — с тревогой попросила сына

Бикату. — Еще повредишь себе что-нибудь.

— Что ты, мама, он еще и не такое может! — заговорила Па-да. — На руках сколько хочешь может ходить, ногой за ухом почесать и... и...

Пада уже не раз видела, какие чудеса может вытворять ее братишка со своим удивительным, словно бы лишенным костей телом...

Не только Пада удивлялась. Удивлялись и сверстники Махмуда, и даже старшие ребята, вместе с которыми он теперь отправлялся по утрам пасти овец. С некоторых пор Махмуд получил от матери это важное задание и с немалой гордостью и старанием его исполнял. Это значило, что он уже большой и может, как другие ребята, заниматься серьезными делами, помогать родителям.

Теперь, рано утром, когда еще солнце не поднялось над горизонтом, Махмуд поднимался с постели, выходил во двор, где красавец петух встречал его своим хриплым криком, и шел к овцам.

Они с нетерпением ждали его. Толпились в загоне, блеяли и толкали друг друга. Им хотелось скорее попасть на пастбище у реки и полакомиться там молодой сладкой травкой, с которой еще не сошла ночная роса.

В это время во многих домах аула открывались калитки и на улицу выходили другие овцы, которых с серьезным и важным видом сопровождали маленькие пастухи.

Постепенно все овцы сливались в большое стадо. Они сами прекрасно знали дорогу, а пастушки шли за ними, помахивая прутиками. По дороге мальчишки обсуждали последние новости.

Говорили, что в город приехал цирк. Никто из ребят в цирке никогда не был, и потому они пересказывали друг другу то, что сумели узнать от взрослых. Говорили, что там люди по натянутой веревке ходят, и получше, чем у них в ауле, где на праздниках иные джигиты тоже ловко ходили по канату. В цирке на этом канате танцуют! Могут даже посадить на плечи другого человека! А на конях как скачут! На полном ходу спрыгивают, запрыгивают, на спине коня встают на руки, крутятся волчком...

Рассказы о цирке очень интересовали Махмуда, и он, когда все приходили на место и отпускали овец пастись, начинал выпрашивать, что еще такое удивительное могут делать люди в этом самом цирке.

— Есть там такой фокус, — говорил ему старший из пастушков. — Называется «человек-змея». Этот номер женщина показывает, она может, например, поднять ногу, заложить ее за голову и почесать себе ногой левое ухо...

— Так, да? — Махмуд загибал ногу за голову и доставал большим пальцем до левого уха.

— Ну, не знаю... — изумленно бормотал рассказчик.

Он таращился на Махмуда, пробовал сам повторить то, что этот давно ему знакомый парень, совсем не циркач, делал с такой легкостью, и ясно понимал, что у него и близко ничего похожего не получается.

— Они еще голову назад могут повернуть и назад смотреть...

— Так, что ли? — спрашивал Махмуд и поворачивал голову так, что мог видеть всё, что творится у него за спиной...

Удивительное дело! Все ребята, пораженные легкостью, с какой Махмуд всё это проделывал, пробовали повторить, но ни один не мог повернуть голову дальше плеча...

Вспоминает товарищ детских игр Махмуда Хажбикар Хакяшевич Боков — писатель, доктор философских наук, бывший секретарь обкома партии, председатель президиума Верховного Совета Чечене-Ингушской АССР, главный редактор журнала «Жизнь национальностей»:

— Как пасут скот в чеченских деревнях — тут, наверное, нет ничего особенного. У всех народов это происходит одинаково. Расскажу, как пас домашнюю скотину я сам, и читателю будет нетрудно представить себе, как это делал маленький Махмуд. Представьте себе раннее утро, только-только пропели петухи, и вот сразу из многих дворов на улицу выгоняют скотину. Обычно пастухами тут выступают ребята-подростки, и на лицах их написано полное понимание важности их миссии. Ведь если ты пастух, то жизнь и благополучие порученной тебе коровы, нескольких овечек или коз, иногда гусей или индюков зависит от тебя. Ты, как говорится, тут и царь и бог.

Мальчики с важностью здороваются с соседями, с такими же, как и ты, подростками-пастушками. Постепенно сливающееся большое стадо направляется на зеленые луга возле реки. Ребята отпускают своих подопечных пастись, а сами собираются вместе. Тут происходит много интересного. Затеваются игры и пляски, турниры по борьбе, там же горит добрый вечерний костер, где можно, насадив на палочку, обжаривать кусочки хлеба, отчего они становятся необыкновенно вкусными. Там шепотом рассказываются страшные истории про волков и особенно про волков-оборотней, которые воют на луну и нападают на запозднившихся путников. Это были очень страшные рассказы, хотя живого волка можно было увидеть только в зоопарке...

Старые Атаги — село неподалеку от Грозного. Эсамбаевы жили здесь в скромном домике, на их небольшом участке был сад — груши, яблони, черешня, вишня, сливы. В глубине двора были сарай и хлев, где содержались птица (куры, гуси, индюки) и овцы, была и корова.

Окрестности — равнинные, горы вдалеке. Места красивые. И, главное, неподалеку протекает большая река Аргун. Здесь, на равнине, у нее уже спокойное течение, она разливается широко, но в некоторых местах, где река растекается на несколько рукавов, ее могут перейти вброд даже овцы. Можно, конечно, перейти и по мосту, но это далеко, лучше вброд. Там, за речкой, самые лучшие выпасы. Лес в некоторых местах подступает к берегам реки. Сюда Махмуд любил пригонять своих овец.

Овцам нужна мягкая сочная трава, индюкам — луговой травостой, в котором много кузнечиков, бабочек, стрекоз и жуков, гуси всегда идут к воде. Так что всех пасты приходится в разных местах. Овцы и индюки всегда держатся вместе, поэтому пасты их нетрудно. Ну а если попадется какая-то самостоятельная овца или птица, которые нороят отбиться от стада, тут уж сам не зевай, на то ты и пастух.

Когда в одном месте собирается много ребят, сразу начинаются игры. Первое, что вспоминается — лапта. В тебя бросают мяч. Ты бьешь по нему битой, и, если попадешь, все члены твоей команды разбегаются. Соперникам нужно поймать мячик быстрее, чтобы не разбежались слишком далеко, а потом попасть мячом в кого-то из игроков противоположной команды.

Часто играли в вышибалы. Тоже игра с мячом. В этой игре Махмуд был бесподобен. В него невозможно было попасть даже самому лучшему вышибале. Даже когда в него кидали мяч с двух-трех метров, Махмуд умудрялся внезапно так стремительно и невообразимо изогнуться, неожиданно высоко подпрыгнуть или упасть на землю, что нормальному человеку и представить такое себе было трудно, и мячик, пущенный даже умелой и сильной рукой, летел мимо. А то он вдруг замирал и стоял неподвижно. Обрадованный его неподвижностью противник бросал мяч наверняка, а Махмуд этот мяч ловил и получал свечу, которая позволяла вернуть в игру кого-то из уже выбитых своих напарников.

Играли и в городки. Площадку, разметку для игры, биты, круглые чурочки для составления городошных фигур — всё ребята делали сами.

Проще всего, конечно, гонять в салочки (догонялки). И тут если Махмуда кто-то даже и догонял, то осалить не мог, он всегда уворачивался. Тело его было, казалось, без костей.

Прятки — ну, эту игру Махмуд не очень любил. Зачем куда-то прятаться? Он любил быть на виду...

Теперь об оружии.

Нет таких мальчишек на свете, которые бы не делали оружия. Было оружие и у Махмуда.

Как-то появилась у него замечательная рогатка из прекрасной кизиловой рогульки. Подходящую он искал очень долго. Ведь нужно подобрать такую, чтобы рога ее расходились точно в стороны от ручки. Но главная сила рогатки, конечно, в резине, а у него была просто замечательная резина от нового противогаза. Противогаз этот он выменял у приятеля, научив его за это несколькими лихим поворотам в лезгинке, которые, кроме Махмуда, никто делать не умел. Таким был его артистический гонорар в детстве.

Кожу, в которую вкладывается камень, Махмуд вырезал из язычка старого ботинка, найденного на чердаке. Его рогатка была дальше и точнее всех других рогаток в ауле и вызвала немыслимую зависть у всех местных охотников за воробьями.

Ну и, конечно, луки. Из прочего ребячьего оружия — деревянных шашек, мечей и кинжалов — наиболее любимыми были все-таки луки. Сам лук делали из кизила или дуба. На зависть всем Махмуд умел гнуть дугу из ветки дерева на костре, поэтому его луки были самыми красивыми и дальнобойными. Тетиву изготавливали, сплетая между собой крепчайшие жилы конопли, из которой в ауле скручивали веревки, а взрослые пастухи пряли длинные кнуты.

Лучшие стрелы получались из высохших трубок прошлогоднего камыша. Более прямых стрел просто не придумать. В расщепленную заднюю часть стрелы вставляли гусиное перо, боевой наконечник сворачивали из жести консервных банок в виде острого конуса. Такие стрелы с пятидесяти шагов, попадая в дерево, впивались так, что приходилось вытаскивать сначала древко стрелы, а потом только, долго раскачивая, сам жестяной наконечник.

С таким оружием мальчишки в Старых Атагах ходили на охоту.

Глава вторая

ТАНЦУЮЩИЙ ПАСТУШОК

«Род Ишхоевых, к которому принадлежала наша семья, — рассказывал Махмуд Эсамбаев, — один из самых бедных в Чечено-Ингушетии. Бедной была и наша семья. Я ходил такой рваный и растрепанный, что меня ребята в школе прозвали племянником Робинзона Крузо. Я не знал еще, кто такой Робинзон Крузо, но имя это мне нравилось...

Работать я начал рано и в двенадцать лет уже зарабатывал для семьи деньги, танцуя в профессиональном ансамбле песни и пляски. Но стремление помочь взрослым появилось еще раньше, когда мы жили в Старых Атагах. Я все время просил мать, чтобы она разрешила мне пасти наших овец. У нас их было немного — всего девять и одна коза. Но мать меня не пускала, говорила, что я еще очень мал, и потом, я должен научиться считать хотя бы до десяти, прежде чем мне доверят пасти овец. Тогда я стал учиться считать на пальцах, которых, к счастью, оказалось столько же, сколько овец с козой.

Когда я научился считать, мать выстроила овец во дворе, и я начал тренироваться в их счете. Всё получилось хорошо, и мне разрешили выйти с ними на пастбище.

Пасу их, а потом решил посчитать, все ли здесь. Раз посчитал — девять, второй раз посчитал — восемь. Тогда с плачем побежал домой. «Мама, — кричу, — я потерял двух овец, их утащили волки! Когда я гнал овец, кусты шевелились».

Мать пошла со мной, посчитала, все овцы оказались на месте. «Просто ты считать не умеешь», — сказала она. А я прошу ее: «Ты поставь их, как раньше ставила во дворе, я сосчитаю, а то они ходят». «Нет, ты лучше запоминай овец, — сказала мать, — какие у них есть приметы. Тогда и легче будет считать».

Так я начал пасти овец. И не было большего горя для бедного горского мальчика, чем потерять овцу...»^[1]

Спустя много лет это детское чувство во всей полноте выразится в узбекском танце Махмуда «Чабаненок». Там маленький пастушок тоже начинает пересчитывать своих овец, загибая пальцы.

Одной не хватает!

Он волнуется, он начинает считать снова... снова...

Нет, одной все-таки недостает! Он вскакивает и начинает искать. Узбекская дойра отбивает тревожную дробь...

— Не хватает! Не хватает!!! Волки утащили! Как же я не заметил?!

Он взбегает на горку, оглядывается по сторонам и тут замечает беглянку. Радости пастушка нет предела, и она изливается в радостном и безудержном танце...

Тут Махмуд играет самого себя. Все это — и тревогу, и страх, и отчаяние, и такую же отчаянную радость, когда беглянка находилась, — он переживал сам. Нет ничего удивительного, что танец маленького пастушка получился таким искренним.

Как чисто, как трогательно возвращаются детские годы! Махмуд, как все большие художники, много доброго, красивого черпал из своего бедного, но такого чудесного детства...

Вспоминает Хажбикар Боков: «Махмуд рассказывал мне, что к их мальчишеской компании, выгонявшей на окрестные поля своих домашних овец, нередко присоединялся взрослый пастух — дедушка Михо, пасший колхозное стадо. Лакец по национальности, по-чеченски он говорил хорошо, хотя и с забавным акцентом. Это был много чего повидавший, мудрый человек, в голове которого хранились неисчерпаемые запасы сказок, историй, легенд. Ими ребята заслушивались. К тому же добрый старик позволял хлопать своим длинным пастушьим кнутом, сплетенным из замечательно крепких волокон конопли. Нужно было распустить кнут по земле во всю его длину, а потом сильно хлестнуть, а когда почти весь хлыст вылетит вперед и развернется, резко подсесть — дернуть назад. Далеко не у всех такое получалось, но если всё было сделано правильно, то кончик хлыста издавал громкий щелчок. У самого пастуха это получалось очень легко и так громко, что можно было сравнить с выстрелом из ружья. Еще у дедушки Михо имелась длинная пастушья дудка, на которой он умел играть разные мелодии, которые мальчики сразу узнавали, потому что это были известные народные песни и танцы».

Дедушка Михо любил играть с маленькими пастушками в загадки. Вот, например, такую загадывал:

— Скажите мне, ребяташки, кто главнее: японский анпиратор или председатель нашего сельсовета Абусупьян?

— Анпиратор! — кричали ребята хором. — Тут и сравнивать нечего. Анпиратор — это о!!! А дядя Абусупьян — он, что... просто у нас председатель...

— А вот и нет! — смеялся пастух.

— Это почему? — удивлялись ребята.

— Подумайте сами. Придет, скажем, сюда к нам председатель сельсовета дядя Абуталиб и скажет, чтобы мы здесь не пасли, а перегнали скотину вон туда, что будете делать?

— Перегоним, ясное дело, — отвечали ребята.

— Ну вот! А японский анпиратор он вона где... на другом краю земли. Он сюда никогда не придет и ничего нам не скажет... Вот и соображай тепер, кто получается для нас важнее?

— Получается, что дядя Абусупьян, — вынуждены были соглашаться ребята...

Частенько вспоминал Махмуд рассказ дедушки Михо о том, как хитрый мулла обратил в мусульманство целый чеченский аул.

Давно это было, когда многие вайнахи были христианами, а исламская вера только еще начала проникать в горы Кавказа.

Один мулла был очень известным проповедником. Он многих чеченцев обратил в мусульманскую веру. Только один аул никак не желал идти за ним. Мулла раз за разом приходил на центральную площадь, надеясь произнести проповедь перед жителями, но те не желали собираться.

Тогда мулла придумал хитрость. Он зашел в саклю старейшины аула и сказал, что прошедшей ночью видел вещий сон, о котором обязательно должны узнать все жители, иначе они все могут оказаться в большой опасности. Старейшина после посещения муллы тоже заглянул в пару домов — этого было достаточно, чтобы известие о вещем сне муллы и возможной опасности разнеслось по аулу.

Когда на другой день мулла пришел в аул, на площади собрались все жители, не исключая женщин и детей. Это случилось потому, что старики не пожелали оставаться дома. Они тоже хотели из первых уст услышать о том, что за сон такой увидел мулла.

«Позавчера я вернулся от вас очень уставший, помолился, лег на свою кровать и сразу уснул, — начал рассказывать мулла. — И вот вижу, что иду я по прекрасной долине между высоких гор, а позади меня идете все вы, все до одного, вот как сейчас, со стариками, женщинами и малыыми детьми.

Вскоре впереди засияли неопикуемой красоты врата рая. Возле них, как и положено, стоял на страже архангел Джабраил, грозно поднявший свой огненный меч.

«А, это ты, мулла, пришел! — сказал архангел. — Приветствую тебя, чистый человек. Ты можешь проходить прямо в рай».

«Посмотри, Джабраил, я ведь привел с собой жителей целого аула, — сказал я. — Не могу же я сам пройти в рай и бросить всех этих несчастных

тут на пороге?»

«Но они не веруют в Аллаха, и я не могу пропустить их», — отвечал Джабраил.

Но я продолжал настаивать и говорил, что вы все хорошие люди и скоро станете настоящими мусульманами.

«Вот тогда пусть и приходят», — отвечал неумолимый страж рая.

Я очень рассердился, и стали мы с Джабраилом бороться. Пока мы старались повалить друг друга, вы — вот только не помню, все ли, — пробежали мимо нас в рай. Я думаю, что это были те люди, которые в душе своей уже уверовали в Аллаха и только ждут моей помощи, чтобы вступить в истинную веру. Остальные... вот они пусть послушают, что я сейчас расскажу, и тогда решают...»

Тут мулла произнес свою знаменитую проповедь. После того как он закончил ее словами «Аллах велик!», все жители аула изъявили желание стать правоверными мусульманами.

— Вот как умный человек может без всякого устрашения заставить людей слушать себя и поступать так, как нужно, — подняв палец, важно завершал рассказ дедушка Михо. — Знайте, мальчики, что в мудром и к месту сказанном слове содержится великая сила, и всякий умный человек должен научиться ею пользоваться...

Случалось, дедушка Михо устраивал среди мальчиков соревнование.

Однажды он снял с пояса свой замечательный красивый нож с резной ручкой из турьего рога, с ножнами, украшенными блестящими медными накладками. У мальчишек просто сердце замирало, когда они с разрешения дедушки Михо вытаскивали клинок из ножен и рассматривали светлое, как солнечный луч, острое лезвие.

— Этот пастуший нож отковал для меня старый друг, кузнец Муса, вы все его знаете. Ножны я сделал сам из бычьей кожи и украсил накладками. Этот нож я подарю тому из вас, кто победит в борьбе, а потом лучше всех станцует лезгинку.

— Дедушка Михо, можешь отдать мне этот нож прямо сейчас, — радостно улыбаясь, объявил Мухади, лучший борец среди ребят-пастухов. Настоящий богатырь — турпал. Действительно, никто не мог устоять против Мухади и двух минут.

— Не торопись, — охладил турпала Мухади дедушка Михо. — Кроме борьбы еще ведь и лезгинку нужно лучше других сплясать.

— Да я же их всех так изваляю, — рассмеялся Мухади, — что танцевать им уже не захочется...

— Не спеши говорить, что ты самый сильный. На всякого сильного

всегда более сильный найдется, — качая головой, сказал старый пастух. — А то, смотри, получится, как в сказке про Говду...

— Расскажи! Расскажи про Говду! — сразу начали просить ребята. Все они очень любили сказки дедушки Михо.

— Ладно, — согласился пастух. — Сказки-то ведь умные люди придумывали. И не просто так, а чтобы людей добру и правде учить. Слушайте и на ус мотайте. Особенно ты послушай, наш непобедимый турпал, может, и тебя эта сказка чему научит...

Давно, очень давно, когда не было на земле не только нас, но и отцов и дедов и даже прадедов наших, на одной горе жил человек по имени Говда. Сила у него была такая, что никто из соседей не смел не только его обидеть, но даже издали посмеяться над ним. Только загордился он очень, этот Говда, и стал хвастаться, что на всем свете нет человека сильнее его.

Раз сказал своей жене, другой раз сказал...

«Напрасно, муж мой, ты хвастаешься так своей силой, — ответила ему жена. — Слышала я, что на свете есть богатыри сильнее тебя».

Рассердился Говда за такое слово и сказал жене:

«Женщина! Собери меня в дорогу; вот я объезжу весь белый свет и посмотрю, кто поспорит со мной силой!»

Собрала жена мужа в дорогу: оседлала ему коня, подала оружие, плеть.

Говда отправился в путь.

Ехал он, ехал, сколько времени, и сам сказать не мог, и добрался до большого города. На окраине видит двор, а во дворе у столба с кольцами стоят семь оседланных лошадей, таких больших, что его конь был против них как жеребенок.

Говда привязал свою лошадь и направился в кунацкую. Но не сделал он и десяти шагов, как дверь кунацкой отворилась и вышли из нее семь великанов. Один из них подошел к Говде, поднял его и, как щепку, перебросил к другому богатырю, тот перебросил его к третьему, третий к четвертому, и так перебрасывали его, пока он не попал в руки последнего богатыря, младшего из семи братьев. Младший великан осмотрел Говду и потом кинул остальным:

«Теперь нам нечего хлопотать о еде: вот она сама пришла к нам! Раскладывайте поскорее огонь, и приготовим себе завтрак!»

Великаны те были, оказывается, язычники и людоеды.

На счастье Говды, когда братья перебрасывали его между собою, это увидела мать их и сжалась над ним. Она выбежала из сакли, вырвала

Говду из рук сыновей и отпустила со словами: «Беги отсюда что есть духу!»

Говда вскочил на коня и полетел, как ветер. Только недолго он радовался. Вскоре слышал позади конский топот. Оглянулся — а это великаны скачут за ним в погоню. Должно быть, не захотели оставаться без завтрака.

Богатырь наш испугался и стал сильнее погонять своего коня. Но великаны на своих огромных конях скакали намного быстрее и скоро догнали бы молодца, если бы он не наехал в лесу на слепого великана, который вырывал из земли огромные деревья и строил себе из них шалаш. Говда остановился возле великана и стал просить у него защиты.

Великан сжалился над нашим молодцом и сунул к себе за пазуху вместе с конем.

Великаны подъехали и спрашивают: «Не проезжал ли тут всадник?»

«Только что проехал, — ответил великан. — Вот туда».

Людоеды помчались дальше и вскоре скрылись из виду.

После этого слепец вынул нашего богатыря из-за пазухи, поставил себе на ладонь и спрашивает: «Кто ты и откуда?»

Говда рассказал, из какого он аула и почему попал в эту страну. Великан рассмеялся и говорит: «Нас было семеро братьев, и мы тоже думали, что таких силачей, как мы, нет больше на всем белом свете. Вот и пустились путешествовать, искать, кто бы мог осилить нас. Приехали в один город и встретили там таких великанов, против которых мы сами казались мальчиками. Великаны переловили нас и хотели убить, но пока они решали это дело, мы вскочили на коней и ускакали. Великаны помчались за нами в погоню и, конечно, изловили бы нас, если бы мы не заметили в степи огромный человеческий череп. В этом черепе мы и спрятались вместе с конями и оружием. Доскакали до черепа великаны и начали разыскивать нас: искали и не нашли, они и в череп заглянули, но нас не увидели, так мы хорошо спрятались. Великаны уехали, а мы всё боялись выглянуть и просидели в черепе до полудня.

Тут к месту, где лежал череп, пастух пригнал стадо. Осмотрел он череп и со словами: «Хорошая кость! Возьму-ка ее и повешу перед своим шалашом» — поднял и понес, как небольшой камушек. До самого вечера пастух таскал череп, а потом надоело ему, что ли, взял и швырнул его.

Череп попал на камень и разлетелся на мелкие кусочки, при этом шестеро моих братьев разбились насмерть, а я хоть и жив остался, но зато не знаю с тех пор, когда день, когда ночь.

После этих слов слепой богатырь опустил Говду на землю. Тот

поблагодарил за помощь и поскакал домой шибче, чем олень бегаёт от волков.

Очень рад был Говда, что вернулся домой целым, и силой своей больше не хвастался...

Вот такая история про славного богатыря Говду. Кто слушал, молодец. А кто понял, тот ещё и пользу получил, — закончил сказку старый пастух.

— Ладно, дедушка Михо, — ответил Мухади. — Про Говду ты интересно рассказал, только всё это давно было. Великанов теперь нет, а тут у нас не найдётся такого, кто может поспорить со мной в борьбе.

Не скрывая торжества, Мухади крикнул:

— Ну, выходи против турпала, кому жизнь не дорога!

Почти все ребята уже не раз испытали на себе силу Мухади. Они отворачивались и глядели в сторону, словно и не слышали его вызова.

— Да ладно! Чего боитесь! До смерти не придушу, это я вам обещаю!

Желающих всё равно не находилось.

Махмуд оглянулся по сторонам и вышел в круг.

— Ну ты, балерина! Куда лезешь? — удивился Мухади. — Это тебе не танцы! Посмотри на себя, ты же цыпленок без перьев. Знаю, что ты выворачиваться умеешь, только напрасно думаешь, что от меня тебе удастся уползти. И не надейся! Я тебя просто в узел завяжу и на дерево повешу...

В борьбе, которую так любят все горские мальчишки, у Махмуда действительно не было против турпала Мухади никаких шансов. Тут ведь нужна не только ловкость и гибкость, но и сила, чтобы крепко ухватить противника и бросить его на землю. Нужен вес, чтобы прижать к земле и не отпускать до тех пор, пока не попросит пощады. Никакой особенной силы, а тем более веса у Махмуда не было и в помине, но в борьбе у него всё же имелись свои достоинства.

Прежде всего, Махмуда было очень трудно крепко ухватить, без чего на землю бросить очень трудно. Даже если его удавалось повалить и прижать к земле, то удержать в таком положении не было никакой возможности. Из любого захвата он выворачивался и выползал, точно змея. Так он продолжал извиваться вокруг своего более сильного и тяжелого противника, дергал его, разворачивал, выскользывал из захватов и мучил до тех пор, пока тот не начинал хватать ртом воздух, как загнанная лошадь, и вскоре сам падал на землю даже от слабого толчка.

А вот легкое и как бы лишённое костей тело Махмуда просто не знало, что такое усталость...

С Мухади, однако, Махмуду никогда бороться не приходилось, и он

скоро понял, что тут ему придется туго. Мухади был очень силен, да к тому же действительно умел бороться — ребята говорили, что его старший брат учил, а он лучший в Старых Атагах борец. Мухади уже в самом начале несколько раз легко швырнул Махмуда на землю. Пару раз прижал его спиной к земле, правда, удержать не смог. Махмуд ужом вывернулся из его сильных рук.

Они боролись, сняв рубашки, голые по пояс, и тела их стали мокрыми и скользкими от пота. Вскоре Мухади понял, что не только удержать Махмуда на земле, но и захватить почти невозможно. Махмуд же внимательно следил за своим противником и уворачивался или выскальзывал из его захватов.

— Ну что ты крутишься! — возмущался Мухади. — Подходи, давай бороться! Что ты бегаешь от меня, как заяц от собаки...

— Ну раз ты собака, то поймай меня! — отвечал Махмуд.

— Он обозвал меня собакой, все слышали?! — возмущался Мухади. — Это оскорбление!

— Ты сам назвал себя собакой, а меня зайцем. Вот и лови теперь, — отвечал ему Махмуд.

Время шло. Ухватить Махмуда Мухади не мог. К тому же он с тревогой начал чувствовать, что в груди у него растет жгучий ком, который мешает ему дышать, и вот уже каждое движение начинает даваться с трудом.

Тут Мухади испугался. Он понял: еще несколько минут такой, казалось бы, бессмысленной толкотни и он лишится сил, станет слаб, как старая женщина... тогда... неужто эта балерина, этот тощий и хилый Махмуд, который только и умеет, что плясать лезгинку, повалит его на землю? Теперь он думал только о том, как бы скорее закончить эту борьбу.

Делая вид, что пытается ухватить Махмуда, чтобы бросить его на землю, Мухади начал изо всех сил бить его кулаками по ребрам...

— Нельзя так делать! — закричали ребята, стоявшие в круге.

— Мухади, не делай так! Ты на борьбу вышел, а не на драку! — предупредил турпала дедушка Михо.

— Почему не по правилам? — начал спорить Мухади. — Я не дерусь, а только хочу ухватить его, а он всё время убегает, как заяц, и не хочет бороться!

И тут же еще раз ударил по ребрам так, что у Махмуда перехватило дыхание.

Это была нечестная борьба, и Махмуд сказал:

— Еще раз ударишь, будешь жалеть.

— А что ты сделаешь, балерина? — засмеялся Мухади. — Ты только и можешь, что бегать от меня!

— Я тебя предупредил, — повторил Махмуд яростно. — Еще раз ударишь — по роже получишь!

— Попробуй только ударь! — Мухади, хотя и сам готов был задушить Махмуда голыми руками, прекрасно знал, что тот, кто ударит противника по лицу во время борьбы, не просто считается проигравшим, но изгоняется из круга, как опозоривший свое имя.

— Я тебя и пальцем руки не трону, но ты пожалеешь! — пообещал Махмуд.

— Вот я посмотрю, что ты сделаешь? — Мухади снова со всего размаха ударил противника по ребрам и остановился перед ним, улыбаясь.

Тут произошло неслыханное. Никто из ребят, да что ребята, даже старый пастух Михо такого никогда не видел! Махмуд дал своему сопернику оглушительную пощечину... ногой.

Мухади, у которого из глаз салютом посыпались искры, похоже, ничего толком не понял и, схватившись за щеку, помчался домой.

Все застыли как каменные, не зная, что сказать.

— Ну, что же, борьба, похоже, закончилась, раз Мухади убежал, — сказал после долгой паузы дедушка Михо. — Я думаю, что победил Махмуд. А теперь будем плясать лезгинку. — И он достал свою веселую дудочку.

Один за другим в круг выходили ребята. Плясали все неплохо, некоторые даже очень хорошо, но когда вышел и полетел на носочках легконогий Махмуд, все, позабывшись, начали подхлопывать звонкой пастушьей дудочке.

— Теперь, мальчики, скажите сами, кто победил? — спросил старый пастух.

Все, как один, показали на Махмуда.

И после того как дедушка Михо торжественно вручил Махмуду свой замечательный пастуший нож, ребята подошли и по очереди обняли его. Они признали, что именно Махмуд достоин награды.

— Пусть этот нож будет тебе верной защитой и от волков, и от плохих людей, — сказал дедушка Михо...

Старый пастух хотел рассказать подходящую к случаю историю, но тут ребята зашумели и начали переглядываться — они увидели, что к ним приближается группа из нескольких человек.

Впереди бежал трусцой сам «великий турпал» Мухади.

— Ну, кто тебе тут пощечину дал? — грозно спросил старший брат

Мухади, рослый и сильный молодой парень.

— Вот он! — ткнул в Махмуда пальцем Мухади.

— Ребята, вы подтверждаете? — спросил всех сразу старший брат.

Мальчишки молчали.

— Вы что, не видели? — удивленно спросил старший брат.

И так как никто из ребят не ответил, обратился к дедушке Михо.

— Ну а вы, отец, что скажете? Вы здесь были, когда они боролись.

Старый пастух кивнул.

— Видели, как он Мухади по лицу ударил?

Старик кивнул.

— Значит, подтверждаете, что правила честной борьбы нарушены?

— Нет, не подтверждаю, — отозвался дедушка Михо.

— Сами только что сказали, что видели, как он ударил парня по лицу!

— удивился брат Мухади.

— Он его и пальцем руки не тронул.

— Как же такое может быть?! — растерялся старший брат.

— А вот как! Ну-ка, подойди ко мне, — позвал Махмуда дедушка Михо, поднял руку на высоту головы и сказал: — Покажи.

Махмуд взмахнул ногой и ударил по ладони.

— Видишь теперь, почему я сказал, что он твоего брата и пальцем не тронул? Ведь нельзя бить рукой, а не ногой, так что правила не нарушены. А вот твой младший брат, до того как получил по лицу, правила много раз нарушал. Он специально бил Махмуда кулаками по ребрам, и все это подтвердят.

— Ты так делал? — грозно спросил младшего старший брат.

Мухади молчал, насупившись. Он уже сильно жалел о том, что поднял шум и привел сюда взрослых.

— Разве такому я тебя учил, Мухади? — с досадой спросил старший брат. — Бороться надо честно. Если не можешь победить, признай поражение...

Все пришедшие надолго задумались. Подобных случаев, даже на памяти стариков, не бывало.

Взрослые, собравшись в кружок, несколько минут разговаривали, обсуждая увиденное. В конце концов было решено, что пощечиной происшедшее считать нельзя, так как в правилах ясно сказано, что пощечина может быть нанесена только рукой.

Махмуд был оправдан.

— Извините, нас, уважаемый, — поклонился дедушке Михо старший брат Мухади. И только теперь словно бы заметил Махмуда, — И как же ты,

такой худенький и тонкий, против Мухади устоял? — спросил он, качая головой. — Я ведь брата уже второй год по-настоящему бороться учу.

— Э! Ты не гляди, дорогой, что паренек такой тонкий да звонкий, — заметил старый пастух. — Придет время, и этого мальчика многие люди будут знать. Только прославится он не борьбой. Это будет великий танцор.

— Эка невидаль — танцы! — усомнился старший брат Мухади. — Это у нас любой мальчик умеет.

— Так, как этот, никто не может, — твердо возразил дедушка Михо. — Поверь, дорогой, слову старого человека. Я на своем веку много танцоров повидал — таких не было и нет.

— Хм-м-м... — неопределенно отозвался старший брат, но посмотрел на Махмуда совсем уже другим взглядом...

На этом стихийном сходе было решено, что после того, что сотворил этот ни на кого не похожий сын Алисултана, закон о честной борьбе придется пересматривать, но сделать это можно будет только на большом собрании всех жителей села.

На том взрослые пожали друг другу руки и разошлись...

Махмуд наполовину вытащил из ножен подаренный нож. На блестящем, гладком лезвии было видно его счастливое лицо.

Старый Михо положил руку на худенькое плечо Махмуда.

— Этот пастуший нож, сынок, будет тебе защитой и от волков, и от плохих людей, — повторил он. — Но крепко помни: никогда не следует обнажать нож без нужды... и не дай Господь никому из вас пролить кровь человека и лишить его жизни. Нет ничего страшнее в законах гор, чем кровная месть. Вот послушайте, ребята, правдивую историю про Сулумбека. Послушайте и запомните, чтобы ни с кем из вас такой беды не приключилось.

Жил в здешних местах в одном селении храбрый человек по имени Сулумбек. Рассказывают, что он был другом знаменитого абрека Зелимхана из Харачоя.

Брат Сулумбека решил украсть у некоего человека быков. Ночь была лунная. Хозяин увидел, что его быков уводит чужой человек, и выстрелил ему вслед. Пуля попала точно в цель, и брат Сулумбека был убит.

Сулумбек не раз устраивал кровнику засады, чтобы отомстить за брата. Не одну ночь потратил он, выискивая момент, чтобы поквитаться с ним. Однажды караулил он под мостом близ селения. Среди ночи Сулумбек услышал, как по мосту проехал всадник. Приведя в готовность свое оружие, Сулумбек вышел из-под моста, сел на коня и поехал следом. Прошло некоторое время, Сулумбек приблизился и крикнул едущему

вперед всаднику:

— Приготовь оружие, я собираюсь отомстить тебе за своего брата, которого ты убил!

Всадник ехал не оборачиваясь, будто ничего не слышал. Сулумбек опять предупредил его, но всадник не оглянулся и на этот раз. В третий раз обратился к нему Сулумбек и прицелился. Тогда всадник спешился, бросил наземь свое ружье, кинжал, пистолет и сказал:

— Это правда, Сулумбек, что я убил твоего брата. Знай же: здесь нет моей вины. Я не нападал на него подло или из корысти, это он хотел украсть моих быков. — И кровник рассказал все, как было. — Теперь, — добавил он, — объявляю тебя безвинным за свою кровь. Совершай месть, и пусть она на этом закончится. Надоело мне скрываться и знать, что ты постоянно поджидаешь меня в засаде.

Теперь только Сулумбек узнал, как все случилось на самом деле. Будучи настоящим мужчиной, он сказал:

— С сегодняшнего дня живи спокойно и ничего не бойся, никто не посмеет тебя в чем-либо обвинить.

На другой день во двор Сулумбека пригнали много скота. Это был откуп за кровную месть. Сулумбек созвал родственников и соседей, рассказал, как и почему погиб его брат, и объявил, что простил убийцу.

Затем он сказал: «Человеческую кровь не продают за деньги. Я простил кровь не для того, чтобы получить за это плату. Гоните обратно скот и коней».

Так он простил безвинного человека, и все люди сочли, что он поступил правильно. Но однажды на сельском сходе один человек стал упрекать Сулумбека.

— Какой же ты мужчина? — сказал он. — На тебе лежит пятно позора. Почему ты не мстишь за смерть своего брата?

Сулумбек ответил:

— Знал я, что обязательно найдется какой-нибудь укоритель. Не подумай, что твои слова заставят меня убить безвинного человека. Мое слово нерушимо.

Бывшие на сходе люди осудили этого жестокосердного, вздумавшего упрекать благородного человека за то, что тот отказался убивать ни в чем не повинного соседа. Сулумбек же никогда не изменял своему слову, то же самое делали и его родственники. Поступок Сулумбека стал хорошим примером для многих людей и многим спас жизнь.

Махмуду очень нравились истории, которые рассказывал дедушка Михо, а пастушеский нож, который подарил ему старик, он хранил как

главную свою драгоценность.

Остальные ребята сильно завидовали Махмуду, особенно Мухади, который так и не смог простить свое поражение и ту знаменитую пощечину, за которую ему потом здорово досталось от старшего брата.

Мухади не раз подсылал к Махмуду своих приятелей и всячески пытался выменять пастуший нож. Но Махмуд ответил сразу, что это подарок, а подарки ни за какие богатства отдавать нельзя...

Не думал Махмуд, что совсем уже скоро, несмотря на предупреждение дедушки Михо, придется ему вытащить пастуший нож из ножен, и не против волка. Против человека.

Но кто может заранее знать о том, что случится?!

Как-то пригнав овец домой, Махмуд решил сходить в школу. Там уже учились его старшие братья и сестренка Пада. Скоро и ему самому предстояло сесть за парту.

К школе он подошел во время большой перемены. Много ребят бегало по широкому двору. Одни играли в салочки, другие гоняли мяч, а некоторые бродили просто так, не зная, чем заняться.

— Смотрите-ка, балерина знаменитая к нам пришла! — показал на Махмуда Мухади. И несколько его приятелей окружили Махмуда.

— Ну-ка, пляши, балерина! — приказал Мухади.

— Сам пляши, если тебе хочется, — нахмурился Махмуд. Он не любил, когда с ним так говорили.

— Пляши, когда старшие велят! Пляши, а то ноги оборву и спички вставлю! — прикрикнул Мухади.

Мухади был года на три старше Махмуда. Да хотя бы и на пять! По приказу Махмуд танцевать не будет никогда.

Он повернулся, чтобы уйти.

Его не пустили. Тогда он попробовал проскочить с разбега. Но какой из него таран — его отбросили обратно, как легкий мячик.

Случается, что ватага мальчишек, затеяв буйную игру, сама не заметив того, превращается в стаю хищников. То же самое произошло здесь.

Сначала Махмуда толкали и раз за разом всё сильнее. Это делалось сначала вроде бы со смехом, потом начали бить, а когда повалили на землю и стали пинать, Махмуд понял, что дело плохо. Если он не поднимется, его просто затопчут.

Если до этого он думал только о том, как вырваться из злобного круга и убежать, то сейчас кипящая волна ярости ударила ему в голову. С недетской силой он вскочил на ноги и выхватил из ножен молнией сверкнувший пастуший нож дедушки Михо.

Разглядев знакомое лицо Мухади, Махмуд кинулся на своего обидчика. Вид его в это мгновение был таков, что стая мальчишек брызнула в стороны. Однако Махмуд успел достать ножом зад убежавшего Мухади, и только когда тот с отчаянным воплем покатился по земле, Махмуд словно очнулся. Кипящий красный туман в глазах рассеялся. Он повернулся и, не оглядываясь, зашагал в сторону дороги на Грозный. Махмуд понимал, что после того, что он сделал, оставаться в селе ему нельзя.

Никто не пытался остановить его.

Махмуд шел всё быстрее и наконец побежал. Так он пробежал почти все 30 километров до города. Там он пришел в дом своего дяди Мухаддина, работавшего милиционером. Доброго и веселого дядю Махмуд знал давно и очень любил. В гостеприимном доме дяди Мухаддина они с отцом всегда останавливались, когда приходилось бывать в Грозном.

Махмуд, ничего не скрывая, рассказал дяде о том, что случилось на школьном дворе. Рассказал с удивлением и ужасом, совершенно не понимая, как он мог такое сотворить.

— Дядя, я ведь мог... я даже хотел этого Мухади по правде убить...

— Счастье, что не убил! Это Господь руку твою удержал, — серьезно отозвался дядя. — Ну а то, что на заду ему отметку оставил, так это, думаю, не очень страшно и до свадьбы наверняка заживет. Надеюсь, он теперь хорошенько запомнит, что над людьми издеваться нельзя...

На другой день к Мухаддину пришел за сыном Алисултан.

Мухаддин племянника не отдал.

— Подними-ка рубашку! — сказал он Махмуду. — Посмотри, брат, хорошенько, что эти звери с мальчонкой сделали! Когда он у меня появился, на нем живого места не было. Нет, сейчас я его тебе не отдам. Вот сойдут синяки, заживут царапины, тогда сам приведу. И подумай, как сделать так, чтобы никто не вздумал ему мстить.

Вот такая нежданно-негаданно случилась в жизни Махмуда история.

Ну а когда Махмуд вернулся домой, ни соседские мальчишки, ни школьники на него больше не нападали. Знали, что с этим тоненьким и таким легким парнем, которого, кажется, прутиком можно перешибить, лучше не связываться, шутки с ним могут кончиться плохо.

Зато всем нравилось смотреть, как Махмуд танцует. Ничего подобного ни ребятам, ни взрослым видеть не приходилось... и, слава богу, никто больше не пробовал приказать ему: «Пляши!» Знали — если добром попросить, никогда не откажет. Но заставить его нельзя...

Кто может знать, как отразятся в нашем будущем детские воспоминания? Что они будут значить для нас хотя бы через несколько

лет?..

Через пятнадцать лет Махмуд как раз начал готовить свою первую, по-настоящему театральную композицию, которая так и назвалась — «Кровная месть».

Она начинается именно с того момента, когда молодой горец, покинувший родную землю, чтобы избежать смерти (на охоте он случайно убил соседа), возвращается в родные места.

Он уже понял, что не может жить без родной земли...

Этот танец Махмуд показал впервые, когда вместе со своим народом вернулся из ссылки в Среднюю Азию. Так что та непреодолимая тоска по родине, которая так сильно выражена в начальных па этого замечательного танца, Махмуду была прекрасно известна.

Да, он вернулся. И он счастлив! Он протягивает руки к горам, солнцу, прекрасным цветам своей милой родины — но в то же время вдруг, словно опомнившись, замирает и начинает осторожно оглядываться. Он знает, что в любую секунду может прозвучать выстрел, который оборвет его радость и его такую еще короткую жизнь.

Перед глазами юноши проносятся годы...

В этот момент сам Махмуд снова во всей полноте переживает тот самый ужас и отчаяние, с которым когда-то бежал из родного аула в Грозный. В этот большой город, чужой, холодный мир. Тогда ему казалось, что все пути в милую прошлую жизнь отрезаны навсегда этим неосмотрительным, почти случайным ударом ножа...

Да, всё так. Всё это будет...

Жизнь продолжается, и Махмуд пока что всего лишь маленький мальчик. Только недавно он начал ходить в школу, но уже заслужил странное, трудно понять, хвалебное или насмешливое, прозвище — «балерина».

Почему балерина — угадать несложно. Кто еще может стоять на носке одной ноги, подняв другую к самому уху, да при этом еще и не падать? Понятно, только балерина! А разбежаться, высоко подпрыгнуть и... не просто лететь вперед, как могут и некоторые другие мальчишки, а при этом волчком вращаться в воздухе — ну ясное дело, может тоже только балерина...

В это время в кинотеатрах города Грозного прошел замечательный фильм «Веселые ребята» (который Махмуд умудрился посмотреть не меньше десяти раз), и у него появился новый кумир — Любовь Орлова. Махмуд буквально наизусть выучил многие роли из этого фильма и удивительно смешно, а главное, похоже копировал всех, превращаясь то в

водовоза, то в старого речного капитана, то в глупого начальника с портфелем... но лучше всех, совершенно как живая, получалась у него Любовь Орлова. За свою любимицу он не только танцевал, но еще и пел, очень точно передавая мелодии. Музыкальный слух у Махмуда был безупречным...

И вот какие удивительные случаются дела! В Грозный с бригадой артистов, снимавшихся в фильме, приехала сама великая Любовь Орлова! Теперь у Махмуда была только одна мечта — хоть разок, хотя бы издалека увидеть ее...

Неожиданно получилось так, что учительница математики и классный руководитель Дора Васильевна подарила Махмуду эту желанную радость. Она как заслуженный учитель была включена в городскую делегацию, которая встречалась с приезжими знаменитостями. И вот, оказавшись рядом с Любовью Орловой, Дора Васильевна почему-то рассказала о своем ученике, который так похоже повторяет всё, что делает на экране великая актриса. И танцует, и бьет чечетку, и поет... и всё это ну просто удивительно как похоже!

Любовь Петровна сначала рассмеялась, потом загорелась любопытством и попросила познакомить ее со своим молодым талантливым поклонником.

На другой день Дора Васильевна вошла в класс и неожиданно объявила, что сама Любовь Орлова хочет познакомиться с мальчиком, который талантливо ее копирует.

— Она даже прислала человека, который проводит тебя, Мишенька, прямо к ней, — сказала учительница.

И это была вовсе не шутка! За дверью действительно стоял человек, который отвез Махмуда на машине в гостиницу.

Там в просторном светлом помещении с множеством зеркал и цветов Махмуд действительно (он даже несколько раз зажмурил и открыл глаза) увидел саму Любовь Орлову, которая смотрела прямо на него и улыбалась своей неповторимой улыбкой.

По ее просьбе Махмуд плясал, декламировал, говорил и пел, наверное, не меньше часа. Он делал всё так вдохновенно, и всё получалось у него так похоже, что великая актриса, которая поначалу смеялась и аплодировала, под конец стала серьезна, обняла влюбленного в нее незаурядного мальчика и сказала: «Ты будешь артистом!»

Эту встречу Махмуд запомнил на всю жизнь. Но и сама великая актриса навсегда запомнила гастроли в городе Грозном именно благодаря этой встрече и потом в течение всей жизни с большим вниманием и

большой симпатией следила за восхождением неповторимой звезды Эсамбаева.

Вот что говорила она о Махмуде спустя много лет после первой встречи:

— Это большой мастер, большой художник. Если раньше он прекрасно подражал, то сейчас его сила в том, что он неподражаем и неповторим. Больше всего я люблю в актерах искусство перевоплощения, непохожесть на самого себя в каждой роли. Так всегда для меня неожиданна великолепная Софи Лорен. В каждой новой работе она непохожая, совсем другая. Это большой и редкостный талант. Эсамбаев относится к таким актерам. Каждый его танец — это совершенно новое явление, новый образ, новый характер, непохожий на все предыдущие...

Да, всё это будет, но пока...

Учился «балерина» совсем плохо, ну просто ни в какие ворота. Алисултана по поводу успеваемости сына уже на раз и не два вызывали в школу.

— Самое обидное, — говорила старому партизану учительница математики и классный руководитель Дора Васильевна, — что Мишенька, ваш сынок... понимаете, он ведь не глупый, не тупой какой-нибудь, и при желании наверняка может учиться не хуже других. Беда в том, что он просто не хочет учиться. Ему это неинтересно. Вот если бы на уроках вместо арифметики и чистописания преподавались танцы или разучивались какие-то невероятные физические упражнения, от которых любой нормальный человек может просто сломаться и погибнуть — в такой школе ваш Махмуд наверняка был бы круглым отличником. Но в школе учат не этому. В школе дети получают знания, необходимые им для дальнейшей жизни... Знаете, что ваш Мишенька сказал мне недавно? — улыбаясь, спросила учительница помрачневшего Алисултана. — Вы, говорит, Дора Васильевна, не расстраивайтесь, что у меня математика не идет. Все эти задачки, говорит, мне совершенно не нужны. Я, когда вырасту, стану знаменитым танцором. Вот увидите! Я приеду в Грозный и обязательно приглашу вас на свое выступление. Вы будете сидеть в самом первом ряду, смотреть концерт и вспоминать, как вы со мной мучились над этими задачками, и будете очень удивляться... Вы знаете, — растроганно сказала Дора Васильевна, — Мишенька так забавно всё это показал, как я буду удивляться, поправлять очки... а потом хлопать, хлопать в ладоши...

Дора Васильевна так увлеклась этой удивительной картиной будущего триумфа, что и не заметила, как отец этого смешного и удивительного Мишеньки совсем уж потемнел лицом, как грозно сошлись на переносице

его густые брови: «Ну, я сейчас покажу ему концерт! Я ему такой концерт устрою, что он на всю жизнь запомнит!» Алисултан решительно встал и, забыв попрощаться, размашистым шагом вышел из учительской.

— Уважаемый! — робко крикнула вслед грозному горцу Дора Васильевна. — Вы уж, пожалуйста... не обижайте его... Мишенька такой хороший, добрый мальчик...

— Сейчас я покажу этому доброму мальчику! Он так будет у меня танцевать, как никогда в жизни не танцевал! — скрежетал старый партизан.

Алисултан был полностью на стороне учителей. Его тоже до крайности раздражали любовь его младшего сына к танцам и полное равнодушие к иным предметам и в особенности к тем замечательным книгам о честном и справедливом судье, которые отец уже давно приготовил для сына. Махмуд до сих пор не мог даже складно прочитать то, что было написано крупными буквами на обложке самой главной книги, которая называлась «Уголовно-процессуальный кодекс».

Хуже того — Алисултана всё больше охватывало подозрение, что его малолетний сын своими легкомысленными танцульками осознанно и злобно сопротивляется отцовскому выбору и нарочно, назло отцу, не хочет становиться судьей или прокурором. Именно поэтому он и учится так плохо, вернее, совсем не учится.

— Ну погоди! — рычал он, подходя к дому. — Плохо ты знаешь своего отца. Ты всё равно станешь судьей — или не будешь моим сыном!

Однако провести с сыном показательный урок танцев в этот раз Алисултану так и не довелось. Махмуда дома не было.

Ни Бикату, ни Пада не могли ответить на сердитые вопросы Алисултана, где находится сейчас его постоянно танцующий сын.

А Махмуд в это время был... в цирке.

Глава третья

ЦИРК

Цирк, о котором говорили ребята, когда гнали на пастбище овец, всё еще продолжал свои выступления в Грозном, и многие уже успели там побывать. Их рассказы сводили Махмуда с ума. Ах, как ему хотелось очутиться в том волшебном мире и своими глазами увидеть хоть что-то из непостижимых цирковых чудес!

В конце концов Махмуду удалось уговорить отца, и вот Алисултан повел сына в цирк. Если бы он только знал, чем это кончится, то, конечно, никогда... никогда! Ведь ему хотелось просто сделать сыну приятное, да и сам он был не прочь поглядеть, какие фокусы вытворяют отчаянные чеченские джигиты — все другие чудеса его не очень интересовали...

Джигиты действительно творили нечто несусветное. Они вертелись на скачущих во весь опор конях, соскакивали на землю и тут же взлетали в седло, на полном скаку пролезали под животом коня и снова оказывались в седле. Алисултан, повидавший на долгом веку немало прекрасных наездников, да и сам не без оснований считавший себя мастером верховой езды, не видел ничего подобного.

Ну а если уж сам Алисултан был увлечен тем, что показывали циркачи, то о его младшем сыне и говорить нечего — он был на седьмом небе от счастья. Однако Махмуду гораздо больше, чем лихие джигиты, воздушные гимнасты и акробаты, от полетов которых захватывало дух больше даже, чем поразительные фокусы циркового мага (они показались ему настоящим колдовством), понравилась женщина-змея, которая с бесконечной легкостью завязывалась в узлы. Ее руки, ноги, спина, шея, кажется, не имели костей. Ее даже и представляли публике как-то особенно торжественно: «Всемирно известная и несравненная Эльвира Туш, женщина-змея!»

Махмуду не сиделось на месте. Ему хотелось немедленно, прямо сейчас, повторить чудеса, которые он видел. Теперь на школьных переменках он выступал со своей программой «Гуттаперчевый мальчик». Что такое гуттаперчевый, Махмуд не знал, но старшие ребята, подсказавшие ему такое красивое название, объяснили, что гуттаперчевый — это значит резиновый. Есть такая книжка про мальчика-циркача, который умел делать такие штуки, которые в цирке показывает знаменитая Эльвира Туш.

Махмуд стал уже довольно известным человеком в Старых Атагах. Не только школьники всех возрастов, но и взрослые, увидев его представление, изумленно останавливались и смотрели на удивительные, прямо-таки невероятные позы, которые могло принимать гибкое, как резина, тело мальчика.

Теперь в его жизни всё определилось. Как только появится возможность, он отправится в Грозный и поступит в цирк. Цирк был для него интереснее всего на земле, там ему хотелось прожить оставшуюся жизнь.

Он снова видел себя в этом волшебном шатре. Слышал музыку. Вдыхал ни с чем не сравнимый запах лошадиного пота и свежих опилок...

Это была волшебная сказка, причем сказка, в которую он мог войти и там жить! Такое счастье, Махмуд это понимал прекрасно, мало кому из людей может быть доступно.

Он ждал осенних каникул.

Отцу Махмуд ничего говорить не стал — никогда ведь не угадаешь, что он ответит. Анане Бикату сказал, что хочет сходить в гости к дорогому своему дяде Мухаддину. На дядю Махмуд очень надеялся. После того как Мухаддин прикрыл его после той драки в школе, он стал доверенным человеком для мальчика.

Махмуд твердо решил поступить в цирк. Он даже не задумывался о том, как попадет туда — ведь никаких документов у него не было. Но ведь и цирк он понимал вовсе не как место работы. Это была сказка, в которую он хотел во что бы то ни стало прорваться, а для того, чтобы попасть в сказку, надо просто в нее войти — какие тут еще документы?

Но документы у него спросили прежде всего.

Директор цирка — это был как раз тот самый красивый, представительный мужчина, который в блестящем черном костюме выходил на арену из-за кулис и громогласно объявлял номера, — внимательно поглядев на него, спросил по-чеченски:

— Как тебя зовут, джигит?

— Махмуд.

— Меня можешь называть дядя Аслан. — Директор помолчал, думая, видимо, как бы помягче выразиться. — Так вот, милый друг Махмуд, это раньше, в темные времена царизма, ребенок, обладающий способностями, мог прийти в цирк и сказать: «Хочу стать акробатом, жонглером или наездником» — и обучаться профессии, жить с нами, как в одной большой семье.

— Вот и я! Я так хочу, как в семье! — обрадовался Махмуд тому, как

замечательно точно понял его смутные чувства этот добрый и красивый человек, директор цирка дядя Аслан.

— Но я же сказал, Махмуд, так было очень давно, при царизме. Теперь обязательно нужны документы. И вообще, ты должен был прийти не один, а с родителями... У тебя отец есть?

— Есть... мой отец — Алисултан, — прошептал Махмуд.

— Представь себе, Махмуд, что твой дада Алисултан пойдет в милицию и скажет, что бродячие циркачи украли у него сына. Да меня же сразу посадят в тюрьму! Ты хочешь, чтобы дядю Аслана посадили в тюрьму?!

— Нет! Нет! Конечно, не хочу! — замахал руками Махмуд.

Директор сидел на бортике арены, искоса наблюдая за тем, как работают, разучивая свои номера, артисты цирка. Махмуд стоял перед ним, опустив голову. Он пытался, но никак не мог придумать какой-то совершенно неопровержимый довод, который должен убедить этого, как ему казалось, хорошего и доброго человека, что он, Махмуд, уже никогда больше не сможет жить без волшебного циркового шатра. Без этих удивительных людей, которые, расположившись по кругу арены, жонглируют, ходят по натянутой проволоке, невесомо взлетают в воздух, совершая удивительные перевороты и вращения...

Но что он мог сказать? Только: «Я хочу, хочу! Я без этого теперь жить не смогу!»

Взгляд его упал на небольшую стройную девочку, которая, кажется, без малейших усилий делала стойку на одной руке, опираясь на поднятую вверх ладонь могучего мускулистого мужчины. Девочка эта, на взгляд Махмуда, никак не могла быть старше его...

— Вижу, вижу! — усмехнулся, заметив его взгляд, директор. — На Стеллочку нашу смотришь! Между прочим, мужчина, который поддерживает, — это ее отец. Так что тут, сам понимаешь, другая история. Это цирковая семья, семейный номер, и Стелла имеет полное право у нас работать...

— Стелла! Оп-ля! — крикнул он, и девочка, сделав невесомое сальто, приземлилась на арену.

— Молодец! — похвалил директор.

Улыбнувшись, девочка красиво поклонилась воображаемой публике. Махмуду показалось, что она с интересом взглянула на него.

— Ну ладно, — проворчал, почуяв великую тоску Махмуда, директор цирка. — Расскажи дяде Аслану хотя бы, что ты умеешь делать... ну, вот как Стелла, можешь работать?

— Нет, — признался Махмуд, — я так не пробовал.

— А жонглировать? Вон как те ребята. Можешь так тарелки бросать и ловить?

— Нет, — опять вынужден был признаться Махмуд.

— Ну а по канату-то? По канату вы все здесь в Чечне мастера ходить...

— Ходят вообще, только я не пробовал...

— Значит, на коне умеешь скакать? Вольтижировка?

— Ездить умею, конечно... но так, как тут у вас крутятся, не пробовал...

— Ну а чего ты тогда умеешь? — Директор смотрел на Махмуда с недоумением. — В цирке ведь надо делать такое, чего другие *не* могут...

— Ну, я вот так могу...

Махмуд медленно прогнулся назад и взял себя руками за ноги. Потом так же медленно, но совершенно без усилий, пролез между своими расставленными ногами и, подняв голову, глянул снизу на директора.

Это был отработанный номер, который он уже не раз показывал в ауле. Он точно знал: никто не может сделать что-то даже приблизительно похожее.

— Хм! — удивился директор и задумался... — Эй! — крикнул он, оглянувшись назад. — Кто-нибудь! Эльвиру позовите сюда. Так, так, — продолжал разговаривать директор как бы сам с собой. — Женщина-змея — это, положим, во многих цирках есть. Лучше там, или хуже... а вот гуттаперчевый мальчик — про такое я только в книжке читал...

Одетая в свое обтягивающее змеиное с переливающейся чешуей трико, подошла знаменитая Эльвира Туш. Она, похоже, готовилась начать разминку.

— Эльвирочка, душенька, погляди-ка на этого юного джигита, — предложил директор. — Ну-ка, Махмудик, сделай, как мне показывал.

Махмуд повторил свой коронный фокус.

— Хм, хм! — так же неопределенно, как директор, отозвалась женщина-змея. — Ну-ка, мальчик, давай погнемся...

И она стала загибать Махмуду ноги за голову, выворачивать руки и шею. Со стороны было очень похоже, что злющая змея-колдунья мучает несчастную жертву. Однако Махмуд гнулся, но не ломался. Он даже ни разу не вскрикнул от боли.

— Так! — сказала через четверть часа женщина-змея. — Природная растяжка невероятная. Честно скажу, я такое первый раз вижу.

— Теперь представь, Эльвира... — задумчиво протянул директор и красивым голосом шталмейстера объявил: — Неповторимый,

единственный в мире номер: на арене нашего цирка знаменитая женщина-змея Эльвира Туш и ее маленький змееныш, гуттаперчевый мальчик Махмуд.

— Звучит, — согласилась женщина-змея.

— Ну что, возьмешь в работу?

— Беру.

Первый день Эльвира Туш только смотрела, что он может. Предлагала ему принимать различные позы. Махмуд старался, и у него получалось.

Работали долго.

— Хорошо, — сказала наконец женщина-змея. — Теперь я сама должна поработать, заодно подумаю, что нам можно делать вместе с тобой. Иди погуляй по цирку. Посмотри как следует наш дом, он теперь может стать твоим.

Махмуд сделал это с большим удовольствием. Он заметил, что девочка, которая работала в паре с отцом, уже несколько раз с любопытством поглядывала на него. К ней он и подошел.

— Меня Махмудом зовут, — представился он. — А тебя Стелла?

— Вообще-то Нина. Это такое нормальное имя у меня, — охотно ответила девочка. — Стелла — это цирковое. Так что как нравится, так и называй.

— Почему у вас так? — удивился Махмуд.

— Ну, считается, что цирковое имя должно быть красивое.

Махмуд задумался. Имя Нина нравилось ему не меньше, чем Стелла. Но спорить он не стал — ведь это цирк, мир совсем новый для него...

— Покажи мне цирк! — попросил Махмуд.

— Пойдем. У меня как раз перерыв.

Нина-Стелла познакомила Махмуда с клоунами, акробатами, наездниками, жонглерами. Она представляла его очень серьезно, даже с некоторой важностью, говоря, что это новый очень способный артист, который будет работать в номере Эльвиры Туш.

Все приветливо и уважительно разговаривали с Махмудом, серьезно, как с равным. Ну а он все больше и больше убеждался в том, что ему необыкновенно повезло. Махмуд уже любил всех этих, еще минуту назад незнакомых людей, ему было легко и приятно с ними.

Стелла повела Махмуда знакомиться с животными. Вот где было настоящее веселье. Пушистые, белые как снег пудели с радостным лаем прыгали вокруг них. Огромный и необыкновенно красивый попугай кричал из своей клетки страшным голосом: «Пиастры! Пиастры! Каррраул, грабят!» Был тут и петух с десятком степенных белых куриц... петух был

большой и представительный, но все равно не такой красивый, как тот, что жил на дворе у Махмуда. Но зато...

— Оп-ля! — крикнула Нина, и петух, распутив хвост, как настоящая жар-птица, взлетел ей на руку.

— Говорят, что куры глупые, — заметила Нина. — Наш Петенька просто ужас какой умный! Он, например, зернышки умеет считать...

«Математик! — позавидовал Махмуд. — Не то что я».

— Он еще умирать умеет!

— Это как же так, умирать?! — поразился Махмуд.

— Гляди! — Нина опустила петуха на землю и скомандовала: — Петя, умри!

Петух повалился на бок, дернул лапой и затих совершенно как мертвый.

Это было так забавно, что Махмуд не мог удержаться от смеха.

— Не смейся, — предупредила Махмуда Нина. — Петя не любит, когда над ним смеются.

А ведь правда! Петух сразу поднялся с земли и, шаркая когтистой лапой, заворчал, грозно глядя на Махмуда: «Ко-о-о? Ко-о-о-о!»

— Пойдем, пойдем! А то он драться начнет! — Нина подхватила Махмуда под руку, и они убежали от сердитого петуха.

В тесной клетке за деревянными толстыми прутьями дремал, как-то очень по-человечески, привалившись спиной в угол, большой бурый медведь.

— Миша, Мишенька! — ласково позвала Нина. — Мы с Мишей давно дружим!

Медведь открыл один глаз, потом другой и ласково заурчал, разглядев Нину. Покряхтывая, как старичок, он выбрался из угла и вперевалочку подошел к прутьям.

— Мишенька, а я тебе конфетку принесла, — сказала девочка.

Медведь радостно просунул морду между прутьями и зашевелил подвижным черным носом. Нанюхав угощение, он длинным красным языком ловко слизнул конфету с ладошки и, вкусно причмокивая, стал ее жевать...

Прошли мимо клеток, где, никого не замечая, высокомерно и равнодушно жевали жвачку большие двугорбые верблюды. Зато к прутьям клетки сразу подбежал верблюжонок. Он очень понятно показывал, что хочет играть, и предлагал себя погладить.

— Знакомься — это Васенька. Он уже выступает вместе с мамой и папой, — представила верблюжонок Нина. — Погладь его, он хороший и

очень ласковый.

Махмуд погладил. Верблюжонок был необыкновенно теплый и мягкий, как согретое на печке одеяло.

Нина достала из кармана морковку, и верблюжонок радостно захрумкал. У нее, кажется, для всех было угощение. Смешные маленькие обезьяны готовы были вытворять любые фокусы, но за каждый свой прыжок и полет требовали сладостей. Скоро даже в бездонных карманах Нины ничего не осталось.

— Вот этого я боюсь! — шепнула Нина, как от холода передернув плечами.

Большой черногривый лев сосредоточенно ходил взад и вперед по своей клетке.

— Он сейчас с программы снят, — сказала Нина. — Недавно на репетиции на укротителя напал. Ой, как страшно он тогда ревел! Только револьвер помог дрессировщику его отогнать и выскочить из клетки. Мне подружка рассказала, Зита ее зовут — воздушная гимнастка. Она у нас всё про всех знает. Рассказала, что этот укротитель, Георгий Ямпольский, перед тем как войти в клетку, побывал на свидании с какой-то девушкой. Дрессировщики все, конечно, знают, что, прежде чем войти в клетку, надо сменить одежду и вымыться. Никаких посторонних запахов не должно быть. Но он задержался на свидании и потому пришел буквально к началу своего номера, так что успел только переодеться и сразу вошел в клетку. Лев почуял посторонний запах, стал страшно реветь и махать лапой. Дрессировщик уже понимал, что нормальной работы не получится, но все равно решил продолжать. Надеялся, что лев постепенно привыкнет и успокоится. И тогда лев на него напал...

— Почему он так на запахи реагирует? — удивленно спросил Махмуд.

— А как же! Знаешь, какое у кошек обоняние! Львы за много километров добычу чувствуют, ну а тут... они ведь, все эти кошки, очень ревнивые... Одним словом, сейчас этот лев не работает... и вообще, счастье, что он в середине номера напал...

— Какое же это счастье?! — удивился Махмуд. — Сама же говорила, что дрессировщик едва жив остался!

— А представь, что могло быть, если бы дело дошло до конца, когда Ямпольский вкладывает голову в пасть ко льву?

Да, теперь Махмуд все понял и согласился.

— Вообще, от того, что случилось, даже польза есть, — заметила Нина и улыбнулась лукаво, — Он ведь, этот Жора-дрессировщик, сначала за нашей Зитой ухаживал. Так вот, она мне говорила, что он такой хвостун!

Мол, укротитель хищников, никого на свете он не боится. Ну, правда, раз уж со львами, как с кошками, играет и голову им в пасть кладет... Ну а Зита — она сама отчаянная! Воздушные гимнасты, они же под самым куполом работают, если сорвутся... такое у нас бывает. Зита делала тройное сальто и не попала на перекладину, ее только страховочная лонжа тогда спасла... В общем, Зита хвастунов не любит, она так прямо Жоре и сказала, он обиделся и стал нарочно с другой девушкой гулять. Ну вот, чуть за это жизнью не поплатился.

Махмуд усмехнулся...

— Чего улыбаешься, не веришь? — спросила Нина.

— Верю, верю, конечно! Видно, это везде так на великого укротителя, если он сильно задаваться начнет, всегда свой лев найдется. Мне просто вспомнилась сказка про храброго богатыря Говду. Дедушка Михо нам рассказывал — это наш пастух, который аульское стадо пасет. Когда мы своих овец к речке выгоняем, то сразу к нему идем. Сколько он сказок и всяких историй знает, ты не согласишься...

— Расскажи! Расскажи про Говду, — сразу же начала просить Нина. — Знаешь, как я всякие сказки люблю!

— Ну, хорошо, слушай, — согласился Махмуд и рассказал историю про хвастливого Говду.

— Интересные истории ты знаешь, — удивилась Нина. — Сегодня Зите скажу, пусть она Жоре про этого хвастуна расскажет, может быть, и он что-то поймет!

*

В воскресенье Махмуд в первый раз в своей жизни вышел на арену.

Сказать, что он волновался, — значит, ничего не сказать. У него всё горело внутри. Ему даже дышать было трудно, и он боялся не дожить до начала своего номера.

И вот наконец дядя Аслан в своем красивом черном костюме и блестящей шляпе-цилиндре вышел на арену и замечательным голосом, слышным во всех уголках большого цирка-шапито, объявил:

— Сейчас, дорогие зрители, вас ожидает уникальное, единственное в мире выступление всемирно известной женщины-змеи Эльвиры Туш и ее ученика — гуттаперчевого мальчика...

Номер проходил в постепенно сгущающейся тишине. Махмуду даже страшновато стало. Вдруг никому номер не понравится?! Ему-то самому

нравилось. Казалось даже, что получается лучше, чем на репетиции. И все-таки, почему нет аплодисментов?

Выступление приблизилось к концу. Пришло время последнего эпизода, который Эльвира Туш придумала и поставила в конец как необычное завершение.

Номер этот назывался «Танец змей».

Тут две змеи — большая и маленькая, как бы играют, обвивая друг друга гибкими телами...

Вот в умолкнувшем оркестре подала свой хриплый голосок старинная индийская дудочка. Она выводит тягучий восточный мотив, и тела двух змей извиваются медленно и как бы в полусне... постепенно темп музыки начинает ускоряться и движения змей становятся быстрее, необычнее, и вот они уже как бы угрожают, они свиваются, обвивают друг друга в какой-то змеиной борьбе. Но вот они разъединяются и, стоя на коленях, удивительно пластично извиваются, глядя в глаза, словно гипнотизируя друг друга.

Это был удивительно красивый, завораживающий танец, и хорошо, что во всем оркестре играла одна только хрипая дудочка. Ведь именно под ее мелодию танцуют смертоносные королевские кобры у индийского факира — заклинателя змей...

Две грозные кобры, большая и маленькая... а может быть, это змея со змеенышем и мать обучает сына ядовитому змеиному колдовству...

Танец закончился.

Змеи поднялись с ковра и поклонились публике.

Тут началось нечто невероятное. Люди вскочили на ноги. Они хлопали и кричали. Они даже бросали на арену цветы и игрушки, чего до сих пор в цирке не случалось. Это был настоящий большой успех. Махмуд был счастлив.

Он был так счастлив, что именно в этот момент понял, что всю остальную свою жизнь он посвятит тому, чтобы снова и снова испытывать этот неповторимый, этот сладкий восторг.

Он стал артистом...

Сама суровая Эльвира Туш после выступления поцеловала его в лоб, быстро и холодно, совсем по-змеиному, и ушла в свою гримерку, не сказав ни слова.

Зато директор цирка Аслан чуть не задушил Махмуда, прижав к своему необъятному животу. Спросил, были ли на выступлении его родные. Директор специально дал ему три бесплатных билета на самые лучшие места и сказал, чтобы он обязательно пригласил родителей.

— Дядя Мухаддин был с семьей, — ответил Махмуд.

— А отец-то чего? — спросил директор, слегка нахмурившись.

— Он в Старых Атагах... приехать не смог... по работе, — соврал Махмуд, и так как директор продолжал хмуриться, соврал еще: — Он на следующее представление обещал... («Хоть бы не приехал», — подумал Махмуд про себя, но на душе у него стало тревожно.)

Тут подбежала Нина и потащила Махмуда в сторону. Того, что она хотела сказать, не должны были слышать другие артисты. Здесь, в уголке за кулисами, Нина шепнула Махмуду, что танец змеи со змеенышем был самым красивым во всем номере. И добавила, что... (уже совсем на ухо), что он, Махмуд, танцевал даже красивее, чем сама Эльвира Туш!

— Правда?! — тоже шепотом переспросил пораженный ее признанием Махмуд.

— Честное-пречестное!!! — серьезно кивнула головой Нина. — Такой красивой змеи, как ты, больше нет на свете.

То же самое сказал ему дядя Мухаддин. Он пришел в цирк с женой и дочкой. Они в один голос утверждали, что выступление Махмуда было самым интересным и красивым из множества номеров, которые они увидели в этот вечер.

Всё это было очень приятно Махмуду.

Как же он был счастлив, что попал в цирк! Какой длинной и светлой дорогой радости казалась ему теперь вся будущая жизнь!

Он даже забыл ненадолго про отца...

Шесть раз еще удалось выступить Махмуду с Эльвирой Туш, и всякий раз был замечательный успех. А после шестого выступления за кулисы к Махмуду вошел... нет, не директор цирка дядя Аслан и не его верная подружка, акробатка Нина. Резко откинув занавес, в помещение, где артисты ожидают своего выхода, решительным шагом неукротимого партизанского командира вошел отец Махмуда Алисултан.

— А я-то не пойму никак, — грозно начал он, — что это люди меня спрашивают: это не твой ли сын в цирке выступает?! Вот, значит, для чего ты напротился в гости к дяде Мухаддину? Циркачом решил стать! Клоуном! А меня ты спросил, отца своего? Напрасно думаешь, что ты уже сам себе хозяин! Ничего такого я тебе не позволял. Не забывай, что ты еще мальчишка, а я твой отец. И пока я жив, ты будешь делать то, что я скажу!

Алисултан точно тисками сжал плечо Махмуда и поволок его из цирка на улицу.

К разъяренному отцу осторожно, бочком, подкатился директор цирка и, заискивающе улыбаясь, спросил:

— Уважаемый... так это вы, значит, отец нашего юного гения?

— Этого, что ли? Ну, я... — приостановился Алисултан.

— Ваш сын от природы награжден редкостными способностями и уже после первого выступления стал любимцем публики! — ласково заговорил директор, пытаясь как-то расположить к себе грозного Алисултана и вовлечь его в разговор.

На Алисултана появление директора цирка подействовало, как красная тряпка на быка.

— У вас есть сын? — спросил он директора.

— Есть, но он совсем маленький пока... — признался Аслан.

— Вот когда он у вас подрастет, можете делать из него все что угодно. Хоть клоуна, хоть кошку, хоть змею. А мне скажите спасибо за то, что я отведу этого любимца публики домой, а не в милицию, чтобы привлечь вас к ответственности!

Угроза подействовала.

— Что вы, что вы, — забормотал директор. — Мы никого не принуждаем, он сам пришел...

— Сам пришел? А вы не видите, что он еще ребенок и, прежде чем брать его на работу, надо хотя бы спросить родителей?!

— Конечно, вы правы, уважаемый, конечно... — лепетал директор, незаметно пятясь от разъяренного красного партизана...

Прощальным взглядом окинул Махмуд темные коридоры, клетки с животными, вдохнул живой скипидарный запах свежих опилок, устилавших арену, увидел артистов и служителей, которые молча, печально, точно прощаясь навсегда, смотрели на него...

Напоследок Махмуд увидел свою подружку, акробатку Нину-Стеллу. Она стояла прижавшись к своему могучему отцу и вздрогнула, когда их с Махмудом взгляды встретились. Она словно хотела что-то сказать ему, но не успела... Всё это он увидел и запомнил навсегда...

Действительно, всех этих замечательных людей, в семью которых ему так хотелось войти, Махмуду больше не суждено было увидеть.

За всю дорогу Алисултан не сказал ни слова. Дома, хорошенько отстегав Махмуда по спине прутом, который почему-то у него никогда не ломался, он поставил сына напротив себя и сказал:

— Ты будешь учиться. Понял? Еще долго будешь учиться! Сначала в школе, потом в других местах, где положено, пока не выучишь все, что нужно, чтобы стать судьей! Это я тебе сказал, твой отец, Алисултан. Запомни раз и навсегда и не подумай, что я шутки шучу. Либо ты сделаешь все, как я сказал, либо ты не будешь моим сыном...

Ну что же, Махмуд все понял. Каникулы кончились, пора в школу. Наутро он узнал, что кочевой цирк шапито свернул свой волшебный брезентовый шатер и уехал в неизвестном направлении.

Махмуду только и осталось, что вспоминать короткие дни счастья. Жизнь продолжалась. Вот только сказка закончилась...

*

Сон все-таки вернулся. Махмуд опять летал!

Летал, как танцующая бабочка, как тонко звенящая изумрудная стрекоза. Это было чудесно! Ему хотелось только одного — чтобы этот сон, этот танец-полет не прерывался.

Однако он видел и чувствовал, что уже назревало нечто в сияющем праздничном воздухе. Словно бы у горизонта быстро росла и неотвратно надвигалась свинцовая туча, вся прорезанная косыми, яростными, но беззвучными пока хлыстами и стрелами молний...

Проснулся он с чувством тревожного ожидания. Что-то должно было произойти.

К этому времени Махмуд худо-бедно доучился до окончания шестого класса и совершенно ясно понял, что больше не хочет тратить ни минуты своей единственной жизни на изучение математики и прочих наук, которые были ему совершенно неинтересны и не нужны. Скоро ему выдадут паспорт, и Махмуд получит, наконец, полное право распоряжаться своей жизнью так, как он сам считает нужным.

О, Махмуд был достойным сыном упрямого партизана и совершенно точно знал, что ему нужно и кем он станет.

Нет, не судьей. Конечно, не судьей!

Угроза Алисултана отказаться от него как от сына казалась Махмуду несерьезной, и он верил, что если ему удастся стать настоящим артистом и приносить радость людям, то Алисултан сменит гнев на милость. К тому же Махмуд наивно полагал, что отца могут убедить учителя, которые постоянно вызывали его в школу и объясняли, что его сыну лучше найти какую-нибудь работу, потому что учиться он не хочет. Так вот и пусть работает. Зачем мучить семью, школу и учителей?

Махмуд был с этим совершенно согласен. Жаль только, что бывший красный партизан не желал отказываться от своей мечты и приходил из школы всегда в такой ярости, что Махмуд был вынужден прятаться от него у родственников и друзей...

И вот опять этот сон. Полет, танец, легкость, сияющая свобода души. Время пришло... но отчего же тогда тревога? Потому ли, что всегда трудно принимать важное решение?

Нет, дело, конечно, не в этом. Тревога была уже разлита в воздухе. На горизонте, и совсем уже близко, стояла и готовилась обрушиться на мирную землю черная буря войны...

Глава четвертая

ВОЙНА

Уже почти два года семья Эсамбаевых живет в Грозном. Махмуд учится в школе. В классе его дразнят «внуком Робинзона Крузо» за оборванные штаны и чистую, но всю усеянную заплатами рубашку. На прозвище Махмуд не обижается. Учительница сказала ему, что Робинзон хороший человек, просто он жил на необитаемом острове и шил себе одежду из шкур животных.

Да, с одеждой дела обстояли плохо. Хоть правда из шкур ее шей. Но Махмуд помнил, что на свете есть добрый абрек Зелимхан, который помогает бедным людям. Много историй про храброго и справедливого абрека знал старый пастух — дедушка Михо. Вот такую, например, историю он рассказывал: «Ехал знаменитый абрек Зелимхан мимо играющих сельских ребят. Среди них он заметил одного мальчика, одетого беднее других. Подозвал его к себе Зелимхан и спросил:

— У тебя есть родители?

— Да, есть, — ответил мальчик.

— А если есть, то почему ты так бедно одет?

— У отца нет денег, и нам не на что купить одежду. Подхватил абрек мальчика и посадил на коня.

— Показывай, где твой дом, — сказал он.

Поприветствовав родителей, абрек спросил, что они говорят мальчику, когда он просит их купить что-нибудь из одежды.

— Мы говорим, что за деньгами пошел петух и, когда он их принесет, справим ему обновку, — ответили родители.

— Правильно! — воскликнул Зелимхан. — Посланный вами петух вернулся и передал мне деньги для вашего мальчика.

Достал Зелимхан деньги и отдал родителям, сказав, что петух наказал купить хорошую одежду и обувь, а еще корову и много хорошей еды, чтобы устроить праздник.

Да, хороший человек — абрек Зелимхан. Но Махмуд понимал, что бедных людей, которым нужно помогать, очень, очень много. Так что трудно сказать, когда Зелимхан доберется до семьи Эсамбаевых. Да и не собирался Махмуд ждать. Он ведь и сам может заработать и купить одежду.

Возраст отца Алисултана к тому времени перевалил за девяносто, и он всё еще мечтал сделать из младшего сына судью. Нане Бикату не было еще

и тридцати. Она работала мойщицей вагонов в трамвайном парке и безмолвно сочувствовала сыну.

Отец на время школьных каникул отправил Махмуда работать в булочную. «Не хочешь учиться, устроим испытание трудом», — сказал Алисултан.

Работать в булочной приходилось много, зачастую без выходных. После работы Махмуд выходил на улицу и его окружали черненькие шустрые цыганята. У них был уговор: он им свежие булочки — они ему самые затейливые заходы и выходы цыганской пляски. И вот в репертуаре Махмуда появилась отменная цыганочка — не та, что исполняется ансамблями на сцене, а настоящая, живая, с цыганским юмором, хулиганством, огнем и яростью.

Лезгинка и цыганочка — уже два настоящих танца. Почти репертуар.

И вот еще одно важное событие. Этим летом его любимая сестренка, зеленоглазая красавица Пада, вышла замуж.

Махмуду немного грустно, но он не жалуется. Обидно, конечно, что любимая и всё понимающая сестренка отдалялась от него, но как не порадоваться тому, что Пада счастлива? У нее теперь своя семья, скоро будут дети! Вот счастье женщины! Да, конечно, замужнюю женщину ждет большая, нелегкая работа, но у нее появятся дети, а это большое счастье! Тот, кто этого не понимает, — тупой и скучный человек.

Махмуд был рад за сестру. Теперь она самостоятельный человек, хозяйка в собственной семье. Но время было какое-то нерадостное, непонятное и даже опасное. Одна часть народа ударно трудилась и маршировала на парадах со счастливыми песнями, другая сидела в тюрьмах и лагерях. Не было, кажется, ни одной семьи, из которой бы кого-нибудь не арестовали. Во время какой-то облавы забрали брата Муцу, и больше в семье его не видели...

И все-таки именно на это тревожное время пришелся самый счастливый день в жизни Махмуда.

Он решил, что закончил свое официальное образование. Школьным преподавателям и дирекции тоже надоело бороться с беспробудным двоечником Махмудом Эсамбаевым. По математике, например, у него ни разу даже тройки не было. Кстати, к учительнице математики Доре Васильевне он хорошо относился, да и она к нему...

Вообще, не совсем правда, что в школе Махмуду было всегда плохо и что его там никто не любил. Это не совсем так. Вот ведь устроила ему учительница замечательную встречу с самой великолепной Любовью Орловой, и он, Махмуд, будет Доре Васильевне за это всю жизнь

благодарен.

Ну ладно математика, не нужна она ему. Но ведь было в школе и другое, что ему нравилось. К примеру, различные соревнования, вечера художественной самодеятельности, конкурсы. Однажды их школа участвовала в большом республиканском смотре художественной самодеятельности. Тогда Махмуд стал едва ли не самым главным человеком. Для того чтобы он получил возможность выступить на конкурсе, его специально отвезли в Грозный на необыкновенно красивой блестящей легковой машине, которая называлась «эмка».

Вот как рассказывал об этом случае спустя много лет сам Махмуд Эсамбаев в интервью газете «Комсомольская правда»:

«Я чуть не умер от счастья! Не мог поверить, что меня, двоечника, везут в город на такой красивой машине. А у меня и одежды приличной не было — бегал оборванный, даже штанов своих долго не имел — чужие donaшивал. Я тогда же, в детстве, дал слово, что, когда вырасту, буду красивее всех одеваться — не для вас, не для зрителей, для себя. Так я и сделал. Потом, лет через тридцать, было у меня всегда много красивых костюмов, были и роскошные папахи...»

Но это все потом. А вот поездка на легковой машине стала для Махмуда тогда великим событием:

«Вдохновленный этой поездкой, я выскочил на сцену во Дворце культуры, где проходил конкурс, и принялся вдохновенно скакать по ней. Мой танец зрителям очень понравился, и после выступления меня отвели в буфет, где угостили всякими вкусностями: конфетами, мороженым и пирожными. Я уплетал за обе щеки и думал, что всю жизнь буду танцевать, если за это так вкусно кормят. Тогда моя карьера могла и закончиться, едва начавшись. В тот день я чуть не умер от обжорства. Дома-то меня кормили одной кукурузой, а тут я дорвался до невиданных деликатесов, и желудок мой отказался переваривать непривычную пищу...

На конкурсе мне присудили первое место, вручили грамоту и замечательный портфель из крокодиловой кожи. А школу наградили патефоном с большим набором пластинок. Патефонов я до этого никогда не видел и очень удивился, услышав, как он здорово орет, стоит покрутить ручку и поставить на пластинку трубку с иглой. Потом я узнал, что орал Шаляпин. Он исполнял песню «Эй, ухнем».

Я тогда прибежал домой и бросился к отцу: «Дада, смотри, каким меня портфелем наградили!» В ответ услышал: «Лучше бы калоши дали».

Я взял красивый кожаный портфель, отнес в школу и попросил поменять его на какую-нибудь обувь. Учителя поступили тогда очень

благородно. Они оставили мне портфель и подарили блестящие калоши, да еще с новым пальто.

Вот тогда я подумал, что танцы — это не такое пустое дело, если за то, что скакал на сцене, мне дали сразу так много замечательных и полезных вещей. Вот это меня и убедило, что учиться дальше не надо, а нужно танцевать...»

Со справкой об окончании шести классов средней школы (этот документ так и остался до конца жизни его единственным аттестатом зрелости) Махмуд отправился искать работу. Булочную он настоящей работой не считал...

Позволю себе здесь небольшое авторское отступление. Спустя много лет, когда я встречался с Махмудом в его доме, он говорил: «Учитесь, учитесь. Сейчас наступила такая жизнь, что везде и всегда требуется какая-нибудь бумажка о том, что ты окончил хоть какое-то учебное заведение. В мое время это не нужно было... хотя нет, и у меня есть бумажка о том, что я отчислен из седьмого класса за неуспеваемость».

По правде сказать, я думал, что это шутка. Но однажды Махмуд порылся в своем старом кожаном портфеле, где у него хранились разные документы, и справку эту нашел. Бумага была старая, желтая, сильно потертая на сгибах, но текст, напечатанный на пишущей машинке, вполне можно было прочитать. Действительно, отчислен за неуспеваемость. Неисповедимы дела и документы твои, советская школа!

Итак, Махмуд решил устроиться на работу. И пошел он не куда-нибудь, а прямо в Грозненский республиканский театр.

Конечно, он сам не очень верил, что из этой попытки может что-то получиться, но почему не попробовать?

«Ну, выгонят, в другое место пойду, может, в другой город уеду. Всё равно работать буду только там, где танцуют». Так он решил, даже не предполагая, что может случиться, что с ним вовсе разговаривать не станут и смотреть не захотят. Кому нужен необученный подросток-переросток?

Но, видно, внимательно следил за Махмудом опекающий его гений танца. Не позволил себе в этот решающий час заняться чем-то иным и отвлечься, отвернуться от своего любимца.

Это ведь чуду подобно, что, когда Махмуд зашел в театр (швейцар на входе отлучился, а то ведь ни за что бы не пропустил в святая святых обтрепанного «внука Робинзона Крузо»), там, в большом зале, как раз в это время начиналась репетиция недавно созданного Чечено-Ингушского ансамбля песни и танца. Причем сцена была пуста (артисты переодевались), а главные люди, художественный руководитель и

балетмейстер, были уже на месте, в зале.

Вот к этим двум незнакомым мужчинам (толстому и тонкому — так он их про себя обозначил) Махмуд и обратился со своим предложением принять его на работу. Ну ведь был уже у него похожий случай, тут же, неподалеку, в цирке шапито. Он тогда тоже пришел просто с улицы, поговорил с директором, и его приняли.

— А что умеешь? — спросил толстый.

— Лезгинку...

— Ну, лезгинку... это на Кавказе любой... даже я! — отмахнулся толстый мужчина, и Махмуд с сомнением поглядел на его могучий живот, который с трудом умещался в пиджаке.

— Еще чего можешь? — спросил другой, худой и складный с вьющимися седоватыми волосами, но вовсе не старый еще человек.

— Цыганочку могу...

— Ну уж цыганочку это вообще любой забацает, только стакан налей! — усмехнулся седой и красивый.

— Цыганочку? — переспросил толстый. — С выходом?

— Ясное дело, с выходом, — подтвердил Махмуд.

— Ну, давай на сцену и повеселее! — разрешил толстый.

— Зачем, Анатолий Сергеич? Нам с вами только цыганочки деревенской не хватает для полного счастья, — заворчал седой. — Вон артисты уже идут, работу пора начинать...

— Да ладно, Коля! Вспомни, как Моцарт восхищался игрой уличного скрипача. Помнишь? А Сальери на него за это злился... ну точно, как ты сейчас. Не будь занудой. Поглядим, как простой народ может цыганочку забацать... я, правду сказать, давно уже не видел...

— Так в «Дон Кихоте»...

— Да брось ты! Там характерный танец. Постановка. Какая же это цыганочка...

У толстого Анатолий Сергеича, похоже, было хорошее настроение. Балетмейстер Коля пожал плечами и спорить не стал.

Так начался просмотр.

Махмуд выдавал цыганочку на полную катушку с выходом, с истинно цыганским форсом, даже с хулиганством. Словами этого не передать — надо видеть. Возле сцены уже стояли готовые к репетиции артисты и смотрели, как под собственное «тари-тари-тари-та» выдает залихватскую, никем из них до сих пор в полной красе не виданную, цыганочку тоненький легконогий паренек... по сути, совсем мальчишка...

— Откуда он взялся такой?! — с неподдельным интересом спросил

нынешний основной солист ансамбля. — Молодой ведь совсем! Из Ленинградского хореографического? Нет, там такому не учат, — оценил он неожиданное хулиганское па...

— Да с улицы просто... вот подошел и говорит: мол, давайте я вам цыганочку забацаю... — весело отозвался художественный руководитель, очень довольный интересным представлением, которое он неожиданно устроил для своей труппы.

— Ну а теперь лезгинку давай! — крикнул он Махмуду.

— Пожалуйста...

— Да врёт он всё! Слушайте больше! Какой же это уличный... смотрите, линия какая! А растяжка... десять лет учиться надо, прежде чем так вращаться будешь! — бормотал солист. — Вот не пойму только, откуда он такой взялся? Из нашего, что ли, московского?! Ну, могут у нас, конечно, характерный танец поставить, но чтобы с такими штучками...

— Хватит! Идите сюда, молодой человек! — позвал художественный руководитель. — Как вас звать-величать?

— Махмуд... Алисултанович...

— Ну и чего вы от нас хотите, Махмуд Алисултанович?

— Чтобы взяли в ансамбль...

И так как возникла томительная пауза, добавил упавшим голосом:

— Зарплату можно маленькую... самую маленькую. — Он мог бы, конечно, и совсем без зарплаты, но дома не поймут.

— Хорошо. Берем!

— Что мне нужно теперь делать? — Махмуд не ожидал, что всё вот так просто и быстро...

— Прямо сейчас беги на второй этаж, найди комнату, на которой висит табличка «Отдел кадров», дай им свою трудовую книжку и скажи, что Анатолий Сергеевич велел оформить тебя солистом танца.

— Спасибо... только у меня трудовой книжки нет...

Не хотелось Махмуду говорить о булочной. Еще неизвестно, отдадут ли там трудовую книжку, а то ведь еще и отца вызовут.

— Потеряли? — спросил с подозрением седой красавец.

— Нет... просто у меня еще нет...

Ну как им всё объяснить про школу, про цирк, про отца?

— Это не беда, скажите, чтобы трудовую книжку на вас оформили.

— Молодой человек, — вежливо спросил стоявший рядом с художественным руководителем нынешний главный солист ансамбля, — хотелось бы знать, где вы учились?

И так как Махмуд молчал в растерянности, продолжил:

— Мы тут поспорили, я думаю, что все-таки в Московском хореографическом. Только у нас по-настоящему характерный танец могут поставить... или... неужели просто в художественной самодеятельности? Что-то не верится...

— Я в грозненском Доме культуры уже два месяца занимаюсь, — признался Махмуд с гордостью и, заметив, что солист продолжает смотреть с подозрением, добавил: — В балетном классе у Анны Павловны Тараненко и Марии Стефановны Форманчук.

Это была правда. Две немолодые женщины в то время сделали для Махмуда главное. Они дали ему понять, что танец — великое искусство, что мастерство танцора нужно постоянно совершенствовать. Они научили его работать перед зеркалом на балетном станке, показали главные позиции и приемы. Никто в то время не мог сделать для Махмуда то, что сделали эти добрые и беззаветно любящие свое дело женщины. Недаром благодарность к ним Эсамбаев пронес через всю жизнь.

Они подготовили его к республиканскому конкурсу, после которого появлялась возможность осенью отправиться на учебу в Москву...

Кто же мог знать тогда, что летом 1941 года начнется война?

— И вот цыганочку эту вашу, что... тоже эти женщины поставили?! — продолжал допытываться дотошный солист.

— Нет, конечно, они такому не учат... там только классика! Лезгинку и цыганочку — это я сам... — признался Махмуд. — Лезгинку у нас тут все умеют, а цыганочку мне пацаны из табора показали... Так мне, значит, на второй этаж в отдел кадров? — повернулся он к художественному руководителю.

— Да, и скажите, чтоб быстрее всё оформляли, на днях мы уезжаем на гастроли.

— Ну и чего тайны-то разводить? — ворчал так и не поверивший Махмуду солист. — Скажи честно, где учился. Какой-то Дом культуры! Зачем из себя народного самородка изображать...

*

Вот он и пришел, великий день его жизни! Мечта исполнилась!

Махмуд начал работать в театре и вскоре принес домой первую зарплату. И не маленькую — 300 рублей 40 копеек. В те времена инженер получал примерно столько, а корова стоила 250 рублей.

Отец не поверил. Будучи человеком дотошным, он отправился в театр,

побывал у администратора и в бухгалтерии. Везде с ним разговаривали очень уважительно и подтверждали, что его сын официально зачислен в труппу театра с окладом 300 рублей 40 копеек. Пенсия Алисултана, бывшего красного партизана, была гораздо меньше.

«Ну, ладно, — думал Алисултан. — Деньги — это хорошо. Деньги в доме всегда пригодятся... но судья! Судья — это вам не какой-то плясун, пусть даже и с хорошей зарплатой. Судья — это совесть. Это справедливый и строгий отец народа!»

Однако объяснить свою непримиримую позицию сыну Алисултан не успел. Махмуд уехал с ансамблем на гастроли. Пятигорск, Ессентуки, Тула, Орел, Саратов и снова Кавказ... и каждый день любимая чудесная работа, которой Махмуд наслаждался. К лезгинке и цыганочке прибавились армянский и русский танцы. Махмуд стал полноправным солистом ансамбля...

Тут сказала отцовская закваска — к Махмуду пришла любовь...

О, их было много потом, этих пылких увлечений... но это было самым первым и потому самоотверженным до безумия.

К тому же Махмуд полюбил не одну, а... сразу трех женщин.

Это были две молоденькие сестрички, а также их мама, которой не было и сорока. Девочки уже вполне созрели для замужества, одной было двадцать, другой двадцать пять. Все трое были веселые, крепкие и загорелые, как физкультурницы на парадах, которые показывали в киножурналах перед началом фильма.

То, что самому Махмуду не исполнилось семнадцати, его не очень смущало. Он чувствовал себя вполне самостоятельным мужчиной. Артист как-никак. Солист ансамбля!

Но чтобы жениться и создать настоящую семью, одной зарплаты мало. Нужны большие деньги. Это Махмуд понимал прекрасно. Надо ведь будет квартиру купить или построить дом. Опять же подарки — разные там кольца, бусы, платья, туфли на высоком каблуке, мороженые и пирожные. То есть много нужно денег.

Конечно, зарплата у него хорошая, но ее всю у него забирает отец. Хорошо, что Алисултан едва умеет читать, а считает совсем плохо. Забирал он у Махмуда три большие сторублевки. Двадцать пять рублей и десятку он тоже помнил. Только одну денежку, пять рублей, Махмуду удавалось припрятать. Но что такое пять рублей? Что на них купишь? Так, мелочь какую-нибудь...

Вот если бы найти сразу много денег... Махмуду всегда казалось, что если очень хочется, то все может получиться.

Поэтому теперь Махмуд стал ходить по улицам, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Вдруг обнаружится толстый кошелек... а что, разве так не бывает?! Идешь себе, ни о чем не думаешь. Вдруг раз — вот он, лежит себе...

Так, Махмуд шел из театра домой и вдруг увидел на лавочке одиноко лежащий большой кошелек... очень большой! Целый портфель! Заглянул внутрь... а там пачки денег! Одна к одной!!!

«Миллион!» — понял он.

Даже голова закружилась.

Махмуд постоял какое-то время, прижимая сокровище к груди, потом вздохнул и отнес портфель в милицию.

Отделение было рядом.

В милиции деньги тщательно пересчитали и проверили по ведомости, которая лежала внутри. Все сошлось.

Не миллион. Всего 50 тысяч, хотя тоже немало!

Портфель оставил на лавочке рассеянный бухгалтер, который шел из банка в свое учреждение, чтобы выдать сотрудникам зарплату. По дороге купил свой любимый пломбир. Посидел. Съел мороженое. Поднялся и ушел. Портфель остался на лавочке.

Когда бухгалтер вспомнил и примчался обратно, задыхаясь от смертельного ужаса, портфеля, конечно, уже не было.

Бухгалтер упал на лавочку и зарыдал. Впереди его ждала тюрьма. Лет пять, если не больше. Через некоторое время он решил, что в тюрьму ему нельзя. Правильнее всего будет умереть. Но сначала нужно сходить в милицию и написать заявление... это чтобы на работе знали, что он эти деньги не украл.

В милиции у него попросили паспорт и... вручили портфель (там лежала ведомость на его имя). Хорошенько пожурили. Заставили пересчитать деньги и написать расписку в получении.

Бухгалтер, конечно, сразу передумал умирать и побежал в контору выдавать зарплату, за которой уже выстроилась очередь.

Тогда о Махмуде Эсамбаеве впервые написали в городской газете.

В этой глупой заметке Махмуд, вполне уже самостоятельный артист театра, был почему-то назван пионером-тимуровцем, отличником учебы и замечательным юношей. Махмуд никогда не был пионером, да и не мог им быть, так как был двоечником... ну а замечательным юношей он был всегда — хотя с этим не все, даже самые близкие соглашались.

Соседи не поленились и принесли газету Алисултану.

Старший брат Мума громко, с выражением прочитал заметку и в

заклучение назвал Махмуда круглым дураком. Отец ничего не сказал, только тяжело вздохнул. Одна лишь нана Би-кату, милая замечательная мама, похвалила Махмуда и обняла... но на кухне, где мужчины не могли увидеть...

Деньги деньгами, а любовь продолжала занозой сидеть в сердце Махмуда. Он постоянно вздыхал, краснел и готов был броситься с пастушеским ножом на всякого мужчину, который приближался к его возлюбленным.

Его любимые женщины были так прекрасны, от них приятно пахло цветочным мылом и какими-то сладкими кремами. Махмуд страдал и готов был, как его любимый Михаил Лермонтов, писать стихи.

Он был готов жениться на любой из них и даже на обеих сразу, как настоящий восточный принц, хотя прекрасно понимал, что это невозможно...

Однако все чудные надежды, эту пылкую первую любовь, от которой кружилась голова, сладко замирало сердце и хотелось летать... всё разом, в одно мгновение смыла, смахнула в прошлое война...

*

22 июня утром в Грозном всё остановилось. И люди, и машины, и, кажется, само время. Ждали официального сообщения.

Сообщение последовало. Но выступил с обращением к народу почему-то Молотов, а не Сталин, слов которого все так ждали.

Прежняя жизнь закончилась. А ведь совсем недавно Махмуд прошел отбор на учебу в Москве в Большом театре. К этому конкурсу его замечательно подготовили его первые учителя Анна Павловна и Мария Стефановна. Официальное извещение об этом пришло 10 июня 1941 года.

Как же они все радовались!

Понятно, что никакого Большого театра теперь не будет. Всё рухнуло в один день, в один час...

Через неделю в дом Эсамбаевых пришла похоронка. Погиб брат Мума. Ранней весной его взяли в армию, и он служил где-то на самой границе под Брестом. В четыре утра 22 июня их Мума попал под первые бомбы войны. В неведомом северном городе Череповце у него остались жена и ребенок...

В ансамбле всё как бы притихло и пригнулось. Зрителей на выступления приходило совсем мало, они едва заполняли половину партера. Хлопали тихонько, как бы боясь потревожить большую беду,

неуклонно надвигавшуюся с запада.

Через год, когда враг вплотную приблизился к Кавказу, постоянной жизнью и работой артистов стало участие в концертных бригадах, выезжавших на фронт.

Каждая поездка — это несколько дней в вагонах, на грузовиках по разбитым военным дорогам, нередко на телегах, а то и пешком с чемоданами и узлами, в которых они возили самый минимум сценических костюмов. За одну поездку бригада давала несколько концертов, нередко прерываемых авиационными и артиллерийскими налетами. Наскоро и не очень-то гладко сколоченные сцены не доставляли особых проблем вокалистам и музыкантам, но вот танцорам приходилось трудно... Впрочем, разве это трудно, против того, что приходилось переживать этим людям в шинелях, которые жадно, с неизменной радостью следили за артистами. Этим солдатам приходилось каждый день ходить рядом со смертью...

За первые годы войны Махмуд побывал почти во всех армиях южного направления. В его программе были лезгинка и цыганочка, русский танец «Полянка» и акробатический этюд. Тот старый, еще из цирка — «человек-змея». Кроме того, Махмуд любил пародировать известных артистов. Очень нравились солдатам его добрые и веселые пародии на знаменитых кинозвезд Леонида Утесова и Любовь Орлову. Тут, кстати, Махмуд впервые начал петь на сцене, и у него неплохо получалось. Кроме исключительного хореографического таланта судьба отпустила ему абсолютное чувство ритма и безупречный музыкальный слух, а теперь, когда закончилась юношеская ломка голоса, выяснилось, что щедрая природа одарила Махмуда еще красивым по тембру баритоном. Так что в его пародиях участвовало не только его уникальное тело, способное буквально фотографировать любое подмеченное движение, но и голос, позволявший почти неотличимо подражать не только хрипловатой манере Утесова, но даже высокому звонкому голосу Любови Орловой.

Триста шестьдесят фронтовых концертов — это немало.

Чему он научился за это трудное время? Из того, чем он прославится через несколько лет, почти ничему. Но он стал настоящим профессионалом. Привык работать, делать все, что нужно в любых условиях, даже под обстрелом, и никогда никого не подводить. Это большая и серьезная наука.

Немцы подступали к родной Чечне...

Это случилось, когда Махмуд уже привык к фронтовым выступлениям и даже начал наивно верить в то, что с ним на войне ничего плохого произойти не может. Слышал, конечно, что где-то там, с кем-то... это

понятно, война большая и чего только на ней не случается... но вот чтобы с ним! Нет, в такое Махмуд поверить не мог.

Правда, в тот день предчувствие беды все-таки было...

Потом, в последующей своей жизни, Махмуд будет гораздо внимательнее прислушиваться к этим необъяснимым, темным... не чувствам даже, предчувствиям.

Тревога томила с утра. Странное ощущение — будто делаешь что-то не то, понимаешь, но не можешь ничего изменить. Словно бы кто-то неумолимо ведет тебя не туда, куда нужно, совершенно не туда и ничего нельзя сделать...

Поначалу, однако, в этот день всё шло нормально. Не лучше, не хуже — как обычно. Артисты выступали на передовой. Добирались до места долго и трудно. Приехали в период затишья между боями. Но и тут ничего особенно необычного. Такое бывало, и уже не раз.

Солдат собралось много. Сцена была сооружена саперами на совесть. Как обычно — грубовато, но прочно.

Концерт прошел замечательно. Махмуду пришлось на бис дважды повторять свою лихую цыганочку со всеми ее заходами и выходами и довольно рискованными шуточками (солдаты такое обожали). Несколько раз пришлось повторить пародию на Любовь Орлову — очень уж любили на фронте главную красавицу страны.

Весело было, шумно, все предчувствия и тревоги постепенно забылись, ушли.

Беда пришла позже. Не на передовой, где, казалось бы, сосредоточена главная опасность — враг ведь рядом! Там как раз все было нормально...

Махмуд уже ехал назад в открытом кузове грузовика ЗИС-5. Вся бригада отправилась раньше, а он, как самый молодой, был назначен сопровождающим, со всем багажом группы. Махмуд не возражал. Он чувствовал себя в кузове грузовика совсем неплохо, удобно устроившись между чемоданами на мягких узлах с костюмами и прочим реквизитом.

Вот когда выяснилось, что такое война. Вот когда узнал Махмуд, как внезапно может закончиться жизнь — даже и подумать ни о чем не успеешь. Он ведь правда ничего не увидел, не понял. Уже потом ему рассказали, что машину атаковал немецкий штурмовик, из тех, что отправляются на свободную охоту и летают над нашим тылом, атакуя все, что движется.

Фашист обнаружил их машину, обстрелял из пулеметов и сбросил бомбу. Грузовик скатился под откос, перевернулся, но, к счастью, не загорелся.

Махмуд всего этого не видел и не знал. Он помнил только, что внезапно мир перевернулся и стало темно, будто выключили свет.

Эта была тяжелая контузия. Водитель машины был убит наповал. Сидевший с ним рядом в кабине нынешний руководитель группы, тот самый седой красавец, который вместе с художественным руководителем ансамбля принимал Махмуда на работу, к счастью, уцелел. Это он вытащил юношу из-под горы вывалившихся чемоданов и узлов. Увидел, что он ранен, и перевязал имевшимися в санпакете бинтами.

Помощи пришлось ждать долго. Ничего и никого на дороге не появлялось. Дело в том, что в это время затишье кончилось. По всему фронту развернулись тяжелые бои. Раненых повезли в тыл сразу на многих машинах. Только тогда и удалось доставить в полевой госпиталь Махмуда.

Больше суток не спавший хирург осмотрел раненого и сказал, что ногу придется ампутировать. Хорошо, что рядом с Махмудом оказался руководитель группы, который начал умолять хирурга не делать ампутацию, потому что этот мальчик — артист. И не просто артист, а танцор, и при этом незаурядный.

Если бы сам хирург не вспомнил этого мальчишку (он присутствовал на том концерте и видел, как Махмуд бесподобно отплясывал цыганочку), то ампутация состоялась бы непременно. И про великого танцора Махмуда Эсамбаева никто уже никогда бы не узнал и не услышал...

Несмотря на то что боевая обстановка не позволяла хирургу задуматься хотя бы на минуту — раненые поступали беспрерывно, — он еще раз внимательно осмотрел Махмуда. Ничего хорошего доктор не увидел. То, что повреждена, притом практически безнадежно, крупная мышца ноги, было видно сразу, еще хуже было то, что началось нечто похожее на газовую гангрену, и тут нужно думать не о том, как спасти ногу, а о спасении жизни. Следовательно, должна быть произведена ампутация, причем чем раньше, тем лучше...

В этот момент хирург вспомнил о мази Вишневского. У него еще оставался небольшой запас...

«Ампутация» — первое, что услышал Махмуд, но не придавал этому значение. Ему было так плохо, что он даже не подумал, к кому может относиться это слово. Он потерял много крови, по всей ноге разлилось тяжелое воспаление. Сознание возвращалось ненадолго и спутанно. Ненадолго вынырнув, он снова проваливался в темноту...

За сутки хирург сделал Махмуду несколько сложных, немислимых, по сути, в полевой обстановке операций, пытаясь хоть частично сохранить мышцу ноги. Руководитель группы оставался при раненом, как верная

медсестра, и обеспечил необходимый послеоперационный уход. Чудесная мазь Вишневского помогла избежать гангрены, как помогла она в те годы многим тысячам раненых.

Когда пришло время отправлять Махмуда в тыл (непосредственная угроза жизни миновала), полковой хирург сказал руководителю группы, что нужно молиться, чтобы мальчик выжил, а если выживет, то чтобы научился хотя бы как-то ходить... о танцах даже и мечтать не стоит.

В Грозном Махмуда вынесли из поезда на носилках. С этого времени он уже все ясно помнил и понимал.

Он понимал, что выжил и остальное будет зависеть от него. Он должен вернуться к танцам, иначе жизнь просто не имеет для него смысла.

Тут ему опять повезло — в какой уже раз за эти страшные дни.

Когда его привели домой, там гостила его бабушка, о которой он много знал, но до сих пор не видел, так как она жила в труднодоступном горном ауле. Там, у себя в горах, бабушка считалась великой травницей и еще, как говорили в народе, знахаркой.

Инвалид в двадцать лет. Таких тогда было много.

Отец молчал и хмурился. Вот ведь, как в сказке — было у отца три сына, остался один... да и тот, если даже выживет, станет калекой.

Нана Бикату целовала своего бедного мальчика и плакала.

Бабушка-знахарка бормотала заклинания и занималась своим таинственным знахарским ремеслом. В отвратительную серую плесень она, приговаривая заговорные слова, добавляла отвары горных трав, цветов, корней, грибов и этим ужасно пахнущим зельем мазала незаживающую рану.

Чего тут больше — тайного ведовства или древнего знания, — кто скажет, да и какое это имеет значение? Но через месяц раны стали заживать. Через два месяца Махмуд впервые попробовал пройти по комнате на костылях. Еще через месяц — начал делать зарядку и помаленьку растягивать мышцы поврежденной ноги. Зарядку он делал, плача навзрыд, сначала от бессилия, потом от боли, по три-четыре часа ежедневно...

Что тут еще можно сказать? Махмуд одолел беду и спас свою ногу.

Спасибо руководителю группы, не бросившего его в беде.

Спасибо неведомому армейскому хирургу.

Спасибо родной бабушке-знахарке.

Способность танцевать вернулась к Махмуду — а это значит, к нему вернулась и жизнь!

Директор Пятигорского театра музыкальной комедии С. Г. Ходос, помнивший Махмуда по выступлениям во фронтовых бригадах, предложил ему работать в труппе театра премьером.

Премьер — это звучит гордо! Махмуд был счастлив.

Однако первое выступление было для него едва ли не провальным. Ему тогда пришлось танцевать салонный танец с дамой — солисткой театра Зоей Зориной. На репетицию у них не было и двух дней, к тому же танцевать пришлось во фраке. Махмуд никак не мог понять, зачем нужен этот странный костюм с двумя смешными висячими хвостиками и едва прикрытым животом. Опять же непривычный жесткий стоячий воротник... Махмуд чувствовал себя стрекозой, наколотой на булавку. Несколько бесконечных минут продолжался этот танец, и когда он закончился, аплодисментов, к которым Махмуд уже начал привыкать, не последовало.

Когда в гримуборную, где спрятался едва не плачущий премьер, зашел директор театра Ходос, Махмуд не сомневался, что это его последние минуты в театре.

Однако директор только похлопал его по плечу:

— Не расстраивайся, это просто не твой танец.

Следующий выход Махмуда был в оперетте «Роз-Мари», где балетмейстер Макс Миксер поставил ему стремительный и яркий «Танец черного с белым», и тут зрители так долго и упорно аплодировали, что, нарушая ход спектакля, танец пришлось повторить дважды.

Махмуд успокоился. Теперь он и сам почувствовал себя премьером.

Дальше в репертуаре, как будто специально для Махмуда, шли оперетты с цыганскими, венгерскими, итальянскими танцами. Тут уж у Махмуда было немного соперников. Впрочем, и все другие, в том числе салонные танцы, он вскоре тоже освоил весьма прилично.

Вспоминает Генрих Боровик, известный журналист, писатель и драматург:

«Это мои мальчишеские впечатления. Немцы пришли на Северный Кавказ осенью 1942 года, и мы с театром отправились в эвакуацию. Вернулись весной 1943-го. Это значит, что познакомились мы с Махмудом в 1943 году. Депортация чеченцев была в 1944-м. Ну вот, год всего и длилась наша юношеская дружба, которую мы потом поддерживали долгие годы.

Так как мои родители большую часть жизни проводили в театре, то и я

приходил туда сразу после школы и уходил только поздно-поздно вечером вместе с ними. Из множества людей в театре меня сразу заинтересовали два человека, скорее всего, потому, что были ближе по возрасту. Два молодых, очень молодых, человека, которые поражали необычайным, нечеловеческим каким-то талантом. Это были Махмуд Эсамбаев и Миша Водяной. Если попробовать объяснить, что отличало этих двоих и так привлекало меня, то придется выражаться довольно туманно — это был какой-то согревающий свет добра, обаяния и удивительной искренности. Можно подумать, что я сейчас это свое мальчишеское впечатление идеализирую. Ничего подобного. Вот стоит мне представить молодого Махмуда, и знакомое чувство тепла и радости охватывает меня.

В 1943 году летом мне было тринадцать лет, я закончил шестой класс и перешел в седьмой. Надо сказать, что до встречи с этими двумя у меня ни к кому из своих сверстников такого чувства не возникало. Я был необычайно рад, когда понял, что они относятся ко мне, малолетке по сравнению с ними (обоим тогда было за двадцать), совершенно как к равному. Так же тепло, искренне, как друг к другу.

Миша Водяной был уже артистом театра, хотя пока даже не на вторых, а на третьих ролях. «Кушать подано» и тому подобное. Однако он был уже настоящий артист, и ясно чувствовалось, что впереди у него большое театральное будущее.

Махмуд был солистом, хотя как о солисте о нем никто не думал, да он и сам, похоже, к этому серьезно не относился. Но все равно он выделялся. Это и я прекрасно видел и понимал. Было ясно, что для него в танцах просто нет трудностей. Он мог блестяще танцевать все что угодно, от бальных танцев до цыганских, венгерских плясок и всех прочих, какие только встречались в различных спектаклях. Причем было видно, что он делает это не заученно, не автоматически, как опытные и уважаемые профессионалы. Каждый его танец был словно только что им изобретен.

Для него парой пустяков было показать какие-то заграничные модные танцы. Американских фильмов тогда показывали не так уж много, но стоило только какому-нибудь пройти у нас в городе, как Махмуд на другой день потрясающе показывал танцы, которые там подсмотрел и которые исполнялись под американский джаз. Он всё это не просто схватывал, ну, как бы бездушно, фотографически — нет, это шло у него изнутри. Было видно, как он красоту танца чувствует, любит и как всё это ему дорого.

Вот так они играли, выходили на сцену, Миша талантливо говорил: «Кушать подано» или «Господа, вас просят пройти в соседний зал», а Махмуд выходил с цыганским танцем, и для меня было огромным

удовольствием стоять за кулисами рядом с ними, видеть, как они волновались, репетировали, как серьезно готовились и спрашивали меня, как самого первого зрителя, получается или нет. Я видел, что они увлечены, захвачены этой своей работой, и за это еще больше любил и уважал моих талантливых друзей.

Театр в полном значении был нашим миром. Махмуд и Миша там жили как полноценные артисты. Но и я был вовсе не посторонним, учитывая то, что отец мой был главным дирижером театра, а мама, Мария Васильевна Матвеева, — примадонной. Она была каскадной актрисой, очень популярной и любимой... Они оба были влюблены в оперетту и стали одними из основателей театра музыкальной комедии в Пятигорске. Театр этот был создан в 1939 году как театр курортный. Он обслуживал, кроме самого Пятигорска, еще и Кисловодск, Железноводск, Ессентуки. Только начав работать, он превратился во фронтовой и всю войну отправлял бригады артистов на передовую. Недавно театр отметил семидесятилетие. Первым директором там был замечательный человек — Зиновий Ефимович Зиновьев. Были и другие популярные артисты. Очень хорошие! Трудно даже назвать всех, а какие артисты приезжали в Пятигорский театр на гастроли! Тут выступал с концертами сам Вертинский, бывали Леонид Утесов и Аркадий Райкин и многие другие популярные артисты — первокласснейшие мастера!

Я очень благодарен Пятигорску за мою замечательно интересную молодость и за то, что совершенно неожиданно стал почетным гражданином родного города. Не может быть большей награды...

Прошу прощения за то, что несколько отвлекся от темы, но ведь это всё окружало меня — чудесный южный город, любимый театр, с которым связано столько хорошего, и мои первые настоящие друзья — Миша Водяной и Махмуд Эсамбаев — всё стало частью моей жизни.

Почему мы так быстро сошлись? Скорее всего, потому, что мама моя обратила на этих двоих особенное внимание, стала их поддерживать и опекать. Она была очень чутка к молодым талантам. Прекрасно знала, как трудно приходится им на первых порах. Сама она была совершенно лишена каких-либо признаков высокомерия, присущего театральным примадоннам. Неудивительно, что молодые артисты, актрисы, танцовщицы и балерины тянулись к ней. Трудно даже передать, как важны были для них ее очень профессиональные и в то же время доброжелательные отзывы. Она вообще была простым человеком, очень общительным и душевным.

Хорошо помню, как буквально светящийся от счастья Махмуд, отведя меня в сторонку, сказал шепотом: «Знаешь, что твоя мама мне сегодня

сказала?! Она сказала — Махмудик, ты будешь великим танцором!»

Он был счастлив буквально до головокружения.

Это был 1943 год. Махмуд совсем недавно появился у нас в театре, но исключительно быстро прогрессировал. Он уже какие-то немыслимые пируэты крутил. Это просто удивительно, но в таком тяжелом и трудоемком деле, как искусство танца, для него не существовало никаких проблем.

Никто не знал, учился ли он в какой-то балетной школе или нигде не учился. У меня, по крайней мере, было ощущение, что он таким вот и родился.

При этом он был редкостный умница и, несмотря на молодость, исключительно тонкий и деликатный человек. Чтобы кого-нибудь обидеть... не говорю о взрослых, к которым он относился с огромным уважением, он ведь даже и со мной, мальчишкой, — это же такая большая разница, пять-шесть лет в молодости, кажется, целая пропасть. Но и меня Махмуд ни разу не обидел и даже ничего отдаленно похожего на отношение старшего к младшему не допускал. Кстати, с ним было очень интересно разговаривать, так как он знал много интересного и не только знал, но и умел захватывающе рассказывать. Думаю, что и тут сказывалась его необыкновенная всеобъемлющая артистичность.

Всё у нас было на равных. Причем он совершенно не стеснялся того, что я разбираюсь в чем-то лучше, чем он, а я был отличником, многим интересовался и действительно знал много такого, что Махмуду было неизвестно. Он этого совершенно не стеснялся, просил рассказывать и если не понимал, просил объяснять. Махмуд никогда не упускал возможности чему-то научиться...

Война приближалась к концу. Махмуд к тому времени начал чудесно расцветать. У него открылись не только поразительные способности танцора, но и замечательного драматического актера. Такое сочетание встречается очень редко, только у самых больших мастеров.

Очень жалею, что в то время спектакли нашего театра не снимались на кинолентку и уже никто не сможет увидеть, каким замечательным артистом оперетты был в свое время Махмуд Эсамбаев. В какой-то мере это можно представить сейчас, если посмотреть фильм «Маленький Мук», вышедший в начале восьмидесятых годов. Теперь это нетрудно осуществить при помощи всемогущего Интернета.

В этой чудесной киносказке Махмуд играет роль злого и жадного казначея. И даже по этой небольшой роли можно понять, каким веселым, остроумным и ярким он был актером даже в тех ролях, где ему не нужно

было танцевать. Но я опять забегаю вперед...

Насколько я помню, в театре никто никогда не интересовался национальностью Махмуда. Пятигорск был городом многонациональным...

И вот в 1944 году по Кавказу прокатилась волна выселений. Исчезли целые народы: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы. Об этом рассказывали шепотом, в газетах и по радио ничего не сообщалось.

Только тогда мы с Мишей Водяным узнали, что Махмуд — чеченец.

Мы боялись за него. Очень не хотелось, чтобы его куда-то выселили, увезли. Не знаю точно, но мне помнится, что руководители театра специально ходили к городским властям и просили не трогать Махмуда. Тогда он уже получил большую известность и пользовался симпатией всего театра и многих тысяч зрителей. Может быть, именно поэтому его не коснулась первая волна депортаций, которая прошла в феврале 1944 года.

Но с этого времени Махмуд стал другим человеком. Его чудесный искренний смех оборвался, и он больше не был таким веселым и беззаботным, как раньше. Глаза его становились всё печальнее. Мы, как могли, старались отвлечь его от тяжелых мыслей, пытались убедить, что война скоро кончится, его родные вернутся, жизнь наладится...

Не наладилось, не обошлось.

Летом 1945 года театр наш отправился на гастроли в Грозный.

В составе труппы Махмуда уже не было. Он исчез еще в Пятигорске. Кто-то говорил, что его увели под стражей, кто-то рассказывал, что он сам уехал в Среднюю Азию, искать родных...

Сейчас я знаю, что в эту ссылку в Казахстан Махмуд отправился сам, по собственному желанию. Он считал, что должен разделить судьбу своей семьи и своего народа...

Чуть позже мы расстались и с Мишей Водяным. Его в 1945 году позвали в город Львов, где тогда создавался театр оперетты. Он ведь к нам приехал из Ташкента, где учился и потом всю жизнь дружил с известным фельетонистом Ильей Шатуновским, работавшим в «Комсомолке». Потом Миша переехал в Одессу и до конца дней работал в театре, который сейчас носит его имя...

Отъезд Миши из Пятигорска происходил в тайне, потому что из театра его никто бы не отпустил, мужчины были буквально наперечет. Я, в большом секрете от всех, провожал его на вокзале, и мы прощались у вагона. Очень всё это было грустно. Я даже не подозревал, что будет завтра.

Завтра меня вызвали в дирекцию и сказали: «Вот твой друг, Миша Водяной, сбежал куда-то, так что давай теперь выручай, выходи сам на

«Кушать подано», а то мужчин у нас совсем нет».

Надели на меня смокинг, лакированные туфли... вот с этим была проблема, лакированных туфель не хватало, так что дядя Вася-электрик, когда выходил в массовке, надевал новые галоши. Издалека отличить невозможно, они ведь тоже блестят. Мне туфли нашлись. Всё же роли у меня были со словами. В «Сильве» например, в первом акте, когда она выходит замуж за Эдвина, я, исполняя роль священника, нараспев зачитывал брачный документ: «...Обязуюсь княжеским словом на-а-а-шим, девицу Сильву Вареску взять в жены, обязуюсь также договор сей скрепить, как надо, бра-а-ком по зако-о-ну...»

В это время Фери трагически восклицал: «Это невозмо-о-о-жно!»

Простак вылезал с дурацким утешением: «Скушайте конфетку».

И слышал в ответ: «Убирайтесь к черту!»

Десять секунд на сцене, но ведь это почти роль. И к тому же я отрабатывал за своего друга. Конечно, безумно волновался, и как жаль, что тогда рядом уже не было Махмуда, который умел поддержать и успокоить. Он тогда был уже где-то в Средней Азии, искал своих родных. Как я теперь знаю, это были самые суровые и опасные годы в его жизни...

Потом, спустя несколько лет, мы встретились с ним уже в Москве, это было уже после смерти Сталина. Он танцевал в каком-то театре, и всё у него было нормально...

В первую же встречу он не стал рассказывать о своих заключениях в ссылке, а радостно вспомнил: «Помнишь, Генрих, что говорила Мария Васильевна, твоя замечательная мама — она ведь прямо так и сказала — Махмудик, ты будешь большим танцором! И вот получилось!» — при этом он делал руками такой удивленный и радостный балетный жест.

Как было приятно это слышать!

Махмуд был замечательным другом. Нельзя сказать, что, живя в Москве, мы с ним часто встречались. У нас обоих тогда было много работы. Он готовил свою знаменитую сольную программу и к тому же постоянно гастролировал. Я тоже не вылезал из командировок. Но если нам удавалось встретиться, мы замечательно проводили время вдвоем...

У него тогда была замечательная семья. Чудная жена Нина Аркадьевна и умница дочка — Стелла. Она пошла по отцовскому пути и связала свою жизнь с балетом. Сначала танцевала, потом стала преподавателем и искусствоведом. Мы приходили к ним, они приходили к нам.

Махмуд был, конечно, суперталантливым танцором. И даже если бы он выбрал путь классического балета, он и там стал бы единственным и неповторимым. Но он выбрал эстраду. Он создал неповторимый венок

народных танцев, танцев народов всего мира, стал единственным и уникальным явлением в мире балета, которое по значению можно сравнить только с таким же единственным и великим ансамблем Игоря Моисеева.

Я иногда просматриваю свои фотографии и вижу — вот Махмуд в каком-то белом фраке и белом цилиндре, тут в удивительном костюме из шкур леопардов, а тут он — индийский бог Шива... Махмуд бесконечно разнообразен и неповторим, как сам наш разноязыкий, многоцветный, неповторимый мир танца...

В сентябре 1999 года в Пятигорске отмечали 60-летие со дня основания театра музыкальной комедии. На здании театра тогда установили мемориальную доску, на которой были выгравированы фамилии основателей театра и наиболее известных артистов, работавших здесь. Есть на этой доске фамилии моих родителей. Ну, и, конечно, фамилия Махмуда Эсамбаева.

Махмуд очень хотел приехать в Пятигорск. Но не смог, он был тогда уже серьезно болен. Я пришел к нему домой и записал на видеопленку его приветствие. Таким образом, слова Махмуда прозвучали на празднике театра, в котором началась его блистательная артистическая карьера.

В том же 1999 году, еще сын Артем был жив, мне исполнилось 70 лет.

Понятно, что одним из самых дорогих гостей на моем юбилее должен был стать Махмуд, но... он лежал в больнице, причем врачи объяснили, что положение его тяжелое, какие уж там юбилеи...

И вот, представьте себе, Махмуд приехал!

Я спросил его — как же он сумел вырваться? И он ответил, что сказал врачам, что даже если ему суждено умереть завтра, сегодня всё равно должен прийти на юбилей своего старого друга.

Он сидел среди гостей, рядом с Сергеем Владимировичем Михалковым, в своей известной всему миру папаше, улыбался и казался таким же юным, каким я помнил его по нашим пятигорским временам. Махмуд пробыл с нами весь вечер, был весел, сказал, как всегда, замечательную речь.

Он был не только великим артистом, он всегда был настоящим другом. Это был человек, окончивший всего шесть классов средней школы, но обладавший при этом высшим душевным образованием.

Таким и остался до конца своих дней.

Это самородок. Бог создал его таким.

Как говорят в сказочной Индии, танцы которой он так блистательно исполнял, — карма этого человека такова, что он обязательно должен вернуться в наш мир в обновленном и еще более высоком призвании.

Я счастлив, что на моем жизненном пути не просто встретился, а навсегда поселился несравненный художник, Мастер во всем высоком понимании этого слова.

Я благодарю судьбу за то, что у меня была эта встреча.

Ведь вся наша жизнь — это встречи. Первая — с родителями, другие с людьми, которые дарят нам свою самобытность. Но самые дорогие, самые ценные встречи — это Встречи с Друзьями.

И если в жизни случится хотя бы несколько таких встреч — то можно считать, что тебе необыкновенно повезло».

Глава пятая

ПОЛУСТАНОК МЕРКЕ

С февраля 1944 года по Пятигорску ходили слухи, что по всему Кавказу собирают в большие партии и куда-то отправляют чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев, представителей других народов Кавказа, которых Сталин обвинил в сотрудничестве с гитлеровцами. Оправдываться, доказать свою невиновность никому не позволяли. Чекисты рыскали повсюду. Хватали людей на улицах, в домах, устраивали облавы на тех, кто пытался укрыться в горах и лесах. Тех, кто оказывал сопротивление, убивали...

Об этом всегда мало писали. А ведь это величайшее преступление сталинского режима — депортация с родной земли целых народов. Даже после того, как культ Сталина был развенчан «дорогим Никитой Сергеевичем», об этом по-прежнему ничего не позволялось говорить. Только сорок лет спустя открыли шлюзы молчания, и хлынула из них на страницы книг и газет лавина народного горя, физических и душевных мук людей, не понимающих — за что?!

О том периоде жизни Махмуда в его официальных биографиях коротко и невнятно сообщалось, что он «волею судьбы» оказался в Киргизии. Что пришел как-то в театр оперы и балета и сказал: «Здравствуйте, я Махмуд Эсамбаев, нельзя ли у вас поработать?» Его приняли, и он со временем стал известным танцовщиком.

Об этом хоть что-то известно. Но мы почти ничего не знаем о том, как он метался по бескрайним киргизским и казахским степям в поисках своих родных и близких, как сам много раз мог стать заключенным и навсегда проститься со своим великим будущим — какие могут быть танцы в лагерях? Он вполне мог сгинуть здесь, в бескрайнем «Архипелаге ГУЛАГ», как сгинули очень многие таланты всех народов, населявших СССР. Но и тут ему, можно сказать, повезло.

Махмуд не любил говорить об этом времени. Он ведь тоже поначалу верил, что великий и мудрый Сталин просто не знает об этих выселениях. И даже когда правда (хоть и не вся, конечно) прозвучала с трибуны партийного съезда, и тогда многие этому не верили. Махмуд страдал больше других. Ведь ему, в отличие от его народа, советская власть дала много не только плохого, но и хорошего.

Не меньшее страдание пришлось пережить Махмуду и в самом конце

жизни. Он тяжело переживал крушение страны, распад Советского Союза.

— Убили дружбу народов, — говорил он. — Жадные до власти политики кромсали по живому. Наспех слепили СНГ, и где это объединение независимых государств? Где содружество? Ну ладно прибалты — эти всегда в сторону смотрели, их корни в Европе. Но остальные? Кому мешал Союз? Мудрый Назарбаев и мой друг, замечательный поэт Олжас Сулейменов, предлагали создать Евразийский союз с конфедеративным устройством. Почему их никто не послушал? Собрались в Беловежской Пуще три жадных до власти мужика, выпили для храбрости и разодрали живую страну на кровоточащие куски... А что потом? Нескончаемая смута. Стрельба из танков по парламенту. Вот оно какое получилось похмелье...

Только под конец жизни стала известна Махмуду страшная история про чеченское село Хайбах, где в феврале 1944 года руководитель операции по выселению полковник Михаил Гвишиани загнал в старую конюшню всех жителей, которых сумел застать на месте — более семисот человек стариков, женщин и малых детей. И сжег всех, как это делали фашисты. За что потом лично Лаврентием Берия был награжден орденом.

Позволю привести несколько строк из того, что известно мне лично. Полковника Гвишиани Хрущев собирался расстрелять, как это было сделано с Берией. Палача спасло то, что его старший сын, Джермен, женился на дочери премьера Косыгина Людмиле. Пришлось Косыгину спасти родственника от расстрела. Гвишиани дорабатывал простым экономистом в Доме правительства в Тбилиси. До конца своих дней этот изверг оглядывался по сторонам, опасаясь за свою поганую жизнь. Но душегубу повезло — он умер своей смертью...

Родителей Махмуда забрали в самом начале, 23 февраля. Не помешало и то, что отцу было 97 лет и что старший его сын погиб, защищая границу СССР. Забрали и сестру Махмуда Паду со всей ее семьей.

Тихонько, на ушко, Махмуду посоветовали потерять паспорт. Театральное начальство имело связи и могло помочь восстановить документ, обозначив там другую национальность. Театральное начальство было готово на всё, чтобы увести от преследования своего основного балетного солиста.

Махмуд отказался. Тогда директор театра С. Г. Ходос вызвал его в свой кабинет.

— Не знаю, как сложится дальше твоя судьба, — сказал он Махмуду. — Но ведь и там, в Казахстане, куда отправляют чеченцев, есть театры большие и маленькие, музыкальные и драматические, и ты везде сможешь работать. Вот я написал для тебя рекомендательное письмо. Если

окажешься в большом городе, можешь смело идти с этим письмом к директору любого театра. Наш коллектив и меня они наверняка знают и возьмут тебя на работу.

Махмуд поблагодарил директора, спрятал письмо и ушел. Сейчас ни будущая, ни настоящая работа его не волновали. Он думал о том, как найти своих высланных за тридевять земель родных...

В этот же день он прямо на улице подошел к милиционеру и сказал: «Вот мой паспорт. Я чеченец. Заберите меня. Я хочу быть там, где находятся все мои родные».

Милиционер только головой покачал... и отвел Махмуда в участок. Там уже собралось множество чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев. Настроение было подавленное. Все ждали высылки и совершенно не были к ней готовы. Почти ни у кого не имелось теплых вещей и продуктов. К собранным на участке людям никто не приходил. Все понимали, что если какие-то отчаянные родственники придут с передачей или письмом, то сами тотчас окажутся в камере. Ну а к Махмуду и вообще никто не мог прийти. В театре его потеряли, а родные — родных у него не осталось, все были отправлены куда-то в бескрайние степи Казахстана...

Спустя несколько дней арестантов загнали в товарные (телячьи) вагоны, где до этого возили скот, и под охраной автоматчиков отправили в дальний неведомый путь.

Это была дорога в ад...

Переживший эти события Хажбикар Боков вспоминает: «Заклятый враг вайнахского народа генерал Ермолов писал: «С чеченцами, народом сильным, живущим в состоянии совершенного равенства, не признающим никаких между собой властей, а потому и зависимости, употребляю единственное средство — терпение».

По сей день большим почитанием у вайнахов пользуется волк. Он — символ свободы, непокорности, смелости. И в самом деле, он не поддается дрессировке, подобно львам, тиграм и даже слонам, которых человек приучает выполнять команды и ходить на задних лапах. Человека смелого, отважного, стойкого у нас отождествляют с волком.

Сталин слова «терпение», понятного даже царскому генералу Ермолову, не знал и знать не хотел, а чеченцев ненавидел с юности. Их отвага и гордость, их любовь к родной земле ничего не значили для него. Чеченцы для него всегда были волками, исправить которых может только смерть.

С начала 1944 года на восток, в Сибирь и Казахстан, нескончаемым потоком потянулись поезда, заполненные гражданским населением. На

станциях из вагонов, находящихся впереди состава, выскакивали автоматчики и открывали тяжелые двери теплушек, в которых толпились старики, женщины, дети. Они отрешенно смотрели на незнакомую заснеженную землю. Поодаль от состава собирались местные жители и рассматривали неведомых пассажиров, едущих под охраной. Жители спрашивали друг друга: «Кто они, эти люди? Какие совершили преступления? Неужели и правда изменили Родине? Но как могли это сделать дети, женщины и седобородые старцы?» Ответа не было. Его не знали ни люди с автоматами, ни те, кто находился в вагонах под охраной...

Около миллиона человек, проживающих на Северном Кавказе, было отправлено в восточные районы страны. Все они официально именовались «спецпереселенцами», но ехали, как арестанты, в товарняках с наглухо закрытыми дверями и под строгой охраной. Так началось их хождение по мукам.

Нынче большинство чеченцев и ингушей, как и других бывших переселенцев, родилось и выросло на древней земле своих предков. Для них тот трагический отрезок в жизни отцов и дедов, матерей, старших братьев и сестер как бы за пределами памяти. О нем молчат ученые, мало и скупно пишут в учебниках. Долгие годы все делали вид, что мрачного периода депортации будто и не существовало, но он и поныне несмываемым пятном лежит на памяти народов. И люди хотят знать правду о прошлом.

Возьмем текст одного из законов, принятых в те годы Верховным Советом РСФСР. Его содержание вызывает сложное чувство. В документе говорится: «Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, многие... по наущению немецких агентов вступили в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также, по указке немцев, создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причем основная масса населения не оказывала противодействия этим предателям Родины».

Как видим, закон составлен жестко. И даже теперь, спустя более полувека, он воспринимается неоднозначно. Некоторые могут сказать даже: ну что ж, зло наказано. Но, простите, какое зло, да было ли оно? Давайте попробуем разобраться.

Во-первых, не соответствует действительности утверждение, что «многие вступили в добровольческие отряды». Никаких «добровольческих отрядов», помогавших фашистам и состоящих из «многих» чеченцев,

ингушей, балкарцев, в реальности не было. Тем более что Чечено-Ингушетия оккупировалась врагом лишь частично. Существовали отдельные группы, объединявшие тех, кого советская власть так или иначе обидела, обездолила. Однако подобные обобщения о целых народах на основании отдельных случаев делать нельзя.

И последнее, самое тяжелое обвинение, что «основная масса населения не оказывала противодействия этим предателям Родины». Но ведь эта основная масса, которая подверглась ссылке, состояла из стариков, женщин и детей. Мужчины были на фронте. Они честно бились с врагом. Тысячи из них награждены орденами и медалями, несколько человек удостоены высшей правительственной награды — им присвоено звание Героя Советского Союза.

В бою вражеская пуля не спрашивала национальности бойца. Сражаясь за правое дело, за свободу и счастье всех советских людей, гибли и русский, и татарин, и ингуш, и чеченец, и еврей — солдаты, офицеры всех национальностей. В памяти народной навечно запечатлены герои, павшие в боях и живущие рядом с нами. Они не знали страха и самоотверженно сражались с фашистами, не щадя своей крови и самой жизни. Имена сотен и тысяч чеченских, ингушских, балкарских, карачаевских, калмыцких воинов, а также воинов других национальностей, погибших на войне, незабвенны.

Оставшиеся в живых возвращались домой, к семьям. По официальным данным, за первые месяцы после окончания войны только в Казахстан к своим сосланным туда семьям прибыло свыше 16 тысяч демобилизованных солдат и офицеров, освобождавших Родину и Европу от фашистского рабства. Их, представителей репрессированных народов, также отправляли в ссылку. Они долгие месяцы искали своих родных и близких, угнанных в бескрайние и безлюдные просторы степей.

История не знает таких примеров, когда целые народы лишались бы своей родной земли, на которой жили веками, и подвергались ссылке. Замечу, что совершалось всё это не только с ведома Сталина, но и под его личным оперативным контролем. Депортацией чеченцев и ингушей руководил сам Берия. Находясь в Грозном, он систематически информировал о ходе операции «отца народов».

Вот несколько красноречивых деталей этой бесчеловечной акции, возведенной в ранг закона. Решение о выселении народов было принято, когда советские войска подходили уже к государственной границе СССР, а Кавказские горы давно были очищены от фашистов и бандитов. Какую же опасность и для кого представляли маленькие народы, сыны и дочери

которых не жалели ни сил, ни самой жизни для победы над врагом? Не может не смутить и дата принятия самого закона — 25 июля 1946 года. То есть спустя два с половиной года после непосредственного выселения народов с родной земли и свыше года после окончания Великой Отечественной войны.

Для чего нужно замалчивать имена подлинных героев? Почему звезда Героя Советского Союза, заслуженная в 1944 году, вручена ингушу Мураду Оздоеву лишь через пятьдесят два года? Почему замалчивался факт, что чеченец Мовлади Висаитов, один из самых первых героев-красноармейцев, встретившихся на Эльбе с американскими войсками, участниками «второго фронта» против фашистской Германии, был награжден высшим американским орденом Легиона чести? И почему его звезда Героя Советского Союза пришла к нему лишь через полвека, когда его уже не было в живых?

Но это еще не всё. В 1948 году была введена уголовная ответственность за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы СССР в период Великой Отечественной войны. И если во время самого переселения не были определены сроки высылки, то теперь указывалось, что переселение чеченцев, ингушей и других народов проведено навечно без права возврата. Если же кто-то попытается самовольно переменить место обязательного поселения, то есть переехать в соседнее село или район, то «преступник» Особым совещанием при МВД СССР мог быть приговорен к 20 годам лагерей. Пятилетнее лишение свободы грозило тем, кто оказывался виновным в укрывательстве покинувшего свое место переселенца. Вот так со временем ужесточался режим содержания «спецпереселенцев». В общении с ними больше не употреблялось слово «товарищ», а только «гражданин» или «спецпереселенец».

Теперь всё это воспринимается как страница какого-то жуткого фантастического романа. У нынешних людей может даже возникнуть чувство настороженности, не сгущаются ли тут краски? Нет, не сгущаются, ибо всё это я испытал на себе.

Порой кажется, нет таких красок, которыми можно было бы нарисовать тогдашнюю тяжелую жизнь. Сталинский режим и бериевская служба безопасности проявляли поразительную изобретательность в выборе иезуитских средств для воздействия на психику и волю заброшенных на чужбину людей. Всё, кажется, делалось для того, чтобы вытравить из нашего сознания всё человеческое. Например, дороги между поселками, районами и областями всегда были перекрыты постами

внутренних войск. Они останавливали весь транспорт и пешеходов и задавали один и тот же вопрос: «Есть здесь чужие?» «Чужими» были мы. Кроме того, каждый из нас, «спецпереселенцев», регулярно должен был являться в комендатуру и подтверждать тем самым, что он никуда не сбежал. Противиться никто не мог, ибо это расценивалось как противодействие закону и влекло самые суровые последствия. Даже за письма, с которыми доведенные до отчаяния люди обращались к Сталину с жалобами на невыносимые условия жизни, их авторов подвергали репрессиям. Вспоминать об этом тяжело, а видеть и переживать было просто невыносимо.

Да, вайнахи пережили и это, но только ценой гибели третьей части своего народа... И всё это вместе со своим народом пережил и великий Махмуд, который, будучи еще совсем юным, в составе фронтовой концертной бригады объездил всю передовую и чуть не лишился жизни».

Махмуд едва нашел силы, чтобы выбраться из вагона на конечной станции. Более страшной поездки в его жизни не было. Неудивительно, что из обросших инеем загаженных вагонов вынесли и положили на снег больше десятка тел стариков и детей, которым не довелось доехать живыми до конечного пункта. Это был Казахстан, станция Макинка (позже райцентр Макинск).

Всех выживших загнали в грузовики и развезли по колхозам.

К счастью, везде есть добрые люди. Изможденного и почти ничего уже не понимавшего Махмуда приютила семья украинцев, а вернее сказать, продавщица сельмага Ольга, которую поразили юная красота и слабость Махмуда. Она буквально на руках принесла его домой. «Витя, — сказала она брату, — раздень-ка хлопца, я сейчас согрею воды, его нужно помыть».

Ольга принесла воды, согрела ее в печи. Махмуд, всё еще пребывавший в шоковом забытьи, почти не сознавал, что с ним происходит. Он мылся впервые за пятнадцать дней. Постепенно горячая вода привела его в чувство, и он стал что-то понимать. По крайней мере смог ответить, что его зовут Махмуд и что он приехал с Кавказа, из города Грозного.

Кроме доброй дивчины Ольги и ее брата Виктора, в доме жил их отец, который поначалу отнесся к Махмуду с большим подозрением. Однако главным кормильцем в семье была Ольга и она всё решала. Так Махмуда спасли. Ольга и Виктор не только отмыли, отогрели, накормили кавказского спецпереселенца, но уже на следующее утро оформили подсобным рабочим в магазин (помогли Ольгины связи — в ее магазин ходило все местное начальство). Тут, в подсобке, можно было если не заработать, то хотя бы подкормиться, да и власти уже не так придирались к

спецпереселенцу, который оформлен на работу.

За пару месяцев Махмуд пришел в себя, научился двигать ящики и приобрел репутацию «своего парня». Даже сильно выпивающий Ольгин папаша примирился с новым квартирантом, хотя каким-то шестым родительским чувством знал, что напрасно его командирша-дочка надеется прибрать гарного хлопца к рукам.

После того как Махмуд пришел в себя и почувствовал силу, он явился в колхозный Дом культуры. Там он обнаружил заведующего клубом дядю Васю Фомина, который давненько уже скучал без дела, и попросил его сыграть цыганочку. Дядя Вася без долгих уговоров вынул инструмент из чехла и растянул меха. Баянист он был профессиональный. Тут Махмуд показал изумленному заведующему сельской культурой, что он умеет делать на сцене.

Через месяц Махмуд стал кумиром деревенской молодежи. Его приглашали на дни рождения, на редкие пока (мало вернулось с войны мужчин, а мальчишки еще не подросли) свадьбы, да и на все другие праздники, которые советская власть разрешала праздновать.

В конце концов, голова (председатель) колхоза — толстый и веселый хохол, сильно похожий на запорожца Тараса Бульбу, — решил, что такого красавца-плясуна следует показать всему остальному миру. В душе голова был большим поклонником искусства и меценатом. Под личную ответственность он взял Махмуда с собой в Караганду (напомним, что самому спецпереселенцу без специального разрешения никуда выехать было невозможно).

В Караганде они зашли в музыкальный театр, где Махмуд показал рекомендательное письмо директора Пятигорского театра музыкальной комедии С. Г. Ходоса. Письмо, как и ожидалось, подействовало безотказно, Махмуда решили зачислить в труппу без просмотра. Однако, когда узнали, что он чеченец, притормозили. До сих пор ни одного спецпереселенца в театрах Казахстана не было ни на каких должностях. Тут было о чем задуматься. И хочется взять, да страшно. Кто может сказать, как всемогущие органы отнесутся к такому самоуправству? Не сочтут ли это укрывательством «врага народа», за которое положено пять лет лагерей?

Всё же его решились взять — временно, по договору. Тут и национальность указывать не надо. Если работники органов начнут задавать вопросы, можно прикинуться наивными и сказать, что сами ничего толком не знали...

Расчет оправдался. Махмуд вполне сносно выступал в новых, совершенно незнакомых ему пьесах и ролях, да ему и посоветовали

поначалу особенно не выделяться. Пусть люди помаленьку привыкают...

Жизнь налаживалась, и вскоре Махмуд встретился с первой своей почти что женой.

Ее звали Маргарита Бели. Весьма симпатичная девица, настоящее чудо интернационализма — мать немка, отец азербайджанец. Оба родителя — врачи-гинекологи, в недавнем прошлом известные и процветающие. Высланы в Казахстан еще в начале войны вместе со всеми поволжскими немцами. Жили они нелегальными абортами. Времена были жесткие, все знали, что если за таким делом поймают — тюрьма до конца дней, а то и расстрел. Но и аборт кому-то делать нужно. Не только ведь простые неосмотрительные гражданки, но и важные начальственные дамы очень нуждались в умелых руках и неболтливых языках ссыльных гинекологов. Нуждались порой очень и очень. Так что жила ссыльная семья дамских врачей в целом очень даже неплохо. Были они к тому же завзятыми театралами, не пропускающими ни одной премьеры в местном театре.

У единственной их дочери Маргариты имелось всё, о чем может мечтать девица на выданье. Две шубы — одна из норки, другая из голубого ферганского каракуля, красивые платья, туфли на высоком каблуке и весьма неплохие драгоценности. Имелись, конечно, и поклонники. Вот только не было среди них подходящего мужчины, которым можно было бы гордиться, как солидной бриллиантовой брошью. Махмуд на роль достойного мужа в целом подходил — артист! Не исключено, что со временем его возьмут в театр на постоянную работу. Что спецпереселенец, не так уж и страшно. У родителей имелись полезные связи, и тут возможно было после свадьбы ситуацию поправить. Но когда Махмуд узнал из разговоров (его уже считали своим и почти не стеснялись), откуда берется гинекологическое благополучие, ему это сильно не понравилось. Он быстро собрал вещички — их у него тогда было совсем немного — и в прямом смысле слова выскочил в окно.

Так что первая, совсем уж было сложившаяся женитьба не состоялась.

Убежал Махмуд довольно далеко от Караганды и оказался в столице Киргизии — замечательно красивом, зеленом и тихом городе Фрунзе, ныне Бишкеке. Он, конечно, очень сильно рисковал. Если бы во время весьма неблизкой поездки из Караганды во Фрунзе он кому-то (проводникам, милиционерам, контролерам, да просто бдительным соседям) показался подозрительным, этот вояж мог бы стоить ему двадцати лет лагерей. К счастью, обошлось. Выглядел он тогда вполне респектабельно, одет был прилично, держался спокойно и уверенно.

Приехав во Фрунзе, Махмуд прямо с вокзала отправился в

республиканский театр оперы и балета, где показал безотказное письмо С. Г. Ходоса, благодаря чему не был сдан в милицию, а, наоборот, принят в балетную труппу. Заметим, что для этого руководству театра пришлось провести очень непростую операцию — оформить задним числом перевод Махмуда из карагандинского театра в свою труппу и провести эти документы через соответствующие властные структуры.

В Киргизском театре оперы и балета Махмуд наконец-то встал к балетному станку. С ним начали работать профессиональные балетмейстеры и хореографы. Именно здесь он стал во всей сложности и многообразии постигать бесконечно сложный мир классического балета.

Спустя несколько месяцев он уже участвовал во всех основных постановках театра. Вскоре уже никто из его опытных коллег не мог лучше исполнить испанский танец из «Лебединого озера», а венгерский из «Раймонды» в его исполнении всегда сопровождался бурными овациями.

Появились у Махмуда поклонники, старавшиеся не пропускать спектаклей, в которых он танцевал. Среди них были и чеченцы — люди, которым, несмотря на свою национальность, удалось неплохо устроиться в столице Киргизии. В основном, конечно, в силу нужной профессии. Ведь среди спецпереселенцев были инженеры, бухгалтеры, опытные преподаватели и ученые различных специальностей. Они при любой возможности приходили на спектакли посмотреть на своего талантливого земляка. Махмуд, конечно, тоже сразу примечал их среди других зрителей. Известное дело, чеченец чеченца видит издалека.

Постепенно завязывались хорошие отношения. Чеченцы сочувствовали ему. Они прекрасно понимали беду Махмуда — он до сих пор не мог найти даже самых приблизительных следов своих родных. Без всяких просьб с его стороны они, каждый в силу своих возможностей, старались помочь. И вот наконец Махмуду передали, что некий старик чеченец по фамилии Эсамбаев (кажется, с женой) живет в поселке Мерке. Мерке — это маленький степной аул, затерянный между Джамбулом и Фрунзе.

Эти же чеченцы помогли Махмуду получить разрешение на поездку к отцу. Махмуд оформил в театре отпуск на три дня за свой счет и взял билет до станции Мерке. В небольшой чемодан он без труда уложил всё необходимое. Тут были в основном продукты и теплые вещи. Махмуд не знал, что будет нужно, и вообще не был уверен в том, что увидит отца или мать. Эсамбаев — не такая уж редкая фамилия у чеченцев, а имени его доброжелателям так и не удалось узнать. «Даже если просто родственник, хотя бы и дальний, всё равно хорошо», — успокаивал себя Махмуд. Он боялся верить, боялся спугнуть такую долгожданную, такую зыбкую

надежду...

Станция Мерке — несколько старых одноэтажных домиков и покосившихся черных сараев, разбросанных возле железнодорожных путей. Неужели это и есть весь поселок?

Невдалеке от платформы возле семафора виднелся переезд с полосатым шлагбаумом, возле него будка стрелочника. Неприкаянно, грустно и безлюдно было тут, на безвестном степном полустанке, продутом насквозь пронзительными степными ветрами.

Да разве здесь можно кого-то найти? И где искать? У кого спрашивать?

Из будки вышел человек в старом ватнике и больших, выше колена валенках с дворницкой метлой в руках и стал разметать пути на переезде.

К нему и направился Махмуд.

— Скажи, добрый человек, — обратился он к будочнику, — это вот и есть поселок Мерке? Я правильно приехал?

Конечно, Махмуд не сомневался, что приехал правильно, проводник не мог ошибиться и высадить его на другой остановке, но уж очень пустым и убогим выглядел этот забытый Богом полустанок...

Будочник, как видно, тоже уставший от одиночества, охотно прекратил свою однообразную работу и, опершись на метлу, поглядел на Махмуда. Это был маленький старичок-казах с узкими, с будто прищуренными улыбающимися глазами и морщинистым темным лицом степняка.

— Да, уважаемый, это станция Мерке, — отозвался он охотно. По-русски дедушка говорил с забавным акцентом, но бойко и вполне понятно. — Правда, тут только станция, а поселок и правление колхоза там. — Он махнул рукой в сторону далекого степного горизонта. — Если тебе, уважаемый, надо в Мерке, то лучше всего будет остановить колхозную машину. Они все через этот переезд идут. Если хочешь, я могу специально для тебя остановить. У меня вот палка есть! — сообщил дедушка не без гордости и вытащил из просторного голенища солдатского валенка черно-белый милицейский жезл. — Это нам специально дают, — пояснил он, любуясь своим полосатым сокровищем. — Вдруг, однако, шлагбаум сломается, тогда я палкой могу машины останавливать.

— Добрый человек... подскажите, как мне вас называть? — попробовал объясниться Махмуд.

— Так просто и называй — Байрам-ата, а по-русски дедушка Байрам...

— Меня Махмудом зовут. Я, уважаемый Байрам-ата, приехал родителей своих искать... вы, наверное, давно тут живете и всех знаете?

— Живу давно, — согласился старик. — С рождения, считай. Всю жизнь чабаном в колхозе работал... наших-то, кто из Мерке, конечно, всех

знаю... только ведь теперь много переселенцев пригнали... это люди новые, незнакомые, как же их всех узнать...

— Ну а фамилию такую — Эсамбаев слышали? — спросил Махмуд наудачу.

— Эсамбаев... так это... — начал старик и словно бы поперхнулся. — А ты, что же, не сынок ли им будешь или внучок?

— Сынок я, сын... — подтвердил Махмуд, чувствуя, как холодное тяжкое предчувствие змеей заползает в сердце.

— Ты вот что, уважаемый, давай-ка зайдем ко мне в дом... чаю выпей с дороги, а я тебе и расскажу, что знаю... опять же женку мою подождать надо, она скоро обед принесет...

Дедушка Байрам взял Махмуда за руку и, как маленького, повел в свою будку. Махмуд не сопротивлялся, ему было страшно. Он чувствовал себя потерявшимся ребенком...

Когда пришла жена дедушки Байрама, такая же, как и он, маленькая, ладная и улыбчивая старушка, Махмуд уже знал, что его любимой наны Бикату нет в живых. Она умерла не так давно после тяжелой болезни, которая началась у нее вскоре после переселения, и что муж ее Алисултан, работавший на железной дороге обходчиком, после смерти жены тоже давно уже болеет и сейчас, кажется, совсем плох.

— Айша (так звали жену дедушки Байрама), ты не знаешь, как сейчас наш Алисултан? Посмотри, это ведь его сынок приехал.

— Три дня уже не ест, — сказала Айша. — Совсем одни кости остались. Удивляюсь, как живой еще. Утром к нему приходила, опять есть не стал, только воды выпил... Тут у нас два брошенных дома, в них переселенцы стали жить. Только две семьи тут было, на полустанке, остальных в колхоз отвезли, — рассказывала Айша по дороге.

Брошенные дома были те самые кривые сараи, которые увидел Махмуд, разглядывая полустанок. В одном из них, кое-как приспособленном для жилья, на сбитой из досок лежанке, под кучей старой одежды и тряпья лежал истощенный старик, в котором Махмуд не сразу узнал своего отца — гордого красного партизана.

— Дада... — прошептал Махмуд и заплакал.

Алисултан долго смотрел на него слезящимися блеклыми старческими глазами. Постепенно в них появлялось узнавание.

— Махмуд... — прошептал он. — Сынок мой... — и прикоснулся к нему высохшей желтой рукой, словно желая убедиться, что это не сон. — А мама-то наша... нана Бикату... она ведь умерла...

С помощью доброй Айши, которая принесла из дома ведро горячей

воды, они помыли старика и переодели в то, что лежало в чемодане Махмуда. Буквально на руках сын отнес отца к поезду и уложил на полку плацкартного вагона. Это было нетрудно — старый партизан почти ничего не весил...

Так Махмуд с отцом стали жить вместе в маленькой комнатке при Киргизском театре оперы и балета, которую, войдя в положение, выделила своему солисту дирекция.

Нет, не пришло еще время умирать старому партизану! Через неделю Алисултан начал вставать с постели и, шатаясь, ходить по комнате. Жизнь была еще очень сильна в этом столетнем человеке.

Теперь старый партизан видел, как много приходится работать его сыну. Он понял, что танец — это не только легкомысленное праздничное развлечение.

Вскоре произошло замечательное событие. Алисултан впервые в жизни из директорской ложи смотрел балет. Давали волшебное «Лебединое озеро». Алисултан даже не сразу поверил своим глазам, когда увидел сына в прекрасной грозной роли Злого гения.

Это было потрясение!

Вечером после спектакля Алисултан обнял сына (тоже впервые в жизни!) и рассказал, как сожалеет о том, что долго не верил в его талант и даже мешал ему заниматься любимым делом.

— Ты правильно поступил, сынок, что не стал слушать старика. Не нужно тебе быть судьей. Своим танцем ты прославишь не только нашу фамилию, но и весь чеченский народ...

— Отец, ты тоже прости меня... Мы ведь с тобой оба горцы. Мы упрямые. Если бы ты знал, как я рад твоим словам.

— Лучшие сыновья становятся сыновьями народа — так говорят вайнахи. Я горжусь тобой, сын!

...Можно ли на старости лет стать другим человеком?

В это трудно поверить.

А вот Алисултан Эсамбаев стал. Больше они с Махмудом никогда не ссорились. Недаром ведь сказано, что искусство способно творить чудеса...

Часть вторая

ЛЕГЕНДА



Глава первая

НИНА

Алисултан давно перестал давать Махмуду отцовские советы и указания. Хватит! В свое время он дал их слишком много. Хорошо, что умный и талантливый сын их не слушал, но теперь...

— Позволь, сынок, задать тебе один вопрос? — аккуратно спросил Алисултан Махмуда как-то вечером, когда они, сидя за столом в своей маленькой кухоньке, пили чай.

— Конечно, дада! Я слушаю тебя внимательно, — с готовностью отозвался любящий сын, которого, прямо сказать, несколько даже смутила непривычная деликатность бывшего партизанского командира.

— Давно хочу спросить тебя, сынок, не кажется тебе, что в доме нашем... нет, мы, конечно, живем с тобой хорошо и дружно, грех жаловаться, но... не кажется ли тебе, что нам здесь чего-то важного все-таки недостает?

— Чего же нам не хватает, дада? — настороженно переспросил Махмуд.

— Мне кажется, что нам не хватает женщины, сынок! Хорошей, доброй женщины, хозяйки!

— А-а... — неопределенно протянул Махмуд.

По старой памяти он прекрасно знал, что старый партизан во всем любит определенность. Так что с ним всегда лучше говорить «да», если согласен, и «нет» — если ты против.

Неопределенный ответ сына, однако, не сильно расстроил Алисултана.

— Тогда, если ты не будешь возражать, сынок, я позову в наш дом одну добрую женщину, которая, я уверен, тебе очень понравится и будет любить тебя, как родная мать...

— Как родная мать, дада, уже никто...

— Да, ты, конечно, прав, сынок...

Они оба замолчали, поминая в душе бедную нану Бикату, которой была отпущена такая неласковая, такая короткая жизнь и печальная смерть на чужбине.

— Но если ты хочешь, дада, привести жену, я, конечно, буду только рад, — прервал затянувшуюся паузу Махмуд. «Ты никогда не постареешь, вечный жених!» — не без восхищения заметил он в душе. Но на лице почтительного сына конечно же никаких сомнительных мыслей не

отразилось.

Старый партизан подождал еще немного и, бросив на сына пронзительный взгляд, закончил:

— Тогда, сынок, я прямо сейчас позову эту добрую женщину и познакомлю с тобой. Она живет неподалеку.

— Хорошо, дада, приглашай... только позволь, я сбегаю и куплю букетик цветов.

Когда Махмуд вернулся, настороженно выглядывая из-за громадного букета алых роз, он увидел свою новую мамочку, которая занимала половину их маленькой кухни и, сияя подобно южному солнцу, распространяла на всю их квартиру безмерную женскую прелесть и благодать.

«Хорошего человека должно быть много! — вспомнил Махмуд народную присказку. — Надо будет попросить директора об увеличении жилплощади».

Так Махмуд встретился со своей новой мамой — жизнерадостной Софьей Михайловной, имевшей более ста килограммов живого веса. С ней Махмуд действительно в скором времени крепко подружился. Ну а Софа, в свою очередь, прониклась к бедному Мише (так она назвала сироту Махмуда) нежным материнским чувством.

— Миша, деточка моя, тебе нужно больше кушать, — убеждала она Махмуда каждое утро. — Ты такой худенький. Как погляжу на тебя, так мне сразу хочется плакать!

Вот такая была Софа, веселая, как птичка, и великая любительница песен и танцев.

— Миша, — выговаривала она Махмуду. — Я тебя кормлю, пою и к тому же люблю, как родная мама, а ты до сих пор ни одного еврейского танца не знаешь. Давай научу. Не отказывайся, не обижай мамочку!

Так в репертуаре Махмуда появились первые наметки еврейского танца, который впоследствии, скрестившись с трогательным рассказом писателя Шолом-Алейхема, вошел в знаменитую программу Махмуда Эсамбаева «Танцы народов мира» под названием «Портняжка». Впрочем, не будем торопиться и забегать вперед...

Беспокойство Алисултана по поводу того, что сам Махмуд никак не обзаведется семьей, все-таки не проходило. Но так как напрямую говорить на столь деликатную тему с сыном у чеченцев не принято, старый партизан подговорил Софу провести с Махмудом судьбоносный разговор.

Софа взялась за дело с удовольствием. Понятное дело, она, как и все женщины, обожала устраивать знакомства и свадьбы.

— Мишенька, сынок, — начала она очень задушевно, — твой папочка показал тебе пример, и теперь ты сам видишь, что настоящий мужчина может чувствовать себя хорошо и спокойно только в том случае, если рядом с ним идет по жизни достойная женщина. Я понимаю, ты много работаешь и у тебя совершенно не остается времени на личную жизнь. Но если ты не возражаешь, то мы с папочкой найдем для тебя замечательную девушку... такую белую, как мытая посуда, — пропела музыкальная Софа, — такую умную, как целый том Талмуда! Она будет верной любящей женой и родит тебе замечательных умных детей, а жизнь твоя обретет настоящий смысл...

— Нет, нет, Софа! — решительно прервал ее Махмуд. — Жену я найду себе сам...

— Хорошо, Мишенька, — сразу же согласилась Софа. — Но только не тяни время и действуй решительно, как твой папа. А чтобы ты знал, какой должна быть настоящая жена, послушай старинную умную историю, которую рассказал мне твой папа, когда предложил выйти за него замуж. Ему, так он говорил, еще в детстве рассказал эту историю его мудрый дедушка. Потом всякий раз, когда твой папочка женился, он обязательно эту сказку вспоминал. И не даром. Ты ведь знаешь, что у него за долгую жизнь было много жен, и все хорошие. Вот послушай историю, она так и называется «Умная жена».

Как-то отец сказал сыну:

— Э-хе-хе, сынок, состарился я, и, видно, помирать мне скоро. Хочу, чтобы ты женился, пока я жив.

Сын исполнил волю отца: женился.

После свадьбы отец сказал ему:

— С сегодняшнего дня нам надо лучше есть и пить: скоро мы с тобой будем строить одному богачу большую башню за хорошую плату (старик был известный строитель).

Они взяли всё, что надо для постройки башни, и отправились в путь.

В дороге отец обратился к сыну:

— Сын, наш путь длинный, и ты должен укоротить его.

Сын не понял отца.

— Дада, — сказал он. — Как я могу укоротить дорогу? Разве такое под силу человеку?

— Ладно. Тогда приведи мне коня, — попросил отец.

— Да откуда же я возьму коня? Тебе хорошо известно, что у нас его нет! — ответил сын.

— Тогда вернемся, — отрезал отец. — И когда придем домой, сразу же

разведись с женой.

Сын подумал, что отец к старости повредился умом, но ничего, конечно, не сказал.

Он выполнил волю отца, развелся с женой, и по новому отцовскому выбору женился на другой молодой женщине.

Прошла свадьба, и отец снова позвал сына в путь.

Сын безропотно собрал необходимые для строительства инструменты, они отправились в дорогу.

Отец снова стал просить сына укоротить дорогу и дать ему коня. Сын опять ответил, что он не может ни укоротить дорогу, ни дать ему коня.

Отец повернул домой и сказал сыну:

— Разведись и с этой женой.

Сын исполнил волю отца.

Так продолжалось еще несколько раз, и всё время сын вынужден был разводиться с женами. Он очень переживал, не видя никаких причин для этих разводов. «Совсем, видно, свихнулся мой старик!» — думал он.

Последняя его жена, видя мужа в печали, спросила:

— Что за беда у тебя и почему ты так часто меняешь жен?

Муж рассказал ей всё, как было. И про непонятные просьбы отца и его странные требования — сразу по возвращении разводиться с женами.

— Хорошо, что ты рассказал мне об этом, — сказала жена. — Я растолкую тебе тайный смысл требований старика. Когда вы вновь отправитесь в путь и отец попросит тебя укоротить дорогу, начинай рассказывать всякие интересные истории, и путь покажется намного короче. Когда же отец попросит привести коня, сруби и дай ему в руки крепкую палку — это и есть конь для старика.

После свадьбы отец и сын, как обычно, отправились в путь.

Когда отец попросил укоротить дорогу, сын начал рассказывать интересные истории. Старик радостно заулыбался, и они бодро пошли дальше. Потом отец попросил сына привести ему коня. Сын сошел с дороги, срубил поблизости удобную, крепкую палку и протянул ее старику.

Отец снова улыбнулся и сказал:

— Ну, раз у тебя, сынок, появилась, наконец, умная жена, нам ничего не страшно и мы можем смело продолжать путь!

Такую вот поучительную историю передал сыну через Софу старый Алисултан и попросил ее добавить, что Махмуду тоже нужна умная жена, которая сумеет помочь в жизни, а если будет нужно, спасет от беды.

Старый партизан как в воду глядел.

...С Ниной Ханумянц Махмуд познакомился на танцах. Когда они

встретились, Нина училась в мединституте и ухаживала в госпитале за ранеными, которые по-прежнему поступали эшелонами.

Во Фрунзе Нина переехала из Баку. Муж ее сестры Раисы работал тогда в Киргизии. Сестра скучала по дому и позвала Нину к себе. Нине сразу понравился город Фрунзе, да и народ здесь жил приветливый, легкий, будто и не было войны.

У Нины была подруга-балерина, Оля Чалова, и потому Нина была в курсе всех дел театра, особенно его балетной труппы. От Оли Нина узнала, что в театре появился замечательно талантливый солист, и повела подругу на балет, в котором Миша (так его звали все в театре) выступал с характерным танцем. Нина сразу поняла, что перед ней совершенно ни на кого не похожий исключительный талант. Она ведь и сама серьезно занималась танцами, правда, не балетными, а обычными — вальс, фокстрот, танго, румба, блюз.

Вскоре Оля познакомила Нину с молодым танцором. Миша и Нина с большой симпатией посмотрели друг на друга и расстались. Потом они как-то случайно встретились на улице и Миша-Махмуд сказал, что преподает в клубе бальные танцы и ему необходима партнерша, чтобы демонстрировать различные танцевальные па. Вот как ловко он всё придумал! Нина просто не могла отказаться. Они стали регулярно встречаться и посещать клуб. Однако Нина согласилась приходить только с подругой, и Махмуду пришлось приводить товарища. Зато танцевать можно было сколько угодно. Махмуд был счастлив и говорил Нине, что она танцует, как настоящая балерина.

Довольно долго они так и ходили вчетвером — Нина с Олей и Махмуд с товарищем. Нина была армянка, а в Армении законы очень строгие для девушек. Махмуд развлекал компанию интересными историями, которых знал великое множество. Он был замечательный веселый рассказчик и, кроме того, умел показывать и передразнивать великих людей. Например, так похоже показывал Чарли Чаплина, пародировал Утесова и Любовь Орлову, что удержаться от смеха было невозможно.

Через год они поженились.

Свадьба была тихая и бедная. Война тогда уже закончилась. Всем чеченцам во Фрунзе, в «компенсацию» за выселение, выдали по одному барану на семью. Дали барана и отцу Махмуда Алисултану. Этот баран и стал свадебным угощением, а потом его доедали еще неделю. Так начала жить молодая семья Эсамбаевых.

Еще через год, в июне 1946 года, Нина родила Махмуду дочь, которую называли Стеллой (да, вспоминается что-то детское, доброе, та девочка-

акробатка, что водила его по таинственным закоулкам сказочного циркового мира, ту девочку звали Ниной, а Стелла было ее цирковое, артистическое имя).

«С годами мы с женой притерлись друг к другу, как мельничные жернова! — говорил сам Махмуд, как бы с удивлением. — Вот уж никогда не думал, что можно столько лет прожить с одной-единственной женщиной!»

И ведь прожил. И внуки появились...

Больше пятидесяти лет проведут эти двое в верном браке.

О своей Нине Махмуд говорил, что она — чистое золото такой высокой пробы, что ее еще не придумали, поэтому Нина бесценна.

Так оно и было.

Махмуд любил повторять: «Если бы судьба не свела меня с Ниной, то можно с уверенностью сказать, что великого Махмуда Эсамбаева вы бы никогда не узнали».

Дотошные искусствоведы, покопавшись в истории театра, с привычным огорчением сообщили бы читающей публике о том, что одной из многих жертв сталинского террора (погиб или утратил здоровье и возможность танцевать) стал исключительно одаренный солист Киргизского государственного театра оперы и балета, спецпереселенец из Чечни Махмуд Эсамбаев.

«Да, все именно так бы и случилось — если бы не Нина...» — говорил Махмуд.

*

Жизнь солиста республиканского оперного театра Махмуда Эсамбаева складывалась на удивление удачно. В течение полугода он стал ведущим солистом и любимцем публики. Здесь встретил замечательного педагога, хореографа, настоящего мастера своего дела И. К. Ковтунова. Иван Кириллович был профессионалом мирового класса. До войны он работал в Ленинградском академическом театре оперы и балета вместе с такими гигантами балетной сцены, как В. М. Чабукиани, Л. М. Лавровский, Р. В. Захаров.

Этот человек значил в жизни Махмуда очень много. Он дал ему то, чего не мог дать до сих пор никто, — Ковтунов провел фантастически одаренного молодого танцовщика через высшую школу классического балета.

«Классический танец, — писала знаменитая балерина А. Я. Ваганова, — служит базой для всякого сценического исполнения, будь то характерный, гротесковый или салонный танец. Умение управлять ногами, своим телом, руками, головой дает возможность двигаться свободно во всех направлениях. Выучившись только характерным танцам, вы никогда не сможете исполнять классику. И наоборот, зная классический танец, можно легко воспринять характерный, салонный и другие. На опыте многих лет это доказано».

Постепенно отношения учителя и ученика переросли в настоящую дружбу. То, что он узнавал от своего старшего товарища, чрезвычайно расширяло кругозор молодого танцора, он начинал задумываться о главных ролях в лучших классических балетах.

«В 1952 году Ковтунов ставит балет Б. В. Асафьева «Бахчисарайский фонтан», — пишет в книге «Великие чеченцы» известный поэт, писатель, публицист и друг Махмуда Эсамбаева Муса Гешаев. — Впоследствии этот балет войдет в золотой фонд советской хореографии. Но тогда Иван Кириллович еще не решился отдать Махмуду главную партию, опасаясь, что молодой артист не справится с ролью. В «Бахчисарайском фонтане» Махмуд играл польского пана. Линия этого персонажа проходила через весь первый акт, во всех массовых танцах: мазурке, краковяке, коде. Вот что пишет Ковтунов о работе над этой ролью: «Эсамбаев относится к таким артистам, которые беззаветно любят свое искусство, готовы танцевать все: первую, вторую, третью, любые партии, не считаясь, ущемлено его самолюбие в чем-нибудь или нет. Важно танцевать и приложить свои способности, чтобы поднять любую порученную ему партию до высокого художественного уровня. Часто, расставаясь с Махмудом, я вспоминал эту его особенность. И невольно думалось, как бы много было создано эпизодических партий, ценных по своему художественному значению, как бы они обогатили балетные спектакли, дали бы им долгую сценическую жизнь, если бы многие одаренные артисты так же любили свое искусство, как Махмуд».

Пришло время, и Махмуд получает в «Бахчисарайском фонтане» главную партию хана Гирея, и знакомый всем балет преобразуется. Искать новый рисунок роли пришлось долго. Даже костюм Махмуд рисовал и подбирал себе сам. Пожалуй, что этот татарский хан в исполнении Махмуда Эсамбаева был в большой степени чеченцем. Но зато как он был органичен в своем ярком наряде с большим, грозным, богато украшенным кинжалом!

Для Эсамбаева общение с Ковтуновым было равносильно учебе в

высшем хореографическом училище. Махмуд рос на глазах. Он вникал в каждую мелочь, учился идеально управлять не только телом, но и чувствами.

Иван Кириллович заметил, что Махмуд без всяких усилий улавливает характер и стиль танца. Восприимчивый и эмоциональный от природы танцор, наделенный отличной музыкальной памятью и способностью оттачивать технику до совершенства, Махмуд легко осваивал любую партию, находя для каждой новые движения и краски. Одной из лучших его работ в то время был «Танец в ресторане» из балета Глиэра «Красный мак». Этот незатейливый танец, которому постановщики прежде не придавали значения, в исполнении Махмуда стал одной из самых ярких сцен спектакля.

К юбилею Сергея Рахманинова в театре поставили балет на музыку великого композитора под названием «Весна идет». Сюжет придумали очень трогательный. Молодой, никому еще не известный композитор берет на воспитание девочку, отца которой отправили на каторгу. Время идет, девочка становится красавицей и к тому же замечательной пианисткой. У нее намечается свадьба. *И тут она встречается со своим сбежавшим с каторги отцом...*

Не правда ли, знакомый сюжет? Каторга. ГУЛАГ. Осиротевшие дети. Время страшных историй. Миллионы ни в чем не повинных людей прожили свои жизни именно по такому сюжету. Ну а Махмуд к тому же был еще и спецпереселенцем — человеком, изгнанным (за что?) с родной земли.

Либретто написал сам Ковтунов. По этому либретто получалось, что, несмотря на трогательный и драматичный сюжет, завязанный вокруг сиротки, героем оперы становится не девочка и даже не ее несчастный отец — молодой композитор, а сама божественная музыка Рахманинова. Для Махмуда, танцевавшего партию композитора, это была совершенно незнакомая, неведомая тема. С этой новой для себя драматической задачей молодой танцовщик справился блестяще.

В следующей постановке — балете Соловьева-Седого «Тарас Бульба» Ковтунов неожиданно поручил Махмуду главную роль. Опера ставилась в 1952 году, к столетию смерти Гоголя. На худсовете предложение Ковтунова дать Махмуду главную роль было встречено дружным смехом. Все искренне оценили слова Ковтунова как шутку. Ну какой из Махмуда Тарас Бульба, пожилой, много повидавший казачий полковник? Во-первых, молод. Во-вторых, такой тонкий и звонкий, а ведь Тарас — скала, настоящий богатырь. Полное, карикатурное даже несоответствие!

Иван Кириллович тем не менее стоял на своем: «Эсамбаев незаурядный танцор, он умеет преобразиться и войти в любую роль». Упорство балетмейстера постепенно перевесило сомнения. Решили: «Ну, пускай преображается». И только в процессе работы над спектаклем, когда в мастерских художниками и портными был создан специальный костюм могучего запорожца, а сам Махмуд поразил всех своим удивительным даром перевоплощения, все убедились, насколько удачным был выбор режиссера-постановщика. Ну а что уж говорить о зрителях — они с первого взгляда поверили, что пред ними подлинный запорожский богатырь, патриот и герой. Поверили, полюбили и всякий раз шквалом аплодисментов встречали Тараса — Эсамбаева.

Тут впервые сошлись вместе замечательные качества танцевального таланта Махмуда — его тонкое понимание национального характера, бурный темперамент и яркий драматический артистизм. Его зажигательный танец с саблями всякий раз проходил под бурные аплодисменты.

Когда по окончании спектакля за кулисы принесли дочку Стеллу, малышка не узнала папу в этом грозном усатом великане и расплакалась от страха.

— Это же твой папа! — уговаривали ее.

— Нет, это чужой дядька, страшный. Мой папа красивый!

Махмуд окликнул дочку, и она замолчала, во все глаза уставившись на него. Совсем непохож, а голос папин...

После этой работы в театре уже не удивлялись, когда Эсамбаеву в спектакле В. М. Юрского «Под небом Италии» предложили одну из главных ролей — американского офицера Боба.

— Станцевал запорожца, станцует и американца! — уверенно сказал Иван Кириллович, и никто теперь с ним спорить не стал.

Следующая большая работа Ковтунова и всей балетной труппы театра над постановкой «Лебединого озера» была очень ответственной. Этот классический балет здесь, в Киргизии, еще не ставили. Махмуд вместе с балериной, народной артисткой СССР Бюбюсарой Бейшеналиевой исполнял в спектакле испанский танец, причем танцевал блестяще. Но вот однажды, за день до спектакля, заболел исполнитель роли Ротбарта, Злого гения, и Иван Кириллович предложил Махмуду срочно подготовить роль.

Вот как передает эту историю в своей книге «Махмуд Эсамбаев — чародей танца» писатель и друг великого танцора Руслан Нашхоев:

«Махмуд молчал: слова не мог вымолвить от удивления.

Иван Кириллович повторил вопрос.

— Смогу ли я? — пробормотал Махмуд. — За одни сутки... без всякой

подготовки?..

— Ты же всю партию Ротбарта знаешь?

— Вроде бы знаю.

— Мне рассказывали, что ты и партии Одетты-Одили и Зигфрида выучил. Это правда?

— Да, почти что.

— Тогда давай прорепетируем партию Злого гения Ротбарта.

Зазвучала музыка. Махмуд, знавший наизусть каждый музыкальный такт, каждое движение, не смог сделать ни одного шага. От волнения и смущения он забыл всё. Почувствовав его робость и скованность, балетмейстер сказал:

— Махмуд, мне нужно по одному делу минут на пятнадцать отлучиться, а ты пока вспоминай.

Как только захлопнулась дверь, Махмуд бросился к концертмейстеру Буршину:

— Гриша, умоляю, начнем выход Ротбарта — спокойно, не торопись.

Двери закрыли на ключ, и зазвучала музыка. Вместе с исполнительницей роли Одетты Розой Самигиной без остановки они прошли весь второй акт.

Григорий играл и аплодировал Махмуду: тот танцевал так, будто за плечами у него были десятки репетиций.

Иван Кириллович стоял за дверями и всё слышал. Появился в зале, когда смолкла музыка.

— Извините, что задержался. Давайте продолжим.

Второй акт прошли еще раз без замечаний и остановок. Балетмейстер похвалил Махмуда.

Вечером состоялась репетиция со всей труппой. Свою партию Махмуд провел уверенно, вызвав удивление многих актеров: когда успел все это выучить?

После окончания спектакля ему много и заслуженно аплодировали. Коллеги обнимали и восклицали:

— Махмуд, твое место в Большом театре!»

Однако Махмуд просил их не спешить. Он видел свои слабые стороны и продолжал работать над ролью. По-настоящему осмысленно и профессионально исполнял эту сложную партию только после нескольких десятков выступлений.

В трактовке роли Махмуд шел от великой музыки Чайковского, наполняя образ мыслью и драматизмом, старясь показать подлинное, страшное лицо зла. Актер преобразил сценический костюм Ротбарта.

Обошелся без традиционных огромных черных крыльев, которыми пользовались до него все исполнители. Это позволило ему усилить впечатление от танца удивительной пластикой рук. В его исполнении победа добра над злом становилась по-настоящему яркой и убедительной.

Герой Махмуда Ротбарт погибал под гром аплодисментов...

Такой «злой гений» еще никогда не появлялся на театральной сцене. Даже Ковтунов был поражен, увидев лермонтовского духа зла с потрясающим лицом врубелевского павшего демона. Это было нечто совершенно новое, преобразившее давно знакомый балетный образ.

Газеты писали: «Высокий, сильный, с длинными всемогущими пальцами, гибкий, как змея, казалось, он вот-вот соберется с силами и тогда несдобровать Зигфриду. Высокая техника, необыкновенная одаренность позволили Эсамбаеву с помощью танца, выразительного жеста и мимики достигать полного перевоплощения, укрупнить образ Ротбарта, сделав его действительно гением темных сил, олицетворением зла, настоящим демоном».

Замечательное время! Жизнь Махмуда была наполнена массой интересных дел и богата впечатлениями. Вокруг него были интересные, талантливые, яркие люди. Он с жадностью осваивал всё новые и новые роли и с неизменным удовольствием ощущал свои быстрорастущие возможности. Он понимал, что дальше его жизнь может быть только интереснее, красивее, лучше.

В то время Галина Уланова, работавшая в Алма-Ате, нередко приезжала во Фрунзе. На этот раз она приехала специально для того, чтобы увидеть танец Злого гения в исполнении Махмуда. Встретившись с ним по окончании спектакля, Галина Сергеевна сказала, что его ждет большое будущее. Эти слова запомнились многим. Строгая и скупая на похвалу Уланова мало кому такое говорила, но Махмуда выделила сразу и поверила в него.

В 1968 году при съемках фильма «Лебединое озеро» на студии «Ленфильм» Махмуд еще острее и ярче развил свою трактовку Злого гения Ротбарта. Он вновь, как когда-то во Фрунзе, отказался от традиционных черных крыльев, и неожиданное предложение танцовщика одобрил великий балетмейстер К. М. Сергеев — постановщик киноспектакля. Фильм «Лебединое озеро» был показан на международном фестивале в Италии и получил там приз «Золотая орхидея». Отдельным дипломом как лучший исполнитель роли был награжден М. Эсамбаев. Об этой работе сам Махмуд говорил так: «Роль в этом фильме, с этой труппой, с этими гениальными постановщиками, гигантами балета — для меня дело всей

жизни...»

Впрочем, не будем забегать вперед. Ведь за десять с лишним лет, отделивших первое исполнение роли Злого гения в «Лебедином озере» от фильма, получившего высшую награду в Италии, в жизни Махмуда произошло немало событий. Причем некоторые из них были таковы, что едва не поставили крест не только на блестящей балетной карьере, но и самой жизни Махмуда...

Годы работы в Киргизском государственном театре оперы и балета стали для Махмуда временем стремительного и яркого взлета. Артист тогда был еще молод. Он, конечно, несколько увлекся и незаметно для себя утратил чувство реальности. Так нередко случается с глубоко и счастливо погруженными в любимое дело людьми. Но время-то было такое, что расслабляться как раз не следовало. Отлаженная система террора продолжала действовать и вовсе не утратила своих людоедских инстинктов...

Что сделал Махмуд, в чем провинился?

Всего лишь не отметил в комендатуре. Он, конечно, не забыл, что при всех своих театральных успехах и растущей известности всё равно остается спецпереселенцем, человеком, которому нельзя и не положено доверять. Он должен был, как всякий чеченец или ингуш, достигший шестнадцатилетнего возраста, ежемесячно являться в спецкомендатуру и расписываться под текстом постановления Совета народных комиссаров. В этом основополагающем документе говорилось, что если спецпереселенец пропустит хотя бы одно такое посещение или без разрешения коменданта покинет пункт своего проживания, он будет осужден на 25 (ни больше ни меньше) лет лишения свободы.

Но ведь он никуда и не прятался, не пытался скрыться, не уезжал. Махмуд каждый вечер выходил на сцену республиканского театра, и любой представитель комендатуры при желании мог прийти и засвидетельствовать наличие своего подопечного...

Хотя Махмуду почти исполнилось тридцать, а это возраст вполне взрослого мужчины, он по-прежнему оставался ребенком в душе. Ребенком, который никогда не поверит, что люди могут быть так бездушны и беспощадны.

Люди из комендатуры действительно не замедлили приехать в театр. Но не для того, чтобы убедиться, что спецпереселенец М. А. Эсамбаев никуда не скрылся, и уж, конечно, не для того, чтобы полюбоваться, как замечательно он танцует в «Лебедином озере». Они просто забрали исполнителя партии Ротбарта и на все отчаянные вопросы руководства

театра ответили только, что всё станет ясно после проверки.

Через несколько дней Махмуд Эсамбаев оказался вовсе не в театре, как ожидал, а в продуваемом степными ветрами телячьим вагоне специального железнодорожного состава, в котором он и еще несколько сотен отловленных бдительными органами «врагов народа» отправлялись на один из островов бескрайнего «архипелага ГУЛАГ».

Остров, на который неласковая судьба забросила молодого солиста балета, назывался леспромхоз Бурундай. Здесь Махмуду предстояло обдумать свои «преступные деяния», освоить новую профессию лесоруба и попытаться выжить в условиях, которые в принципе не были совместимы с такой возможностью.

Эти дни были нелегкими и для Нины.

— Меня забрали в НКВД, — рассказывала она позже, — и на первом же допросе объявили, что муж якобы мне постоянно изменяет и поэтому я должна от него официально отказаться. Я тогда объяснила, что мои с мужем отношения никаким образом не могут касаться НКВД и отказываться от мужа я не собираюсь. Тогда мне уже без всяких подходов объявили, что возьмут меня и всю мою семью на спецучет.

«Мне свобода без моего мужа не нужна, — сказала тогда Нина, — и не пытайтесь убедить меня, что он плохой человек. Я всегда и во всем чувствовала его доброту и заботу».

— Восемь часов меня держали в сыром и темном подвале, — вспоминала она, — и всё это время я не могла даже сообщить домой, что дочка Стелла осталась одна.

В другой раз Нину продержали в подвале двенадцать часов. Ей говорили — отказывайся от мужа, иначе сдохнешь тут в подвале с крысами, а твой Махмуд всё равно больше не будет танцевать. Она ответила: «Он всегда и везде будет танцевать, даже бесплатно и просто на улице, а люди будут смотреть и радоваться».

Как только ее выпустили, она отправила письмо Сталину. В письме она сообщала, что арестованный по явному недоразумению ее муж — артист Киргизского государственного театра Махмуд Алисултанович Эсамбаев является, несмотря на свою молодость (ему не исполнилось и тридцати лет), ведущим солистом балетной труппы. Его необычайную одаренность отметила великая балерина, народная артистка СССР, лауреат Государственных премий Галина Уланова...

Нина писала, что единственным прегрешением ее мужа является то, что он, обязанный, как спецпереселенец, регулярно отмечаться в комендатуре, не сделал этого вовремя. Случилось это только потому, что он

был очень занят на работе. Но при этом он ни города, ни квартиры, ни театра, где работает, не покидал. Не забыла она упомянуть и отца Махмуда, красного партизана Алисултана Эсамбаева, который еще в Гражданскую войну устанавливал советскую власть на Кавказе. Написала и о том, что сам Махмуд был ранен на передовой во время участия во фронтовом концерте...

В заключение Нина выражала уверенность, что товарищ Сталин поймет ее чувства и восстановит справедливость.

Следует заметить, что в послевоенное время всем было хорошо известно, что писать письма товарищу Сталину не только бесполезно, но и очень опасно. Чаще всего такие письма не проходили дальше ближайшего оперуполномоченного КГБ, который вовсе не желал, чтобы жалобы на его работу попадали пусть даже и не к Сталину, а к его московскому начальству. И потому незамедлительно отправлял своих сотрудников по указанному на конверте обратному адресу. После чего все вставало на привычные места...

Однако сейчас стали известны случаи (их было немного), когда письма все же доходили до самого адресата, и тогда... тогда никто не мог предположить, что может случиться.

В этот раз то ли органы прозевали, то ли по иной какой-то причине, но письмо Нины миновало уполномоченных КГБ в Киргизии и попало в Москву. По какому-то неведомому нам стечению обстоятельств письмо оказалось на письменном столе человека, который одним мимолетным движением мог изменять течение жизни и решать судьбы не только людей, но и целых народов, на одной шестой части земной поверхности.

Синий карандаш — жизнь. Красный — смерть.

К какому карандашу потянется короткопалая страшная рука? Этого никто не мог знать. И, пожалуй, особенно трудно это было сделать в начале пятидесятых годов, когда земля зашаталась под ногами самых, казалось бы, близких и верных соратников, повязанных с Хозяином кровью миллионов людей. Под ударом оказались и несменяемый Молотов, и даже сам Лаврентий Берия! Сталин начинал кардинальную чистку на самых верхних этажах власти, приуроченную к новой компании искоренения врагов народа, начатую жутким «делом врачей».

Именно в это время среди множества документов — проектов и постановлений, стенограмм, докладов и доносов — на столе вождя оказалось письмо молодой женщины. Нина пыталась защитить своего мужа, балетного танцовщика, от неоправданно жестокой меры местного управления КГБ. Почему неоправданно? Режим-то нарушен!

Исключительно одаренный танцовщик... Кто это может подтвердить? Он сам, товарищ Сталин, лично этого Эсамбаева никогда не видел, но Галина Уланова... Сама Уланова, оказывается, отметила его необычайную одаренность!..

Теперь уже никто не узнает, как на самом деле было прочитано это письмо. Какие мысли и чувства вызвало оно у непредсказуемого человека в полувоенном френче...

Известно только, что рука, подписавшая до этого великое множество расстрельных списков с десятками и сотнями тысяч фамилий (среди которых были и очень-очень известные), взяла почему-то не красный, а синий карандаш и через весь листок в косую строчку написала: «Освободить».

Через неделю худой, как спичка, с разбитыми в кровь руками и телом, покрытым множеством ссадин и синяков, Махмуд Эсамбаев вышел из поезда на вокзале во Фрунзе. Обнял встречавшую его жену, и они заплакали... так бывает, когда смеяться и ликовать нет сил, когда от счастья можно только плакать...

Законченная было (уже не в первый раз) жизнь великого танцора, против всяческих правил, продолжилась...

Когда вернувшегося из лагеря Махмуда спрашивали, где он почти два месяца пропадал, Махмуд отвечал: «На курорте... ревматизм лечил».

— Ну и как, — спрашивали его, — удалось вылечить?

— А вот смотрите, — отвечал он и легко закладывал ногу за голову.

*

5 марта 1953 года великий вождь и учитель умер.

О том, что сам Сталин спас его, Махмуд долгое время не подозревал. О своем письме Нина расскажет ему только через несколько лет.

Жизнь неслась дальше. Махмуд и не заметил, как ему стукнуло тридцать.

Вот приветственный адрес, поднесенный ему к юбилею товарищами по цеху:

«Дорогой Махмуд Эсамбаев!

Специальная делегация работников искусства приветствует тебя и поздравляет со славным тридцатилетием!

30 лет назад, 15 июля 1924 года, все мы не подозревали, что на свет появился товарищ и друг нашего театра, балагур, весельчак и

замечательный танцор.

Мы говорим «товарищ и друг», потому что ежедневно с 11 утра и до 3 часов дня ты с нами на репетиции и с 8 вечера до 12 часов ночи ты с нами на спектакле. Мы говорим «балагур и весельчак», потому что ты способен говорить много, весело и остроумно. «Замечательный танцор», потому что мы еще не видели, как ты ходишь по земле. Танец стал твоей жизнью, а жизнь твоя стала сплошным танцем.

Тарас Бульба, Гирей, Композитор, Злой гений — роли и партии, о которых лучшие театроведы и историки напишут много хороших книг. Люди необъятной нашей земли — от Балтийского моря до Иссык-Куля, от Риги до Кара-Балты — склоняют свои головы, услышав стук твоих кастаньет. Из 300 тысяч населения города Фрунзе 299 999 человек лично приветствуют тебя, наш общий друг!»

В Киргизии Махмуда Эсамбаева полюбили навсегда. Здесь его считали своим и приветствовали как своего, родного, даже спустя десятки лет.

Вот телеграмма, направленная М. Эсамбаеву от имени народа и правительства республики:

«Мы высоко ценим ваш вклад в развитие киргизского балета. Вы заслуженно удостоены звания народного артиста Киргизской ССР. Вы являетесь одним из видных представителей советской хореографии, блистательным мастером танца, родным, любимым артистом киргизского народа».

Вспоминает Хажбикар Боков: «Рассказывая о своей семье, Махмуд шутил, что он — зять великого армянского народа, а Нина — сноха великого чеченского. Этот интернационализм в семье идет от отца, который был женат много раз (Махмуд иногда, таинственно оглядываясь, говорил шепотом, что никак не меньше десяти). Далеко не первая жена Алисултана, мать Махмуда Бикату, была чеченкой. После нее была одесская еврейка Софочка, а еще и еще... Ну полный интернационал!

Жена Махмуда Нина Аркадьевна создавала в доме атмосферу доброжелательности. У нее была обаятельная добрая улыбка и стремление как можно лучше принять многочисленных друзей и знакомых ее по-горски гостеприимного мужа. Приходить к ним было настоящим удовольствием.

Бог не дал им много детей. Родилась одна дочка — Стелла. Прекрасная, умная и одаренная девочка...

Грозненская квартира Махмуда представляла собой настоящий музей. Все стены, полки, этажерки, все места, куда можно что-то поставить или повесить, всё было занято подарками. Он получал их в огромном количестве, и казалось, должен совершенно потерять им счет. Ничего

подобного. Стоило спросить его о любом, который тебя заинтересовал, и ты получал подробный, а зачастую и очень занимательный рассказ о том, как этот предмет попал в его квартиру и что он означает.

Среди подарков было много национальных костюмов, которые ему дарили во время гастролей по республикам СССР, а потом и по всему миру. Национальные костюмы были ему особенно дороги, потому что помогали создавать его уникальную программу «Танцы народов мира». Многие из этих костюмов он использовал на сцене. Махмуд знал об этих костюмах всё, объяснял смысл любого узора, вставки, вышивки. И опять горько жалею о том, что не имел в те времена возможности (да и не догадывался) записывать эти его рассказы. В них было присущее ему понимание объединяющего всех языка культуры. Получилась бы бесценная по нынешним временам книга о всечеловеческом понимании красоты...

У Пады, старшей сестры Махмуда, были дети. Я лично знаком с племянниками Махмуда, которые нередко приезжали к дяде в Москву. Сейчас Саид-Абдул и Саид-Магомет Эсамбаевы сами известные люди и высокие профессионалы в области медицины и боевых искусств. Братья создали в Одинцове пансионат «Лесной городок», где лечат и обучают всех желающих. Они же являются учредителями «Всемирного благотворительного фонда Махмуда Эсамбаева». Благодаря им в Лесном городке в Московской области установлен памятник М. Эсамбаеву и одна из улиц названа его именем.

Других братьев и сестер (живых) в то время у Махмуда не было, даже и от других жен Алисултана. Иначе я непременно бы с ними познакомился. У чеченцев все дети одного отца считаются родными, как если бы родились от одной матери.

Когда я познакомился с Махмудом, он был уже признанным артистом и отец приходил на его выступления, любовался тем, как сын танцует.

Мне казалось, что, даже признав за Махмудом право танцевать, он все-таки не считал балет достойной профессией для мужчины. Это, на его взгляд, было развлечение. В душе он по-прежнему хотел, чтобы его сын получил уважаемую профессию и высокую ученость. Самым высоким, что он мог представить себе, была профессия судьи. Тут нужно знать психологию чеченцев. Для них человек, который имеет столь высокую ученость и признание, что получает право разрешать сложные вопросы, возникающие между людьми, — это высочайшее призвание и признание. Алисултану, конечно, хотелось, чтобы его любимый и единственный сын был именно таким человеком.

Много позже (Алисултан жил долго) он все-таки убедился, что его сын

при помощи своих чудесных танцев добился признания не только среди чеченцев, но и среди других народов СССР и даже всего мира, а слава его так велика, что подобного не смог бы добиться даже самый ученый и мудрый судья. Только тогда, под самый конец жизни, старый партизан успокоился.

Алисултан умер счастливым, потому что полностью поверил в выдающийся талант своего сына и не только поверил, но и начал искренне гордиться им.

Для Махмуда это отцовское признание было великой радостью.

Кстати, я прекрасно понимаю Махмуда, потому что таким же упрямым и властным человеком был мой отец, который, как и Алисултан, прожил больше ста лет. Махмуд хорошо знал моего отца. Они очень любили, сидя на лавочке под окном, беседовать на серьезные и даже философские (о жизни и смерти, добре и зле) темы.

Как-то накануне столетия я спросил отца, что ему подарить на его замечательный праздник. Тут ведь не отделаешься чем-то заурядным. Тогда мой столетний папочка сильно удивил меня.

— Что тебе подарить, отец? — спросил я.

— Подари мне коня, — ответил он. — Только не какую-нибудь сонную клячу, а хорошего резвого коня.

— Зачем тебе конь? — удивился я и представил себе нелепую картину — столетнего мужчину на резвом коне.

— Как зачем?! К сестрам мне надо поехать, к детям, столько уже лет ни у кого из них не был. На хорошей, резвой лошадке я их всех навещать смогу.

Надо сказать, что, кроме прочего, в советские времена делать такие дорогие подарки было не принято. Считалось, что таким образом человек как бы заносится перед земляками. Но я подумал: «Сто лет все-таки! Нельзя обижать человека!»

— Хорошо, отец, — сказал я. — Куплю тебе лошадь.

И тут мама...

У нас, вайнахов, женщины в мужских разговорах не участвуют, по традиции такое не принято. Однако это вовсе не значит, что они этих разговоров не слушают. Слушают, и очень внимательно.

Как только я пообещал купить коня, мама выскочила с кухни и решительно подошла к нам.

Мама у нас маленькая, отцу чуть выше плеча, и худенькая, как девочка.

Она встала перед отцом, уперши в бока кулачки, и грозно спросила:

— Это какая еще резвая лошадь тебе понадобилась на старости лет?!

Потом повернулась ко мне:

— Не вздумай покупать лошадь! Это что же, я должна буду сажать его на этого коня, а потом еще и снимать?

Махмуд потом до слез смеялся, когда показывал, как она, маленькая, точно подросток, сердито и очень выразительно показывала, как будет сажать и снимать с коня своего столетнего, да при этом еще такого большого и тяжелого мужа.

Отец тоже почувствовал курьезность ситуации и, улыбнувшись, пожаловался нам:

— Вы только посмотрите, кажется, эта женщина и правда собирается сажать меня на коня?

Однако мама шутить не думала и спросила меня:

— Ты что, не понимаешь, отец наш уже немолодой джигит! Что ты будешь потом говорить, если он упадет с коня и разобьется? Никаких лошадей не будет! Понятно? Это я вам сказала!

Вопрос был решен.

По правде говоря, в душе я почувствовал облегчение. Во-первых, действительно не следует столетнему джигиту скакать на горячем коне. Мама права — такая поездка может плохо кончиться. Да и ни к чему давать повод недоброжелателям говорить: смотрите-ка, какие богатые, коня старику купили! Я был тогда партийным работником, и мне не хотелось таким вот образом выделяться среди знающих меня людей.

Вот так мы с Махмудом и жили в наших семьях с нашими женами, детьми и стариками. Какое же это было счастливое время!»

Глава вторая

КРОВНАЯ МЕСТЬ

Этот танец начал складываться в душе Махмуда давно, еще в детстве. Первые наметки появились после памятной драки на школьном дворе, когда так и не простивший своего поражения трусоватый турпал Мухади с несколькими приятелями напал на одинокого Махмуда и... заставил-таки его вытащить из ножен острый пастуший нож.

Махмуд на всю жизнь запомнил, как багровая волна ярости взметнулась в его душе и затмила разум.

Да, он хотел... он даже мог убить своего обидчика! И тогда... тогда он превратился бы в изгоя, вынужденного всю оставшуюся жизнь спасаться от неотступной мести, которая бы везде и всюду преследовала его. Хотя Махмуд был тогда еще ребенком, он почувствовал всё отчаяние, понял весь темный ужас такой жизни.

Второе ощущение танца промелькнуло при чтении любимой поэмы Лермонтова «Мцыри».

Все-таки нельзя говорить, что школа ничего ему не дала. Дала! И даже очень много! Не будь школы, не появился бы в жизни Махмуда верный друг и брат — безумно храбрый, гордый и бесконечно несчастный юноша Мцыри.

Великую поэму Лермонтова Махмуд знал наизусть. Когда ему было плохо или очень грустно, он начинал медленно читать про себя:

*Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез,
Тот занемог. Не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник...*

И случилось же так, что именно на праздничном концерте, когда «Мцыри» был впервые поставлен на сцене Дворца культуры, Махмуд забыл слова...

Сколько усилий пришлось потратить ему, чтобы убедить учительницу русского языка и литературы, которая была режиссером и постановщиком спектакля, как трудно было доказать, что именно он должен получить главную роль! Что он, Махмуд Эсамбаев, сможет лучше всех сыграть Мцыри.

Махмуд прочитал учительнице несколько отрывков из поэмы, поразив ее до онемения. Учительница и подозревать не могла, что самый слабый ученик знает на память так много сложных стихов и может так трогательно, так выразительно читать их. Для нее это была неожиданная и большая радость.

Кроме того, учительница увидела вдруг, как этот худой большеглазый юноша, почти мальчик еще, смуглый, с буйной копной черных волос удивительно похож на лермонтовского Мцыри. Просто вылитый, даже грима никакого не нужно!

Махмуд получил главную роль. Он был счастлив.

На всех репетициях он убедительно доказывал, что выбор сделан правильно.

Особенно хорошо и трогательно получалась у него сцена первого появления на сцене, где смертельно больной Мцыри рассказывает старому монаху историю своего побега из монастыря, недолгое и прекрасное время пребывания на воле...

*Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине:
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил...*

Махмуд играл эту сцену так убедительно, так трогательно, что у пожилой учительницы слезы наворачивались на глаза...

Но была и трудность. Некоторые русские слова Махмуд выговаривал с неправильным ударением, а иные, которые были ему непонятны, произносил неправильно, а то и вовсе проглатывал. Справиться с этой бедой оказалось непросто. Дело в том, что, много раз читая стихи про себя, Махмуд крепко затвердил неправильное произношение, а ошибки и

пропуски слов просто не замечал. Для него это не имело значения, так как Махмуд, полностью перевоплотившись в смертельно больного, гордого Мцыри, совершенно забывал не только о зрителях, но и о себе.

Времени для того, чтобы переучить поэму, не оставалось. Тогда было решено, что одноклассница Махмуда, спрятавшись за спинкой кровати, на которой лежал умирающий Мцыри, будет шепотом читать ему текст.

Поначалу всё шло хорошо.

Прозвучал вступительный текст. Поднялся занавес, перед зрителями открылась сцена в монастыре. Всё было красиво и убедительно. И тут кто-то из помощников, решив усилить трагическую и мрачную обстановку на сцене, выключил свет. Осталась только свеча у изголовья умирающего Мцыри.

Картина действительно была хороша и производила сильное впечатление, в зале даже послышались аплодисменты. Только вот беда — теперь спрятавшаяся за спинкой дивана суфлерша ничего не могла разглядеть. Бедный Мцыри, ожидая подсказки, произносил свой текст с большими, совершенно непонятными паузами... в зале послышались смешки...

Занавес пришлось закрыть.

Потом его снова подняли, и постановка больше не прерывалась. Прошла она, можно сказать, вполне успешно. Зрители аплодировали. Артистам приходилось выходить снова и снова. Кажется, можно радоваться, всё обошлось. Но Махмуд так и не смог забыть эту свою первую артистическую неудачу. Он запомнил ее на всю жизнь, и потом, в зрелом уже возрасте, полностью сознавая значение своего таланта и всемирную популярность, будет отказываться от участия в драматических спектаклях и кинофильмах.

Да, трудно заживали раны в душе Махмуда!

Все-таки ничего в жизни не проходит напрасно. И даже та давняя неудача не заставила Махмуда разлюбить романтический образ Мцыри. Он и потом, будучи уже взрослым человеком, остро чувствовал свое братское родство с этим бесстрашным, несломленным и несчастным гордецом...

Образ юноши, обреченного погибнуть от руки беспощадного мстителя, возник в воображении Махмуда в Киргизии, в годы изгнания с родной земли. Махмуд понимал, что впрямую о трагедии народа ему рассказать не позволят. Но легенда, но хореографическое повествование о кровной мести — вполне возможно, и оно во многом отвечает его ощущениям и чувствам его земляков, предсказывает неизбежность возвращения на родную землю... пусть даже ценой гибели.

Это было время, когда под руководством Ивана Кирилловича Ковтунова Махмуд работал над партией хана Гирея в балете «Бахчисарайский фонтан». Чем-то непонятно трогательным и грустным отзывались в душе чудесные стихи Пушкина и летящая, трагическая музыка композитора Бориса Асафьева. Она словно бы старалась о чем-то напомнить, подсказать...

Однажды, а это часто случалось, Махмуд задержался в репетиционном зале. Нередко он оставался тут работать совсем один... и вот вдруг, словно впервые, он увидел себя в огромном пустом пространстве среди бесчисленных зеркал...

Махмуд долго смотрел на свое отражение и вдруг сделал это, самое первое, крадущееся движение... и в то же мгновение стал тем юношей, который больше не желал прятаться, который решил вернуться в родной аул, несмотря на то, что там его ждут кровники и верная смерть...

Это была какая-то ослепительная вспышка, после которой всё стало понятно. Да, всё это хорошо знакомо ему, спецпереселенцу Махмуду Эсамбаеву: шаг влево, шаг вправо...

Да, это и будет побег!

Он возвращается на Кавказ! И никто на целом свете, даже неизбежность гибели, не сможет помешать ему...

Танец будет называться «Легенда о кровной мести»... нет, просто «Легенда».

Первое придуманное им движение нового танца, вернее, не танца даже, а целой пьесы, одной из многих, которые он будет сочинять потом, стало ключом. Оно открыло бездонный ларец воспоминаний. Махмуд снова был мальчиком, танцующим лезгинку на окраине аула Старые Атаги. Он явственно слышал хрипловатую дудочку, на которой дедушка Михо подыгрывал ему.

Он был счастлив, как тот молодой горец, о котором рассказывал собравшимся вокруг него мальчикам старый пастух... Он был беззаботен и весел, он шел с верным товарищем охотиться на туров, жизнь раскрывалась перед ним как покрытый весенними цветами луг...

— Человеку не суждено знать своего будущего, — сказал тогда старый Михо. — На этой охоте молодой горец убил своего друга. Случайный выстрел — но не было свидетелей, и молодой охотник не мог оправдаться перед родными и близкими убитого. Только что он был счастливым человеком и вот в одно мгновение стал изгоем. Он вне закона, и каждый родственник погибшего должен будет убить его, где бы ни встретил.

Что оставалось делать? Юноша покидает родину и скитается по миру.

Земля большая, тут легко затеряться. Он хороший работник и добрый человек, многое умеет делать и без труда находит работу и доброе признание среди людей. Вот только нигде не может остановиться надолго. Ведь его ищут. Ищут упорно и неотступно. У него нет постоянного дома, нет семьи, он бесприютен и несется по мертвой земле, как сорванный ветром куст перекасти-поля.

Прошли годы. Юноша стал мужчиной. Он устал от вечных скитаний, но еще больше он устал от неотступной тоски. Махнув рукой на все опасности, он решает вернуться на родину.

И вот он в знакомых краях. Идет по узкой горной тропе. С высоты перевала видит родной аул.

Навстречу идет человек. Приближается...

Это родной брат убитого!

И хотя прошло много лет, брат убитого узнает его. Он снимает с плеча винтовку и говорит:

— Молись, сейчас ты умрешь! Кровная месть свершится!

— погоди немного, не убивай меня, — отвечает мстителю несчастный. — Ты видишь, я не собираюсь ни защищаться, ни убежать. Позволь, я сначала расскажу, как произошло то несчастье. Хотя у меня нет свидетелей, я хочу, чтобы люди знали, как всё было на самом деле.

Он рассказывает мстителю свою несчастную историю.

Родственник убитого качает головой. «Верю тебе, — говорит он. — Но решение принято, я не могу противиться закону. Кровь за кровь!»

— Всё же я вернулся на землю моих отцов! — говорит горец-изгой. — Я вдохнул воздух гор. С перевала увидел родной аул. Рассказал о том, как всё было, и снял камень с души. Теперь я могу умереть. Стреляй, друг, не трати время!

— Нет, я не могу убить тебя, — говорит кровник и опускает винтовку. — Этой дорогой пользуются все жители аула. Люди не смогут ходить по тропе, зная, что тут убит человек. Другого пути в большой мир из нашего аула нет, ты это сам знаешь. Я не стану убивать тебя ради этой дороги и своих земляков. Но предупреждаю: если ты придешь в аул или я встречу тебя в каком-то ином месте, ты не сможешь избежать смерти...

Так получилось, что горец-изгой остался жить на этой тропе в пещере. Питался он тем, что оставляли проходящие мимо люди, и постоянно помогал всем, кто в чем-либо нуждался.

Он сделал за свою жизнь много доброго. И тогда на общем сходе жителей села было решено, что своей доброй службой людям он заплатил за случайно пролитую кровь. Старики спросили родственников убитого,

согласны ли они с таким решением, и те ответили, что больше не требуют крови.

Так кончилась эта история.

Однако человек тот не вернулся в аул. Он до самой смерти жил в пещере, и со временем люди стали относиться к нему, как к святому старцу, подобному дервишам древности.

Эта история, рассказанная много лет назад старым пастухом Михо, стала как бы внутренним текстом танца, который теперь создавало послушное этой внутренней музыке тело Махмуда...

Танец начинался с того самого, первого, крадущегося движения...

Горец-изгой возвращался на землю отцов. Возвращался, преодолевая страх, закрывая лицо башлыком. Он то и дело хватается за кинжал, готовясь дорого отдать свою жизнь...

Но вот наступает момент, о котором он мечтал много лет. Он видит вдалеке сакли родного аула...

Теперь всё...

Он больше не боится смерти.

Он срывает с лица башлык!

Втыкает в землю кинжал!

Он счастлив, готов жить... и даже умереть!

И если впереди его ждет смерть, то умрет он на родине!

*

Утром Махмуд показал наметки нового танца Ивану Кирилловичу Ковтунову. Балетмейстер был поражен. Он-то прекрасно знал, какая это сложная и непредсказуемая работа — создание нового оригинального танца.

То, что демонстрировал ему Махмуд, было на редкость выразительно, драматично и ни на что не похоже.

Тогда для Ковтунова впервые открылась новая, неведомая доселе сторона таланта Махмуда.

По смыслу и сути это был не просто танец, а целая хореографическая поэма с завязкой, развитием и развязкой.

Подсказывать по большому счету было нечего, кроме каких-то профессиональных деталей, которые они обсудили, отработали и проверили...

Так родился на свет этот первый авторский танец Махмуда Эсамбаева

«Легенда».

Махмуду, как и многим артистам балетной труппы Киргизского государственного театра, приходилось часто выступать в концертах, и там он обычно показывал характерные танцы из различных классических балетов. Но иногда, в тех случаях, когда концерт был не слишком торжественный и официальный, Махмуд мог позволить себе стремительную «Лезгинку», лихую «Цыганочку», «Яблочко» или русскую пляску «Полянка». Он видел, что эти отклонения от программы вызывают у зрителей горячее одобрение.

Теперь к этому набору можно добавить «Кровную месть», вернее «Легенду», как этот танец именовался официально. Заодно можно будет проверить, понятна ли людям трагическая мысль, вложенная в этот танец...

Да, вот еще испанский танец. Он был бы очень хорош для такой программы... если бы еще с кастаньетами!

О, эти кастаньеты!

Испанские танцы вообще ни на какие другие не похожи. Вот что говорил о них сам Махмуд:

«Испанец сосредоточен в танце. Смотрит вниз, самое большое — прямо перед собой. Весь темперамент в ногах. Всё идет в пол. Твердо. Внешне испанец небрежен, но в этой небрежности страшная собранность...

Вот идет молодой испанец. Идет медленно, с достоинством. Через левое плечо перекинута пончо из грубой шерсти. Оно сильно натянуто левой рукой, которая упирается в бок. Спина от этого прогнута, напряжена. А ноги свободны, предельно расслаблены. Вот так он идет, смотрит прямо перед собой. Небрежен и одновременно очень собран...

Надо видеть народ, чтобы понять его характер, и тогда поймешь его танцы.

Я очень люблю испанские танцы. Ну, и старался подмечать тонкости исполнения у приезжих артистов. Однажды мне особенно повезло. В город приехала известная испанская танцовщица Марита Альберинго. Я попросил ее научить меня работать с кастаньетами. Она любезно согласилась и дала мне несколько уроков...»

Эта красивая женщина была истинным виртуозом, а кастаньеты в ее руках умели не только задавать ритм, но плакать, смеяться и петь, они придавали танцу особенное неповторимое очарование. Когда Альберинго уехала, Махмуд стал отрабатывать показанные ему приемы игры на кастаньетах. Но у него никак не получался один прием — даже не сам прием, а переход от одного ритма к другому. Казалось бы, мелочь, но

только не в искусстве. Махмуд бросил всё и помчался вслед за артисткой в Алма-Ату. На попутных повозках, машинах, через снежные заносы и перевалы. Он чуть не замерз в пути и основательно простудился.

Немало удивилась знаменитая артистка, увидев перед собой посиневшего от холода коллегу. Узнав, зачем он примчался, она огорченно всплеснула руками: «И только ради этого?!» Но потом задумалась.

— Ведь это совсем не пустяк, — заметила она серьезно. — Вы добрались до настоящего секрета кастаньет, и теперь я обязана его раскрыть. Вы один из тех артистов, для которых не может быть профессиональных тайн. Вы их всё равно узнаете. Многие, правда, ограничиваются даже не всеми теми приемами, которые я показала вам во Фрунзе, и вполне преуспевают, им много и не надо.

Альберинго показала тот трудноуловимый переход, который так важен в мастерстве владения кастаньетами, и когда Махмуд этот прием освоил, подарила ему свои концертные кастаньеты.

Вернувшись во Фрунзе, Махмуд заказал для кастаньет специальные красивые шерстяные варежки. Кастаньеты у него теперь всегда были теплые, а значит, готовые к игре.

О его увлечении кастаньетами знали немногие. А вот дочка Махмуда Эсамбаева Стелла никогда, наверное, не забудет, как папа вез ее в поезде и как она все три дня дороги с утра до вечера сидела в купе, то и дело всхлипывая, так как папа провел почти всё время... в тамбуре. Три дня подряд он бил в кастаньеты, отрываясь только для того, чтобы покормить дочь. Шум поезда, стук колес, врываясь в тамбур, почти заглушали стук кастаньет, и это было очень удобно для упрямого самоистязателя, всем существом погруженного в стихию движения и ритма.

Ах, как любил Махмуд испанские танцы! Что за чудо этот фламенко! Сколько характера, гордой, агрессивной, грозной даже красоты.

— Хмель без вина! — так оценивал он этот танец.

Махмуд никогда не забывал, как пришел когда-то к Марите Альберинго за кулисы с огромным букетом роз. И получил первый урок игры на кастаньетах.

Впоследствии Махмуд станцевал немало испанских танцев. Это был парный из «Лебединого озера», немало танцев с кастаньетами: «Булерияс», «Пасодобль», «Ла коррида», а также танец тореадора.

В концертах Махмуд исполнял еще один танец, который называется «Мелодии Испании», что очень точно выражает самый его дух. Все прежние танцы были лишь подготовкой к этому. Он вобрал в себя, сконцентрировал всё, что выражают самые различные испанские танцы.

В 1995 году Махмуд помог популярной в то время группе «На-На» оформить игрой на кастаньетах их известную песню «Кармен». Тогда они подружились с Бари Алибасовым, продюсером и основателем группы.

Вспоминает Бари Алибасов: «Я познакомился с Махмудом в 1961 году, когда был еще мальчиком. Может быть, в седьмом или восьмом классе. Мы с ребятами ходили на фильм «Я буду танцевать» с Махмудом Эсамбаевым в главной роли. Тогда было много героических фильмов: «Подвиг разведчика», «Застава в горах», но я не помню содержания этих фильмов, помню только названия. Я как-то интуитивно чувствовал стереотипность и схематичность этих фильмов, образов людей, их подвигов.

«Я буду танцевать» был первым фильмом, где я увидел настоящий подвиг и понял, что значит подвиг для человека вообще. Потому что всегда за подвигом стояло государство, нация, а это был подвиг внутренний, подвиг по отношению к самому себе, к самосознанию — кто ты? с чем ты пришел в этот мир? почему пришел? Ведь долг, который ты должен исполнить, придя в эту жизнь, есть твоя высшая, главная, священная миссия.

В фильме рассказывается о том, как человек, практически потерявший ноги, становится великим танцором. Он сказал: «Я должен. Это смысл моей жизни. Это мое призвание». Меня этот фильм так потряс, что я решил — никогда в жизни не уйду со сцены, что бы ни случилось, что бы ни произошло в моей жизни. Сцена — это то, чему я посвящу свою жизнь.

Я стал артистом благодаря Махмуду Эсамбаеву. С этим образом всю жизнь жил, для меня идеалом всегда был Махмуд, для меня это была божественная, легендарная личность. Я даже не помышлял о том, что когда-нибудь буду с ним знаком, что когда-нибудь я смогу сказать ему слово и услышу его ответ. Куда бы мы ни приезжали на гастроли, если там месяцем или неделей раньше был Махмуд, то всегда оставался шлейф легенд о переполненных залах, о фантастической его программе, о необыкновенном его гостеприимстве. Легенды постоянно сопровождали гастроли Махмуда и на моих глазах делали его божеством. Никогда, ни разу за всю свою гастрольную жизнь — а я много разного и часто плохого слышал об артистах гастрوليрующих, думаю, что и обо мне немало рассказывали гадостей — никогда, нигде ничего подобного не слышал о Махмуде...

В 1995 году готовилась программа «На-настальгия», премьера которой должна была состояться в концертном зале «Россия». У меня в программе была песня «Кармен». Она уже была готова, но не хватало кастаньет. Я больше никого не знал, кроме Махмуда, кто играет на кастаньетах. Никто

лучше него не выдавал зажигательные испанские ритмы. Я позвонил Махмуду и попросил записать партию кастаньет в одном только куплете, что займет несколько минут.

Махмуд приехал в студию сразу, почти мгновенно. Меня всегда поражала его способность прийти на помощь. Как бы далеко он ни находился, где бы ни был. Но вдруг возникла проблема, о которой я даже не подозревал. Ни с кем в мире не могло этого случиться, кроме Махмуда. На него надо было надеть наушники, а он в папахе. Это огромная папаха, в два раза больше, чем его голова. В мире еще никто не создал наушники для папахи. Как надеть наушники Махмуду? Я попытался приладить наушники и так, и сяк, раскрыл их во всю длину, всё равно хватало только на полпапахи. В конце концов приладили с затылка, по-моему, даже приклеили скотчем. Ну, и начали играть. Наушник один на ухе, другой на половине папахи, ничего не слышно. Махмуд несколько раз попытался сыграть партию кастаньет и никак не попадал в ритм, потому что эти наушники постоянно сползали и мешали. Во-вторых, несинхронно слышно. На одном ухе — полнаушника, с другого наушник вообще сполз.

Мы, наверное, час регулировали звук, чтобы ему слышно было. Часа полтора пытались записать. Ничего не получилось. Ну, не попадает в такт и всё, что для Махмуда невероятно с его необыкновенным чувством ритма.

Вот уже три часа бьемся и никак не можем записать пятнадцатисекундную партию кастаньет. Все устали, и он тоже. Я вижу — Махмуд изнемог, обессилен и чувствует свою вину. Он много раз извинялся, просил попробовать еще и еще раз.

— Ну, давайте, вот сейчас получится, я сделаю.

Всё равно ничего не получалось. И вдруг мне пришла в голову «гениальная» идея.

— Махмуд, а ты можешь снять папаху? Тогда мы сможем надеть наушники как надо.

— Конечно, могу, никаких проблем, — и снял папаху.

Мы нормально надели наушники, и Махмуд записал эту партию с первого же раза, причем сыграл виртуозно!

Что же это мы возились три с половиной часа?! Как же нам раньше не пришла в голову простая мысль — надеть наушники туда, куда положено? Просто мы все психологически настолько свыклись с тем, что Махмуд и папаха неразделимы, что никто даже и не подумал, что папаху можно просто снять.

Потом, всякий раз, когда мы встречались, Махмуд вспоминал эту историю и мы смеялись».

Глава третья

В МОСКВУ!

Мало кому известно, что в ранней юности, еще до начала войны, Махмуд побывал в Москве.

Это была интересная и очень рискованная поездка. Большая часть ее прошла на подножках, в тамбурах и даже на крышах вагонов. Ну откуда было подростку Махмуду взять денег на билеты?

Тогда ему очень помогла, может быть, даже спасла от случайной гибели добрая русская тетка-проводница. Она пожалела маленького кавказца и бесплатно довезла до самой Москвы в своем купе.

На перроне Курского вокзала проводница даже всплакнула, провожая запавшего ей в душу паренька: «Ну, какой же худенький, хлипкий, в чем только душа держится. И как ты, Мишенька, будешь жить в этой большой, страшной Москве?»

Махмуд успокоил ее, сказав, что прямо сейчас отправится к своим родным, которые живут совсем недалеко от... Кремля...

А что он знал в Москве? Кремль да еще Мавзолей... ну и то, что где-то здесь детей учат танцевать на сцене. Только вот где и кто?

Об этом недолгом периоде его жизни Махмуда известно только то, что он жил на вокзале и плясал для прокорма «Лезгинку» и «Цыганочку». Неизвестно, как сложилась бы его московская судьба, если бы на него не наткнулся родственник, который буквально за руку вытащил его из милиции, где Махмуд оказался как хронический беспризорник (не в первый уже раз), и не увез домой...

Отец достойно встретил и отменно выпорол блудного сына. Ну а Махмуд — что ему оставалось, только повторял в душе: «А в Москве-то я всё-таки побывал!»

Он ведь действительно в самом начале войны побывал в столице. И тому обнаружилось документальное подтверждение.

Вот что рассказал об этом времени народный артист СССР Владимир Михайлович Зельдин: «Наша с Махмудом дружба продолжалась не один десяток лет. И я благодарю судьбу и жизнь за то, что у меня был такой друг. Вот уже немало лет прошло со дня его безвременной, я так считаю, смерти, а он живет в моей душе. В доме на самых видных местах висят афиши его выступлений, фотографии, замечательная папаха и бурка, которые он подарил мне...

А вот познакомился-то я с ним все-таки гораздо раньше, чем сам думал поначалу. Об этом Махмуд мне как-то, с присущим ему юмором, напомнил.

Знакомство это случилось в самом начале войны...

В молодые годы мы с Махмудом были очень похожи и нас нередко принимали за братьев. Я ведь действительно по облику сильно напоминал кавказца. Думаю, что поэтому меня взяли на главную роль в фильме «Свинарка и пастух».

Этот фильм снимался во время войны. От моего поколения остались единицы, так что сейчас мало кто знает, как делался этот фильм. Я же помню очень хорошо. Моя судьба сложилась так удачно, что великий режиссер Пырьев утвердил меня на роль Мусаиба Гатуева в этой реальной музыкальной сказке — так мне представляется своеобразный жанр этого фильма.

В 1941 году началась война, и немцы были уже близко от Москвы, а мы на сельскохозяйственной выставке продолжали снимать эпизоды.

И вот тогда Махмуд снимался в этом фильме.

О Махмуде Эсамбаеве написано несколько книг. Я их все прочитал, и вот что удивительно, нигде я не нашел упоминания о том, что в самом начале войны он (совсем еще молодой парень, примерно семнадцати лет) находился в Москве и даже принимал участие в съемках фильма «Свинарка и пастух».

Через много лет Махмуд, с присущим ему юмором, напомнил мне об этих днях и потребовал, чтобы я вернул ему долг за бутылку лимонада, которую он купил для меня. Когда он со смехом это сказал, я сразу, отчетливо, вспомнил высокого, худого, улыбчивого юношу в черной черкеске и папахе. Он был одним из многих людей, которые окружали меня во время прогулки по аллеям выставки. Тогда снимался важный эпизод, когда пастух встречается с Глашей (Ладыниной) и они влюбляются друг в друга.

Всё время группа людей шла за мной и Махмуд был среди них... Потом в съемках был перерыв, тогда и произошел этот забавный случай с бутылкой сидра.

Как-то очень хорошо всё вспомнилось, буквально до мелочей.

Перед самым перерывом Глаша уронила папку, которая была у нее в руках. Я наклонился, поднял папку и подал ей. Вся группа остановилась. Оператор продолжал снимать, получился неожиданный средний план, и Махмуд выдвинулся вперед, видимо, ему очень хотелось попасть в кадр.

Иван Александрович Пырьев, стоявший возле камеры, строго сказал

ему: «Молодой человек, вы не очень-то высовывайтесь, это нарушает картину. Как-то искусственно, нежизненно получается. Вас, между прочим, и так хорошо видно».

Потом был объявлен перерыв. И мне как-то очень пить захотелось, а я был в съемочной одежде, в которой, конечно, денег не было, они остались в моем обычном костюме. А тут поблизости, как назло, продавали сидро в бутылках. Я даже ругнулся с досады. Махмуд был рядом, он сразу всё понял, сбегал и купил две бутылки, одну мне, одну себе.

— Сколько стоит бутылка? — спросил я его.

— Тридцать копеек, — ответил Махмуд.

— Когда вернемся в раздевалку, я отдам.

— И не надо ничего отдавать, — отозвался Махмуд, широко улыбаясь, — лучше оставайтесь моим должником навсегда...

Так ведь и получилось, что когда я переоделся, Махмуда поблизости не было. Так я и правда остался его должником.

Вот такой случай удивительный, и тут ничего не придумано. Можно сейчас посмотреть фильм «Свинарка и пастух» и увидеть там Махмуда в массовке. Иван Александрович Пырьев был прав, когда сказал, что его хорошо видно в кадре.

И вот потом, через много лет, когда мы как бы снова познакомились, Махмуд напомнил мне тот эпизод и сказал:

— Володя, ты мне должен тридцать копеек! А так как прошло много лет и выросли очень большие проценты, то ты уже не сможешь расплатиться и останешься теперь моим должником на всю жизнь!

Я не возражал.

А ведь если подумать, то он мне, да и всем людям, столько хорошего и доброго сделал, что все мы навсегда остались его должниками...»

С тех пор прошло много лет. О столице, где Махмуд хорошо узнал и запомнил Курский вокзал и ВДНХ, он вспоминал редко. До поры до времени...

Но вот теперь, будучи уже признанным солистом театра оперы и балета во Фрунзе, Махмуд как-то вдруг понял, что ему позарез нужно снова попасть в Москву.

Это стало настолько ясно, что не нужно было даже обсуждать. В театре он возьмет отпуск за свой счет, отцу и Нине скажет, что уезжает на гастроли — они к таким его отлучкам давно привыкли.

Он даже толком не знал, что будет делать в Москве. Ну, не пойдет же он, в самом деле, наниматься солистом в балетную труппу Большого

театра?! А почему? Может, и пойдет. В свое время такие штуки у него получались вполне успешно.

Но все-таки не это главное. Прежде чем устраиваться куда-то, Махмуду нужно было посмотреть, как танцуют в Москве, как ставят балеты, как выступают в концертах... и как на фоне всего этого столичного богатства, блеска и разнообразия будет выглядеть он сам — пока мало кому известный и немолодой (за тридцать уже) премьер Киргизского государственного театра оперы и балета.

Тут, как нарочно, подвернулись скороспелые друзья-москвичи. Муж и жена, которые готовы были взять его в столицу, на какое-то время поселить у себя дома и даже дать работу в собственной концертной группе.

Махмуд поверил (ему очень хотелось верить), и они поехали.

С первых минут поездки московская пара начала выяснять отношения, причем чем ближе поезд подъезжал к столице, тем эти семейные разборки становились все яростнее и нередко переходили в откровенную драку. Махмуд уже понял, что попал в плохую компанию. Окончательно убедиться в этом ему пришлось, когда поезд под торжественные звуки гимна СССР подъехал к платформе Курского вокзала Москвы.

Едва ступив на платформу, его новые друзья и коллеги, даже не попрощавшись, разбежались в разные стороны. Махмуд остался стоять с маленьким чемоданом и авоськой в руках. В чемоданчике лежали скромное имущество балетного танцора и кастаньеты — главная ценность. В авоське кое-какая еда, приготовленная Ниной, которую не успели доесть его буйные попутчики. Особенно плохо было то, что лихая парочка унесла и его деньги, которые жена Нина отдала им, опасаясь, что рассеянный Махмуд их потеряет.

Вот и потерял — остался один на вокзале, без копейки.

Нынешнее положение его было немногим лучше, чем во время первого (такого, кажется, давнего) посещения столицы.

До Большого театра он дошел пешком и присел тут на лавочку рядом с чудесной клумбой, на которой цвели громадные трагически-красные тюльпаны. Главным магнитом для него был, конечно, театр.

Махмуд просто сидел и смотрел. Вот оно, это чудо, которое необоримо влекло его к себе сквозь пространство и время!

Наступила ночь.

Что делать, куда пойти?

Не устраиваться же на ночлег на лавочке в сквере у Большого!

Именно в это время Махмуда случайно (или это судьба?) встретил вышедший из театра Андрей, сын главного балетмейстера Льва

Михайловича Крамаревского, с которым Махмуд много лет работал во Фрунзе...

Так началась жизнь Махмуда в Москве — в крошечной квартирке друга.

Да, все-таки судьба никогда не отворачивалась от Махмуда совсем. Случалось, что отвлекалась, забывала о нем, но ненадолго. Вот и сейчас, отвернувшись на какое-то время, она снова улыбнулась ему...

Прежде всего нужно было как-то решить проблему с заработком. Тут верный друг Крамаревский помог. Имея кое-какие связи в Мосэстраде (он был хорошо знаком с одним из ее руководителей Кардашенко), Лев Михайлович организовал для Махмуда участие в крупном праздничном концерте, который проходил в самом Министерстве иностранных дел.

— Ты уж постарайся, Махмудик, — напутствовал он друга, прекрасно зная, что Махмуд вообще не умеет выступать кое-как. — Если на таком шикарном концерте коллеги и публика тебя примут, проблем с заработком у тебя больше никогда не будет.

Праздничный концерт в торжественно-чопорном МИДе был организован, как и положено, на самом высоком уровне. Это было понятно хотя бы потому, что вел его популярнейший в те времена конференсье Эмиль Радов — первый советский пародист-имитатор.

Открывала концерт молодая, но уже безумно знаменитая Майя Плисецкая. Ее «Умиряющего лебедя» Махмуд мог увидеть теперь не в кино, а рядом с собой, глядя на балерину из-за кулис.

Следом за Плисецкой на сцену вышел великий Николай Мордвинов. От такого соседства у кого угодно затрясутся колени. Махмуд и правда волновался как никогда в жизни. Он, решился показать здесь испанский танец с кастаньетами собственного изобретения, который назвал «Ла коррида».

Махмуд здорово рисковал, так как до сих пор ни один человек, кроме Левы Крамаревского, этого танца не видел.

И вот его выход...

Махмуд выбежал на сцену в настороженный, притихший зал: «Что за Махмуд Эсамбаев?! Никогда о таком не слышали».

Взорвались первые такты горячей испанской мелодии. Он ответил ей раскатистой кастаньетной трелью и начал первое, переполненное спрессованной страстью, нарочито медленное движение тореадора...

Всё! Бык нацелил свои смертоносные рога. Сейчас бросится... бросился!

Дальше Махмуд ничего не видел и не слышал... Он помнил только,

что где-то в середине танца стук кастаньет, каблуков и сердца слились в единый живой пульсирующий ритм и он перестал ощущать себя человеком, он перелился в стремительный горячий полет музыки. Бык бросался, тореадор ускользал, пропуская страшные рога в сантиметре от сердца... наконец, вот он — последний неотвратимый удар шпаги... всё! Танец кончился!

Пришел в себя Махмуд уже за кулисами и еще какое-то время сидел тихо, доигрывая в душе этот удивительный бой и удивляясь тому, что остался жив. Махмуд действительно не понимал даже, как на самом деле танцевал...

Тут к нему подлетел сияющий Эмиль Радов:

— Иди кланяться... такой успех!!! Половина зала стоит! Давно такого не видел! Это, брат, большая редкость для столицы!

Махмуд вышел на поклоны, а его всё вызывали и вызывали. Пришлось повторять танец. Такое тоже было впервые...

Праздники длились несколько дней. За это время Махмуд выступил в десятке различных мест. И везде его «Ла корриду» принимали на ура.

В зале Союза журналистов перед выходом на сцену сама великая Софья Головкина, заметив, как он волнуется, успокоила и благословила Махмуда:

— С такой божественной осанкой, с такой талией не следует робеть. Удачи!

После праздников жизнь Махмуда Эсамбаева в Москве определилась. Вскоре он был принят в Московскую филармонию. Ни один крупный концерт теперь не обходился без его участия.

Приглашения шли лавиной. Танцы Эсамбаева стали любимым блюдом москвичей. Любой организатор концерта считал «букет» номеров неполным, если в нем не было «Ла корриды».

Особый интерес к неутомимому горцу стали проявлять организаторы коммерческих концертов. Они шептали на ухо Махмуду о сумасшедших «бабках» («работаем за наличман!»). Однако, приняв участие в нескольких концертных марафонах, которые сами участники выразительно называли «чесом», Махмуд понял, что это не его стихия. И вовсе даже не потому, что приходилось работать на тесных неудобных площадках, чаще всего в ресторанах и кафе, к тому же буквально на износ, по несколько выступлений в день. Ему не нравился состав бригад, где работали мало кому известные и не очень одаренные артисты. Возмущала неразборчивость публики, не отличавшей благородного испанского танца от заурадной кабацкой пляски и оравшей: «А ну, мужик, оторви цыганочку

с выходом» или «Врежь яблочко для балтийского морячка!»

Понятно — деньги нужны, куда без них? Но таким образом Махмуд зарабатывать не желал.

Постепенно у него начал складываться репертуар. Пока небольшой — это Махмуд отчетливо понимал. Из того, что было по-настоящему хорошо сделано и нравилось ему самому, можно назвать испанский танец с кастаньетами, родную горскую лезгинку, да, конечно, еще «Легенду» — танец кровной мести, который он придумал во Фрунзе и окончательно довел до ума уже здесь, в Москве, с помощью Крамаревского. Ну, были еще в его программе русская «Полянка» и украинский гопак, но это всё еще нужно было дорабатывать под себя и шлифовать, шлифовать...

Гораздо позже Махмуд говорил мне: «Хорошие номера делаются не годами — десятилетиями».

*

Жизнь, однако, налаживалась.

От филармонии Махмуд получил отдельную комнату в общежитии и вызвал в Москву жену Нину. Тогда же он заказал первый костюм у московского портного. Костюм понравился, и он тут же заказал второй — Нина должна увидеть его красивым и преуспевающим.

Покупать готовые костюмы в магазине Махмуд не мог. Для его уникальной фигуры с длинными ногами и руками, широкими плечами и талией в 48 сантиметров, предметом зависти балерин, стандартная одежда не подходила. Костюм 52-го размера (по плечам и росту) висел на нем, как на вешалке, 42-й (по талии) еще хуже, тут руки-ноги наполовину торчали из рукавов и штанин.

Для него существовал только один способ — шить на заказ. А это даже для преуспевающих артистов серьезные траты.

Однако Махмуд не раздумывал — костюм нужен ему больше, чем еда. Вот на еде он и экономил. Зато костюмы его были таковы, что все спрашивали, где и у кого он шьет. Махмуд, в отличие от большинства коллег, своих мастеров не скрывал. Костюм хороший портной может сшить любому, кто заплатит, но создать такую фигуру, какая была у сына гор Махмуда Эсамбаева, может только Господь Бог. Тут никакие деньги не помогут. Причем шить на заказ Махмуду приходилось не только костюмы, но и рубашки, и даже туфли.

Так было положено начало его знаменитой коллекции костюмов. Через

десяток лет, кажется, уже трудно было бы найти человека, который мог перещеголять Махмуда Эсамбаева по количеству костюмов, рубашек и туфель в платяном шкафу. Шептались, что их там у него... даже говорить не хочется, никто не поверит... одним словом, просто жуть, как много!

Ну, да разве в этом дело. Костюмы костюмами, а между тем, постоянно встречаясь с портными, Махмуд всякий раз вспоминал о давней задумке и в какой уже раз твердо обещал в душе своей любимой второй маме: «Прости, дорогая Софочка, негодника Мойшу (так она называла его, когда сердилась), который до сих пор не выполнил данного тебе обещания. Клянусь — еврейский танец сделаю обязательно!»

Тут ему повезло еще раз. Один из поклонников, большой, надо сказать, книжник-библиофил, с которым Махмуд любил обсуждать прочитанные книги, принес ему (почувствовал, что ли?) книжку рассказов и повестей знаменитого еврейского писателя Шолом-Алейхема.

Оказалось, что именно этого Шолом-Алейхема Махмуду как раз не хватало. Стоило ему раскрыть книжку, как он сразу попал на повесть, у которой было сложное название — «Заколдованный портной (заимствовано из старинной хроники)». Да, этот Шолом-Алейхем был человеком с большим чувством юмора! Махмуд тоже очень любил пошутить, но делал это только в жизни. Теперь у него впервые появилась возможность пошутить и на сцене.

Махмуд сразу понял, что танец будет называться «Портняжка».

Его портняжка будет молодым мужчиной, который еще совсем недавно был подмастерьем, но теперь вышел на самостоятельную дорогу и ждет от жизни приятных сюрпризов. Да он и вообще очень веселый и жизнерадостный человек, этот портняжка.

Когда Махмуд прочел начало повести, то сразу увидел своего героя, как живого. Его озорную улыбку, его печальные глаза, из которых смотрит на мир тысячелетняя трагическая история древнего народа, его любовь к «умственным» разговорам, умение ладить с бедными людьми и шить хорошие вещи из никуда не годного старья...

Вот на такие дела Шимен-Эле (так звали портняжку) был поистине мастак. А так как Злодеевка — городок нищий и справить новую одежду там дело не столь обычное, то Шимен-Эле был в большом почете. Беда только, что он никак не мог поладить с местными богачами, любил совать нос в общинные дела, заступаться за бедняков и подшучивать над местными «хозяевами жизни».

Как же он все замечательно угадал, этот бесподобный Шолом-Алейхем! Подарил Махмуду именно такого героя для танца, которого ему

не хватало.

Шимен-Эле! Бедный, да веселый. Не слишком везучий, зато никогда не унывающий — простой местечковый портняжка-«заплаточник». Бедняк, не боящийся богатеев. Сам бесправный, но всегда готовый встать на защиту обиженного и безответного человека.

Вот у еврейского танца и появилась живая душа! Без этого танца нет.

Так Шимен-Эле забавным мелким шажком, в своем латаном-перелатаном костюмчике выкатился на всесоюзную, а позже и на мировую сцену и, несмотря на свою бедность и нелепые неудачи, заставил зрителей улыбаться. Улыбаться и верить, что у неунывающего портняжки, в конце концов, всё будет в порядке.

В знаменитой программе Махмуда Эсамбаева «Танцы народов мира» появилась очередная неповторимая жемчужина — древний и в то же время современный танец нестареющего ветхозаветного народа.

Теперь Махмуд мог со спокойной совестью сказать: «Я чист перед тобой, дорогая мама Софа! *Я сделал то, о чем ты просила. И сделал это хорошо!*»

Глава четвертая

ЭСТРАДА

В этот же на удивление удачный московский год перед Махмудом впервые встала проблема выбора. Что же должно стать главным в его жизни — театр или эстрада?

Еще недавно такого вопроса не возникало в принципе и даже отдаленно. Театр и только театр! Здесь живет настоящее, высокое, благородное искусство. А эстрада... Но в последний год именно эстрада стала его домом. И вот он стоит, как тот витязь на распутье. Прямо пойдешь — сам погибнешь, направо пойдешь — коня потеряешь, налево... тоже ничего хорошего.

Но выбирать надо.

Да и дорог перед ним открывалось не три, а гораздо больше. Но главных пути — все-таки два. Классический балет, где уже всё почти налажено и понятно, и свой отдельный, индивидуальный танец. Тут пока имеются только многообещающие пробы и надежды. Но какие!

Всё-таки хотя и смутно пока, но Махмуд знал, чего он хочет и что может. Он вспоминал свои первые попытки понять мировую танцевальную культуру. Это было давно, еще в первом его хореографическом коллективе — Чечено-Ингушском ансамбле песни и пляски. Там он впервые исполнил русскую «Полянку» и народную армянскую пляску — первые новые танцы после традиционной кавказской лезгинки и перехваченной у таборных пацанов хулиганской «Цыганочки». Вспомнил, как ему тогда было хорошо.

Теперь он знал творчество знаменитого ансамбля Игоря Моисеева. Вот оно — генеральное направление! Только там ансамбль, а он будет танцевать один...

Эстрада... это ведь тоже совсем неплохо. Тут бывает интересно и при этом почти всегда выгодно в материальном плане. Но все-таки в эстраде есть нечто приземленное, а в иных своих проявлениях весьма далекое от благородной классики.

Нельзя забывать и о том, что в театре он прожил 14 лет, и годы эти были наполнены творчеством. Вот как писал об этом в журнальной статье сам Махмуд Эсамбаев:

«В театре я понял многое. Я понял, какое огромное этическое и эстетическое содержание заключают в себе балетные спектакли. Я понял, что актер лишь тогда значителен, когда не повторяет чужие, раз и навсегда

установленные каноны, а несет в зал свое мировосприятие, свои мысли, свои чувства. Работал ли я над партией Клода Фролло в «Эсмеральде», готовил ли роль Гирея в «Бахчисарайском фонтане», танцевал ли Злого гения в «Лебедином озере» или фею Карабос в «Спящей красавице», я всегда стремился увидеть роль так, будто она только что написана и не имеет никаких традиций сценического исполнения.

Впоследствии этот принцип непосредственного отношения к танцу стал основой моей работы над хореографией народов мира, и я до сих пор с огромной благодарностью вспоминаю годы, проведенные на академической музыкальной сцене. Там я накопил не только исполнительский опыт. Там я впервые проникся сознанием важности гражданской позиции танцовщика».

Ну а эстрада? Махмуд понимал, что она совсем не обязательно должна снижать художественный уровень танца. Даже великие Уланова, Плисецкая, Лемешев, Козловский, Мордвинов, Ильинский и Журавлев не гнушались выходить на эстраду и несли туда свое высокое искусство... Конечно, для них эстрада — всего лишь побочное дело, которое если и отвлекает от театральной работы и жизни, то ненадолго.

У Махмуда же получалось иначе. Как средство самовыражения, как площадка для демонстрации растущего мастерства и творчества, эстрада представлялась ему все-таки более перспективной.

Неужели придется отказаться от театра?

«У меня созрело решение обратиться к народному танцевальному творчеству. Но я обманул бы читателей, сказав, что безбоязненно взялся за новое дело. Конечно, было страшновато, — размышляет Махмуд Эсамбаев. — Правда, к тому времени (1957 год) уже двадцать лет существовал Государственный ансамбль народного танца СССР, руководимый Игорем Моисеевым, которого я считаю своим духовным отцом... Дело в том, что весь многолетний опыт ансамбля, его новаторская работа по утверждению искусства народного сценического танца доказали мне правильность и реальность моих устремлений.

Итак, оставив классическую оперу, я двинулся в трудный и полный неожиданностей путь. Трудный оттого, что ведь никакой традиции сольного исполнения танцев разных национальностей у нас не существовало. Трудный еще и потому, что работа танцовщика на концертной эстраде много сложнее, чем работа исполнителя большой партии в спектакле. Там в его распоряжении три-четыре действия, на протяжении которых он постоянно показывает становление и развитие изображаемого им характера. Там он в окружении своих коллег, образующих живую среду спектакля.

(Вспоминаю, как Махмуд говорил мне: «Народные танцы можно танцевать всем и каждому хоть до ста лет. Но вот создать художественный образ средствами народного танца — такое дано не каждому. Это непросто!». — А. М.)

Здесь, на эстраде, номер занимает от минуты до четверти часа. Танцовщик находится один на один с залом, и он должен, совместив в себе исполнителя, режиссера, постановщика, внятно, последовательно рассказать о жизни своего героя и вместить всю эту жизнь в краткий «хронометраж» номера. Такая краткость рассказа требует особой точности в сохранении рисунка танца, безукоризненной логики актерской работы, абсолютного чувства меры и, главное, отношения к танцу как к истории человеческого характера.

Этому человеческому наполнению каждого танца и следует учиться у народа. Танец любого народа выражает его самые характерные, самые высокие и прекрасные черты. Поэтому мне дороги танцы моей родины и танцы, созданные в других странах. Поэтому я знаю, что профессиональной школы танцовщику мало. Его школой должна быть жизнь».

Итак, что же было в эстрадном репертуаре Махмуда Эсамбаева на данный момент? Два кавказских танца — «Лезгинка» и «Легенда», испанская «Ла коррида»... Очень хорошо в этом ряду будет смотреться еврейский танец «Портняжка», который Махмуд уже практически завершил.

Недавно старый друг Лев Михайлович Крамаревский поставил ему еще один испанский танец, с кастаньетами. Разучивать его пришлось прямо в квартире. Статичные элементы отработывали в комнате, а требующие движения — в коридоре, куда в этот момент соседи входить не решались и только подглядывали, как двое красивых мужчин под четкий стук кастаньет, хлопки и припевки выделявали стремительные па испанского танца.

Хороший получился номер. Для выступлений в бригадах Мосэстрады этого было достаточно, но для настоящей сольной программы народного танца — явно маловато.

Со Львом Михайловичем они смогут довести до ума «Портняжку», по-настоящему сделать лихой украинский «Гопак». Нужен, конечно, какой-нибудь русский танец, к примеру, та же «Полянка»...

Такой набор очень даже неплох. И всё же это далеко от того, что он уже в основных чертах представлял себе. Не хватало чего-то очень важного, единственного, что могло бы преобразить и сделать неповторимой

всю программу...

Вот этого, основного по сути, номера не было, и Махмуд пока даже представить себе не мог, как это должно выглядеть.

Вспоминает народный артист СССР Вячеслав Гордеев:

«Если ты не заплачешь слезами народа, создавшего этот танец, у тебя ничего не получится». Так всегда говорил Махмуд. Конечно же не с целью лишний раз воздать хвалу его искусству вывожу я имя Махмуда Эсамбаева.

Слава артиста, насыщенной энергетикой огромной созидательной силы, взбудоражила наше время и широко прогремела в потоке времени. Вот уж действительно о ком не скажешь: его время пришло или прошло. И чем глубже вырастает «Эсамбаевiana» в ландшафт эпохи, тем более кажется частью природы, устремившейся к вечным вершинам духа от преходящей земли. Эсамбаев оказался художником такого масштаба, что не может уместиться в рамки определений и сердце одного народа. Рушатся социальные устои, перекраиваются границы, мир и война сменяют друг друга, а он — сын горной страны, — подобно утесу, неподвижно стоит, устремив взгляд в бесконечность.

Тщетны попытки разгадать тайну его творчества, приоткрывшего людям сущность искусства и ставшего «священным творением, к которому приложили руку земля и небеса».

Личность, вот что представляется важным, поскольку творчество выдающегося художника всегда симптом изменений, совершающихся в людских душах.

Он оставался самим собой. Мог неожиданно смутить собеседника откровенностью интимных признаний, а какого-нибудь чиновника, зажатого высоким положением, заставить стусеваться не слишком скромным смачным поцелуем в уста.

Нередко озорное детство передавало приветы излюбленным Махмудовским образом эдакой «неотесовщины» с прошлым беспризорника, который он напускал на себя и играл столь же отменно, как и другие роли. Впрочем, всегда оставался в границах меры и вкуса и какой-то особой мудрости.

В моем восприятии Махмуд Алисултанович всегда был недостижимой вершиной, пиетет к которой заставлял соблюдать почтительную дистанцию. В 1991 году, будучи руководителем балетного конкурса имени Малики Сабировой, я пригласил Эсамбаева в Душанбе в качестве члена жюри. Вот тут-то я убедился, что величие души этого человека не имеет ничего общего с высокомерием иных «звезд». Мы искренне подружились. Махмуд окрестил меня «зятком красивого народа», намекая на узбекско-

таджикские корни моей жены. И, честно говоря, просто поразил, когда рассказал, что его эмоциональная память хранит не только впечатления о «заносках и двух турах в арабск, в обе стороны», но и деталях костюмов, в которых почти пару десятков лет тому назад танцевал на Втором Международном конкурсе артистов эстрады в Москве дуэты из «Дон Кихота» и «Тщетной предосторожности». Такое внимание к танцу мог проявить, безусловно, искушенный профессионал, а к мелочам — лишь утонченный эстет, который даже в преклонные годы оставался неизменно подтянутым и элегантным. С очаровательной наивностью и неудержимой гордостью восхищался Махмуд собственной осиной талией. При этом обязательно делал характерный жест, соединяя в круге указательный и большой пальцы обеих рук, которые как бы охватывали пресловутые 47 сантиметров.

Прорехи в образовании не породили у Махмуда каких-либо комплексов, и, раздавая автографы, академик не упустил случая, чтобы напомнить о своей давней капитуляции с фронтов грамматики.

Но была в этом удивительном человеке такая черта, которая не рождается ни учебными аудиториями, ни гувернерами, ни даже генами. Божественный промысел куёт аристократизм духа, ибо свойство это непосредственно связано с нравственными началами.

Каждой клеточкой своего существа этот проникательный и тонкий психолог ощущал, что истинным художником можно стать, лишь помогая людям, лишь не щадя своих сил и превратив собственную жизнь в сакральную готовность прийти на выручку ближнему.

Его душа многогранна и всеобъемлюща. И эта душа, ощущающая неизбежную потребность в гармонии, рано научила Махмуда рассматривать все народы как духовно-чувственное единство. Это было не внушение Корана, Библии или Торы, не идеологическая посылка. Нет, просто Махмуд увидел нации не снизу, не глазами обывателя или туриста, раздраженного таможенными неурядицами и дискомфортом дешевых зарубежных гостиниц, где селили советских комсомольцев, а сверху — на уровне великих сообщений. Он научился, казалось бы, такому естественному и одновременно такому редкому видению в каждой нации ее цвета, суждению о ней не по издержкам политики или сиюминутной конъюнктуры. И оттого за его творчеством всегда стояла оптимистическая идея.

Наверное, в этом крылась причина его внутреннего сопротивления развалу Советского Союза, прибавившего еще один к числу фантомов и миражей. Во всяком случае, Махмуд всегда гордо носил звезду Героя

Социалистического Труда, которая также помогала ему делать добро, ибо открывала перед ним самые тяжелые двери. По его веселому признанию, звезда сияла на всех эсамбаевских пиджаках.

Мы задыхаемся и давимся информацией. С каждой афишной тумбы, газетного киоска, телевизионного экрана смотрят на нас лица, маски, имена. Каждый хочет быть услышанным и востребованным. Но как измельчало и стерлось в наши дни слово «талант», когда-то ценившееся на вес золота. Разве не красноречиво само отсутствие не то что равноценного Махмуду артиста, но и просто танцовщика избранного жанра.

Магия его искусства такова, что смягчила сердце даже непримиримого отца, всхлипнувшего в старости: «Как хорошо, что ты не послушался меня и стал артистом!»

Это произошло, уже когда танец «человека-змеи», исполняемый на цирковых аренах воспитанником грозненского Дома культуры, давно сменили роли академических спектаклей — дебютная — польского пана, а затем хана Гирея в «Бахчисарайском фонтане», Злого гения в «Лебедином озере», когда зажила рана на ноге — память о фронтовом выступлении, когда в репертуар Махмуда прочно вошли «Золотой бог», испанский «Булерияс», бразильский танец любви и самопожертвования «Макумба», «Бамбуко» и многие другие шедевры.

Я бы не смог определить приоритеты сфер личностных и творческих отношений с Махмудом. Но счастлив, что вместе с руководимым мной театром «Русский балет» способствовал продлению сценического века Эсамбаева, имея в виду, что у такого артиста каждый выход на подмостки продолжает физическую жизнь. На ура проходили антре Махмуда в роли Эспады из «Дон Кихота» в окружении балерин и танцовщиков «Русского балета» на юбилейных вечерах в честь его 70-летия и 75-летия. В балете «Жанна д'Арк», осуществленном С. Воскресенской в нашем театре, Махмуд исполнил роль Великого инквизитора. Исполнил, как и все, что он делал ярко, страстно, невзирая на возраст, купаясь в бурных стремнинах своей творческой фантазии.

Всякое явление ценно хотя бы тем, что дает возможность задуматься о первопричине, и потому любой сенсационный успех или феномен уже сам по себе выражает некий нематериальный факт. В Махмуде Эсамбаеве факт этот выражается тем, что, как человек и творец, он воспитал, вдохновил и утешил тысячи, сотни тысяч людей. В разные периоды своей жизни, то бедный, то благополучный, то разоряющийся, он являл равнодушие к вещизму. Когда его дом пострадал от бомбежки Грозного, Махмуд опечалился не утраченными материальными ценностями, а гибелью

благородного красавца коня, кем-то ему подаренного. Всех нас этот великий танцор сделал гражданами одной страны, быть может, по-прежнему заповедной — страны гуманизма и братства.

«Романтические иллюзии», — процедит сквозь зубы закоренелый скептик. Но если мечты излучают эсамбаевскую волю и силу, если мы на себе ощущаем их просветление, благодаря им избавляемся от мелочной злобы, почему бы не испить из этого источника, черпая энергию, которая делает наши сердца добрее, пробуждает волю к согласию, стремление к более высокому строю души».

Глава пятая

ИНДИЙСКИЙ ТАНЕЦ

Эту встречу организовал добрый гений Махмуда балетмейстер Лев Крамаревский. Он в последние годы постоянно работал с Эсамбаевым и знал, чего ему не хватает. Потому и привел на концерт, где среди других выступлений был показан индийский танец, который назывался «Золотой бог».

Танцевала знаменитая исполнительница Элеонора Грикурова. Ее продолговатое строго-красивое лицо с глубокими миндалевидными глазами, ее потрясающе гибкое смуглое тело — всё говорило об индийском происхождении, хотя на самом деле она была чистокровной армянкой.

Элеонора Николаевна была лучшим, да по сути и единственным в СССР знатоком индийских танцев. Она изучала и осваивала их не один десяток лет, причем в самой Индии, где брала уроки в лучших школах у лучших мастеров. Работала она консультантом в Ансамбле народного танца Игоря Моисеева, но учеников не брала, считая, что работать можно только с теми, кто с детства обучался в самой Индии. С отечественными танцовщиками, рвавшимися к ней в ученики, даже с самыми одаренными, она на эту тему даже говорить не желала.

Много усилий, терпения и всё свое первобытное обаяние пришлось применить Махмуду, чтобы растопить этот айсберг.

Очень помогла рекомендация самого Игоря Моисеева, которого Грикурова уважала, пожалуй, не меньше, чем своих индийских учителей.

После разговора с ним она чуть-чуть оттаяла.

— Ну что ж, если сам Игорь Александрович... ладно, пусть приходит, — согласилась она.

О, это было еще не всё!

Махмуд приходил, но Грикурова его как бы не замечала, и это продолжалось очень долго. Потом все-таки разрешила посещать ее занятия — уже кое-что. Он был готов терпеть бесконечно.

Грикурова ценила упорство. Она поняла, что этот не отступит. Что ж, такой характер и нужен.

Но и тут, прежде чем начать работу, спросила:

— Сколько вам лет?

— Тридцать два, — признался Махмуд.

— Поздно! Очень поздно! Ну неужели вы сами этого не понимаете?

Индийским танцам нужно обучаться с детства. Оно у вас прошло давно и безвозвратно.

— Нет, Элеонора Николаевна, — ответил Махмуд, — вовсе не прошло, я по-прежнему ребенок в душе.

Грикурова с сомнением улыбнулась. Но Махмуда невозможно было обидеть. Он стремился научиться и был готов на всё...

Разговор происходил на репетиции моисеевцев, и стайка девушек с большим любопытством присматривалась к высокому и необыкновенно стройному кавказцу, который пылко уговаривал бесконечно холодную Грикурову.

Девчонки прекрасно знали, что она учеников не берет, значит, не возьмет и этого. Они даже спорить между собой не стали. Чего спорить, когда такого просто не может быть?

Разговор продолжался довольно долго, и это уже было удивительно. Грикурова всегда отказывала быстро и бесповоротно. Как видно, этот удивительный кавказец чем-то ее зацепил.

Наконец метресса снизошла:

— Приходите завтра в десять. Посмотрим, что у нас получится...

Это словно бы случайно проскользнувшее «у нас» дорогого стоило! Махмуд это оценил... и отправился заказывать новую шляпу.

Мир знает Махмуда Эсамбаева в папахе. Но эта неснимаемая папаха появилась все-таки позже. В начале карьеры были шляпы — умопомрачительные, сделанные по специальному заказу. А шляпников, заметим, в отличие от мужских портных, было совсем, совсем мало даже в Москве. И услуги их стоили настолько дорого, что пока еще не очень хорошо зарабатывавшему солисту филармонии не всегда хватало на еду.

Махмуд тратился по-крупному, и не напрасно. Такова была его позиция. Артист должен и в жизни соответствовать прекрасному сценическому образу. В этом Махмуд был убежден. И потому не только костюм, рубашка, галстук, модная обувь, но и шляпа — всё должно быть в полном соответствии с образом.

Вечером Махмуд читал про индийского бога Шиву. Это была одна из многих книг про волшебную Древнюю Индию, которые он прочитал за последнее время. Она называлась «Третий глаз Шивы».

«У бога, которому он поклонялся, была тысяча и еще восемь имен. И каждый раз старик старался назвать его по-новому: то нарекал Владыкой третьего неба, то Шивой-разрушителем, который убивает стрелой, то Махешварой, что означает просто «великий бог». Были и другие имена: Амаракша — повелитель богов и Шамбху Милостивый, истинный

Повелитель и Долгокосый, Могучий и страшное имя Бхайрава, которое рискованно было произносить всуе. Но чаще всего старый жрец называл своего господина Четырехруким, потому что у храмовой статуи было четыре руки, и Владыкой танца, так как бог танцевал на поверженном карлике. И Трехглазым, ибо сияла у него во лбу огненная звезда. Давным-давно, когда люди и боги еще жили вместе, Парвати, жена Владыки, играя, закрыла ему глаза своими ароматными ладонями. И мир погрузился в кромешную тьму. Тот самый мир, ради благополучия которого Шива выпил яд, отчего горло его стало навеки синим. Тогда-то, дабы не оставить людей без света, он зажег свой третий, надбровный глаз. Впоследствии в минуты гнева и раздражения он неоднократно испепелял этим нестерпимым светильником демонов и людей, других богов и даже целые миры.

Еще у него было имя — Обладатель Восьми Форм, упоминать которое дозволялось только брахманам высших степеней, а также отшельникам, предающимся размышлениям о первопричине всего сущего и его конце. В восьми этих формах заключалось все, что движет мирами: Земля — Шарва, Огонь — Пашупати, Вода — Бхава, Солнце — Рудра, Луна — Махадева, Ветер — Ишан, Пространство — Бхава и Угра — Жертвователь, понятие, включающее в себя обязанности человека по отношению к высшим силам.

От пещеры до хижины жреца было ровно тысяча восемь шагов, что позволяло ему не упустить ни одного имени Шивы, которое уже само неявно содержит все другие имена. Но последнее время брахман стал сбиваться и путать. Такое свое состояние он объяснял не слабостью памяти, а недовольством Мстительного Владыки, который скучает в одиночестве. Сбившись в подсчете шагов и прозвищ, старик начинал воображать, что именно говорит и делает в эти минуты Шива. Порой он настолько забывался, что кощунственно присваивал себе права патрона и начинал бормотать:

— Я Шива Натараджа Четверорукий, Владыка танца! Я танцую и всё мироздание вторит мне. Вог приподнял я правую ногу, легко отклонился назад, весь равновесие и совершенство, и небесное колесо пришло в движение, закружилось, мерцая факелами звезд. Мой танец пробуждает творческую энергию Вселенной, он зовет из мрака невежества и лени к животворному всеочищающему свету, который изливает вечный костер, пылающий у меня на ладони. От меня исходит грозная сила. С моих волос срываются молнии. Электрические вихри бушуют вокруг меня.левой ногой я попираю ленивого карлика, имя которому Майлака. Подобно жирному пауку, плетет он паутину неведения, иллюзии и темного зла. Он сон, а я пробуждение! Он лень, а я энергия! Он коварное наваждение, а я

царь знания! Смотрите, каким магнетическим светом озарена моя голова! Слушайте, как рокочет барабанчик дамару под ударами моих пальцев. Я пробуждаю к бытию новые миры. Вибрация звуков врывается в холод и мрак перевозданного хаоса. Так океанский ветер рвет в клочья низкие тучи и несет их в иссушенную зноем пустыню. Они прольются благодатным дождем, плодотворяющим жизнь, и я, Шива, пробьюсь сквозь землю первым зеленым ростком! В звоне моих запястий слышен гимн плодоносящей силе. Я прекрасен и страшен, беспредельно милостив и беспощаден. Ничто не минует моего всеочистительного костра. В урочный час все атомы бытия будут уничтожены в пламени, все миры. Я непостижимое единство. Во мне слились все изначальные противоборства: бытие и небытие, свет и тьма, мужские и женские начала вещей. В мочке моего уха — длинная мужская серьга, круглая женская серьга — у меня в левом ухе. Ибо един я, и моя женская энергия — шакти — предвечна во мне. Я танцую, и рука моя обращена ладонью к вам. Это абхайя-мудра — жест уверения и покровительства. Все, кто знает язык пальцев, созданный мной, поймут меня. Все, кто идет к совершенству по ступеням моей йоги, сольются со мной. Прекрасная кобра обвивает мой локоть. В стремительном танце она развевается и летит по кругу, как газовый шарф. Моя змея, моя опасная энергия, мое воплощение. Ожерелье из черепов подпрыгивает у меня на груди, когда я танцую. Это мертвые головы великих и вечно живых богов. В них непостижимая тайна круговорота миров и вещей, совершенствования и разрушения Вселенной. Один мой глаз — живительное Солнце, другой мой глаз — влажная плодотворяющая Луна, горящий над переносицей третий мой глаз — Огонь. Головы Брахмы, Вишну и Рудры, как пустые кокосы, гремят у меня на груди, всевидящее сердце Агни пылает над моими бровями. Что перед испепеляющей мощью его сияние звездных факелов? Что перед ней даже Солнце в зените? Гневная вспышка надбровного глаза ослепляет ярче тысячи солнц...»

*

У Грикуровой был свой сценарий знаменитого танца «Золотой бог Шива». Его открыл ей когда-то сам знаменитый танцовщик Рам Гопал:

— Представьте себе, Махмуд, как солнцеподобный Шива просыпается и озирает своим всевидящим третьим оком, что пылает над бровями, всю землю от восхода до заката...

— Я много лет жила в Индии, — продолжала Грикурова. — В

Калькутте, Мадрасе, Бомбее... Изучила все четыре школы индийского танца. Каждый из этих стилей имеет свою территорию, где он преимущественно исполняется, особую технику, темы и костюмы для танца. «Золотой бог» — это Эверест, почти недоступная смертным вершина. Чтобы его освоить, необходима нечеловеческая сила ног, которую можно развить лишь за много лет специальными упражнениями. «Золотой бог» к тому же не просто танец, тут вся индийская философия, древняя, как сам человеческий разум...

Да, это, конечно, очень непростой танец. От того, сумеет ли он освоить, покорить его, зависит очень многое. И прежде всего, большой и решающий для Махмуда вопрос, в каком направлении будет развиваться его творчество. Продолжит ли он искать счастье в классическом балете, которым он до сих пор занимался, или попытаться найти удачу в эстраде. И там и здесь он ясно видит преимущества и недостатки. Видит свое, пока совершенно неопределенное будущее. И многое, очень многое зависит от того, допустит ли его в свой мир чудесный «Золотой бог».

Махмуд все ещё, как тот васнецовский витязь, задумчиво стоял у камня на развилке и думал, по какой дороге идти.

Нет. Он выбрал уже.

Золотой бог. Индийский танец.

Всё. Другого пути не будет. Дальше он будет идти один.

Нет, не один — рядом Элеонора Николаевна Грикурова.

— Золотой бог — это Шива, — объясняет она. — Классически этот танец способен исполнить только великий индийский танцовщик Рам Гопал.

Она смотрит на Махмуда — похоже, сравнивает. Сравнивает и... не отвергает!

Махмуд не стал рассказывать Грикуровой о своих многочасовых поисках в библиотеках и Музее восточных культур, где он прочитал и просмотрел всё, что имело хоть какое-то отношение к индийским танцам. Как по нескольким фотографиям в музее разглядывал танцевальные позы легендарного Рама Гопала, как читал и запоминал такую трудную индийскую поэзию. Читал древнюю, созданную около двух тысяч лет назад, священную книгу индусов «Натьяшастра», где изучал раздел, посвященный танцам, жестам, мимике. Танцы были неотъемлемой частью культовых церемоний. Сами боги танцевали. В сюжетах их танцев — история создания и существования мира и разума, вся философия жизни. Тут был до мельчайших нюансов отработанный культ жеста, однозначный, как буквы в алфавите. При помощи этих букв, написанных движениями

тела, рук и пальцев, лица и глаз, строилось повествование. Всё это в комплексе называлось «мудра» и было полностью понятно только посвященным, но поражало и непосвященных своей необычной экзотической красотой.

Древний историк Арриан, прибывший в Индию с войсками Александра Македонского, поражался беззаботной веселости местных жителей и писал о том, что нигде не встречал людей, которые бы так любили танцевать. Этот профессиональный наблюдатель заметил с исключительной прозорливостью, что абсолютно всё, что делают индийцы — перестраиваются ли для битвы, торгуют на базаре, собирают плоды в саду или несут воду в высоком кувшине, — все их движения произвольно подчинены какому-то неуловимому, но совершенно очевидному танцевальному ритму.

Вот почему танец в Индии — это не только выражение радости и яркий выплеск эмоций, это еще и своеобразный язык тела, который существенно дополняет богатую и сложную культуру этого древнего народа. Одного без другого тут не существует, и потому в индийской хореографии нет принципиального разделения фольклорных и классических танцев. Для того чтобы танцевать, необходимо с раннего детства осваивать сложный и многоуровневый язык тела, язык поз и жестов. Классический же танец возможен только после завершения этого процесса, ибо он пользуется в своем общении со зрителем этим понятным как для танцоров, так и для зрителей древним языком.

Для того чтобы свободно говорить на этом языке, обычному человеку, даже индийцу, требовалась едва ли целая жизнь. Люди, божественно одаренные пластическими возможностями и уникальной моторной памятью тела, подобно Грикуровой, и те не могли воспринять весь комплекс быстро и легко.

Работа над «Золотым богом» была мучительна не только для ученика, но и для учителя. Ведь за одно занятие они осваивали то, на что даже в профессиональных индийских школах танца уходят многие месяцы, а то и годы.

В этой работе поразительный хореографический талант Махмуда был лишь частью (конечно, необходимой и решающей), но и этот талант не помог бы, не будь к нему добавлены поразительная воля и целеустремленность...

Часть третья

ЗОЛОТОЙ БОГ



Глава первая

ШИВА НАГАРАДЖА

Взглянем на этот поворотный период жизни Махмуда Эсамбаева с другой стороны. Вот как сама Элеонора Николаевна Грикурова рассказывает о встрече с первым своим учеником:

«Осенью 1956 года ко мне обратились из филармонии. Попросили поставить индийский танец для Махмуда Эсамбаева. Я никогда раньше не слышала этого имени. Поинтересовалась, знает ли он технику индийского танца и сколько ему лет. Мне ответили, что индийские танцы он не танцевал, а лет ему за тридцать.

Индийским танцам учат с детства. И лишь немногие становятся профессиональными танцовщиками. Это слишком большая и трудная школа. Ясно, что ни о какой постановке танца для Эсамбаева не могло быть и речи. На этом я этот бессмысленный, на мой взгляд, разговор закончила...

Потом мне позвонили из Министерства культуры с той же просьбой. Вскоре объявился и сам Эсамбаев, которому сообщили о моем отказе. Он позвонил мне по телефону. Я ему объяснила, что это невозможно.

Тогда он стал просить меня хотя бы взглянуть на его работу. Я отказалась.

Он стал буквально преследовать меня, звонил на работу, домой. «Вы же не знаете, что такое индийский танец», — говорю ему. А он свое: «Посмотрите меня, тогда, может, передумаете». В общем, я ему об одном, а он мне о другом. Все-таки уговорил, разрешила ему прийти на репетицию.

Как сейчас помню, я была на площадке лестничной клетки, когда он вышел из лифта. И тут же, не дав мне опомниться, выхватил кастаньеты и начал танцевать прямо около лифта. Это был какой-то невероятный танец, собранный из разных ритмов и движений. Минут двадцать в диком темпе он танцевал на крохотной для его высокой фигуры и длинных ног площадке. Я еле его остановила. Зашли в репетиционный зал. И он опять пустился в пляс.

Пошла к Игорю Александровичу. Договорились, что я попробую провести с ним одно занятие по технике индийского танца. Махмуду я сказала:

— Приходите завтра с утра. Я вам покажу несколько движений. Если не возьмете их сразу, работать с вами не буду.

Резко сказала, но и уверена была, что ничего путного из этой затеи не

выйдет. Здесь не поможет даже его блестящая техника, которую он мне продемонстрировал.

Индийский танец — это совершенно иной мир! Еще никому не удавалось решить подобные трудности, не зная школы этого танца.

И пошла спокойно домой.

С утра он уже в зале. Разделся: тощий, длинный, лысый, выцветшие сатиновые шаровары, на ногах потертые гимнастические тапочки. Стоит в углу, усиленно разминается.

Стала показывать ему движения...

То, что произошло дальше, было невероятно! Он начал буквально «фотографировать» меня. Что бы ни показала, повторяет абсолютно точно. Подхлестнуло это меня, показываю элементы всё более сложные. Для него как будто нет никаких трудностей. Схватывает не только само движение, но стиль, манеру исполнения.

Тогда попросила его сделать то, что сама не могу, самый сложный элемент мужского индийского танца: принять положение полного плие, то есть глубоко присесть, широко разведя ноги, и медленно подниматься в течение одной, а лучше полутора минут. Весь взмок, но вытянулся, встал за этот промежуток времени.

И тогда я поняла, что передо мной человек, самой природой созданный для танца и готовый всё отдать ему. Я сама фанатик, когда чем-нибудь увлекусь. Решила: попробую сделать с ним индийский танец. Сказала ему, он чуть не плачет от радости.

Стала думать, какой танец ему поставить. Решили обратиться к репертуару знаменитого индийского танцовщика Рама Гопала. У меня были эскизы его танца «Золотой бог Шива».

Сюжет такой: Шива пробуждается, наблюдает, что происходит на земле Индии от восхода до захода солнца. И обо всем этом рассказывается в танце. По замыслу это божественно-неземной номер. Но танец пришлось, по существу, создавать новый. Рам Гопал исполняет его в течение сорока пяти минут, очень медленно разворачивая повествование. Движения им делаются как при замедленной киносъемке. Мне же нужно было создать номер продолжительностью в восемь-девять минут, то есть танец, пригодный для эстрады.

Начали мы с Махмудом работать с 8 утра до 24 часов, а иногда и до часа ночи. Один вахтер оставался в зале Чайковского да мы. Работали, не жалея себя. Увлечлись, и дело быстро пошло. Только вижу, часто мой Миша выдыхаться стал, сил не хватает. Однажды спросила: «Кушал сегодня?» Молчит. Поняла, что плохи у него дела с деньгами, питается

неважно. Повела в буфет. Так стала его немного подкармливать. А он меня с тех пор матерью стал называть. И все-таки от невероятного физического напряжения надорвался он. По настоянию врачей на неделю (только-то!) пришлось прерваться.

А тем временем мне нужно было подбирать музыку, создавать костюм, отвечающий танцу. Я начала собирать материал. С любезного разрешения посла Индии в СССР Кришна Менона я пересмотрела всю посольскую библиотеку, перелистала много книг и нот. По крохам собирались элементы танца, музыки, костюма. Наконец подобрана музыка, сделан при помощи художника и портного хороший костюм. И номер был готов. Теперь надо было показать танец новой комиссии Министерства культуры, чтобы он был официально принят.

Вот комиссия собралась. Это было днем в зале Чайковского. Махмуд сдавал целую программу, все номера, которые он мог показать. Но, конечно, в центре внимания был индийский танец «Золотой бог». Без хвастовства скажу, он произвел ошеломляющее впечатление...»

Он поднимался и вырастал так же медленно, как поднимается над горизонтом животворное дневное светило.

Глаз не в силах заметить этого едва заметного возрастания.

Для любого человека бесконечно медленное распрямление согнутых ног, состояние совершенно невыносимое. Любой буквально через несколько секунд просто рухнул бы на землю. Мышцы не выдержали бы напряжения.

Махмуд даже не думал об этом, потому что в таком положении ему не просто нужно было устоять, в этом положении он танцевал, в этом положении всё его, казалось бы, застывшее тело и лицо совершали бесчисленное множество едва заметных, но удивительно тонких и выразительных движений. Вот в чем состояла почти никому, даже из профессиональных танцоров, не доступная сложность этого танца.

Стоять же долгие минуты в полуприседе ему не составляло труда. Дело в том, что, находясь в этом положении, он ничего не весил. Он просто висел в воздухе. Это был всё тот же полет, тот незабываемый детский сон. Только теперь Махмуд умел вызывать это состояние, это удивительное чувство невесомости не только во сне, но и наяву. Он этому научился. Это была та же медитация, о которой говорят индийские йоги. Это состояние Махмуд научился вызывать в себе. Теперь он нисколько не сомневался, что некоторые, особенно умелые индийские подвижники-йоги не просто испытывают эту чудесную невесомость, но умеют даже отрываться от земли и парить в воздухе.

Махмуд чувствовал, что теперь он тоже будет летать...

Каково было впечатление от первых концертных показов индийского танца, рассказывает в книге «Повесть о танце» писатель и товарищ Махмуда Геннадий Пожидаев;

«В те дни, когда индийский танец Эсамбаева впервые появился на московской сцене, из Парижа вернулся солист балета Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко Алико Чичинадзе, который видел там выступление Рама Гопала с танцем «Золотой бог Шива». Узнав, что подобный танец сделан у нас, он захотел сравнить. По словам Чичинадзе, сравнение оказалось не в пользу индийского танцовщика. Сложность, насыщенность танца Эсамбаева несравнима с танцем Рама Гопала. Что же касается индийского стиля, духа этого танца, то здесь судьями были сами индийцы...

Однажды на концерте в зале Чайковского, когда исполнялся «Золотой бог», присутствовал посол Индии Кришна Менон. После концерта он вместе с супругой и первым секретарем посольства Ахуджем прошел за кулисы и попросил провести его к Эсамбаеву. Он горячо поблагодарил Махмуда за блистательную, с его точки зрения, пропаганду индийского танцевального искусства и подарил ему цветы — какой-то совершенно фантастический букет.

Гости поинтересовались, сколько времени Эсамбаев готовил этот танец. Махмуд ответил встречным вопросом: «А вы как думаете?» Секретарь посольства (большой знаток индийского танца) сказал: «Для этого надо, по меньшей мере, восемь лет». (Между прочим, то же самое говорила Махмуду Грикурова.) Индийцы страшно удивились, когда им был назван срок — двенадцать дней. «Если это так, — было ответом, — то Эсамбаев необыкновенный танцовщик».

Индийские танцы сравнивают с философскими учениями. Это подлинный культ пластических движений, который берет начало с древнейших времен, как часть религиозных ритуалов. Сюжетами для танцев служили легенды из жизни богов и героев, которые, по индийской мифологии, тоже танцевали. В одной из священных книг, написанных две тысячи лет назад, был целый раздел, посвященный танцам.

...Перед тем как начинался «Золотой бог», зритель слушает рассказ о нем, такой же удивительный, как и сам танец.

— Далеко за отрогами Гималайских гор раскинулась дивная страна Индия. Прекрасна ее древняя культура, прекрасны ее единственные в своем

роде древние танцы. Танцы Индии делятся на четыре стиля, четыре школы: Катхак, Катхакали, Манипури и самая сложная школа классического танца — Бхарат-Натьям. Танцы этой школы — это легенды, которые пересказываются при помощи движений головы, рук, мимики лица. Один из сложнейших танцев этой школы — танец-легенда о Золотом боге. Медленно восходит золотое солнце над пустынной и мертвой землей. Ничего нет живого на ее безмолвных равнинах. Золотой бог просит бога Неба послать на землю живительную влагу. Пошел дождь. Оживилась земля, зашелестели листьями деревья, запели птицы, зацвели сады. Но дождь не может идти вечно. Он прекратится, и всё живое погибнет. Золотой бог просит бога Неба послать на землю реки. По благодатной земле Индии величаво потекли воды Ганга. Но не всегда спокоен Ганг. Поднимается буря, набегают огромные волны, река выходит из берегов, затопляет селенья, посева, сады. И тогда неисчислимы бедствия народа, — Но Ганг утихнет, вновь войдет в свое русло и потечет величаво, спокойно. Золотой бог уходит, чтобы дать отдохнуть уставшей земле. Голубой бог Ночи вступает в свои права. Он окутывает землю лазурным сиянием. А завтра снова придет Золотой бог, чтобы согреть землю своими лучами. И так будет вечно.

...На сцене мрак. Только слышны мелодичные и размеренные звуки индийской музыки, призывающие к вниманию, к посвящению в таинство танца.

Вспыхивает серебристый луч прожектора и вырывает из темноты сверкающее золотом изваяние. Танцовщик находится в глубоком приседе с разведенными в стороны коленями и руками. На голове сверкающая корона. Звучит музыка. А танцовщик все так же неподвижно сидит, не шелохнувшись. Через некоторое время вдруг замечаешь, что он уже, оказывается, немного поднялся. Значит, происходит движение тела, незаметное глазу. Индийцы тысячу лет назад рассчитали эту скорость подъема танцовщика — так поднимается из-за горизонта солнце.

Зал замирает при виде этого удивительного зрелища. Как будто встает не человек, а само светило. Звучит музыка. Солнце всплывает над безмолвной пустыней. Наконец этот немислимый подъем закончен. Мгновенно меняется освещение, ритм музыки. Золотой бог делает первый шаг. Неожиданно раздается серебряный звон колокольчиков, привязанных к ногам. И мы уже видим не бога, а человека, который одушевляет всё неживое, наполняет поэзией каждое движение своего тела, головы, ног, рук. Особенно выразительны руки. Когда они начинают извиваться, словно это сами воды Ганга, словно бесконечно плавно течет умиротворенная река, зал

непременно раздражается аплодисментами. Кажется, что эти руки можно завязывать в бант.

Лицо бесстрастно, спокойно, мудро.

Это очарование длится несколько минут. Но вот рассказ окончен. Начинается «уход» солнца за горизонт. И он столь же незабываем, как и «восход». И опять замирает зал от этого захватывающего зрелища...

Махмуда вновь и вновь вызывали на сцену. Он утопал в цветах. «Золотой бог» затмил все другие номера. Художественный руководитель зала им. П. И. Чайковского Енджеевский не скрывал восхищения: «Обладая замечательной пластикой, высокой техникой и чувством ритма, Эсамбаев, воспроизводя подлинный индийский фольклор, поднимает этот замечательный танец до предельных вершин мастерства».

Слава о Махмуде и его «Золотом боге» быстро разнеслась по Москве. В Большом концертном зале имени П. И. Чайковского не было отбоя от звонков. Все спрашивали, когда снова будет выступать индиец Мухамед Али. Всем казалось, что Махмуд — танцор из Индии. То, что исполнитель танца — чеченец, стало сенсацией».

Но что творилось в этот первый раз в душе самого Махмуда!

Танец длился шесть минут — и целую вечность. Это был удивительный сон, в котором перед Махмудом прошла вся его жизнь, от первого вздоха и детского крика до ее расцвета, сияния и будущего неизбежного заката.

Жизнь, которую он сотворил сам, как это мог сделать только всемогущий разрушитель и созидатель, великий и грозный золотой бог Шива.

Это был сон наяву. Подобно околдованному собственным танцем брахману Махмуд удалился в иные миры, увидел и понял нечто такое, чего никому из великого множества людей никогда не суждено увидеть и понять.

Он не знал даже, суждено ли ему вернуться, но вернулся.

Вернулся совершенно другим человеком...

Главный эксперт, которого особенно ждал Махмуд, пришел одним из последних.

Это был Игорь Моисеев.

У Махмуда в его творческой жизни было только два абсолютных кумира, чувство восхищения пред которыми он сохранил до последнего дня и унес с собой в могилу, — это Игорь Моисеев и Галина Уланова.

Моисеев зашел ненадолго. Обнял Махмуда.

— Ты мне понравился, — сказал он просто. — Танец-то

исключительно сложный, а Индия — это целый мир. Ты этот мир чувствуешь. Молодец...

Нахмурился, словно рассердившись на себя, и, коротко кивнув, вышел, оставив Махмуда в недоумении и растерянности.

К огорченному ученику подошла Грикурова. Похлопала по плечу:

— Чего загрустил, Махмуд? Просто Моисеева не знаешь. Ты стал, наверное, первым человеком, который удостоился стольких похвал за один раз. Да ведь мэтр вообще в лицо никого не хвалит. Считает, что настоящему мастеру это может только повредить. В коридоре он сказал мне главное — что другого такого танцора он в жизни своей еще не видел, а уж Игорь-то Александрович, поверь, много чего повидал...

— Ну, вот... теперь я на небе! — отозвался Махмуд...

*

Так в постановке Элеоноры Грикуровой родился знаменитый индийский танец Махмуда Эсамбаева. Ученик и учитель оказались достойными друг друга. Артист сумел воплотить один из самых дерзновенных балетмейстерских замыслов. Грикурову в знак признания ее большой победы в пропаганде индийского искусства правительство Индии пригласило на год в свою страну, чтобы продолжить изучение различных школ древнейшего классического танца Индии...

«Всё трудное время работы над этим номером, — писал М. Эсамбаев, — когда я репетировал под руководством Элеоноры Грикуровой, я вспоминаю, как праздник... Главное, что поддерживало и окрыляло меня в трудные дни рождения танца — это лучезарная поэзия индийского народного творчества. Ожившая, очеловеченная природа, сонм грозных и добрых богов, чистота и образность народных верований совершенно пленили меня. Весь — умом и сердцем — я предался этому танцу. «Золотой бог» снискал внимание зрителей во всех странах, где довелось мне побывать. И, видимо, успех и сценическое долголетие этого номера объясняется тем, что мир легенд, который тысячелетиями создавал народ Индии, стал для меня реальным и жизненным».

Именно после танца «Золотой бог» Махмуд Эсамбаев превратился, наконец, в того неповторимого волшебника танца, которого с изумлением и восторгом увидел и полюбил весь мир.

Глава вторая

ФЕСТИВАЛЬ

Весна 1957 года была совершенно необычной, потому хотя бы, что в этот год Советский Союз впервые открылся миру и принял в своей столице Всемирный фестиваль молодежи и студентов. «Железный занавес» впервые после окончания войны приподнялся и показал советским людям остальной мир — там, оказывается, не только угнетали и боролись, но и просто жили, влюблялись, пели и танцевали.

Махмуду исполнилось тридцать три года. Он живет в съемной квартире с женой Ниной. Неплохо зарабатывает, в основном за счет концертов. Одет, обут и сыт — да и много ли ему надо еды, кошка и та съест больше. Зато в шкафу у Махмуда несколько пошитых на заказ костюмов. В зависимости от обстоятельств и настроения, он может надеть любой. Тут же на плечиках сделанные на заказ рубашки, тоже вполне приличный набор. Есть несколько пар хороших, тоже заказных, туфель. Махмуд близок к тому, чтобы считать себя вполне успешным и благополучным человеком.

Он почти позабыл о том, что еще недавно, будучи популярным солистом Киргизского театра оперы и балета, вынужден был регулярно отмечаться в комендатуре. Теперь к нему уже не могут в любую минуту ворваться с обыском, как это было в Алма-Ате и Фрунзе, где он был бесправным ссыльнопоселенцем.

Вот уже четыре года Махмуд Эсамбаев свободный человек! Такой же гражданин СССР, как миллионы его соотечественников. У него теперь есть будущее, и надо решать, как лучше им распорядиться.

Когда Махмуду хотелось о чем-то хорошенько подумать, он шел в сквер, располагавшийся рядом с общежитием, садился на скамью и размышлял.

Сквер был небольшой, чистый и уютный. Суда любили приходить молодые мамы. Гуляли, осторожно подталкивая перед собой коляску с завернутым в кружева спящим чудом. На лицах их светилась едва скрываемая радость.

«Им ведь и правда есть чем гордиться, — думал Махмуд, — то, что сумели сотворить они, действительно самое большое и самое волшебное из всех чудес, на которое способен человек».

На скамейках неподалеку от Махмуда сидели мрачно сосредоточенные

старички-шахматисты. Они долго думали, а сделав, наконец, свой ход, настороженно и остро поглядывали на соперника — каково впечатление? Ход казался им замечательным и неотразимым, однако тот, что сидел напротив, мог одним движением стереть торжество с лица своего противника и партнера.

О шахматы, удивительная игра!

Сам Махмуд в шахматы почти не играл, хотя знал все ходы и правила. Уметь правильно передвигать фигуры — недостаточно. Надо иметь особенный, изощренный ум и душу игрока, только тогда правила будут полезны и начнут работать.

Махмуд сидел, разглядывая летние деревья, такие зеленые, яркие, такие молодые. Даже не верилось, что еще недавно эти клены и липы стучали на ледяном мартовском ветру черными, безжизненными ветками.

Он даже поежился, вспомнив зимние вьюги, несущие, почему-то всегда прямо в лицо, колючие облака снега.

Хорошо жить летом...

Этим летом в Москве пройдет фестиваль, VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Уже сейчас весь город цветет яркими фестивальными ромашками. На этот фестиваль Махмуд очень рассчитывал, но оказалось, что международный праздник не для него. Как-то очень неожиданно выяснилось, что фестиваль предназначен только для молодежи. Кто-то «наверху» решил, что люди считаются молодыми лишь до двадцати четырех лет.

В художественной программе фестиваля значились представительные международные конкурсы по народному танцу и классическому балету. Понятно, что для лауреатов этих конкурсов открывались замечательные перспективы на будущее.

— Выступает лауреат Международного конкурса балета VI фестиваля молодежи и студентов в Москве! — это звучит.

Ну а если получить главную награду, золотую медаль, то о будущем вовсе можно больше не беспокоиться, золотого лауреата фестиваля всегда и везде примут с распростертыми объятиями.

Махмуду было что показать. Он прекрасно выступил на Всероссийском и Всесоюзном конкурсах, проводившихся как отборочные к VI Всемирному фестивалю. Стал победителем на обоих. Ему было твердо обещано, что его танец будет представлен на фестивале.

И вот вдруг, как бы совершенно неожиданно, выяснилось, что за несколько дней до начала фестиваля Махмуду Эсамбаеву исполнится 33 года.

Ну да, исполнится. Что из этого? Разве он выглядит дряхлым стариком? Он будет плохо смотреться на фоне юных соперников? Но пусть хоть один из них попробует повторить восход солнца в танце «Золотой бог», когда нужно незаметно вставать из глубокого плие в течение двух минут. Да ни один, самый подготовленный выпускник школы Вагановой не сможет сделать такого!

И тем не менее они, выпускники балетных школ и академий, будут выступать. Махмуд же может быть только зрителем...

Что делать, он не знал.

И вот, посидев и подумав хорошенько на лавочке в сквере, Махмуд решил, что надо пойти к Грикуровой. Он и раньше, когда не знал, что делать, шел к Элеоноре Николаевне. Если уж она научила его танцевать «Золотого бога», то какие вообще для нее могут быть трудности!

Грикурова была членом жюри конкурса народного танца, и встретиться с ней удалось только накануне утверждения заявок. Она была искренне возмущена тем, что узнала от Махмуда.

— Почему это они только сейчас вспомнили, что тебе 33 года?! — сердито спросила она Махмуда, как будто он сам себе эту неприятность подстроил.

Он только плечами пожал в ответ.

— Ты победил на Всероссийском и Всесоюзном конкурсах и честно добился права участвовать в художественной программе фестиваля! Разве не так?!

Махмуд кивнул согласно.

— Сегодня же пойду к Игорю Александровичу и всё ему расскажу.

— Но ведь Моисеев председатель жюри, — заметил Махмуд с сомнением. — Ему будет неудобно поддерживать кого-то из участников.

— Почему это неудобно? И вовсе не надо ему кого-то поддерживать, он должен просто восстановить справедливость. Игорь Александрович был председателем жюри на отборочных конкурсах к фестивалю, он не допустит, чтобы результаты пересматривались. Ведь именно ты победил?

Махмуд кивнул.

— Почему тогда раньше никто не заглядывал тебе в паспорт и не спрашивал, сколько тебе лет?! Я уверена, что Игорь Александрович так этого не оставит. Он обязательно поговорит с людьми из оргкомитета фестиваля. Если Моисеев заявит протест, его обязательно услышат, можешь не сомневаться. Игорь Александрович — человек авторитетный.

Больше Махмуд ни с кем не встречался и никуда не ходил. Какой смысл? В высокие инстанции — оргкомитет фестиваля, ЦК ВЛКСМ и ЦК

КПСС — он не вхож, да и с кем ему там разговаривать?

Оставалось ждать и надеяться на то, что Грикурова действительно встретится с Моисеевым, а тот переговорит с большими людьми в оргкомитете фестиваля и справедливость будет восстановлена... Без особой надежды Махмуд пришел в последний день и, привычно заглянув в самый конец списка, разглядел-таки свою фамилию в конкурсе народного танца.

Да, нечасто получал он такие подарки! А ведь, признаться, он уже не верил в то, что ему дадут выступить, и ждать перестал.

Словно только что родившийся человек, Махмуд увидел вдруг все в совершенно ином свете. Теперь он верил в красоту людей, в то, что добро всегда побеждает зло, каким бы хитрым и сильным это зло ни было.

Он шагал по Москве, совершенно позабыв обо всем и даже порой вслух разговаривая с самим собой. Прохожие удивленно оглядывались на высокого, удивительно тонкого и стройного кавказца, который как-то очень красиво и грациозно взмахивал руками и делал порой неожиданные танцевальные движения. Да, Махмуд уже танцевал. Он танцевал свой только недавно подготовленный таджикский танец с ножами.

Это был танец-сражение. Несмотря на то что противник был невидим, напряжение боя каждый зритель ощущал буквально физически. Махмуду, таджикскому воину с двумя сверкающими ножами в руках, приходилось демонстрировать все свое незаурядное мастерство. Он стремительно нападал, ловко защищался и уворачивался от яростных атак. Но вот враги окружили его со всех сторон, и только его удивительное мастерство помогает отражать удары, летящие со всех сторон. Становится понятно, что вырваться из плотного круга врагов не удастся. Бесстрашный воин обречен. Вот он схватился за плечо. Ранен! Из руки падает нож... но остается еще один, и он продолжает биться, он не сломлен... вот еще удар и еще. Он падает, но находит силы подняться. Даже стоя на коленях, он продолжает отбивать и наносить удары. Бесстрашный и гордый боец не сдается.

Собрав последние силы, он снова встает во весь рост. Он умрет стоя, как настоящий воин...

Прохожие качали головами, глядя на этого удивительного, танцующего на ходу, человека. Они шли дальше, непроизвольно и незаметно для себя улыбаясь.

Махмуд очнулся только на широченной лестнице Концертного зала имени П. И. Чайковского.

Это место памятное для него.

Здесь он впервые показывал своего «Золотого бога».

Тут впервые медленно-медленно вошло над спящей землей и спящим морем золотое солнце Шивы...

Нет, видно, не зря ноги принесли его сюда.

На середине лестнице Махмуд увидел...

Навстречу ему, откуда-то, похоже, прямо с небес, спускались две ослепительно прекрасные женщины...

Махмуд, конечно, сразу узнал Галину Уланову. Рядом с ней шла ее ассистентка Элла Викторовна Бочарникова — ее тоже все знали.

Они спускались просто и величественно, как ангелы нисходят с облаков на грешную землю. Махмуд замер, наблюдая это чудесное явление...

Ангелы поравнялись с замершим на ступенях Махмудом и вдруг остановились.

— Здравствуйте, Эсамбаев! — сказала Уланова.

— Здравствуйте, Галина Сергеевна! — отозвался Махмуд каким-то чужим от волнения голосом. Когда-то давно, во Фрунзе, Уланова видела его выступление в «Лебедином озере» и высоко оценила его искусство. С тех пор они не виделись. И Уланова, оказывается, помнит его!

— Здравствуйте, Галина Сергеевна, — повторил Махмуд и посторонился, стараясь не мешать проходу этих неземных женщин.

Однако великая балерина не спешила уходить.

— А ведь я о вас думала, Махмуд. Как хорошо, что мы встретились. Все хотела узнать, почему вы не танцуете в нашем классическом конкурсе.

— Я уже заявлен в конкурсе народного танца... если бы знал...

— Ну, хорошо, танцуйте на конкурсе народного танца, но что вам мешает выступить у нас в классике с характерным танцем? Вы, может быть, не хотите? Но почему?

— Хочу, конечно, хочу!

— Тогда несите документы. И как можно скорее. Я еще успею вас включить.

— Галина Сергеевна, вы, наверное, не знаете, что мне уже... больше тридцати.

— Вот беда так беда! А мне, между прочим... даже не буду говорить, сколько мне... Ну что, договорились? Приносите документы! И, пожалуйста, быстрее. Конкурс-то уже начинается. И ни о чем не думайте. Я включу вас от своего имени, у меня есть такое право.

— Конечно! Благодарю вас. Я прямо сейчас!

— Несите. Я буду ждать. Учтите, у нас будет жарко. Очень хороший состав... настраивайтесь на серьезную борьбу. Да, кстати, что будете

танцевать?

— У меня подготовлен новый вариант «Испанского танца с кастаньетами». Мы с Грязновой недавно обновили его. Сама Марита Альберинго помогала нам. И главное, она показала много нового в работе с кастаньетами, теперь это уже совсем испанская версия...

— Отлично! Но нужен еще один номер.

— «Танец в ресторане» из балета «Красный мак».

— Очень хорошо! Это совершенно другая тематика. Значит, быстро домой и сразу же возвращайтесь с документами. Мы с Эллой Викторовной ждем вас.

Вот такой случай, такая встреча. Ну разве это не чудо? Конечно же чудо и такое необходимое ему именно сейчас!

Мимолетная встреча на лестнице — и сразу изменилась вся жизнь!

*

С этого момента удача не оставляла Махмуда.

Накануне открытия фестиваля в Москву приехали жена Нина и дочка Стелла. Приехали, чтобы поддержать, но Нине сразу пришлось заняться своей прямой профессией. За сутки до начала конкурса Махмуд подхватил грипп. Температура поднялась до тридцати девяти градусов.

Тут Нина сразу взяла ситуацию в свои опытные руки, устроила мужу ингаляцию и через каждые три часа колола пенициллин.

Утром Махмуд был так слаб, что едва поднялся с кровати. Но отступить было нельзя. И они втроем (жена и дочка поддерживали Махмуда с обеих сторон) отправились на конкурс.

Войдя в холл, где гудела толпа, говорящая едва не на всех языках мира, Махмуд, как старый боевой конь, вдруг встряхнулся, выпрямился и превратился в того удивительного танцора, которого Нина всегда видела на сцене.

Махмуд выступил. Он танцевал не просто хорошо — он был прекрасен и неподражаем. И тут не только судьям, специалистам и всезнающим музыкальным критикам стало понятно, кто победил: каждый зритель из тех, кто сидел в тот день в огромной чаше концертного зала, мог безошибочно назвать имя победителя.

Но у Махмуда не было времени даже на то, чтобы выслушать комплименты. Не успев толком разобраться, как у него получилось, он помчался на конкурс классики. Он и тут не опоздал. По его собственной

оценке, выступил хорошо. Особенно получился «Испанский танец с кастаньетами». Сама Марита Альберинго обняла его и заплакала от переполнявших ее чувств.

«Танец в ресторане», кажется, тоже получился, — думал Махмуд, сидя в своем закутке перед зеркалом и потихоньку остывая.

Но отдышаться не дали. Его за руку вытащили из гримерной:

— Вас зрители вызывают!

— Но ведь это конкурс, здесь нельзя!

— Они всё равно не уймутся. Слышите, как аплодируют. Выйдите, поклонитесь.

Махмуд вышел. Аплодисменты не утихали. Выходить пришлось несколько раз. Такого, кажется, еще ни на одном конкурсе не бывало.

У выхода Махмуда ждала толпа. Все тянули ему записные книжки, билеты, программки и на всех языках мира просили автограф. Он подписывал, сколько мог. Было чувство, что он едва стоит на ногах. «Не может быть, чтобы я так устал! — думал Махмуд. — Почему раньше такого не было?»

До дома он едва доплелся. И то благодаря тому, что его опять с двух сторон поддерживали жена и дочка...

Температура опять перевалила за 39. Нина вызвала врача.

Доктор был настоящий Айболит — добрый, всезнающий старичок. Никуда не спеша, расспросил обо всем, поздравил с успешным выступлением. Улыбнулся:

— Это все нервы, батенька. Переволновались. Ничего страшного. — И, повернувшись к Нине, добавил:

— И вы не переживайте, милочка, от радости не умирают. Завтра будете здоровы и счастливы.

И правда, на следующее утро Махмуд ожил и вполне уверенно дошел до Зала имени П. И. Чайковского.

Началось подведение итогов. Услышав свое имя, он поднялся на сцену.

Боже, в какой компании оказался Махмуд! Рядом стояли французский танцовщик Мишель Рено, японская балерина Сюики Кайван. Среди победителей конкурса были Нина Тимофеева, Марис Лиэпа, Николай Фадеечев. Тут же рядом великие певцы и певицы: Белла Руденко, Тамара Милашкина, Евгения Мирошниченко, Зураб Анджапаридзе, Ермек Серкебаев. Лауреатские дипломы вручили молодым композиторам Родиону Щедрину и Андрею Эшпаю. В этом зале впервые прозвучали бесподобные «Подмосковные вечера» Василия Павловича Соловьева-Седого. Эту чудную песню теперь можно было услышать везде. Даже прохожие на

улицах, сами того не замечая, напевали ее на ходу...

Медаль за победу в конкурсе классического танца Махмуду вручала сама Уланова. Шепнула: «Видите, как хорошо, что я увидела вас в последний момент на лестнице. У меня легкая рука!»

Чуть позже уже Игорь Моисеев, проводивший конкурс народного танца, объявил победителем Махмуда и вручил ему вторую медаль.

Две большие золотые медали VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов! Об этом можно было только мечтать!

Вот вам и старик! Вот вам 33 года!

Счастливый сон, да и только!

Да, 1957 год преподнес Махмуду поистине царский подарок.

Глава третья

СТАРАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Махмуд — солист Московской филармонии.

С первым своим сольным концертом он отправился на Кавказ, в родную Чечено-Ингушетию, совсем недавно восстановленную после возвращения вайнахов из ссылки. Приехал с большой бригадой артистов. Он пока еще не сформировал собственной программы, которую бы сам считал законченной.

Это не страшно. Танцы есть, и программа появится. Надо работать. Всё придет в свое время.

Наконец-то он вернулся домой!

На вокзале в Грозном стояла толпа.

Махмуд долго не мог понять, кого встречают.

Выяснилось, что встречают его!

Слава, оказывается, поспела на родину раньше самого Махмуда.

Неожиданно возникла проблема. Билеты на первый концерт с его участием были распроданы, оказывается, уже давно, а Махмуд хотел, чтобы на его концерте присутствовали все родные, друзья, соседи и школьные учителя. Администрация утверждала, что ничего уже сделать нельзя, билеты проданы. Однако Махмуд твердо стоял на своем.

Выход всё же нашелся. Договорились, что для всех его гостей принесут и установят в партере стулья.

Главные гости — учителя. Они должны увидеть, что он все-таки сумел кое-чему научиться, во что они категорически не желали верить 20 лет назад.

Учителей Махмуд приглашал сам. На лучшем месте должна сидеть бывшая классная руководительница, преподаватель математики Дора Васильевна...

Она была уже совсем старенькая. Когда Махмуд пришел к ней домой и остановился в дверях, она даже очки надела, но всё не могла понять, кто же это к ней пожаловал.

— Да это же я, Дора Васильевна, тот... ну, Махмуд Эсамбаев — самый плохой ваш ученик!

И вдруг заговорил совершенно ее же расстроенным (но молодым, каким он был 20 лет назад) голосом:

— Ну вот, совсем тебя, Мишенька, лень одолела. Самую простую

задачку не можешь решить... — И тут же ответил ломающимся подростковым дискантом: — Не сердитесь, Дора Васильевна, только мне вся эта арифметика никогда в жизни не понадобится. Я буду артистом. Вот увидите! Еще вас в театр на свое выступление приглашу. Будете сидеть в самом первом ряду, а я буду для вас танцевать... — Ну, что, Дора Васильевна, вспомнили теперь?!

— Господи, да неужто это ты, Махмудик?! Как же тебя ребята называли... забавно так...

— Балерина.

— Точно, балерина! Так это ты, Махмудик мой... Эсамбаев, деточка! Вот уж не чаяла!

Дора Васильевна достала старенький альбом далеких, еще довоенных лет, и они окунулись туда, совершенно потеряв всякое представление о реальности.

До позднего вечера они листали альбом со школьными фотографиями, смеялись, печалились и, не скрываясь, вытирали слезы... прошлое вернулось... словно бы всё снова, всё вживую...

— А ты, Махмудик... ты тогда... настоящий гадкий утенок был. Тощий, длинный, нескладный... правда, такой удивительно гибкий, способен был, кажется, в узел завязаться... зато теперь... теперь ты, как в сказке, превратился в прекрасного белого лебедя! Боже мой, передать не могу, как я рада тебя видеть! Как я рада, что ты стал таким красивым и знаменитым!

Они пили чай с чудесным вареньем из маленьких янтарных яблочек-ранеток. Махмуд так увлекся воспоминаниями, что чуть не забыл про завтрашний концерт и о том, что пришел к учительнице, чтобы вручить ей персональный билет... правда, на приставной стул, зато не где-нибудь, а в первом ряду партера, возле оркестровой ямы, впереди даже самого важного городского начальства...

— Дора Васильевна, вы меня всегда ругали, называли лентяем и бездельником, а вот смотрите, на фотографиях я везде рядом с вами! Это как же так получается?!

— Да очень просто, — отмахивалась, улыбаясь, старая учительница. — Ругала-то я тебя за двойки и за то, что учиться ты не хотел. Как я ни старалась, а ничего с тобой поделаться не могла. Но вообще-то ты, Махмудик, был моим любимчиком. Ты был такой добрый, такой ласковый мальчик...

В эту ночь впервые за много лет Махмуд спал дома. Не просто в родительском доме, а в доме на той земле, где он родился, где жили и

умирали его деды, прадеды и совсем уж неведомые пращурь, составлявшие ствол и ветви древнего родового дерева Эсамбаевых, которое глубоко сидело корнями в каменистой кавказской земле. Оно не раз повреждалось страшными бедами и бурями, но не сломалось, выжило и вдруг породило на самой тонкой верхней ветке удивительный цветок, какого не было доселе на всей огромной и такой разнообразной земле...

Вот так, представляя себе огромное дерево его общей с неведомыми предками жизни, Махмуд уснул...

А на другой день, 22 августа 1957 года, в Чечено-Ингушском государственном театре имени Героя Советского Союза Х. Нурадилова состоялся концерт артистов, в котором выступал солист Московской филармонии Махмуд Эсамбаев. Это было первое официальное выступление Махмуда на родине.

И никто не догадывался, кто он танцевал сегодня для одного человека, для одной старой женщины, своей учительницы, которая сидела на приставном стуле прямо перед сценой и любовалась своим чудесным Махмудиком, не скрывая слез.

Да ведь она всегда верила в него. Это был такой добрый, такой талантливый мальчик!

*

Вспоминает Асламбек Аслаханов, доктор юридических наук, профессор, член Совета Федерации: «Познакомился я с Махмудом Алисултановичем Эсамбаевым сначала заочно. Я был тогда совсем мальчишкой, и мы жили в ссылке в Киргизии. Мне два года было, когда нашу семью выслали туда из Чечни. Мы жили в обычном ауле, который тогда назывался село Сталинское Сталинского района. После смерти вождя и памятного выступления Н. С. Хрущева на съезде партии район был переименован в Первомайский, а село стало называться Беловодское.

Первые известия о Махмуде поступили по «сарафанному радио». Мама разговаривала с другими женщинами, они обменивались новостями, как это у женщин водится, и тогда я впервые услышал фамилию Эсамбаев. Одна женщина назвала фамилию, другая спросила, что, мол, это тот, кто танцует в балете? Оказалось, что тот. И тогда все женщины быстро пришли к общему мнению, что это нехорошо, а балет — это не мужская работа.

Мама моя была неграмотная, но женщина умная и опытная. Пользовалась она большим авторитетом еще и потому, что муж ее, мой

отец, был заслуженным человеком. Он воевал поч — ти всю войну, был четыре раза ранен. Как говорится, вся грудь в орденах. Последнее ранение было тяжелым. Только он успел встать на ноги, как его, не глядя на все ранения и ордена, загнали в телячьи вагоны и отправили со всей семьей сначала в Казахстан, а потом в Киргизию.

Помню, что в доме у нас всегда было много гостей. Думаю, что маме приходилось нелегко, так как всех нужно было накормить, а если нужно, устроить на ночлег. Все эти люди приезжали в основном к отцу, это были наши родственники и земляки. Чеченцы и в изгнании продолжали придерживаться родства и поддерживать друг друга.

Таким образом, моя мама была, как сейчас говорят, женщиной более продвинутой, информированной, и тогда в разговоре со своими соседками о Махмуде она одна пошла против общего мнения и сказала, что таких людей, как Махмуд, не надо осуждать, наоборот, нужно гордиться, что нашелся человек, который прославляет наш народ своим талантом. Недаром говорят, что он единственный в мире чеченец, который так прекрасно танцует.

Слова матери очень запомнились, и я спросил у матери, как он, этот Махмуд Эсамбаев, танцует лезгинку. Она ответила, что лезгинку он, конечно, танцует лучше всех на свете, но как артист балета может танцевать и гораздо более сложные танцы.

Мне, конечно, было тогда трудно представить более сложный танец, и, конечно, захотелось увидеть, как танцует лезгинку Махмуд Эсамбаев. Именно тогда я запомнил фамилию на всю жизнь и начал мечтать когда-нибудь с этим человеком встретиться.

Потом, когда вернулся домой, стал расспрашивать отца (отец, понятно, главный авторитет), рассказал ему то, что услышал от женщин. Что этот Эсамбаев уже известный мастер балета, в Государственном театре танцует лучше всех, а по национальности он будто бы чеченец. Хотя было тут у меня сомнение. Фамилия Эсамбаев более характерна для казахов и киргизов, как мне казалось... Отец ответил, что фамилия как раз коренная чеченская, что Эсамбаевы из большого рода Ишхоевых и потому они наши родственники, только жили они всегда на другой стороне реки, напротив нас, в Старых Атагах. Река Аргун разделяет нас.

— Значит, ты можешь пригласить его в гости? — спросил я с надеждой.

— Он еще молод, чтобы старый человек его в гости приглашал. Сам придет, будем рады, — ответил отец с важностью.

Настоящая чеченская традиция, сейчас ее уже нет, твердо

устанавливает, что старый человек, будь он хоть самый последний бедняк, пользуется в обществе почетом и непрерываемым авторитетом, а молодые должны знать свое место, вести себя скромно и считать за честь хоть чем-то быть полезными старшим.

Вот умер, к примеру, человек, идут похороны, во главе всегда старики. Ни какие-то большие начальники, ни министры даже, а простые местные старики. В чеченской традиции — исключительное уважение к старшим. Такой порядок. Только совсем уж большого, знаменитого человека, да еще такого, который сделал много хорошего для людей, какой-нибудь старик может пригласить, чтобы он шел рядом с ним. А так, какой ты ни великий чин, твое место позади стариков.

В Киргизии мне с Эсамбаевым так и не пришлось встретиться. Только в 1959 году я впервые увидел Махмуда. Увидел не на сцене, а прямо на улице. Он шел... нет, он не шел, он вообще не умел просто так ходить. Он как бы плыл над землей своей удивительной, невесомой балетной походкой.

Я остолбенел. До сих пор я даже фотографий его не видел, но сразу, без малейших сомнений, понял, что это он. Эта знаменитая уже папаха, эта тонкая талия, эта походка, сама по себе прекрасная, как танец. Конечно же это тот самый Махмуд Эсамбаев, которого я любил и обожал заочно, как старшего брата уже несколько лет. И вот я вижу этого человека прямо перед собой!

Неведомая непреодолимая сила бросила меня к нему. Я подбежал и с несвойственным для меня волнением прошептал: «Махмуд!» — у нас по традиции даже стариков называют только по имени.

Столько, видимо, мальчишеского восторга и обожания было во мне, что он остановился и улыбнулся.

— Да, Махмуд... — сказал он.

— Я Аслаханов Асламбек... — Ну что я еще мог сказать?

— Аслаханов... Асламбек... Аслахановы это же... слушай, так, получается, что ты мой брат! — сказал он и обнял меня за плечи.

Дальше мы шли вместе. Он что-то говорил, я отвечал, но, сказать по правде, мало что понимал. Меня переполняло чувство гордости, что вот я иду с самим Махмудом Эсамбаевым, и он говорит со мной, как с добрым товарищем, как с младшим братом. О таком можно только мечтать!

Он был уже тогда известным, прославленным человеком. На VI фестивале молодежи и студентов в Москве он завоевал главные награды в классическом и народном танцах. Тогда он сразу стал известен всему миру.

В то время узнать толком о великих артистах можно было только из

кино. Но фильмы о танцорах появлялись редко. Телевидение было еще очень слабое, а телевизионные приемники имелись у редких людей. Но всё равно информация о великих людях по народному радио распространялась быстро. Об успехах Махмуда в Чечне все знали хорошо.

Махмуд пригласил меня домой. Я с детства как-то избегал заходить в чужие дома. К себе всех готов пригласить и гостям рад, но сам в гости ходить не люблю.

К Махмуду, однако, пошел с великим удовольствием. И потом, в течение многих десятков лет, в его дом приходил по первой просьбе и всегда с удовольствием.

В это лето я поехал с Махмудом на гастроли по Северному Кавказу. Первый раз это была поездка в Орджоникидзе, вторая — в Кабардино-Балкарию. Тут я увидел своими глазами, причем с близкого расстояния, из-за кулис, всю невысказанную красоту его танца и столь же невысказанную тяжелую работу, которую ему приходилось вести изо дня в день и которую он очень любил.

В 1962 году меня призвали в армию. Служил я в Харькове в спортивной роте. Но дружба наша с Махмудом продолжалась даже на расстоянии.

И вот узнаю, что Эсамбаев приезжает на гастроли в Харьков. Он сам мне об этом написал. Я, совершенно обалдевший от радости, помчался по городу, где у меня, довольно известного и успешного к тому времени боксера, появилось немало друзей и знакомых, и всем радостно сообщал, что скоро приедет Махмуд Эсамбаев — великий мастер танца, к тому же мой друг и родственник. И всем (разве можно было отказать) обещал попадание на его концерт. От счастья я определенно потерял ощущение реальности и приглашал массу народа.

Приглашал, наобещал, а как провести? Билеты из касс улетели в одно мгновение. Полный аншлаг!

И как мне выполнить свои обещания? Оказаться хвастуном, не держащим слова — большего позора для молодого человека-чеченца и придумать, нельзя!

Узнал я, в какой гостинице Махмуд остановился. Это была самая шикарная гостиница в Харькове, и помчался к нему. Куда там — швейцар в ливрее с генеральскими лампасами со мной, простым солдатом, даже разговаривать не пожелал. Но я раздобыл телефон и все-таки связался с Махмудом. Он тут же выбежал на улицу, обнял меня: «О, солдат мой, брат мой, здравствуй!» и так, обнявши, провел меня мимо неприступного швейцара, который теперь стоял, вытянувшись в струнку.

Привел меня в свой большой номер и сразу усадил за стол.

Мне стало неудобно, и я сказал, что совсем недавно пообедал в части.

Он и слушать не желал:

— Солдат не может быть не голодным! Пока вот это и это не съешь, ни о чем разговаривать не будем.

Пришлось отведать и это, и то. Тут открылась правота Махмуда. Я, конечно, как и все солдаты, готов был есть, что угодно и сколько угодно, а тут еще всё оказалось таким вкусным!

Махмуд смотрел на меня и улыбался.

— Ты, — говорит, — так вкусно ешь, что и мне захотелось.

— А ты почему же не ешь? — спросил я его.

— Чтобы иметь такую талию, — сказал он и обхватил себя пальцами рук, — нужно держать желудок в ежовых рукавицах.

После того как я хорошенько расчистил стол, мы начали разговаривать. Но я никак не мог решиться и рассказать, в какую жуткую западню я попал с этими своими безответственными приглашениями.

Однако Махмуд был чутким человеком и уже через некоторое время внимательно посмотрел на меня и сказал: «А ну выкладывай, что у тебя там за душой. Я ведь вижу, что-то тебя гнетет».

Тогда я и рассказал о своей беде. О том, что нерасчетливо пригласил массу народа на его концерт, а билетов в кассах нет, аншлаг. Я это рассказал, но при этом прекрасно понимал, что спасти меня невозможно, зал ведь не резиновый. Тут даже всемогущий Махмуд не сможет помочь.

Махмуд похлопал меня по плечу и сказал:

— Не горюй, брат! Сегодня же договорюсь с администрацией, чтобы всех людей, которые придут с тобой, пропустили в зал.

Ах, как же я надеялся, что из тех людей, которых я пригласил, придут не все! Но когда я подошел к Дворцу культуры, где должен был состояться концерт, то увидел, что пришли не только все, кого я пригласил, но привели с собой родных и друзей.

Я пришел в ужас! Больше всего мне хотелось убежать куда-нибудь и хорошенько спрятаться.

Тут из дверей вышел Махмуд и помахал мне рукой и, когда я со своей толпой подошел, он сказал билетерам на входе:

— Этих всех пропустите, они со мной!

Билетеры вытаращили глаза, но возразить не решились.

В зале свободных мест, конечно, не было, но Махмуд распорядился, чтобы принесли дополнительные стулья и расставили их перед оркестром и во всех проходах.

Понятно, что делать этого было нельзя, хотя бы по соображениям пожарной безопасности. Но Махмуд настоял на своем. Из-за этого начало концерта затянулось чуть ли не на полчаса.

Махмуд не ушел в гримерную до тех пор, пока не убедился, что все гости заняли свои места.

Так честь моя была спасена!

В будущем я стал умнее и больше таких задач перед Махмудом не ставил.

Вот такой это был человек!

Он был готов всегда и всем помогать. Я прекрасно знаю, что он и потом, где бы ни выступал, перед началом концерта выходил к парадному подъезду и если видел кого-то из земляков, пытающихся пробиться в зал, просто брал их за руку и проводил мимо контролеров как своих гостей.

Кстати, другой наш знаменитый земляк, Муслим Магомаев, с которым у Махмуда были в разные времена самые разные отношения, от пылкой дружбы до тяжелой ссоры, тоже брал пример с Махмуда и помогал землякам-чеченцам попадать на свои концерты.

Муслим Магомаев стал знаменит уже в 19 лет после выступления на молодежном фестивале в Хельсинки. С тех пор слава его только росла, и в 31 год он удостоился самой высокой награды — звания народного артиста СССР.

С Муслимом мы познакомились в Грозном. Я тогда вернулся из армии, поступил в Краснодаре в институт и стал чемпионом края по боксу. Домой, в Грозный, я вернулся на каникулы. В это время началось первенство республики. Проходило оно в Грозненской филармонии. Днем бой боксеров, вечером поет Магомаев. Там мы с Муслимом познакомились и со временем стали дружить.

С ним тоже трудно было ходить по улицам. Девушки почти поголовно были в него влюблены и умудрялись выбирать такие маршруты, чтобы несколько раз пройти мимо и поздороваться.

Кстати, начинал Муслим свою карьеру певца и тяжело, и трудно. В Москве квартиры долго не давали, и ему приходилось несколько лет ютиться по углам. Хорошо, что тут, в Грозном, в Горячем Ключе, ему дали квартиру. Я там частенько бывал у него в гостях.

Особенно он стал популярен после концерта в Киеве. Там он показал себя как замечательный оперный певец, исполнил несколько классических арий. Это у него получилось замечательно.

Я на этот концерт попасть не сумел, билеты купить было невозможно, аншлаг, в гостиницу к Муслиму меня не пропустили.

Когда я встретился с Махмудом, то пожаловался ему, что не смог попасть на концерт в Киеве и не смог встретиться с Магомаевым.

Махмуд сказал: «Это его окружение виновато. Там есть люди, которые определяют, с кем Муслиму встречаться, а с кем нет. Напрасно он им так доверился. Но это, думаю, у него пройдет. Как бы популярен ни был человек, если он умный, то должен знать, что никакое, самое преданное окружение не стоит потери друзей. Старый друг всегда самый лучший».

Махмуд был прав. Вскоре я встретился с Муслимом, он был искренне огорчен тем, что случилось в Киеве. Встреча наша получилась искренней и доброй.

Он тогда, как бы извиняясь за то, что случилось в Киеве, устроил концерт прямо в нашем педагогическом институте.

Перед концертом я пригласил Муслима прогуляться по институту. Прогулка наша едва не закончилась большим скандалом.

Надо сказать, что ребята в нашем пединституте были разные, встречались и не слишком развитые. В основном это были сельские парни, попавшие на студенческую скамью сразу после армии.

Увидев Муслима в концертном костюме с бабочкой, они, указывая на него пальцем, говорили со смехом: «Смотрите-ка, настоящий пингвин идет!» Один, не просто малограмотный, но еще и агрессивный, подошел к Муслиму, потянул за бабочку и отпустил. Замечательная шутка!

Муслим остановился.

— Ну и что дальше? — спросил он шутника.

— Чего тебе нужно здесь, пингвин? — ухмыляясь, спросил этот шутник.

Я взял хулигана за руку и отодвинул в сторону.

— Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь? — спросил я его. — Это — Муслим Магомаев!

— Ну и что такого? Он Муслим Магомаев, а я — Лаха Исраилов.

— То, что ты Лаха Исраилов, знают только твои приятели. Муслим Магомаев — великий артист, наш земляк, чеченец, его любит вся страна. Предупреждаю, что если кто-нибудь еще раз тронет его хотя бы пальцем, будет иметь дело со мной.

Этот Лаха надулся и уже собирался как-то обидно мне ответить, но тут подошли девушки и стали спрашивать, правда ли, что сам Муслим Магомаев пришел к нам в институт. Они глазам своим не верили. Обступили со всех сторон, стали задавать вопросы. Муслим со всеми хорошо, по-доброму разговаривал и никому не отказывал в автографах. Он, надо сказать, всегда достойно и просто вел себя с людьми.

Потом был концерт. Успех превзошел ожидания. Настоящий фурор! Муслима больше часа не отпускали, а потом весь институт провожал его до самой гостиницы.

Как я уже сказал, в отношениях Муслима и Махмуда были разные периоды. Теплые и холодные, белые и черные. И все-таки оба относились друг к другу с большим уважением и симпатией. Махмуд говорил мне, что гордится Муслимом, и утверждал, что если бы он выбрал карьеру оперного певца, то поднялся бы на уровень лучших итальянских мастеров.

Они искренне тянулись друг к другу, но вот это самое окружение... эти люди, которые прижились вокруг них, сделали много, чтобы их рассорить. Нашептывали им друг про друга разные гадости. Артисты, они, как там ни крути, люди очень эмоциональные, ранимые и всё принимают близко к сердцу. Вот и получилось, что два великих чеченских артиста так и не подружились по-настоящему, о чем сами сильно жалели, я это знаю.

Обидно, что артисты не умеют делать, как делаем мы на своей работе в органах внутренних дел. Получая информацию, мы никогда не доверяемся ей сразу и полностью, а стараемся проверить через разные источники, правда это или сплетня, наговор, и если получаем подтверждение, только после этого принимаем в разработку.

Махмуд всем доверял. Это было его изначальное отношение к людям. И в то же время он был очень обидчив и тяжело переживал, если о нем говорили что-то плохое, несправедливое. Нет, не простые люди, на это он не обращал внимания. Они ведь говорят с чужих слов и по-настоящему его не знают. Но если что-то плохое разносили известные люди, хорошо знавшие его, это он переживал очень остро и болезненно...

Но всё это в конечном счете понятные человеческие слабости, и не они остались в памяти. Когда я думаю о Махмуде, я вспоминаю сначала его гениальные танцы, а потом его исключительное стремление помогать людям.

С 1958 года и до самой смерти он был депутатом Верховного Совета. Он был народным депутатом даже не по должности, а именно по душе. Недаром в своих избирательных кампаниях, встречаясь с людьми, он говорил просто — вы можете выбрать меня или кого-то другого, я не обижусь. Можете не сомневаться, я всё равно буду заниматься теми делами, которые волнуют вас, я всё равно буду в меру сил своим людям помогать. Это была чистая правда.

Мама родная, скольким же он помог!

Помните, раньше часто (пока она была жива) показывали по телевизору мать Терезу — замечательную женщину, которая всю жизнь

свою положила на то, чтобы помогать людям?

Вот и Махмуда можно было назвать — «отец Махмуд». Не было и не могло быть такого, чтобы он отказал в помощи обратившемуся к нему человеку, чтобы не употребил все свои силы и влияние, чтобы помочь».

Глава четвертая

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАСТРОЛИ

Махмуд становился по-настоящему известным. У него появились верные поклонники, готовые часами ждать его у выхода после концерта, всего лишь для того, чтобы взять автограф или лично вручить букет цветов. О нем говорили по радио, писали в газетах. Даже в солидных журналах, которые редко уделяли внимание эстраде, появлялись восхищенные отзывы. Вот что писал в марте 1960 года журнал «Театр»: «В танцах он — нервный, изменчивый, отрешенный, точный и расчетливый, импульсивный и бесхитростный. И всё это — сразу, одновременно. Махмуд Эсамбаев исполняет не только танец, но и танцора, он перевоплощается в человека, танцующего данный танец. Вот в чем состоит его победа. Танцы Эсамбаева — это театр переживания, а не представления. На афише пишут «Танцы народов мира», а надо бы «Народы мира в танце». Непременно посмотрите Эсамбаева как можно скорее. Торопитесь, потому что этот артист, при всем своем зрелом мастерстве, найдет еще так много нового, что через несколько лет это, может быть, будет нечто совсем иное».

Наступили времена благополучия... Можно и так сказать. За два года после фестиваля, где он стал двойным лауреатом, Махмуд успел побывать в самых разных краях страны.

Настало время показать советское танцевальное чудо за рубежом.

Выезд за границы СССР в те времена был труден для любого, самого знаменитого и талантливого человека. Нельзя было исключить того, что на неизбежной официальной комиссии старых большевиков в райкоме партии какой-нибудь въедливый старичок не спросит, какой по счету съезд коммунистической партии должен пройти в... «этой самой Мексике, куда вы, как талантливый представитель нашей великой страны, едете выступать с концертами». Мог, конечно, и так бывало нередко. Не раз случалось, что человек, не сумевший вспомнить фамилию генерального секретаря компартии Турции, не был выпущен за границу: «А как же! Там, в мире желтого дьявола, вокруг него будут хороводом кружиться коварные ревизионисты, идейные враги и прочие империалистические шпионы. В такой обстановке советский человек должен твердо знать, кому можно доверять и на кого следует опереться...»

Для Махмуда бесчисленные комиссии, лекции и семинары, предварявшие зарубежную поездку, были тяжелым испытанием. В общем-

то ему нужно было только присутствовать. Присутствовать и молчать. Это было единственное послабление для «горца». Все-таки даже бескомпромиссные наши идеологические органы понимали, что этого человека не следует ломать через колено. Что, при всей своей феноменальной природной гибкости и пластичности, он неподатлив для лобовой пропаганды.

К тому же человек этот едет зарабатывать такую нужную для страны валюту и может заработать много, очень много! С этим приходилось считаться и вовсе не в последнюю очередь.

Провожая артистов за рубеж, большие партийные начальники произносили напутственные речи:

— Вы едете в далекие страны, где очень редко видели советских людей. Для них вы станете первыми представителями далекой страны, где все люди свободны и счастливы. Будьте же достойны этой высокой миссии!

И они уезжали в большой неведомый мир, запасшись индийским чаем со слоном, кипятильниками, хлебом и твердыми черными палками добытой по большому благу сырокопченой колбасы. У счастливых людей свободной страны если и была малая сумма иностранных денег, то вовсе не для того, чтобы покупать еду и развлекаться. Они заранее думали о том, как бы отовариться бытовой электроникой и джинсами для себя и своих знакомых.

В первый раз Махмуд Эсамбаев выехал за рубеж солнечным майским утром 1959 года.

И сразу Париж!

Тогда он впервые вживую услышал Ива Монтана, Шарля Азнавура, волшебницу Эдит Пиаф. Тогда же в Гранд-опера выступала 53-летняя Жозефина Бейкер, которая понравилась Махмуду больше всех. Эта «старушка» обладала не только поразительным глубоким и неповторимым негритянским голосом, но изумительной юной фигурой, ярким танцевальным даром и незаурядным драматическим талантом.

К большой радости Махмуда, гид, водивший группу советских артистов по Парижу, оказался поклонником Жозефины Бейкер. От него Махмуд узнал, что эта очаровательная даже в своей артистической «старости» темнокожая красавица уже много лет назад была признанной звездой американской сцены. Она родилась в Сент-Луисе, столице негритянского джаза, где прославилась как танцовщица и исполнительница виртуозных джазовых композиций. Потом прогремела в Париже, покоряя сердца и шокируя публику исполнением «диких танцев» в одной лишь юбочке из банановых листьев. Во время Второй мировой войны «черная пантера» вновь оказалась во Франции, стала активным участником

движения Сопротивления и, несмотря на множество опасных испытаний, сумела выжить и встретить победу.

Заслуги ее в борьбе с фашизмом были оценены высоко. Жозефина Бейкер была названа героиней Франции, орден Сопротивления и крест Почетного легиона она получила из рук самого генерала де Голля. Еще большую известность Жозефина заслужила за свой удивительный материнский подвиг. Сразу после войны, когда Франция была переполнена детьми, оставшимися без родителей, она взяла на воспитание 12 сирот разных национальностей и цвета кожи. Прекратила свою артистическую деятельность и полностью посвятила себя их воспитанию.

Только вот беда! Для любого, даже самого доброго и человеческого дела необходимы деньги. Довольно скоро у Жозефины возникли финансовые затруднения, и тогда, чтобы продолжить свое человеколюбивое дело, она вернулась на сцену. В артистическом деле вернуться бывает очень непросто, а вернуться без потерь не удавалось почти никому. Справедливо сказано, что в одну реку нельзя войти дважды. Но Жозефина и не собиралась быть той, которую знали раньше. После долгого перерыва на сцене появился другой человек. Ее репертуар обогатился своеобразной яркой хореографией и настоящей высокой драматургией. Этот новый образ сделал «пожилую» Жозефину Бейкер еще более яркой и привлекательной. Щедрая и разносторонняя одаренность позволяла ей превращать свои выступления в полноценные хореографические и драматические спектакли.

Заканчивала Жозефина Бейкер свой концерт песенно-хореографической композицией «Голливуд».

Ситуация вполне привычная: режиссер новой картины подбирает актрису. Фильм музыкальный, и потому актриса должна прекрасно петь и танцевать. Бедняга перебрал уже несколько десятков девушек, блондинок и брюнеток, худышек, толстушек, красивых и просто миленьких, ни одна даже близко не подходит на роль главной героини.

Режиссер устал и озверел.

— Всё, больше никого не пускать! — объявляет он.

Тут заходит еще одна. И если все другие были хотя бы смазливы и хоть немного умели держаться, то эта выглядит как настоящее чучело. Старое платье — добыча старьевщика — висит на ней, как на вешалке, а туфли на таком высоком каблуке, что ноги подкашиваются. Волосы на голове торчат петушиным гребнем. Появление этой претендентки настолько нелепо и дико, что у режиссера отвисает челюсть, и он на минуту теряет дар речи. Девушка встает перед режиссером и, манерно уперши руку в бок и подняв вверх другую, принимает шикарную позу испанской танцовщицы.

— Прочь, прочь! Пошла вон отсюда! — обретая голос, вопит режиссер.

Однако девчонка не из трусливых — она одним махом срывает скатерть. Во все стороны летят записи режиссера, листки сценария. Всканивает на стол, сбрасывает неуклюжие туфли и начинает выдавать такое, что у много чего повидавшего мастера во второй раз отпадает челюсть...

Придя в себя, он начинает бурно аплодировать.

— Великолепно! Неподражаемо! Беру, беру! — кричит он.

Ползает по полу, находит бланк контракта и сует его девушке.

— Подписывай! Вот здесь! Немедленно!!!

Девушка смотрит в контракт, находит там главную цифру и с презрением швыряет бумагу режиссеру:

— За такие деньги я и пальцем не пошевелю!

— Тебе мало?! — тарашит глаза режиссер: — Да это ведь максимальная ставка, только для самых больших звезд!!!

Девушка находит свои туфли, влезает в них и, безобразно косолапя, направляется к дверям.

— Куда ты?! Пстой! — отчаянно кричит режиссер. — Сколько ты хочешь?

— Миллион! И ни центом меньше... полмиллиона для меня и столько же за тех бедных девушек, которых вы обидели.

— Но это невозможно!

— Тогда до свидания.

— Нет, нет! Остайся, я согласен!

Вот только одна из многочисленных маленьких пьес, которые бесподобная Жозефина разыгрывала на сцене.

Махмуд смотрел за всем этим с особенным вниманием. Такой подход казался ему чрезвычайно интересным и, главное, подходящим для него самого. Ведь и в его в концертной программе было уже нечто близкое. Например, танец-пьеса «Легенда», в которой рассказывалось о судьбе юноши, жизнь которого поломана древней традицией кровной мести. То, что он видел сейчас в блестящем исполнении Жозефины Бейкер, ясно говорило о том, что он на правильном пути.

Успех Эсамбаева в Париже был огромным. Сам великий Пикассо пришел за кулисы, чтобы собственными глазами увидеть это «советское чудо». Он пригласил Махмуда в удобное время заглянуть к нему в мастерскую, чтобы он, Пикассо, мог сделать с него наброски, а возможно, и картину.

Французский гид бросился неистово поздравлять Махмуда с великой удачей.

— А что здесь такого особенного? — осторожно спросил Махмуд.

Дело в том, что этот мешковатый, странно ведущий себя господин с грубым, точно топором вырубленным лицом и пронзительными, опасными какими-то, как показалось Махмуду, глазами не слишком ему понравился.

— Но ведь это Пикассо! Гений живописи!!! — захлебнулся гид. — Короли и миллиардеры мечтают быть приглашенными в его студию!

— Ну, раз гений... раз короли... тогда конечно...

На следующий день с разрешения руководителя делегации («Пикассо — наш человек, — уверенно сказал он, — член компартии») Махмуд отправился в гости к гению живописи.

Это было очень странное посещение.

Пикассо встретил их с гидом-переводчиком в огромной комнате, вдоль стен которой штабелями стояли натянутые на деревянные рамы холсты. Они были повернуты лицом к стене, и потому трудно было сказать, что на них нарисовано. Другие картины висели на стенах, и картины эти... они действительно поразили Махмуда.

Это были по большей части как бы портреты людей, именно как бы, потому что не только были построены из различных геометрических фигур — треугольников и квадратов, кругов и дуг, но и при этом как-то хитро вывернуты и перекошены. Один из портретов был сделан как бы в профиль, рот и оба глаза оказались на одной стороне лица, как у рыбы камбалы, много было также обнаженных женских фигур, изломанных, разделенных на части, изображенных, словно бы на спор, как можно безобразнее. Висели также картины, на которых изображались бутылки, бокалы, музыкальные инструменты (возможно), а также непонятные фрукты или овощи, состоящие, как и портреты, из угловатых геометрических фигур.

— О, как это прекрасно! — громко шептал французский гид. — Божественно и неповторимо!

Всё это выглядело настолько странно, что Махмуд исподтишка кидал быстрые взгляды на художника, стараясь высмотреть, не появится ли на его лице дьявольская усмешка. Но художник был серьезен и принимал все похвалы как должное.

Махмуд следом за хозяином и млеющим от восторга гидом два раза обошел мастерскую.

«Мальчик из знаменитой сказки Андерсена наверняка завопил бы сейчас, что король-то голый, а портной, то есть художник, просто

издевается над нами», — думал Махмуд.

— Маэстро хочет сделать с вас наброски для будущей картины, — сообщил Махмуду гид-переводчик. — Он просит вас встать вон туда, на подиум, и принять позу, характерную для кавказского танца.

Махмуд встал на подиум и принял самую характерную позу лезгинки.

После этого он принимал множество других поз, совершал прыжки, развороты и вращения. Ему самому было интересно, как всё это будет выглядеть на тех бумажных листках, которые художник заполнял очень быстро один за другим.

Работа эта заняла больше часа, после чего художник улыбнулся. Улыбка у него оказалась на удивление приятной, располагающей и очень неожиданной на таком суровом и жестком лице.

— Маэстро благодарит вас за терпение и поражается безграничным возможностям вашего тела, — торжественно сообщил гид.

Пикассо взял несколько листков с набросками и протянул их Махмуду.

Махмуд стал разглядывать с интересом.

Наброски оказались совсем непохожими на картины, что украшали стены студии. По большей части они были сделаны одной быстрой бегущей линией и хотя и очень приблизительно, на взгляд Махмуда, но все же по-своему передавали изящные изгибы и динамику танцевального движения...

Встреча в мастерской Пикассо завершилась, и Махмуд со своим сопровождающим вышли на улицу. Тут Махмуд протянул гиду свернутые в трубку листки с набросками:

— Возьмите их себе, в благодарность за вашу помощь, — сказал он доброжелательно.

— Как?! — Гид остановился, нелепо растопырив руки.

У него был такой изумленный вид, что Махмуд невольно рассмеялся.

— Как это возьмите!!! — прошептал гид срывающимся голосом. — Да вы хоть представляете, что каждый набросок, сделанный рукой гения, стоит не одну тысячу долларов...

— Хорошо, — согласился Махмуд и добавил, улыбнувшись: — Раз это так ценно, я повешу рисунки Пикассо в своей квартире в городе Грозном, там у меня теперь будет музей имени Махмуда...

Он, по чести сказать, не очень поверил словам гида и с большим сомнением отнесся к тому, что такие довольно простенькие рисунки могут на самом деле очень дорого стоить.

К удивлению Махмуда, знающие люди в делегации подтвердили слова гида, а некоторые даже, оглянувшись по сторонам, шепнули, что продать

рисунки можно прямо тут, в Париже, причем действительно за очень большие деньги.

— Ну и что я с этими деньгами буду делать? — спросил Махмуд.

— Да знаешь ты, чудак-человек, сколько на такие деньги шикарных джинсов можно купить?

— Ну ладно, куплю сто штук. И как я их домой привезу? — наивно поинтересовался Махмуд.

Доброхоты задумались. А ведь и правда, больше пары этих заграничных штанов через границу не пропустят, так ведь и в таможенной декларации записано...

Висели потом эти драгоценные картинки сначала в московской квартире Махмуда, потом в грозненской. Там они и пропали во время войны, когда квартира Эсамбаева сгорела в большом пожаре после бомбежки...

Случилась в Париже памятная встреча с чеченцами-эмигрантами. Они собрались после выступления Махмуда в холле гостиницы и требовали, чтобы Эсамбаев вышел к ним. Начальник группы долго советовался с «дядей Васей» — сопровождающим и приглядывающим, и они на свой страх и риск решили разрешить.

— Вы только того, этого... ни в коем случае не поддавайтесь на провокации.

— А какие могут быть... эти провокации? — спросил Махмуд невинно.

— Ну, не знаю... скажем, предложат остаться во Франции... или деньги большие будут совать... ничего не берите, ничему не верьте, ничего не обещайте...

Встречались прямо в холле гостиницы в присутствии «дяди Васи», конечно. Чеченцы-эмигранты говорили либо по-русски, либо по-французски, на родном уже не могли. Разучились за многие десятилетия, забыли. Один старичок только мог объясниться. Вот он и попросил у Махмуда горсть чеченской земли, «чтоб в могилу положили вместе со мной».

— Я землю с собой не брал, — расстроился Махмуд. — Зачем? Я же вернусь...

— А мы вот уже никогда...

— Я слышал, что скоро уже можно будет возвращаться... правда? — Махмуд вопросительно глянул на «дядю Васю», но тот и бровью не повел, будто не слышал. Вот такая встреча получилась, недолгая и грустная...

После Парижа — Ницца, Мадрид, Лиссабон...

Потом через Атлантику в Каракас — столицу Венесуэлы. Латинская Америка, другое полушарие, другие люди... Первый концерт группы «Звезды советского балета» в столице Венесуэлы Каракасе состоялся в знаменитом театре «Муниципал». Импресарио Омар Бускияссо на первой же встрече предупредил, что на концерт «Звезд» специально прилетели эксперты из США и многих стран Латинской Америки. Так что от того, как они сегодня покажут себя, зависит дальнейший маршрут группы. Если советские звезды не произведут впечатления, их гастроли могут не выйти за пределы Каракаса. Прямо сказать, не очень приятное заявление для первого знакомства.

«Концерт начался с адажио из балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро» в исполнении Ирины Тихомировой и Адоля Хамзина, — пишет Руслан Нашхоев в повести о Махмуде. — Вторым на сцену вышел Эсамбаев со своим «Воинственным танцем с ножами». Танцевал он в полную силу, так, словно делал это в первый и последний раз.

Зал аплодировал. Постепенно разряжалась атмосфера предвзятости. Зрители становились ближе и ближе.

Первое отделение закончили Наталья Дудинская и Владилен Семенов. Они исполнили па-де-де из балета «Дон Кихот». Когда начались виртуозные вариации Натальи Дудинской, зал взорвался аплодисментами.

У артистов исчезли скованность и напряженность. Они почувствовали дружественную обстановку в зале. Второе отделение шло на подъеме. Концерт заканчивался танцем-новеллой «Золотой бог». Когда Эсамбаев дошел до места, где пластикой рук показывает волнение реки Ганг, загремели аплодисменты и уже не умолкали до конца. Лед растаял окончательно.

На другой день газеты под крупными заголовками писали: «Звезды не те, что горят в бескрайнем космосе, настоящие звезды находятся под небом Венесуэлы, Каракаса — это живые звезды советского балета. Они так хороши и изящны! Чтобы быть такими же яркими, как они, надо быть одетыми, как они. Хватайте у них моду!»

Это писали те же самые газеты, которые в день приезда заявляли, что советские артисты одеты безвкусно...

Махмуд, по обыкновению, захотел посмотреть национальные танцы. Лучшие мастера Венесуэлы продемонстрировали ему свое искусство.

Очаровательная непринужденность, целомудренность и благородство чувств латиноамериканских танцев восхитили его.

Особенно хорош был парный танец «Хоропо». Вместе с Махмудом его выучили народная артистка Узбекской ССР Бернара Кариева, солистка Тбилисского театра оперы и балета имени Палиашвили Алла Двали и заслуженный артист Грузинской ССР Вахтанг Гунашвили.

Закончив очередной концерт, они двумя парами исполнили национальный танец венесуэльцев, но сначала спели на испанском языке приглашение к танцу: «Как волны ласкают берег, как солнце ласкает землю, так ласкаю я тебя взглядом — пойдем, потанцуем» — а потом покорили зрителей красотой их же танца.

Зрители стоя приветствовали советских артистов. У всех в руках появились белые платки. Ими в такт музыке размахивали то влево, то вправо, словно взлетали сотни белых голубей.

Все кричали:

— Друж-ба! Друж-ба! По-вто-рить!»

13 июня 1959 года венесуэльская газета «Трибуна популяр» писала: «Трудности ритма «Хоропо» были легко преодолены, и легкие ноги советских артистов потрясли зрителей в задорном национальном танце».

Днем позже газета «Насьональ» поместила интервью с Махмудом Эсамбаевым: «Когда я учился танцевать «Хоропо», у меня было радостно на сердце...»

В эти дни он вместе с другими советскими артистами репетировал наш танец под руководством лучших постановщиков ансамбля «Венесуэльские танцы»: «Нас охватывает высокое воодушевление, когда мы выступаем в этом танце. Мы чувствуем его. Ведь помимо того, что мы можем овладеть ритмом и движениями, что доступно профессионалам, нам удастся уловить еще и удивительную грацию манер. Только так можно передать национальный характер народа и его танцев».

Это очень тонкое и точное наблюдение, ведь танец — древнейший единый язык человечества. Он понятен всем и не нуждается в переводе.

Венесуэльские обозреватели писали об исполнении танца «Хоропо» с изумлением и восторгом и добавляли с досадой: «Почему-то, приезжая к нам, американские звезды видят только деньги, а вот советские артисты увидели нашу душу. Они исполнили наш народный танец «Хоропо» так, как танцует наш народ, и даже красивей и задушевней».

«После сказочного Парижа начались наши гастроли по Америке, — писал Махмуд жене Нине в Москву. — Концерты проходят буквально с триумфом, и все газеты кричат: «Звезды советского балета!» Я счастлив

тем, что вношу какую-то долю в успех концертов и в этих далеких странах произносят имя моего народа. Так пишут всегда в газетах: «Звезда фольклорных танцев чечено-ингуш Махмуд Алисултан Эсамбаев...»

Утром вылетаем в Колумбию, потом Куба, Ямайка, дальше Мексика... Думаю, числа 6 августа прилетим домой. Не проходит ни одного часа, чтобы я не вспомнил о доме. Я говорю нашему руководителю Петру Федоровичу Аболимову, что если он как-нибудь сократит поездку и мы уедем домой, то устроим для него пир, как говорится, на весь мир. Он смеется: «Приеду домой, всем расскажу, как ты хныкал и как пил мою валерьянку...»

«...Из Каракаса вчера прилетели в Боготу, столицу Колумбии, — продолжает Махмуд. — Сегодня прошел первый концерт. С триумфом, но это, видно, будет повсюду, где только появится советский балет. Хочу описать, да это нельзя описать никакими словами, что было на прощальном концерте в Каракасе.

Концерт состоялся в самом большом зале, где сцена 35 метров ширины! А зал примерно, как зал Чайковского, только раза в четыре больше. Притом во всех проходах стоят люди, попавшие в зал по входному билету. Концерт, как обычно, шел с бурным успехом. Каждому, кто приобретает билет, дается печатная программка. А на прощальном концерте, в конце, в программке были написаны, как очередной номер, только наши четыре фамилии и название «Сюрприз». Здесь принято давать вечер балета номер за номером, без объявлений. И вот мы выходим на сцену с первым аккордом большого оркестра в национальных венесуэльских костюмах и начинаем танцевать их любимый народный танец «Хоропо». В общем, с первых аккордов публика вся встала, и под громовые аплодисменты мы закончили танец. Весь зал кричал «браво», «бис», «спасибо, рус». Мы еще два раза повторили танец, после чего на сцену ринулась толпа в тысячу человек. Подняли нас и понесли в зал, и не было ни одной руки, которая бы не тянулась к нам. В зале стоял сплошной плач, и это передалось нам, и мы плакали. Живой человек не мог не заплакать от того, что творилось в зале. Мы думали, потолок от этого может обвалиться, но, как говорили венесуэльцы, здание, к счастью, оказалось прочным.

Короче говоря, концерт окончился в И часов вечера, а мы раздавали автографы до трех часов ночи. Потом вереницы машин проводили нас в отель. А наутро, на аэродроме провожали тысячи людей...

На аэродром приехали портные, сняли с нас мерки и костюмы к этому танцу пришлют в Рио-де-Жанейро...»

В Колумбии Махмуд в паре с Бернаррой Кариевой разучил еще один народный танец — «Бамбуко». Вечерние газеты Боготы напечатали портреты советских артистов с подписью: «Они будут танцевать наш народный танец «Бамбуко». Запомните их лица, лица наших истинных друзей».

На другой день после концерта в номер Махмуда постучался пожилой человек и сказал, что когда-то был признанным исполнителем «Бамбуко». «Вы, дорогой маэстро, сохранили подлинную красоту этого танца!» — сказал он и надел на палец Махмуда золотое кольцо. Человек этот был известным ювелиром. Он сделал кольцо за прошедшую после концерта ночь.

Махмуд никогда не расставался с этим подарком колумбийского ювелира. Это было единственное украшение, которое он носил постоянно.

«На прощальном концерте будем танцевать местный танец, — писал он Нине. — Говорят, после исполнения этого танца публика будет хлопать до утра, пока не исполнят несколько раз. Так что изучаю каждый свободный час народные танцы. И, кажется, я их привезу много, если позволит мое здоровье. Тут сейчас считается зима, но от этой жары можно сойти с ума. На этом до свиданья. Об исполнении танца напишу после...»

«Колумбийский «Бамбуко» прелестная новелла, — пишет Махмуд в следующем письме. — Девушка с корзинкой отправляется на рынок и по дороге встречает юношу. Тот, словно замороженный, следит за ней с комическим робким обожанием...»

И совсем другой сюжет и смысл у мексиканского танца «Хорабио тапатио». Это танец-соревнование, танец — дуэт равных, где, конечно, побеждает девушка. Они словно соревнуются в ловкости, грации, силе, ритмичности. Вот они встретились, вот взглянули в глаза друг другу — все общение состоит в обмене взглядами. Их руки не соприкасаются, но взгляды выразительней любых объятий и словесных объяснений.

Начиная знакомство с любым танцем, я всегда смотрю не на сложнейшую виртуозную работу ног, а на лица танцующих — здесь мне открывается душа танца, его накал, его смысл. Только проникнув в главное — в духовную суть танца, я могу овладеть его изощренной технологией.

Точно так же в «Хорабио тапатио». Решительно все его эпизоды — от первой встречи и сцены, изображающей приготовление водки из огромных листьев алоэ, до быстрой части веселого пляса чуть захмелевшей пары и финала, когда девушка победоносно надевает на своего избранника сброшенное в начале танца сомбреро, — напоминает маленький спектакль. Танец, рожденный в самой глубине жизни народной, поражает сценической

эффектностью, театральностью замысла и виртуозностью исполнения.

И где бы мы ни побывали, мы считали своим приятным долгом разучить и станцевать хотя бы один танец гостеприимно принявшего нас народа. И где бы мы ни исполняли их танцы, повсюду это расценивалось как знак глубочайшего уважения к культуре народов Латинской Америки...»

«Советских артистов ждал Остров свободы — Куба, — пишет Руслан Нашхоев в повести о Махмуде. — В тропическую жару сотни гаванцев встречали их на аэродроме. Впервые кубинцы увидели советских артистов. Они бурно выражали свои чувства, благодарили советский народ за братскую поддержку и помощь в трудную пору. Восстановительный период после недавней революции был самым тяжелым в жизни молодой республики. Необычайно красивая Гавана выглядела праздничной, нарядной.

В первый день артистам показывали город. На первом концерте присутствовал Фидель Кастро со своими соратниками.

Прервав гастрольную поездку по Америке, чтобы встретиться с советскими коллегами, в Гавану прилетела выдающаяся кубинская балерина Алисия Алонсо, не раз посещавшая СССР.

Для желающих попасть на концерт не хватило бы и десяти таких залов, как большой зал гаванского театра. Вся площадь была заполнена народом. В этот вечер сцену усыпали цветами, кулисы тоже утопали в цветах. Назвать то, что произошло, просто концертом — значит, выразиться весьма приблизительно. В этот вечер состоялся грандиозный праздник искусства, праздник дружбы между советским и кубинским народами.

Фидель Кастро попросил другие концерты перенести на улицу: кубинский народ желал видеть посланцев Советского Союза...

Тысячи людей, собравшихся на площади, с балконов и крыш смотрели концерт звезд советского балета. Трудно описать, с каким восторгом, ликованием принимали кубинцы каждый номер. Наталья Дудинская исполняла танец «Умиравший лебедь». В тот момент, когда она изображала, как плывет лебедь по озерной глади, раздался залп — так экспансивно выразили зрители свой восторг. Балерина замерла на миг, а затем продолжила свой танец. Она три раза повторила этот номер.

Все танцы повторялись по два-три раза под стрельбу в воздух и крики: — Салюдо, салюдо, в честь советских артистов! Да здравствуют русские братья!»

Фидель Махмуду понравился. Был он молодой, веселый и яркий. Просил Махмуда научить его танцевать лезгинку. Махмуд показал

основную позу и главные движения. Фидель повторил. Получилось неплохо. Они обнялись, как братья. Махмуд эту встречу запомнил на всю жизнь.

Тогда, на Острове свободы, у него начал выстраиваться замечательный латиноамериканский танец «Карнавал на Кубе». Яркий танец солнечного народа.

Здесь же, на Кубе, Махмуд встретился с великим Эрнестом Хемингуэем. Дом писателя «Ла-Вихия» стоял прямо на берегу моря. В комнатах хозяйничали кошки. Их было не меньше двадцати. Ходили, где им хочется — по кроватям, подоконникам, по столам и рукописям. «Кошки — совершенство, до которого нам никогда не подняться», — уверял писатель. Они выходили в море на яхте. Жаль, поговорить толком не удалось — рыба клевала здорово, и притом такая крупная, что приходилось немало потрудиться, чтобы ее вытащить.

Через два года Хемингуэй застрелился. Махмуд, когда узнал об этом, очень расстроился. Вот она — слабость сильного человека! Скучно писателю стало жить. Жаль, что Бог не одарил Хемингуэя умением танцевать. Танец спасает человека от тоски и уныния...

После Кубы была такая же горячая и яркая Мексика, где Махмуд встретился со своими друзьями, известными танцовщиками Хосефиной Лавалье и Оскаром Пуэнтре.

На встречу с артистами приехал посол СССР в Мексике В. И. Базыкин.

Когда колонна машин с советскими артистами ехала по городу, на одной из площадей ее остановили сотни людей в широкополых сомбреро и красивых национальных костюмах, все они играли на гитарах.

— Разве у вас карнавал? — спросил Хосефину удивленный Махмуд.

— Нет, это марьячи — народные музыканты, которых приглашают на свадьбы и разные праздники, чтобы веселить гостей. Они сами пришли на площадь, чтобы встретить вас! — ответила Лавалье.

Музыканты между тем вышли на дорогу и остановили кортеж.

— Пойдите только пару минут, — просили они, — мы споем вам нашу «Ла палому», «Голубку».

Удивительно нежно и страстно спели они эту песню любви. Махмуд сразу понял, что обязательно сделает танец на эту бесподобную мелодию.

«Сегодня, 28 июля, закончили концерты в столице Мексики, где был потрясающий успех, — писал он жене. — Из шести концертов, данных в Мехико, три последних мы с Виолеттой Бовт заканчивали народным мексиканским танцем «Хорабио тапатио», который шел с начала до конца под бурю аплодисментов, и нас буквально забрасывали цветами семь тысяч

зрителей. Представь их — топающих и хлопающих. Народ Мексики очень похож на наш кавказский, очень добрые. И они любят советских людей...»

Благодарные мексиканские зрители со своей стороны тоже приготовили сюрприз. После того как «Хорабио тапатио» было повторено с начала до конца во второй раз, весь зал, поднявшись на ноги, хором запел популярную в Мексике советскую песню «Подмосковные вечера». Певцам в зале дружно аккомпанировали мексиканский государственный оркестр и сотни марьячи со своими гитарами. Это было потрясающее исполнение, навсегда оставшееся в памяти тех, кто это слышал.

После концерта Виолетте Бовт был подарен женский мексиканский национальный костюм, а Махмуду — серебряное сомбреро с надписью: «Лучшему танцовщику мексиканских танцев Махмуду Эсамбаеву».

«Вчера, 4 июля, закончили гастроли на Ямайке, — писал Махмуд, — 5-го вылетели в четыре часа дня на Рио-де-Жанейро. Прилетели мы в Рио на другой день усталые, как черти. Отдохнули часа два, побывали на знаменитом пляже. После этого еще успели поехать на один прием и принять корреспондентов. И прошел день и вечер, сейчас 3 часа ночи, окна и балкон моего номера выходят на океан. Город действительно красивый...»

Артистов предупредили, что сейчас в Бразилии самый разгар зимы (Южное полушарие, тут всё наоборот) и потому купаться нельзя. Это в июле-то, при температуре 28 градусов, а кругом цветы, зеленые деревья и пальмы. Что же тогда тут делается летом!

На следующий день в знаменитую гостиницу «Глория», где была размещена советская делегация, приехали бразильские артисты. Группу возглавляла знаменитая танцовщица, руководитель «Фольклорного балета Бразилии» Мерседес Баптиста. Ее-то Махмуд и попросил поставить ему какой-нибудь популярный бразильский народный танец. Мерседес с удовольствием согласилась.

В вечерних газетах появились фотографии Махмуда и Мерседес с крупными заголовками: «Знаменитый танцовщик Эсамбаев увезет наш танец и будет показывать его в Москве». Об этом сообщает в письме домой и сам Махмуд: «...Сегодня я уже приступил с лучшими исполнителями к изучению сольного бразильского танца. Думаю, мне удастся его выучить и станцевать здесь, а по приезде в Москву в зале Чайковского будет наш отчетный концерт, где я один и с партнершей исполню несколько танцев народов Латинской Америки. Я очень рад, что мне самому можно видеть много новых танцев и выбирать из них лучшие... Балетмейстеры и артисты с удовольствием работают с нами и передают в точности свои народные

танцы. И когда я им говорю, что эти танцы буду исполнять на своей родине, они, чуть не плача, с радостью обнимают тебя, и ты чувствуешь, даже не зная языка, что думают эти люди...

Мечтаю приехать и отдохнуть хотя бы десять дней, выспаться. На Кубе почти не спали от кошмарной тропической жары. Представь себе, когда нечем дышать, приходится два раза танцевать такой танец, как индийский...»

Бразилия подарила Махмуду три великолепных танца — «Бамба» («Черт»), «Гандобле» («Прозящий урожая») и поразительный ритуальный танец «Макумба» («Заклинание»).

«Махмуд Эсамбаев беседовал с репортером, не снимая своей знаменитой кавказской папахи, — сообщила популярная газета «Диарио да Нойта», — он держится очень любезно, отвечает на все вопросы, которые ему задают. Эсамбаев заявил, что в его стране нет ничего удивительного в том, что он, будучи на высоком общественном посту (он депутат парламента), занимается артистической деятельностью. Нет никакого противоречия между этими двумя вещами. Нужно только чувствовать гармонию музыки и биение пульса жизни».

Газета «Глобо» опубликовала статью «Русский танцор исполнит «Гандобле» в Москве»: «Танцор Эсамбаев и балерина Кариева провели целый час в танцевальном зале с Мерседес Баптистой, изучая «Гандобле». Эсамбаев заявил, что этот танец приведет в изумление московских зрителей».

На самом же деле в танцевальном зале Эсамбаев и Кариева проводили гораздо больше времени. Разучивая народные танцы с советскими артистами, самоотверженно (по шесть-семь часов подряд) работала знаменитая бразильская танцовщица Мерседес Баптиста. Понять же самую суть сложнейшего ритуального танца «Макумба» Махмуду помог его лучший исполнитель Жозе да Гомео. Он пригласил Махмуда и его друзей в уникальный храм, построенный им на свои средства специально для исполнения древних ритуальных танцев.

Ежегодный праздник жертвоприношения уже прошел, но Жозе да Гомео собрал всех участников и самого жреца и уговорил их повторить продолжительный и сложный ритуал специально для советских артистов.

И вот жрец торжественно занял место на своем троне, взял с подноса серебряный колокольчик и передал его Махмуду.

— Мерседес сказала мне, что лучше вас «Макумбу» никто не танцует. Значит, именно вы достойны этой великой чести — открыть праздник.

Махмуд позвонил в колокольчик, и ритуальное действие началось.

Всю ночь напролет, с вечера и до восхода солнца, в храме совершался красочный ритуал с песнями и танцами. И, несомненно, центром всего праздника был замечательный танец «Макумба».

На последнем концерте в Рио-де-Жанейро Эсамбаев, Кариева, Гунашвили и Двали исполнили танец «Гандобле». Неописуемый восторг охватил зрителей, бессчетное число раз поднимали, опускали и снова поднимали занавес.

После концерта произошел удивительный случай, о котором Махмуд потом много раз рассказывал и всякий раз сам от души смеялся.

Он сидел, отдыхая, в гримерке, когда дверь приоткрылась. Послышались смех и аплодисменты. Махмуд оглянулся и не поверил своим глазам. Из приоткрытой двери торчала большая, выразительная дуля.

Махмуд удивленно пожал плечами и отвернулся. Когда глянул в другой раз, то увидел не одну, а уже множество дуль.

Ничего не понимающий Махмуд тоже сложил хорошую дулю и направил ее в сторону дверей: «Раз вы так, то и получите обратно».

В ответ послышались аплодисменты.

Рассерженный Махмуд хотел уже уйти, когда через лес дуль к нему в комнату пробрался импресарио синьор Омар Бускияссо.

— Дайте им, пожалуйста, автографы, — попросил он, — видите, они специально для этого остались и ждут.

— Ничего себе ждут, — возмутился Махмуд. — Они мне дули показывают, а я им за это автографы?!

— Ой, да вы, оказывается, ничего не знаете! — заулыбался Бускияссо. — Когда бразильцам что-то нравится, они кричат «линда» или «густа» — «дивно» или «вкусно». Если очень нравится — «магнифика», то есть «великолепно». Если не в силах выразить восторг словами — берутся за мочку уха и, цокая языком, дергают ее. Ну а если даже это кажется недостаточным, показывают хорошо свернутую дулю. Выше этой похвалы ничего не бывает! Правда, это случается так редко, что многие артисты об этом даже не знают. Так что не сердитесь на них и дайте автографы, которых они так ждут...

Из Рио советские артисты перебрались во второй по величине город Бразилии Сан-Пауло. И здесь прием был замечательный.

«Русские артисты покорили город. Они принесли с собой много искусства и радости. Все зрители восхищены представлением, — сообщала газета «Ультима ора». — Исполнитель народных танцев Махмуд Эсамбаев, который является депутатом Верховного Совета, очень общителен... Для начала он заявил, что восхищен Бразилией, ее жителями, их обычаями,

добрым юмором. «Нас приятно поразила красота города Сан-Пауло, гостеприимство его жителей, горячий прием, оказанный нам». Махмуд сказал затем, что он страстный любитель танца и не представляет своей жизни без него. Нет фольклорного танца в Советском Союзе, который бы не был ему известен. У Эсамбаева, по словам его коллег, поразительная способность запоминать и усваивать танцы. За два дня пребывания в Венесуэле он сумел освоить сложный «Хоропо», чем вызвал восторг венесуэльцев. То же самое произошло в Мексике. После нескольких часов наблюдения он мог исполнять народные танцы.

«Что касается Бразилии, — с гордостью заявил Эсамбаев, — я уже выучил «Гандобле» и начинаю танцевать «Самбу». До отъезда обязательно выучу оба этих танца». Подтверждая свои слова, советский танцор слегка прошелся в «Гандобле» и сделал это просто блестяще».

Когда группа советских танцоров улетала из Бразилии, в чемодане у Махмуда лежали костюм жреца для исполнения «Макумбы», сделанный из шкур леопардов, и музыкальные инструменты, подаренные в Сан-Пауло артистами национального театра Марии да Дакосты.

Чилийцы встречали советских артистов по-особенному. Дело в том, что здесь в то время проявляли большой интерес к изучению русского языка. Понятно, что попытки чилийцев разговаривать по-русски приводили к множеству забавных происшествий. Впрочем, всё это только добавляло огня к и без того восторженному приему. В Сантьяго и других чилийских городах залы были переполнены, а возле гостиниц стояли толпы горожан, жаждущих получить автографы.

«Каждый советский артист, — писал музыкальный критик Антонио Андраре, — обладает блестящей техникой, грацией и темпераментом». «Махмуд Алисултан Эсамбаев, — писал еженедельник «Вистасо» из города Винья, — депутат парламента и один из самых знаменитых танцоров СССР. С тюрбаном на голове, во время исполнения индийского танца он больше похож на факира. Он самый жизнерадостный и веселый из всей группы и выучил многие народные танцы пяти стран, где успел побывать. В Чили он собирается выучить «Куэку».

«...Можно сказать, без всякого сомнения, что самый большой успех выпал на долю экстраординарного танцора Махмуда Эсамбаева, — восхищается корреспондент газеты «Унион» Рафаэль Элисалде, — он исполнил с огромным успехом «Танец с кинжалами» в первом отделении, а во втором был награжден орденом за свой поразительный «Классический индийский танец». Исполнитель появляется на сцене в застывшей позе бога Шивы. На нем роскошный индийский наряд. Из глубокого плече он

начинает подниматься поразительно медленно, незаметно, подобно восходящему солнцу, владея мускулами, как опытный йог. И вот начинают двигаться его руки, как две извивающиеся змеи, послушные факиру... Эсамбаев имел такой успех, что вынужден был под аплодисменты повторить свой удивительный танец на «бис». Пожалуй, мало какое зрелище подобного рода могло бы вызвать больший восторг в нашей стране».

На прощание Институт чилийско-советских отношений устроил прием. Из больших окон парадного зала были видны вершины гор, покрытых сияющими снегами. А долины уже заполнила розовая пена цветущих деревьев — в Чили пришла ранняя весна. Президент института обратился к артистам с такими словами; «Самые высокие горы не могут разделить народы, если сердца их согреты чувством дружбы. И сейчас я протягиваю вам руку — не для прощания, а как знак нашего единения».

Аргентина была последней страной, где выступили звезды советского балета. Газеты Буэнос-Айреса вышли с рецензиями: «Во множестве стран, где побывала балетная труппа, наибольшую сенсацию произвел Махмуд Алисултан Эсамбаев... «Классический индийский танец» позволил Махмуду Эсамбаеву продемонстрировать абсолютное владение телом и поразительную технику работы рук. Этот танец всегда повторялся на «бис» (газета «Критика»).

«Замечательное мастерство показал Махмуд Эсамбаев, артист, который обладает удивительным чувством пластики. Он сумел насытить «Классический индийский танец» той атмосферой высокой мистики, которая столь уместна в этом случае» (газета «Коррео де ля Тарде»).

Махмуд Эсамбаев стал очень популярной личностью в Аргентине. Он в любую жару не снимал своей высокой каракулевой папахи, по которой его узнавали издалека. Любящие сенсации аргентинцы уверяли друг друга, что удивительная эта шапка стоит многие тысячи долларов. Сын известного миллионера даже предложил Махмуду лучшую машину из семейного гаража в обмен на его замечательную шапку.

Кое-кто даже начал всерьез уговаривать Махмуда:

— Отдай папаху, и у тебя будет машина, какой ни у кого в Союзе нет.

— У нас, чеченцев, — заметил Махмуд, — папаху с головы никто никогда не продаст — это позор. Только подарить можно.

Папахе Махмуда все-таки не суждено было вернуться в Москву. На приеме в советском посольстве Махмуд сам подарил ее импресарио синьору Омару Бускияссо — замечательному человеку и великолепному профессионалу, который все эти месяцы ни на час не покидал делегацию и

сумел без малейших происшествий организовать грандиозный тур по всей Латинской Америке.

Когда толпа провожающих собралась на аэродроме, синьор Бускияссо стоял рядом с советским послом, и на голове у него красовалась легендарная папаха Махмуда Эсамбаева.

К торжественным проводам балетной труппы по-своему присоединились аргентинские таможенники. В аэропорту Буэнос-Айреса они не стали проверять чемоданы советских артистов.

— У вас мы просим только автографы, — объявили они.

Пассажиры, летевшие тем же рейсом, встретили такое решение строгих таможенников дружными аплодисментами.

Когда самолет включил двигатели и двинулся к взлетной полосе, провожающие сняли шляпы и стали дружно махать ими. Рука синьора Бускияссо потянулась к папахе, но тут же отдернулась. Он вспомнил, что сказал ему, вручая редкостный подарок, Махмуд Эсамбаев: «Если папаха у вас на голове, то снимайте ее, только когда ложитесь спать. Во всех иных случаях папаху у нас в Чечне никто не снимает».

Поездка за рубеж подарила Махмуду множество запоминающихся встреч с великими зарубежными музыкантами, танцовщиками и балетмейстерами. Но главное, что привез Махмуд из зарубежных гастролей, были новые номера для программы «Танцы народов мира». Именно после этой поездки он счел, что программа готова, и начал выступать с ней.

В статье, написанной сразу по возвращении из Латинской Америки, Махмуд развивает мысли, не раз высказанные им в письмах домой. Он пишет о том, что главным итогом для него стал даже не ошеломляющий успех гастролей (что, безусловно, приятно), но тот замечательный багаж, который он сумел в полной сохранности провезти на родину через все пограничные кордоны и таможни.

«...Если любая поездка, помимо радости новых впечатлений, помимо знакомства с достопримечательностями новых стран, приносит прежде всего радость узнавания новых танцев, то турне по Латинской Америке, продолжавшееся около четырех месяцев, было особенно плодотворным в профессиональном смысле. Оттуда я привез целую программу...

Что пленяет в танцах Латинской Америки? Прежде всего их очаровательная непринужденность, их внутренний накал (а совсем не тот наигранный темперамент, который иные эстрадные исполнители пытаются выдать за истинный колорит южноамериканских танцев). Затем свойственная всем этим танцам красота чувств. Латиноамериканские

танцы — это восхитительные поэмы о любви. Мне всегда хочется исполнять эти танцы без всякой стилизации — так, как они исполняются на их родине.

Повсюду в Латинской Америке все население с удивительным благоговением хранит народные танцевальные богатства. Вот почему здесь не привились ни конвульсии рок-н-ролла, ни эротические изломы калипсо. Верность фольклору предохраняет культуру нации от тлетворных влияний современного «джазового» танца.

Лирические народные танцы в каждой стране Латинской Америки имеют свои отчетливо выраженные национальные особенности. В чилийских дуэтах пронзителен звенящий ритм, который отбивают укрепленные на обуви мужчин тяжелые шпоры; их мелодичный перезвон сообщает танцу очень торжественный нарядный характер».

Венесуэла, Чили, Перу, Колумбия, Куба, Мексика, Бразилия, Аргентина... Весь удивительный неповторимый мир Южной и Центральной Америки — джунгли Амазонии, горы и степи, и пустыни, этот новый мир, открытый Колумбом, был прекрасен и бесконечно разнообразен.

Махмуд обнаружил здесь самое главное для себя богатство — бесконечное разнообразие народных танцев. После концертов к нему подходили разные люди. Были среди них крестьяне и пастухи, даже индейцы в своих просторных пончо и забавных косичках. Они охотно показывали затейливые па своих народных танцев. Махмуд готов был смотреть на это бесконечно и запоминал. Запоминал с первого показа и навсегда. Он словно бы фотографировал. Уникальная память на танцевальные движения жила в нем с детства и с возрастом не слабела, а только развивалась.

Ничего выше танца для Махмуда в этом мире не существовало. Ради знакомства с новым танцем готов был отправиться в самое дальнее путешествие и пуститься на любую авантюру. В бесконечной этой погоне случались, и не раз, забавные эпизоды...

Как-то во время пребывания в Канаде на знаменитой выставке «ЭКСПО» Махмуд попросил хозяев предоставить ему возможность посмотреть танцы американских индейцев — коренного населения Америки. Ему очень хотелось увидеть их вживую, в домашних, естественных условиях, а не на эстраде, где они выглядели причесанными и подлаженными под вкусы массового зрителя.

Махмуду пообещали устроить экскурсию на фольклорный праздник в индейскую резервацию, которая находилась неподалеку от Торонто.

Вот как, со слов Махмуда, описывает эту поездку Геннадий Пожидаев в книге «Повесть о танце»:

«Вооружившись кинокамерой с цветной пленкой, Махмуд отправился в резервацию, чтобы снять танцы индейцев. Это было необыкновенно красочное зрелище. И киноаппарат Эсамбаева стрекотал почти непрерывно. Он хотел взглянуть на вождя племени, которого не было на танцевальном празднике. Махмуду ответили, что вождь готовится его встретить.

Наконец появился вождь.

Навстречу Эсамбаеву торжественно шел высокий красавец мужчина с лицом бронзового цвета, в громадном головном уборе, украшенном перьями. Рядом с вождем семенила маленькая женщина в платье изумрудного цвета, извиваясь, словно ящерица. От этого удивительного зрелища у Махмуда захватило дух, и он забыл про свой киноаппарат.

Вождь с женой приблизились и замерли. Махмуд не знал, как с ними здороваться, и потому сказал по-русски:

— Здравствуйте!

Вождь спокойно и с достоинством ответил:

— Здравствуйте. — И по-простецки добавил: — Здоровеньки были!

Такого Махмуд никак не ожидал.

— Как... Вы?... Но какой же вы бронзовый, как и они!

Вождь, смущенно улыбаясь, но также неспешно ответил:

— Та печемся тут с утра до ночи!

И развел руками.

Махмуд был поражен. Украинец — вождь индейского племени!

А вождь уже приглашал его к себе в хижину.

На столе натуральная «горилка», и от чугунок, в котором варились украинские галушки, поднимался ароматный пар. Махмуд выпил с вождем рюмку и запел: «Распрягайте, хлопцы, коней, та лягайте почивать...» Вождь могучим басом подтянул: «А я выйду в сад зеленый, в сад крыныченьку копать...»

По лицу вождя текли слезы. И он поведал Эсамбаеву историю своей жизни. Его семья в поисках работы переехала в Канаду еще до революции. Он вырос здесь. Потом женился на дочери вождя индейского племени. А когда умер вождь, индейцы выбрали его своим главой и защитником. У него есть дети. Они сидят тут же рядом. Вылитые украинские хлопцы. Все в семье говорят по-украински, в том числе и жена...»

Вот так и собирались они по зернышку, в путешествиях, памятных знакомствах, в большой трудной, но благодарной работе. Настоящие живые

национальные танцы со всех концов земли постепенно складывались в программу «Танцы народов мира».

Начало шестидесятих годов стало временем расцвета Махмуда Эсамбаева. Его поразительное искусство было отмечено и специалистами, и зрителями.

«Спорят о том, к какому виду и жанру отнести творчество Эсамбаева. Что это: искусство национального танца, народный танец, соединенный с классикой, или талантливый образец эстрадного танца? Как бы ни решать подобные вопросы, бесспорно одно — это настоящее искусство, самобытное и оригинальное», — писал в газете «Советская культура» знаток балета Николай Ильях.

Выдающийся балетмейстер Леонид Якобсон, которому довелось немало поработать с Махмудом, отмечал: «С таким невероятно одаренным от природы танцором, как Махмуд Эсамбаев, мне хотелось бы в своих открытиях пойти еще дальше. Я мечтаю создать театр хореографических миниатюр. Там Эсамбаеву будет отведено такое же место, как Улановой в классическом балете. Это будет театр новой эстетики, и танцор такой феноменальной пластики, как Махмуд, обязан развивать новое искусство. Он обладает тем, чем не обладает никто».

Глава пятая

«КОГДА ТЫ СПИШЬ, МАХМУД?»

«В Москве на Красной Пресне у Махмуда была скромная однокомнатная квартира, — вспоминает в своей книге «Маленькие тайны гордого Махмуда» друг и коллега Эсамбаева Владимир Загороднюк. — Теперь, приезжая в Москву, он мог останавливаться не в гостинице, а имел хоть маленький, но свой уголок.

Когда Махмуд появлялся в Москве, то двери квартиры уже не закрывались. Какие только знаменитости здесь не побывали — известные политики, военачальники, депутаты Верховного Совета, популярные артисты, друзья и земляки Махмуда. Для всех дом был открыт днем и ночью — в любое время суток.

Пока в комнате обсуждались какие-то проблемы, на кухне кормили приехавших аксакалов. Постепенно на их место перемещались гости из комнаты, а в квартиру уже заходили новые ходоки, с новыми проблемами. И Махмуд с великой радостью, без тени сомнения или усталости принимал этот нескончаемый поток гостей. Куда-то звонил, что-то объяснял, кого-то успокаивал, чиркал какие-то записки и, как добрый волшебник, успевал всех выслушать, накормить, напоить, дать нужный совет. Ему это всегда доставляло огромное удовольствие. И такая вот круговерть не прекращалась ни на минуту.

Для меня всегда было загадкой, когда он успевает отдохнуть — спал он очень мало.

С самого раннего утра в квартире начинал трезвонить телефон. Махмуд вскакивал, хватал папаху, впрыгивал в свои туфли на высоком каблуке и, на ходу надевая пальто, бежал к лифту, успевая при этом давать поручения своим гостям и постояльцам. А гости в это время с интересом разглядывали сувениры, подарки, фотографии, которыми была завалена квартира.

Махмуд и сам толком не знал, что у него есть и где что лежит. Многие подарки исчезали неизвестно куда, неизвестно когда и неизвестно с кем. Но Махмуд не очень-то расстраивался.

Я помню, к нему пришли журналисты с НТВ брать интервью. На кухне был накрыт стол, заговорили о наградах, медалях, званиях — а их у Махмуда великое множество.

Он стал вспоминать, где какую награду получил, какая для него самая

дорогая и памятная, и вдруг неожиданно вскочил и, размахивая своим полосатым халатом, помчался в комнату. «Сейчас я вам покажу орден, которым меня наградили в Америке, их всего три в мире!» — крикнул он на ходу. И стал лазить по всем шкафам, стенкам, антресолям, разыскивая маленькую коробочку с орденом.

Потом вся съемочная группа, побросав фотоаппараты и видеокамеры, подключилась к поискам. Постепенно и все гости Махмуда, наблюдавшие за этой невероятной суетой, тоже втянулись. Перевернули квартиру вверх дном, пылицу подняли невообразимую, искали коробочку часа полтора-два — все так хотели, наконец, увидеть этот орден.

Перетряхнули все баулы, перевернули все шкафы и даже диваны. Махмуду так хотелось найти эту старинную награду, но коробочки с орденом как не бывало. Ясно, что кто-то стянул эту коробочку, как уже не раз бывало, но реакция Махмуда убила меня окончательно.

Когда он понял, что орден уже никогда не найдется, то сразу успокоился, устало сел в облаке пыли и, дважды чихнув, философски изрек: «Ну и хрен с ним, с этим орденом, значит, кому-то он был очень нужен».

Самое удивительное, что никто и никогда от него не слышал сожаления по поводу пропажи. «Значит, кому-то он был очень нужен».

Что тут скажешь — в этом весь Махмуд».

Рассказывает Асламбек Аслаханов: «В 1976 году я был переведен на работу в управление МВД СССР на строительство Байкало-Амурской магистрали.

Приезжая в командировку в Москву или в отпуск в Грозный, если Махмуд не был на гастролях, я, по возможности, всегда навещал его, рассказывал о БАМе и настойчиво звал его на эту великую стройку. Говорил: «Там ты увидишь настоящих мужчин и женщин, которые в невероятно сложных условиях строят стратегически важную для страны магистраль, железнодорожные станции и населенные пункты».

«Даю слово», — пообещал Махмуд, а если он обещал, он всегда держал слово. Осенью 1977 года в дежурную часть управления МВД СССР в Тынде, столице БАМа, позвонили из Амурского обкома партии и сообщили, что М. Эсамбаев в Благовещенске, и меня просят прилететь в этот город.

Я работал тогда замначальника управления уголовного розыска МВД СССР на Бамстрое.

Пошел к начальнику главка — Ткачеву Георгию Петровичу. Это был замечательный человек, прошедший всю Великую Отечественную войну.

Он разрешил мне поездку и попросил передать Эсамбаеву огромный привет. Генерал-майор милиции Ткачев до БАМа работал заместителем министра внутренних дел Узбекистана, Махмуд приезжал в Ташкент на гастроли, где и познакомились боевой генерал и великий танцовщик.

Вечером я прилетел в Благовещенск. Вид у меня тогда был весьма экзотический. На БАМе у меня стали почему-то страшно лезть волосы, и чтобы не облысеть совсем, я по чьему-то доброму совету несколько зимних месяцев брился наголо.

Условия в то время на БАМе были исключительно суровые. Жили в вагончиках, где восемь-девять месяцев приходилось круглые сутки топить печку. Если печь остывала, трубы лопались, и вагон выходил из строя. Меня в то время сильно мучили головные боли. Начинались они в три-четыре часа ночи, не давали спать до утра. Может, по этой причине волосы и вылезали... Тогда я и начал брить голову. Бриться приходилось старыми станками с отечественными лезвиями «Нева» и «Балтика», а потом смывать пену с головы и лица ледяной водой. Казалось, что голова вот-вот треснет от холода.

Постепенно я стал замечать, что периоды головной боли сокращаются... и через два месяца исчезли совсем и никогда больше не возобновлялись, между прочим. То есть лечение получилось по принципу — клин клином вышибают. Сначала застудил голову, а потом, с помощью ледяной воды, эту простуду выгнал.

Приезжаю к Махмуду в Благовещенск. Голова лысая, уши торчат, как два локатора. Вид не слишком интеллигентный — я больше смахивал не на борца с преступностью, а на представителя криминала. В то время, несмотря на постоянные разъезды и отсутствие на БАМе спортивных объектов, я по возможности продолжал заниматься боевыми единоборствами и имел приличный атлетический вид.

Когда я разделся у Махмуда, он поглядел на меня и произнес очень выразительно: «На кого ты похож — на мента или мафиози?»

В его огромном гостиничном номере находились десятки людей и все чувствовали себя комфортно.

Махмуд в те времена ездил на гастроли с персональным поваром, которая прекрасно готовила. Столпотворение было стихией Махмуда. Он не мог находиться в одиночестве, даже когда болел. Стол его никогда не пустел. Каждая встреча с ним для ее участников становилась исторической, незабываемой.

На другой день во время застолья, на котором собралась вся местная элита, Махмуд после концерта представил меня: «Это мой младший брат

Асламбек. Он самый главный милиционер на БАМе».

Пришлось мне вступить в разговор и объяснять, что главный милиционер на БАМе — генерал-майор милиции Ткачев Георгий Петрович.

В это время в гости к Махмуду зашла Эдита Пьеха. Это была незапланированная встреча, просто во время гастролей по Сибири маршруты этих замечательных артистов совпали и пересеклись именно здесь, в Благовещенске.

Эдита Пьеха — замечательный человек. Настоящая леди! Она нисколько не заботилась о том, как выглядит. Просто она всегда именно такая! Молодая, красивая. Умная. Настоящая аристократка, не показная. Они с Махмудом по-особенному, очень тепло, даже с нежностью, друг к другу относились. Мало с кем из других артистов у Махмуда было такое взаимопонимание. Появление Пьехи было как драгоценный подарок. Все начальство при виде ее буквально растаяло...

К великому моему сожалению, Махмуд по полной программе выступить на БАМе не мог. В Тынду тогда летал самолет Як-40, а та аппаратура, которую Махмуд возил с собой, в двери самолета не проходила.

Но он не пожелал отказываться от своего обещания и поехал просто так, без аппаратуры. Вот это был поступок мужчины! Он знал, что его на БАМе очень ждут.

Интересные и необычные получились эти незапланированные концерты. Махмуд гораздо меньше танцевал, зато много интересно, ярко говорил, пел и смешил всех своими неиссякающими шутками. Бамовцы были совершенно покорены, очарованы и буквально ходили за ним по пятам.

Вот таким он был. Где бы Махмуд ни появлялся, он влюблял в себя людей и уезжал, оставив самую добрую память.

Да, вот еще о чем нужно сказать. Махмуд ничего не забывал. У него была феноменальная память на лица.

Встретившись с человеком, которого видел один раз двадцать-тридцать лет назад, причем человек этот не был каким-то известным деятелем или начальником, он, не задумываясь, обращался к нему: «Здравствуйте, Николай Васильевич! Как ваши дела?»

У Николая Васильевича буквально отваливалась челюсть:

— Ему бы в разведке работать...

В 1979 году меня откомандировали в Москву. Махмуд тоже жил здесь в любимой своей забегаловке (так он сам называл), квартирке на Пресненском валу. Эта однокомнатная кооперативная квартирка была

куплена для дочери, когда она училась в хореографическом училище. Потом Стелла вышла замуж и стала жить в другом месте. А Махмуд поселился здесь. Уютную эту квартирку он очень любил.

В Питере Махмуд и Нина Аркадьевна всегда останавливались у Зины, моей сестры. На время пребывания Эсамбаевых квартирка Зины превращалась в замечательный караван-сарай.

— У Зины я отдыхаю душой, — признавался Махмуд.

Любила Зину и Нина Аркадьевна.

Это в Питере. Ну, а в Москве ни одного дня не было, чтобы в его крохотной квартирке не толкались толпы каких-то людей (некоторые даже ночевали у него, как в бесплатной гостинице). Среди них было много сомнительных, на мой взгляд, личностей.

— Махмуд, ты знаешь, что это за люди? — спрашивал я у него.

— Да какая разница, — отвечал он. — Эти люди пришли ко мне, значит, это мои гости. А раз гости, то я должен их накормить, напоить, если понадобится, и спать положить в своем доме.

— Но среди них могут быть жулики, которые обворуют твою квартиру!

Это, кстати, случалось уже три раза, однако ничего от этого не изменилось.

— Ну и что? — отвечал Махмуд. — Может быть, есть среди них какой-то жулик, главное не это, главное — он человек и у него всегда есть возможность исправиться.

— Ну а на этих посмотри! Это же известные московские халявщики. Они всегда там, где можно бесплатно пожрать и выпить.

— Пусть едят и пьют, им ведь тоже праздника хочется, а мне не жалко. Переубедить его не было никакой возможности.

Конечно, в знаменитую «забегаловку» приходили не только халявщики, но и многие наши звезды: большие артисты, поэты, художники и писатели. Кобзон бывал едва не каждый день, они называли друг друга братьями. Кобзон был младший брат, Махмуд старший. Это была такая мужская трогательная дружба, на которую без восхищения нельзя было смотреть. Они очень близки по духу. Иосиф Кобзон — он тоже из таких людей, которые никогда не предавали друзей. Чтобы там ни говорили ему о его друзьях, он никогда от них не отворачивался, а при необходимости, ни о чем не спрашивая, шел и помогал.

И вот когда началась война, Кобзон первый приехал в Грозный и создал фонд детей-инвалидов Чеченской Республики. Именно этот фонд реально работал с людьми, обеспечивая лечение и всю иную необходимую

помощь.

Махмуд и Кобзон — два больших человека, которые очень многим людям помогли. Я помню, когда отмечали шестидесятилетие Махмуда. Кобзон прочитал четверостишие, которое заканчивалось словами: «Когда ты спишь, Махмуд?»

Действительно, Махмуда просто невозможно было увидеть спящим. Он всегда был на ногах. Мне, например, кажется, что я никогда не видел его спящим. Он сам говорил, что для отдыха ему вполне хватает трех-четырёх часов сна.

С утра пораньше Махмуд обязательно что-нибудь готовил. И, надо сказать, несмотря на то, что у него тогда уже был повар, сам Махмуд готовил такое, что умел только он один. И это, то, что он готовил, было совершенно неповторимо. Мне кажется, что ничего более вкусного я не ел никогда.

Я как-то даже спросил: «Махмуд, как это у тебя всегда получается так вкусно?»

— Секрет мой прост, — ответил он. — Масла сливочного не жалея, если хочешь, чтобы было вкусно.

Тут Махмуд правду говорил. Сливочное масло он действительно клал во все свои фирменные блюда без ограничений. Но это был только один из очень и очень многих его кулинарных секретов. И начинать надо с рынка, на который он любил ходить сам. Там он гулял, там он смотрел, там он щупал и нюхал. И никогда не торопился. Внимательно смотрел, долго выбирал, торговался и передавал купленное парочке крепких ребят, которые его сопровождали, несли за ним большие хозяйственные сумки.

На базаре Махмуда прекрасно знали. Ну, часто ли на рынок заходит хотя бы еще один такой высокий стройный красавец в шикарном костюме и потрясающей папахе? Конечно, другого такого нет и быть не может. По торговым рядам сразу проносился шепоток: «Махмуд! Гляди, сам Махмуд Эсамбаев!»

Он шел потрясающей своей плавущей походкой, останавливался, смотрел, спрашивал. Обойдя всё, что его интересовало, начинал прицениваться и торговаться.

Торговля у него получалась необычная. Дело в том, что среди продавцов равнодушных не было. Одни старались вручить ему свой товар бесплатно (самому великому Махмуду подарил, будет о чем дома рассказать), другие, зная, что он человек не бедный, втрое, а то и больше задирали цены.

— Ты, наверное, совсем бедный человек? — говорил Махмуд такому

барышнику. — Трудно тебе, бедняге, живется? Что ж ты с меня пятнадцать рублей просишь, когда только что за пять продавал?! Ну ладно, на тебе пятнадцать!

Случалось так, что продавцу становилось стыдно, он бежал за Махмудом и пытался вернуть ему деньги.

Были такие, кто ни в какую не желал брать с него деньги.

— Нет, — возражал Махмуд. — Тогда я у вас покупать не буду. В эти продукты труд вложен. Почему же я должен бесплатно брать? Нет, труд человека не должен быть бесплатным.

И опять начиналась торговля, только в обратную сторону. Продавец старался отдать товар за бесценок, но Махмуд цену знал прекрасно и добивался того, чтобы она была достойной.

Случалось и такое, что какая-нибудь женщина бежала за ним и просто умоляла взять в подарок какой-то товар. Если уж деваться было просто некуда, Махмуд брал один гранат, персик или грушу и говорил: «Хорошо, как от сестры своей приму!»

Из всех этих самостоятельно купленных продуктов Махмуд изготавливал свои кулинарные чудеса. Но что меня больше всего возмущало, что первыми на эти уникальные произведения наваливались беспардонные халявщики, которые умудрялись первыми затесаться к нему в гости.

Честно скажу, я их иногда выгонял. Уж очень мне эта блатная братия не нравилась. Махмуд на меня за это здорово сердился.

Однажды мы с Махмудом серьезно поссорились. Это была самая крупная наша ссора за все время. После одного сольного концерта в ГКЗ «Россия» Махмуд и Нина Аркадьевна пригласили известных, уважаемых людей в «знаменитую забегаловку». В квартире было настоящее столпотворение. Нина Аркадьевна расстроилась таким количеством непрошенных гостей. Махмуд поприветствовал всех (по большей части непрошенных) гостей и занялся кухней. Воспользовавшись этим, я выгнал давно всем надоевших халявщиков. Прошло какое-то время. Махмуд свое чудесное блюдо приготовил. Выходит из кухни и видит, что в комнате стало вдвое меньше людей.

— Где все? — спрашивает он изумленно.

— Я выгнал, — отвечаю.

— Как выгнал? Ведь это же мои гости!

— Махмуд, — говорю я ему, — ты великий артист. Тебя все знают. Что бы ты ни сделал, тебе никто ничего не скажет. И ничего к тебе не прилипнет. Я полковник милиции (тогда я был полковником), а меня могут

спросить, почему ты ужинаешь с какими-то проходимцами или еще хуже и у меня будут проблемы в МВД СССР, меня не похвалят за общение с такой компанией. Уверен, твои уважаемые гости, — я показал на поэта Андрея Дементьева, — не чувствуют себя комфортно с такими гостями.

— Мне не важно, что это за люди, — отвечает Махмуд очень сердито, — они пришли в мой дом, значит, это мои гости. У нас, у чеченцев, гостей выгонять — позор.

Так мы поссорились.

И не разговаривали мы долго, держали характер.

Месяца через три вечером звонит телефон, я еще был на работе, снимаю трубку и слышу:

— Нет в тебе элементарной культуры, слава богу, что не все такие беспардонные в милиции.

Взяв такси, я приехал мириться, молча выслушал все претензии к своей персоне, но упрямо повторил: «А халявщиков гнать все равно буду».

Позже он сказал, что я был прав — действительно, немало вокруг жуликов, и его в третий раз обокрали на днях... «Но не могу их прогнать, — развел он руками. — Это ведь гости...»

Да, Махмуд любил гостей. Любил готовить и угощать. Но еще больше он любил танцевать.

«Не есть, чтобы жить» — такова краткая формула жизни Махмуда.

Еду и танец он напрямую связывал между собой. Он говорил так:

— Я ем мало. Хотя мог бы съесть больше. Я ведь прекрасно знаю, что если я один, два, три раза нарушу этот свой закон, я уже не смогу подняться, не смогу полететь. Я перестану быть танцором, а без танца мне жизнь не мила, и поэтому я лучше откажу себе в еде. Не еда, а тренировка и постоянные ежедневные репетиции — вот в чем корень моей жизни. Я знаю, что танец — это не просто набор красивых движений. Танец — это душа, выраженная самим народом, суть красоты. Танец — это судьба и история народа, его мифы, сказки, предания. Его понимание красоты и благородства, и, наконец, танец — это еще и очень серьезное ответственное дело.

«Если ты нажрался, — говорил он, — то жизнь твоя ужимается до размеров дивана, а нужен ты и дорог только своей утробе».

Вкусно поесть он любил. Вкусно, но не много. И больше всего любил потчевать других (словно бы так вот хитро мстил за себя). Нет, конечно, не мстил. Он просто очень любил, когда все вокруг него едят с удовольствием.

Любимое блюдо — хингалш, пирожки в форме махоньких чебуреков с

начинкой из тыквы. Особенно, однако, любил и, главное, умел сам готовить старинное и очень сложное вайнахское блюдо — начиненную фаршем баранью требуху — б!араш. В очищенную и специально обработанную баранью требуху набивают мелко-мелко нарезанные кусочки сердца, почек, легких, внутренний жир барашка, репчатый лук, рис и бесчисленные, только кулинару известные специи. Зашитая в мешочек приправа варится и подается с кукурузными галушками и чесночным соусом. Над этим сложнейшим блюдом Махмуду приходилось колдовать по много часов, и не для себя, конечно, сам съедал несколько граммов, а для дорогих гостей. Великой радостью было, если его фирменное угощение ели много, неторопливо и достойно при этом восхваляя мастерство кулинару.

Дакъийна жижиг галнаш — тоже исконно чеченское и любимое эсамбаевское блюдо. Это по-особому вяленое мясо, которое можно жевать долго, с расстановкой, получая при этом несравненное удовольствие. Тут особенно важно, что много не съешь. Еще он с детства любил молодую крапиву и черемшу.

— Нет, — ворчал Махмуд, — после наны Бикату уже никто на свете не сумеет приготовить таких вкусных пирожков с крапивой и черемшой.

Тут же следует назвать еще и пироги с творогом — чепал-гаш и... многое, многое другое. И если в ресторанах разных стран он всегда был готов пробовать разные кулинарные чудеса, в том числе и самые экзотические, то сам готовил в основном вайнахские блюда. Недаром в свои бесчисленные заграничные гастроли он возил с собой повара, редкостную, надо признать, мастерицу. Не для себя, для друзей. Так и говорил, что делает это только потому, что сам не всегда имеет время, чтобы по-настоящему угостить гостей. Угостить по-настоящему, в его понимании, значило, что тут должны быть в лучшем виде представлены самые популярные блюда вайнахской кухни.

И вот еще что — есть один не любил. Одинокую еду считал исключительно вредной для своего здоровья. Любой гость, пусть даже случайно зашедший человек, приглашался к столу. И незваный гость после этого на всю жизнь запоминал, как замечательно накормили его за столом, во главе которого сидел прекрасный, как арабский принц, и в то же время поразительно гостеприимный стройный мужчина в кавказской черкеске и папахе из невиданного золотистого каракуля.

Асламбек Аслаханов продолжает свой рассказ: «Ничего, конечно, не изменилось. По-прежнему по дому Махмуда сновала масса неведомых, непонятно откуда взявшихся людей. Все они дневали, ночевали и кормились тут. Только я уже больше не устраивал чисток. Потому что

бесполезно бороться с тем, что является коренной сутью человека. А главной чертой характера Махмуда Эсамбаева была любовь к людям и постоянная необходимость опекать, поддерживать, помогать. Без этого он просто не мог жить...

Как-то заметив, что я опять начал коситься на его непрошенных гостей, Махмуд отвел меня на кухню, посадил напротив и сказал:

«Позволь поведать тебе одну историю, которую еще в детстве рассказал мне дедушка Михо. Помнишь, я рассказывал тебе, что был у нас в Атагах такой старый пастух? Очень мудрый человек, а история такая.

Некие братья пленили своего самого большого врага. Он жестоко покончил с их отцом. Им он тоже причинил много вреда, и потому братья решили убить его. Крепко перевязали веревками и заперли в доме. Они должны были по срочному делу отлучиться и потому наказали матери:

— Мы уедем на три дня и три ночи. Вернувшись, мы воздадим должное нашему врагу. В наше отсутствие не давай ему ни пить, ни есть. Ничего не давай, как бы он ни просил.

Братья уехали. Прошел день, за ним второй. На третий день пленник попросил у старухи:

— Принеси мне хоть немного еды и питья, не дай умереть в мучениях.

— Наши наказывали ничего тебе не давать, — ответила старуха сурово.

— Да отлучит тебя твой бог от себя, если ты будешь столь жестока! Завтра убьете меня, я готов к смерти, но сегодня дай мне глоток водицы и немного еды, — попросил пленник.

Пожалела его старуха и дала ему питья и еды.

Приехали братья домой и, как только увидели пленника, спросили у матери:

— Дала ли ты ему воды и еды?

— Да, — призналась мать.

— Что же ты наделала? Как же мы теперь убьем человека, вкусившего наш хлеб? Придется отпустить его с миром.

Если человек отведал пищу, он уже не пленник, а гость...

Ну а гость, учти, — святой человек в чеченском доме!»

Вот такую историю рассказал мне когда-то старый Михо, — сказал Махмуд. — Все эти люди ели и пили в моем доме. Думаю, ничего объяснять не надо...

Я всё понял. Больше мы никогда не ссорились».

В душе Махмуд был не только танцором, но и врачом. Причем, скорее всего, психотерапевтом. У него была врожденная способность утешать и снимать боль. Многие из его друзей и знакомых рассказывают об этом его замечательном даре.

Вспоминает Владимир Загороднюк: «Известный космонавт Игорь Волк, Герой Советского Союза, один из самых мужественных летчиков-испытателей, которым было доверено научить летать космический корабль «Буран», попал в автокатастрофу. На Кольцевой дороге его служебную «Волгу» подрезала впереди идущая машина, водитель не справился с управлением и...

Короче говоря, Игорь лежит в реанимации в Сокольниках в Военно-авиационном госпитале. Весть эта тут же разнеслась по Москве. И уже на следующий день мне позвонил Махмуд: «Володя, ты слышал, Рыжий в больнице? — Махмуд так звал Игоря Волка. — Нам срочно надо к нему ехать».

С Игорем Петровичем Волком Махмуд дружил давно. Познакомились они в 1972 году в городе Сочи, в санатории «Россия» на пляже. Игорь был очень спортивен, и его фигура вызывала восторг отдыхающих. Махмуд конечно же не мог не обратить на него внимания. У Игоря была копна ярко-рыжих волос, и с момента знакомства Махмуд называл его не иначе как Рыжий. В день знакомства Махмуд пригласил Волка к себе в огромный номер, в котором всегда было много гостей. Сидели до утра, с шутками, розыгрышами, воспоминаниями. По рассказам самого Игоря Петровича, когда выпито было всё, что можно, Махмуд пошел по этажам санатория. В то время холодильники стояли не в номерах, а в коридорах. Так вот, Махмуд из всех холодильников на всех этажах собрал всё, что можно было выпить. Закуски, сами понимаете, было достаточно и со словами: «В санаторий приезжают отдыхать и лечиться, а не пить» — дружная компания к утру всё осушила. Махмуд всегда был заводной, и все следовали его примеру, Игорь не был исключением.

И вот мы едем к Волку в госпиталь. Проезжаем мимо магазина, Махмуд говорит:

— Останови машину. Надо взять бутылку хорошего коньяка.

— Какой коньяк, Махмуд? Человек умирает, голову не может оторвать от подушки, а ты — коньяк. Ему хорошие лекарства нужны, а не хороший коньяк.

— Делай, как говорю, — повторил Махмуд, — я знаю Игоря лучше.

Взяли коньяк. Приехали в госпиталь. Игорь лежит пластом — ни жив ни мертв. Махмуд достает бутылку:

— Рыжий, это я. Кончай болеть. Ты чего разлегся? Мы сейчас выпьем по глоточку, и всё будет о'кей!

Игорь, еле приподняв голову, с трудом сделал глоток, потом еще, потом еще, потом еще чуть-чуть. Незаметно они вдвоем приговорили эту бутылочку. И тут Махмуд говорит мне:

— Чего сидишь? Беги задругой. Ты что, не видишь, человек выздоравливает?

Но Игорь меня вовремя остановил:

— Володя, ради бога, не надо никуда бежать. Сиди здесь. У меня под подушкой есть бутылка, вытащи ее оттуда, а то мне тяжело.

Вот это поворот! Такого я не ожидал! Когда была выпита вторая бутылка, в палату к Игорю ввалилась компания космонавтов. Как сказал бы Жванецкий, «у них с собой было...». Уезжая домой, я спросил у Махмуда:

— Сколько он выпил? С ума можно сойти. Это же невероятно. Кому расскажешь — не поверят.

А Махмуд отвечает:

— Володя, о чем ты говоришь? Просто так космонавтами не становятся и звезды Героев Советского Союза не получают. И запомни, дорогой, коньяк в малых дозах полезен в любых количествах...»

*

В результате поездки в Бразилию появился второй по силе после «Золотого бога» танец «Макумба». Этот танец впервые связал Махмуда с настоящим кино.

После большой зарубежной поездки Махмуд отправился обкатывать новую программу по Союзу. Добрался до самого Сахалина и, пожалуй, только теперь начал в реальности ощущать, как же велика и поистине безгранична его родная страна.

От этого замечательного и увлекательного дела его оторвало кино.

Популярность Махмуда стала уже так велика, что его достижения было решено запечатлеть на века. О нем планировалось снять сразу два фильма: широкоформатный для всемирного проката и телевизионный для народных масс.

Ставил фильмы большой профессионал Роман Тихомиров, автор

популярных музыкальных картин «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и многих других. Для работы были предоставлены все мыслимые возможности, а «Мосфильм» выделил для съемок самый большой свой павильон.

Сценарий писал замечательный поэт Павел Антокольский. Сюжетный ход был необычен: космонавт номер один Юрий Гагарин, пролетая в космическом пространстве над планетой Земля, видит бесконечно разнообразный мир людей. Перед ним проходят танцы всех народов земли. В итоге они сливаются в некий всемирный танец дружбы народов. Это, конечно, в пику агрессивному Западу, который, наоборот, стремится разобщить и разделить народы земли.

Кроме этого, в фильме непременно должен был появиться «наш дорогой Никита Сергеевич» с неизменными темами про кукурузу, химию, кузькину мать, близкую победу коммунизма в СССР, а вскоре и во всемирном масштабе.

В кино для Махмуда уже после того, давнего первого фильма проявилась принципиальная трудность. Он видел и чувствовал танец прежде всего в целом, как сложный и многозначный образ. Для кино же главным был не законченный цельный образ, а эпизод, и уже из этих кусочков на монтажном столе режиссер склеивал и выстраивал то, что было ему нужно.

Очень трудно создавался этот фильм. С тоски или от безысходности Махмуд даже заболел. Но прерывать съемки было нельзя, и потому большую часть времени он находился в съемочном павильоне под непосредственным присмотром врача.

Тем временем Минкульт потребовал отразить в фильме вечную тему бесправия американских негров. Махмуд до того расстроился, что решил уже заболеть по-настоящему. Но тут вдруг на память ему пришла стареющая эстрадная звезда Жозефина Бейкер, выступление которой он с таким удовольствием посетил во время первых своих гастролей в Париже. Тут еще на портрет примадонны наложились подходящие эпизоды из «Хижины дяди Тома» и кое-какие стихи, написанные съездившим в Америку Маяковским. И как-то сразу очень убедительно появился в его воображении крепкий белозубый танцующий негр с совершенно новой позицией — когда он показывает кулак своему надсмотрщику: «Вот только попробуй! Только ударь меня!»

И ведь получилось. Получилось так сильно и трогательно, что статисты в павильоне плакали навзрыд над трагической судьбой взбунтовавшегося негра.

Надо сказать, что Махмуда и правда больше всего любили и опекали в работе и в жизни самые простые люди. Рабочие сцены, пожарные, администраторы, дежурные и горничные гостиниц, ну и прежде всего, конечно, свой брат рядовой артист, лучше всех понимающий, какое неслыханное чудо высочайшего искусства они видят перед собой.

Фильм был хорошо принят начальством, правда, название почему-то поменяли. Теперь он назывался «В мире танца». А на первых просмотрах люди аплодировали, как если бы видели всё вживую.

Вскоре появилось новое предложение — сниматься в картине, которая называлась «Труд и розы». Это была значительно более сложная задача. Тут Махмуду предстояло не только танцевать, против чего он никогда не возражал, но еще и играть самого себя — играть, как драматическому актеру. Этим он заниматься не хотел. И очень долго сопротивлялся. Всё же, хотя на это ушло немало времени, режиссер Тофик Таги-заде сумел убедить его, что если будет танцевать он, а остальное делать какой-то другой человек, то в конечном счете получится плохо, это будут два разных человека.

Хорошо, конечно, что съемки проходили на Кавказе. В Азербайджане и в Чечне, в горном селении Харахой Веденского района. Родная земля. Чудесные горы, леса, альпийские пастбища. Невеста Дагмара — необыкновенно хороша (по сценарию и не только), согласна выйти замуж за горца. Замечательно пляшут джигиты (артисты грузинского и чечено-ингушского ансамблей), творит чудеса на своей волшебной гармошке народный артист Умар Димаев.

Все бы хорошо, но пришла зима. Летнюю красоту пришлось доснимать в зимнем Баку. В частности, индийский танец «Легенда о любви» снимали в парке имени поэта Низами при совершенно несусветном для Азербайджана морозе. А танцевать-то этот танец положено босиком. И Махмуд именно так его танцевал.

Не легче дался ему знаменитый «Танец огня», только этот снимали уже летом, когда на улице была жара за сорок, а тут еще пылающие софиты и прожекторы. Впечатление такое, что с живого снимают кожу.

Фильм этот после просмотра был одобрен всеми инстанциями и стал называться «Я буду танцевать». Он широко прошел по всей стране, был закуплен за рубежом и стал активно работать на мировую славу Махмуда Эсамбаева.

На просмотр пришел однажды Андрей Тарковский. Еще никто не говорил, что это гений. Однако Махмуд почувствовал, что этот человек умеет завораживать... Маленький, щуплый, ничем вроде не

примечательный, но как говорит! И ведь едва не уломал Махмуда сняться в своем новом фильме.

Махмуд все-таки нашел силы отказаться. Он объяснил, что у него просто нет на это времени. Кроме того, он не хочет заниматься непонятным для него и к тому же очень непростым делом. Он танцовщик. Всё, что с этим связано, ему интересно, а что не связано... тем пусть занимаются другие. К тому же все это они умеют делать гораздо лучше.

Тарковский не стал спорить. Он согласился, а на прощание сказал: «Как хорошо, что сейчас уже есть достаточно развитая кинематография и ваши неповторимые танцы постоянно снимают на пленку. Вы останетесь в вечности».

Теперь то же самое говорят о самом Тарковском. Он со своими гениальными фильмами остался в вечности.

Неужели для того, чтобы быть понятым, обязательно нужно умереть?!

Часть четвертая

ТАНЦЫ НАРОДОВ МИРА



Глава первая

ЗА КУЛИСАМИ

Случалось, что, появившись за кулисами, Махмуд вдруг брал микрофон, делал знак оркестру и тот играл вступление.

Махмуд поет:

*Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен...*

Слух у Махмуда абсолютный, голос — приятный, богатый оттенками баритон. Пел он с большим чувством, и потому все работы в театре на какое-то время замирали. Все слушали.

За первой песней следовала вторая:

*Сердце, тебе не хочется покоя,
Сердце, как хорошо на свете жить...*

Репертуар был отработан. В зависимости от наличия свободного времени и настроения Махмуд мог порадовать слушателей мелодиями из «Большого вальса» или «Серенады Солнечной долины». Вокальные возможности его были весьма обширны. Он без труда копировал как нежнейшие переходы Клавдии Шульженко, так и нутряное рычание Армстронга в знаменитой песенке «Хелло, Долли».

Такие импровизированные концерты происходили не реже чем раз в месяц и зависели прежде всего от настроения Махмуда. Если всё хорошо, всё идет по плану, то можно быть уверенным — концерт состоится.

Особенно нравилось много повидавшему театральному люду то, как узнаваемо и забавно передает Махмуд характерные жесты и приемы знаменитых исполнителей. Неуклюже ловкие балетные па Утесова, стремительную чечетку Любви Орловой или наивную демонстрацию Клавдией Шульженко своих замечательно красивых рук. Ну а приплясывать и хрипеть, как веселый толстяк Армстронг, и вовсе одно удовольствие.

— Когда стану старым и немощным, — совершенно серьезно

объясняет Махмуд, — буду зарабатывать на жизнь как скромный эстрадный пародист.

А что? В это совсем нетрудно поверить, особенно если посчастливится услышать такой концерт...

Вот он заходит в гримерную. Здоровается со всеми, садится у зеркала рядом с певицей Марьям Айдамировой, и у них начинается разговор:

На таких встречах нередко доводилось присутствовать старому товарищу Махмуда Хажбикару Бокову.

«Марьям — замечательная женщина, наделенная редкостным голосом, — вспоминает Хажбикар. — Она никогда профессионально не училась пению. Голос, однако, имела редкостный — настоящий соловей.

Ее можно назвать духовной сестрой Махмуда по таланту, да и по роли в жизни вайнахского народа. Эти двое были первыми, кто приобрел всесоюзную известность после возвращения нашего народа на родную землю из мест выселения.

Известность ее выросла еще в Средней Азии, когда радио Казахстана стало передавать песни в ее исполнении. Голос ее породил удивительное чувство, душа словно бы обретала крылья и поднималась в небо. Такое ощущение было, по крайней мере, у меня, но я не сомневаюсь, что восторг и душевный подъем испытывали все мои земляки.

С танцем Махмуда Эсамбаева, песней Марьям Айдамировой и музыкой композитора Димаева в Чечено-Ингушетию вернулись присущее нашему народу веселье и вдохновляющее чувство прекрасного. Всё это конечно же было коренным образом связано с возвращением людей на свою древнюю родину. Большого праздника, большего счастья для человека, я думаю, невозможно придумать.

Не дай бог, конечно, еще кому-то познавать свою культуру так, как это досталось нам. Но когда люди оказываются в таком трудном положении, в каком когда-то оказались вайнахи, то понимание необходимости и ценности национальной культуры становится не менее важным, чем сама жизнь.

Все народы, пережившие изгнание с родной земли, начинают отчетливо понимать, что, если они не сумеют сохранить свою культуру, они потеряют свою национальную идентичность, потеряют саму душу свою, превратятся в толпу людей без рода и племени. Вот это и будет уже настоящая гибель.

Вернувшись на Кавказ, Марьям часто выступала вместе с Махмудом, исполняя песни в перерывах между танцами. Они крепко дружили, что не мешало Махмуду постоянно над подругой подшучивать.

Когда они готовились к концерту, сидя за соседними столиками в

гримерке, я находился поблизости и потому не раз слышал их шутейную перепалку.

— Опять покрасила свои щечки-яблочки! — как бы осуждающе, ворчит Махмуд. — Не старайся, всё равно выглядишь старше моего отца.

— Ты-то сам чего гримируешься? — отыгрывала бойкая на язык Марьям. — Сам в зеркало погляди, выглядишь старше моей матери!

Махмуд, конечно, знал, что по поводу возраста с женщинами шутить опасно. Но тогда оба они были молодые, красивые (и прекрасно об этом знали), потому такие шутки не задевали, а только раззадоривали.

— Нет, Марьям, — совершенно серьезно возражал Махмуд. — Это ты старше моего отца, тебя ведь сам Пушкин знал.

— Это как же Пушкин меня мог знать?! — изумлялась, сраженная таким неожиданным доводом, певица.

— Вспомни! Разве не про тебя он написал: «...То как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...»

— Ой, Махмуд! Как же ты мне надоел со своими шуточками! — сердилась Марьям, но не выдерживала и начинала заразительно смеяться.

В следующий раз она приготовит Махмуду какой-нибудь похожий сюрприз...

Кстати, Марьям и по натуре своей была очень искренняя и благодарная женщина. Она не раз и не два во всеуслышание заявляла, что именно Махмуд помог ей выйти на большую сцену и раскрыться по-настоящему, потому что рядом с ним нельзя ничего делать вполсилы.

Это правда, хотя, конечно, с ее ярким талантом и красотой Марьям наверняка и сама бы, в конце концов, пробилась, но это могло произойти значительно позже и с большими потерями.

Жаль только, что многие другие, знаменитые сейчас люди почему-то стесняются признаться, что и им в свое время тоже помог встать на ноги и заявить о себе Махмуд Эсамбаев. Такой уж он был человек. Стоило ему только заметить проблеск таланта, и он тотчас делал всё от него зависящее, чтобы вывести человека на сцену. Таких должников у него много. Удивительно, что сегодня не все помнят об этом, а такое порядочному человеку забывать нельзя».

Зоя Александровна Дудецкая, костюмерша творческой группы Эсамбаева, рассказывала, что Махмуд не мог жить без музыки. Музыку он находил и включал везде, где только была возможность. В гостинице, в машине, в железнодорожном вагоне во время долгих гастрольных поездок. Ее, Зою Александровну, он просил включать магнитофон с различными музыкальными записями, даже в коротких и напряженных перерывах

между танцами, когда нужно было спешно перегримироваться и сменить костюм.

Дело это было непростое. Костюмов Махмуд имел великое множество и почти все необыкновенно сложные, состоящие из великого множества незаменимых и в то же время очень хрупких, нежных, мнущихся частей...

Вот как рассказывает о подготовке к танцу Геннадий Пожидаев в своей книге «Повесть о танце»: «Эсамбаев переодевается. Затем садится к столику с зеркалом и начинает гримироваться...

Он одевается в костюм горца, щедро украшенный старым серебром. В искусно сделанных серебряных ножнах тонкий и острый, как луч, кавказский кинжал. На плечи накидывает тяжелую черную бурку. Сейчас зритель увидит гордого и красивого горца.

Выхожу за Эсамбаевым, чтобы из-за кулис смотреть его танец. Он молчалив и сосредоточен.

Ведущая дочитывает текст, в оркестре звучит задумчивая мелодия аккордеона. Сейчас откроется занавес и... но уже не будет ни артиста, ни зала, а будет поэма о любви к родине, чем-то напоминающая лермонтовского «Мцыри».

Ему и не надо было гримироваться. Длинный, худой, смуглый, с густой шапкой всклокоченных волос, молодой горец был готовым героем лермонтовской поэмы. Добавить к этому огромные глаза на аскетическом от худобы лице — и портрет юного монаха готов...

Зайдя в гримерную, Эсамбаев стал быстро переодеваться. Я обратил внимание на то, что он был мокрым от пота. И это после первого танца. Спрашиваю его:

— Какой твой танец самый трудный? — Про себя подумал, что он обязательно назовет индийский или «Макумбу».

— Легкого танца у меня нет. Я от каждого мокрый. И если зрителю при этом кажется, что мой танец легок, значит, я выполнил свою задачу. Когда публика замечает, что танец физически труден, это говорит о том, что артист не в форме. И это очень печально. Значит, не отдает всего себя.

— Но ведь артист может быть не в форме?

— Конечно, может. Но он не имеет права показывать это зрителю. Случается, что вынужден выступать даже больным, но зритель не должен этого почувствовать.

— А тебе приходилось танцевать больным?

— Не один раз.

— Он с гвоздем в пятке танцевал, — вступает в разговор Зоя Андреевна — гример, костюмер и вообще мастер на все руки, много лет

работающая с Махмудом. — А однажды сильно порезал ногу о стекло. Во время номера сверху упала лампа и разбилась на мелкие кусочки. Он не перестал танцевать. А в перерыве порезанную ногу промыл, покрыл лаком, чтобы не текла кровь, и пошел танцевать дальше.

Зоя Александровна рассказала мне потихоньку от Махмуда, что, когда он приходит с танца недостаточно, по его мнению, потным, у него портится настроение — ему кажется, что он что-то недодал зрителю».

По-видимому, пот — это тоже мера в искусстве, и немалая, если о нем так печется настоящий мастер. Я вспомнил слова, сказанные Эсамбаевым во время нашего посещения цирка, к которому он сохранил какую-то детскую трогательную любовь:

— Какое легкое и веселое зрелище — цирк! А ведь в цирке трудятся до изнеможения. За каждым маленьким трюком — годы труда.

Я вспоминаю слова Махмуда и пропотевшую одежду его чечено-ингушского номера. Зрители из зала этот труд тоже чувствовали, хотя не каждый, возможно, об этом задумывался.

Вполне возможно, что некоторым зрителям паузы между танцами Эсамбаева кажутся слишком длинными. Но если засечь время и увидеть, что за эти минуты происходит за кулисами, то поражает как раз обратное. Вот хронометраж концерта, сделанный Геннадием Пожидаевым:

Чечено-ингушский танец — 5 минут.

Переодевание и грим к танцу «Автомат» — 5 минут.

Танец «Автомат» — 3 минуты.

Переодевание и грим к индийскому танцу — 10 минут.

Индийский танец — 8 минут.

Переодевание и грим к «Портняжке» — 6 минут.

«Портняжка» — 5 минут.

Переодевание и грим к «Аве Мария» — 5 минут.

«Аве Мария» — 5 минут.

Переодевание и грим к «Макумбе» — 7 минут.

«Макумба» — 6 минут.

Танец можно считать готовым, считал Махмуд, когда возникает неповторимое ощущение, что ты являешься одновременно исполнителем и зрителем. Сам танцуешь, как бы со стороны видишь себя танцующим на сцене. Такая вот необычная хореографическая шизофрения — весьма даже полезное раздвоение личности.

Следует заметить, что и порядок, в котором следуют танцы, отработывается годами. В нем не только понятная самому исполнителю художественная последовательность и развитие сюжета программы. Тут

есть и вынужденная политическая последовательность. Она тоже связана с художественным впечатлением, но рассчитанная не на простого зрителя, а на высокого чиновника. Это уже собственная игра и политика Махмуда, позволяющая ему отвести в сторону зоркий глаз бдительного бюрократа из Министерства культуры, отвлечь внимание бдительного чиновника от танца, который воспринимается им как политический плакат. Проблемы начались сразу, как только Махмуд включил в программу неожиданный танец, который назывался «Автомат».

Это был танец робота, и с ним Махмуд изрядно намучился. Проблем в исполнении не было. Хореографически он был не слишком сложным. Беда в том, что в танце этом обе стороны, и наша, и зарубежная, нашли скрытый смысл.

Властные бюрократы от культуры официально объявили, что смысл танца — критика бездушности и механистичности капиталистического мира, подменяющего все человеческие чувства бешеным стремлением к наживе. И прозрачно намекнули Махмуду, что эти политические качества танца следует выразить более четко и прямо.

С другого берега отвечали, что танец «Автомат» — зашифрованная в танце картинка жизни советского человека, вынужденного действовать помимо своей воли, подавляя естественные стремления и выполняя только приказы бездушной идеологической машины.

Никто не желал слушать самого Махмуда, который объяснял, что танец «Автомат» есть демонстрация вечной идеи о том, что даже самый совершенный механизм, самый идеальный робот не в силах создать истинной гармонии танца. Что на живой танец, естественное чудо красоты, способно только одухотворенное человеческое тело.

Снять проблему удалось только со временем, упрятав «Автомат» в середину программы...

Пожидаев продолжает: «Фантастически малое время остается Махмуду на переодевание и грим между танцами! Он не может себе позволить ни секунды отдыха...

Несмотря на то что руки Зои Александровны очень проворны и умеют обращаться с одеждой, времени на переодевание катастрофически не хватает. Ведь, например, только индийский костюм насчитывает пятнадцать предметов, каждый из которых имеет завязки.

— С первого мазка грима я настраиваюсь на следующий номер, — говорит Махмуд, сидя против зеркала и нанося на лицо тонкой палочкой нужную краску...

Эсамбаев одевается на индийский танец. Я обращаю внимание на

блестящие накладки, которые привязываются к ногам. На них прикреплено несколько десятков бронзовых чашечек-колокольчиков, внутри которых звенят, перекатываясь, серебряные шарики.

— Весь фокус в том, чтобы они не звенели во время подъема и опускания в начале и конце танца. Чуть задрожит нога, они сразу подадут голос. Я играю роль бога Шивы. Колокольчики-занги должны звенеть тогда, когда бог сделает первый шаг.

— А звенели они во время разучивания танца?

— Еще как!

— Ты на самом деле чувствуешь себя богом в этом танце?

— Приходится воображать. — Махмуд улыбается. — А иначе я не встану... Перед танцем, стоя на сцене в темноте, я складываю по-индийски руки и думаю, что нахожусь в храме и что должен спасти людей и землю. И забываю тогда, что я солист филармонии. Я встаю, потому что так надо. Боги не страдают. Лицо не должно быть искажено. Когда сажусь, можно одуреть от усталости. Но чтобы это выдержать, приходится тренироваться до изнеможения. На подъем и опускание в концерте затрачиваю по полторы минуты. А во время тренажа довожу до двух...

Я наблюдал Махмуда в индийском танце совсем близко, стоя за кулисами. Видел, как во время опускания сдержанно-напряженно вздымалась грудь, каким каменно-бесстрастным было его лицо и как жемчужиной сверкнула капля пота в лучах прожектора.

Несмотря на все трудности, и даже вопреки им, Махмуд весело работает во время концерта. Уходя за кулисы, радостно раздает преподнесенные ему цветы первым попавшимся на глаза работникам сцены: уборщицам, электрикам, пожарным. Вбегая в гримерную, беспрестанно шутит с окружающими. Этими шутками он как бы разряжает напряжение от предыдущего номера, стряхивает его и с готовностью берется за воплощение нового.

— Удивительно, — говорил он, накладывая грим перед выходом в номере «Аве Мария», — камень давно бы стерся, а лицо держится. Семь гримов за концерт, и так почти каждый день. А кожа терпит. И все же, как я себя уродую! Один мой товарищ по театру во Фрунзе одинаково изысканно одевался в роли Хозе и в первом акте, и в последнем. А ведь Хозе в конце оперы уже не тот, что был — заброшенный, опустившийся. Только Кармен всё так же прекрасна. Так вот, мой товарищ говорил: «Публика не любит, когда я плохо одет на сцене». А что я с собой делаю? В какие тряпки одеваюсь? — И он вздохнул.

Но вот приготовления к номеру закончены. Времени осталось только

на выход. И он пошел на сцену босиком, уже слепец, согнувшийся под бременем житейских невзгод.

Снова перед моими глазами эта волнующая своей человечностью, каким-то неистовым чувством жалости к бедным и обездоленным новелла о слепом нищем.

Вот замер, уставившись немигающими глазами в зал, слепой. Быстро закрывается занавес, за ним остается отдаленный шум аплодисментов. На сцене сразу становится темно.

Что случилось с Эсамбаевым? Почему он не встает и не идет за кулисы? Два человека с разных сторон бросаются к нему. Махмуда подхватили под руки и почти тащат к кулисам. Он согнулся и еле перебирает ногами.

Эсамбаева ведут к гримерной. По дороге он освобождается от помощников и дальше идет один. Трет рукой затылок.

Я догоняю его:

— В чем дело?

Он отвечает, устало морщась:

— Ничего не вижу.

— Как же так?

— Я ведь играю слепого.

— Играть нужно, но не слепнуть же!

— А что я могу сделать?..

Мне, честно говоря, стало страшно за него. Какой же ценой достигается правда образа! Мы, зрители, верим, что на сцене слепой, так похоже артист изображает его. Но мы всё время помним, что он зрячий. А он на самом деле слепнет. В течение всего номера он не закрывает глаза, не моргает, и в них всё время светит прожектор. Поэтому у артиста немеет затылок и появляется боль в голове.

Зоя Александровна рассказала потом, что слепота его открылась однажды совершенно неожиданно. Правда, и раньше замечали, что после этого номера он идет за кулисы как-то неуверенно, как будто ощупью и пошатываясь. В тот раз после исполнения «Аве Мария» Махмуд на какое-то мгновение совсем потерял зрение, он не видел, как закрывали занавес, и, когда его открыли, он оказался сидящим в той же позе. Тогда все бросились к нему и увели со сцены. Он не сразу пришел в себя. С тех пор его всегда уводят за кулисы после этого номера...

Однажды к Махмуду после концерта подошли двое незнакомых людей. Они были взволнованны. Мужчина сказал: «Мой брат и ее сын — слепой. Мы очень хорошо знаем его движения, манеру ходить, брать

предметы. Вы делаете всё это поразительно похоже. Как вы этого достигли? И вы на самом деле чувствуете себя слепым?» Махмуд ответил утвердительно. Тогда мужчина попросил притронуться к его щеке рукой, как это делают слепые. И когда Махмуд коснулся кончиками пальцев его щеки, мужчина и женщина не выдержали и разрыдались.

Махмуд действительно много наблюдал за слепыми, за особенностью их движений, прежде чем приступил к воплощению своего замысла. Но это было потом. После того, какой нашел, наконец, сюжет этого танца.

Да, «Аве Мария» Франца Шуберта — может быть, самая прекрасная мелодия в мире, так думал Махмуд. Но сама эта музыка не подсказывала стиля и содержания танца. Ясно было, что чудесная эта мелодия создана и живет на границе добра и зла, жизни и смерти и что великий композитор услышал ее, побывав каким-то образом и на небесах, и в аду...

Сюжет обнаружился как бы совершенно случайно. Так бывает всегда, если все силы души человека сосредоточены на поиске решения. Кто ищет, тот найдет.

Книга лежала на столе в комнате приятеля, к которому Махмуд зашел мимоходом буквально на минуту. Они спешили на важный прием, который должен был пройти в Министерстве культуры. Приятель забежал домой на минуту, только чтобы переодеться.

Махмуд поднял книгу, из любопытства перелистнул несколько страниц. Книга была посвящена Великой Отечественной войне и почти полностью состояла из документов, писем, воспоминаний. По большей части материалы эти были ему знакомы. Он уже хотел положить книгу на место, когда наткнулся на письмо, в котором рассказывалось... у Махмуда быстрые мурашки пробежали по всему телу...

В этом письме один из спасшихся во время восстания смертников Бухенвальда рассказывал о том, как в газовые камеры отправлялись партии заключенных. Бухенвальд — лагерь этот словно нарочно расположен рядом с Веймаром, славным городом немецкого просвещения, где жили и писали свои великие произведения Гёте и Шиллер. Это была словно бы самая убедительная и страшная иллюстрация к тому, что может сделать с народом националистическая идеология фашизма. Партии смертников, направляемые под конвоем в газовые камеры, шли навстречу своей смерти под божественные звуки «Аве Мария»...

Махмуд заглянул в начало письма.

Этот чудом оставшийся в живых свидетель массового убийства тысяч людей был по своей прежней, довоенной, профессии художник. Он писал, что после освобождения из лагеря так и не смог вернуться к своей прежней

профессии. Он словно бы потерял зрение, зрение художника, способного видеть прекрасное в различных проявлениях жизни. «Бухенвальд убил во мне ощущение красоты. Я словно ослеп, — признался в своем письме художник, — до этого я обожал мелодию «Аве Мария». Когда эта музыка звучала, я видел, как благословенная Матерь Божия распространяет таинство небесной красоты над миром людей. Теперь я не могу слушать эту божественную мелодию. Я жил красотой и ради красоты. Моя жизнь потеряла самую главную опору».

— Ну что, пошли. Я готов встречаться хоть с самой Катюшей Фурцевой, — радостно сообщил Махмуду приятель, возвращаясь из своей комнаты... — Ну, чего молчишь? Скажи, как я выгляжу? Можно в таком виде показаться на приеме в Министерстве культуры?

— Отлично... отлично... — рассеянно отозвался Махмуд.

— Ты даже не посмотрел! — обиделся приятель.

— Прости, ты что-то спрашиваешь? — Махмуд, кажется, начал возвращаться к действительности. Взглянул на приятеля. Похвалил его новый костюм и галстук с голубой искрой... и объявил, что на прием не пойдет.

— Ты что! — опешил приятель. — Это же прием в министерстве... тебя там ждут! Не исключено, что сама Катя будет!

— Имею я право заболеть?! — спросил Махмуд раздраженно...

— Заболеть, конечно, каждый может... но ведь такой прием...

— Вот придешь туда и скажешь, что я внезапно заболел. Что у меня резко поднялась температура. Я тебя очень прошу. Всё. Я пошел лечиться.

И Махмуд почти бегом выскочил из комнаты. Сейчас ему больше всего хотелось побыть одному...

Замысел танца уже складывался в его воображении.

Он видел бывшего художника, старого больного человека, который вышел на привычный уже для себя угол улицы и встал там с протянутой рукой. Так он теперь зарабатывает на жизнь.

Звучит мелодия «Аве Мария». Пока далеко и тихо. Танец о прошлом рождается в памяти слепого художника. Вся беспредельная красота мира, сияющие краски, юные подружки и натурщицы, выезды на пленэр, ежегодные выставки, где он имел успех, всё это теперь странная, полузабытая жизнь, о которой он почти не вспоминает. Всё заслоняет черная тень концлагеря Бухенвальд, в который он попал в самом конце войны, гораздо ближе, и его художник очень хотел бы забыть, но уже никогда не сможет, как не сможет забыть божественную мелодию «Аве Мария».

Лагерь сломал его жизнь, сделал его слепым. И когда война кончилась, старый уже художник остался совершенно один в этом темном мире, откуда в его протянутую руку иногда падают мелкие монеты.

Осторожный, нащупывающий танец слепого закончен. Сегодня ни одной монеты, и он останется голодным, но вот он слышит звон, по камням катится брошенная ему монета. Встав на четвереньки, он пытается поймать ее. Это ему удастся. Слепой зажимает монету в кулаке. Вот еще один день жизни!

Но зачем?!

Зачем ему такая жизнь?!

Громко и грозно звучит мелодия «Аве Мария».

Художник зажимает уши руками...

Опускается занавес...

— Первые исполнения этой роли он так переживал, — вспоминает Зоя Александровна, — что плакал прямо на сцене во время исполнения новеллы. А потом в гримерной мы вместе с ним заливались слезами. Позже он стал себя сдерживать, считая, что это мешает ему раскрывать образ, контролировать свои действия. Ушел в себя и стал играть, по-моему, еще сильнее.

Мне вспомнилась вычитанная где-то подробность игры Шаляпина. Он нередко так входил в роль, что плакал настоящими слезами. Но в таких слезах было больше жалости к себе. Он так входил в образ, что начинал путать, где он, а где его герой. И Шаляпин победил этот, по его мнению, недостаток, который мешал ему творить...

Махмуд тоже сумел перебороть непрошенные слезы, вот только зрение после этого танца возвращалось к нему не сразу. Поэтому нужен был отдых. Хотя бы пара минут полного одиночества.

Говоря о концертах Эсамбаева, нельзя не остановиться на той их части, где сам артист на сцене отсутствует. Что в это время происходит?

В концертных программах Эсамбаева, как бы переключаясь по тематике с его танцами, исполняются песни народов мира, а также песни советских композиторов. Всё это превращает концерт в единое, гармоничное целое. Так определились амплуа певцов его творческой группы. Один — исполнитель песен народов мира, другой — песен советских композиторов.

Состав группы не остается неизменным. Привлекая новых людей, Махмуд ищет наиболее стройное, гармоничное звучание концерта, в котором каждый исполняет свою роль на самом высоком уровне».

Глава вторая

ТАНЕЦ ОГНЯ

Вспоминает Евгения Герасимовна Фарманян — бывшая балерина Большого театра, ныне профессор Академии балета, отметившая 70 лет преподавательской деятельности:

«В мире балета много больших талантов, но Махмуд Эсамбаев даже тут исключительное и уникальное явление. Особенно удивительно, что вдобавок ко всему своему поразительному таланту это был человек добрый, открытый, настроенный на добро и к тому же готовый танцевать всегда и везде. Я лично больше таких людей в жизни своей, а она у меня немаленькая, и мне многое довелось повидать, не встречала.

Знакомство наше произошло в 1960 году, казалось бы, случайно.

Я тогда преподавала в Московском хореографическом училище (сейчас это академия). Я и сама училась танцевать здесь. Пришла еще в старинное здание на Пушечной, где наша школа возникла 330 лет назад. Сначала в ней готовили артистов всех жанров и направлений, но со временем она стала специализированной балетной школой.

Тут учились великие артисты, например Ермолова, которая поначалу собиралась стать балериной. В 1938 году я поступила в Большой театр, а в 1939-м получила письмо с предложением начать преподавательскую работу в Московской балетной школе. Письмо было подписано Петром Андреевичем Гусевым, моим любимым педагогом, который тогда занял пост директора школы. От таких предложений не отказываются. И в 1941 году 25 мая у меня был уже первый выпуск.

Несколько позже я перешла на преподавание характерного танца. В результате нам удалось создать полноценную школу этого танца и отлаженную систему преподавания, которая существует и сегодня...

В тот раз Софья Николаевна Головкина вызвала меня к себе и попросила зайти в класс, где Махмуд Эсамбаев репетировал с детьми свой новый танец. Она как-то странно посмотрела на меня и добавила, что ему, видимо, нужно помочь.

— Он хочет поставить совместно с детским коллективом «Танец огня», — сказала она, — только как-то непонятно он это делает.

О Махмуде я, конечно, знала. Тогда, после фестиваля молодежи и студентов в Москве, где Эсамбаев блестяще выиграл главные награды, как в классическом, так и народном танце, он был уже широко известен.

Однако лично я с ним не была знакома.

Я заглянула в класс и увидела странную картину.

По периметру зала, вдоль стен, стояли наши ребята, а в середине... вот уж действительно — танец огня, пламенно отплясывал удивительно стройный, гибкий, красивый человек.

Так я впервые увидела Махмуда Эсамбаева.

Он танцевал самозабвенно. Его шикарная, еще недавно, видимо, белоснежная рубашка потемнела от пота, ее можно было буквально выжимать.

Ребята, наблюдавшие за тем, как он танцует, были страшно довольны этим неожиданным концертом. Тем более что новый руководитель ничего от них не требовал и замечательно развлекал их своим замечательным мастерским танцем.

Как я узнала позже, Махмуд никогда раньше не работал с детьми. Он был уверен, что с ними нужно поступать так, как учился он сам. Ему показывали танец, он его запоминал и уже после первого показа мог танцевать сам. Махмуд обладал фантастической способностью как бы фотографировать и навсегда запоминать самые сложные хореографические движения.

Одним словом, мне пришлось в этот процесс вмешаться, идо-вольно скоро нам с Махмудом удалось совместно наладить процесс обучения. «Танец огня» мы сделали, на мой взгляд, удачно.

Махмуд был очень доволен и предложил и дальше работать с ним вместе.

— Мы создадим с вами театр народного танца, — увлеченно говорил он, — в основе которого будет моя программа «Танцы народов мира».

В 1960 году у него уже всё было продумано и почти все номера полностью отработаны.

Для меня всё это было необычно. Конечно, если смотреть на работу Эсамбаева с точки зрения классического балета, которому я посвятила всю свою жизнь, то театр народного танца принадлежит скорее к эстраднему искусству и Эсамбаев, следовательно, не наш человек.

С другой стороны, мне было понятно, что театр Махмуда Эсамбаева — явление совершенно новое, да и вообще в истории танца ничего подобного я не могла припомнить.

В таком случае, какое может иметь значение, что Эсамбаев не укладывается в рамки классического балета? Точно так же, кстати, не укладывается его творчество и в рамки привычного эстрадного танца.

Мне всё это показалось интересным, и я согласилась...

Однако, видно, не судьба нам была работать вместе. Буквально через день я простудилась и попала в больницу с тяжелым воспалением легких.

Ждать Махмуд не мог. Пришлось ему делать программу в одиночку.

Он сумел создать эту свою единственную и неповторимую программу народных танцев мира и всю свою жизнь постоянно дополнял и совершенствовал ее.

Мы остались друзьями. Я по сей день жалею, что мне не пришлось серьезно поработать вместе с ним. Даже самые первые опыты совместной деятельности показали, что у нас могла бы сложиться перспективная рабочая группа и, в результате, возникнуть полноценный театр народного танца, о котором он мечтал. Такой театр мог бы сохранить для потомков живое искусство Махмуда Эсамбаева.

Дело в том, что при всем своем уникальном таланте и замечательных свойствах характера — он был очень приветливый, добрый и щедрый человек, — плодотворно работать вместе с кем-то (а ему был нужен партнер — балетмейстер и репетитор) у Махмуда не получилось.

Танец такого необычного типа, который создал Махмуд Эсамбаев, — это непривычное, тонкое дело, о котором можно сказать, что никаких правил, теорий и границ тут быть не может. В таких случаях остается только сказать: «Боженька капнул — и всё получилось!»

Махмуд был именно таким человеком, от Бога.

Его талант отмечен Небом и, по сути, неповторим. Так я теперь успокаиваю себя. И все-таки по-прежнему очень жалею, что судьба не дала нам возможности поработать вместе...»

Такова короткая история «Танца огня». И действительно, остается только жалеть, что танец этот не был показан совместно с детским балетным коллективом, а Махмуд так и остался единственным его уникальным исполнителем.

В это же время Махмуд совместно со своим другом — балетмейстером Львом Михайловичем Крамаревским поставил новый цыганский танец, который стал замечательным дополнением к уже начавшему складываться концертному набору Махмуда.

Этот танец следует в его программе сразу за чеченской легендой о кровной мести. В нем Махмуд очень далеко ушел от той «Цыганочки», которая так помогла ему на первых шагах карьеры. В современном цыганском танце гораздо больше от пушкинской поэмы «Алеко», и движущие силы и драматургия тут те же — любовь, страсть и жгучая ревность. Это напряженный и драматический по характеру танец молодого цыгана, который мучается, зная, что его любимая ушла с другим в ночную

степь.

Он сидит один, возле догорающего костра, глубоко и тяжело задумавшись. Неотступные муки ревности не дают ему сидеть спокойно. Он поднимается и делает движения, как бы отталкивающие темные призраки ненависти. Но не может избавиться, они обступают его всё плотнее и подчиняют себе пылкую натуру. Цыган начинает свой танец, напоминающий смертельный поединок со счастливым соперником. Он понимает, конечно, что любовь красавицы невозможно завоевать в драке, даже самой жестокой и кровавой. Даже если победит, он всё равно не сможет завладеть душой неукротимой цыганки. Да, он знает это. Но по крайней мере он сможет погубить счастье соперника.

В конце концов он в изнеможении падает у костра, лежит неподвижно. Вскоре он поднимает голову.

И тут к нему приходит просветление. Нет, он не станет искать смерти счастливого соперника, не станет разрушать счастье любимой, но не любящей его женщины.

Потом этот сценарий многократно изменялся. Но во всех случаях пушкинский Алеко в исполнении Махмуда Эсамбаева отказывался от убийства, не желая проливать кровь соперника. Не мог он отказаться и от любви.

Это разрывающее душу противоречие выливалось в удивительный по драматизму танец, в котором ярость была смешана с нежностью, а любовь с ненавистью.

Смысл трагического танца в том, что окажется сильнее в душе отчаянного цыгана — ревность и ненависть или прощение и любовь.

Именно такой, обжигающий душу огонь пылает во многих танцах Махмуда...

Цыганский танец. Немного измененная и уложенная в несколько минут опера «Алеко». Напряженная и драматичная вначале, когда цыган бесится от обиды и жаждет мести — любимая изменила ему!

Изменена только концовка. Цыган ломает кнут и отбрасывает его во тьму — и точно так же отбрасывает мысль о мести.

Крови и смерти в этом танце не будет...

*

Говорит Нина Федоровна Дементьева — кандидат искусствоведения, профессор кафедры хореографии РАТИ-ГИТИС, бывшая балерина

Большого театра:

«Война. Мы еще дети и дружим с Андреем Крамаревским. Потом он стал солистом Большого театра. Это сын знаменитого балетмейстера Льва Михайловича Крамаревского.

В годы Великой Отечественной семья Крамаревских была эвакуирована в город Фрунзе (ныне Бишкек). Там Лев Михайлович стал балетмейстером и педагогом классического танца в Киргизском государственном театре оперы и балета.

В конце войны во Фрунзе появился молодой и никому не известный Махмуд Эсамбаев (это был период ссылки чеченцев в Среднюю Азию). Именно тогда на уроках Л. М. Крамаревского началось знакомство этого безумно одаренного от природы танцора с техникой классического балета. На этих уроках тринадцатилетний Андрюша Крамаревский (он тоже занимался в отцовском классе) познакомился с Махмудом Эсамбаевым и они подружились...

После войны Крамаревские вернулись в Москву. Тогда я и познакомилась с Андрюшей и его товарищем Гошей Бовтом. Оба будущие солисты Большого театра. Все мы занимались здесь в балетном училище, где я сейчас преподаю.

В училище мы ездили на трамвае № 15. Я с Бронной ехала несколько остановок. Андрей и Гоша садились у Никитских Ворот, и потом вместе шли в ГЦепкинское училище.

Потом мы все вместе в Большом театре танцевали. Гоша был моим партнером. Мы с ним частенько ругались. Он был тогда секретарем комсомольской организации. Из-за него, вреднюги, я в комсомол не вступила.

Потом и Андрей в Америку уехал. Он там уже 40 лет живет. Там же оказался и Гоша Бовт, вот ведь как бывает, они там на другой половине земного шара, а я здесь...

Так вот этот Андрей Крамаревский не просто дружил с Махмудом, он еще и женат на родственнице Эсамбаева...

О том, как Махмуд просватал его за Светлану, Андрей как-то со смехом мне рассказал. Заметив, что Андрей поглядывает на его симпатичную родственницу, племянницу жены Нины, с явным интересом, Махмуд затащил Андрея в пустую комнату и сказал страшным бармалейским басом: «Если ты на мою родственницу так посмотрел, то должен на ней жениться. Такой чеченский обычай. А если не женишься, тогда я, понимаешь... должен буду тебя зарезать!!!» И сделал необыкновенно жуткие глаза, как будто исполнял своего знаменитого

Ротбарта из «Лебединого озера».

Конечно, это была шутка. Андрею тогда было всего четырнадцать...

Шутка шуткой, а через несколько лет Андрей женился. И не на ком-нибудь, а именно на этой самой Светлане...

Когда война кончилась, как я уже говорила, Крамаревские сразу вернулись в Москву. Позже в столицу приехал и Махмуд. Тут они с Андрюшей встретились, как старые друзья. И Махмуд, которому совершенно некуда было приткнуться, долго жил в махонькой комнатухе Андрея. Спать ему приходилось то ли на рояле, то ли под ним...

Андрей и его отец Лев Михайлович Крамаревский помогли Махмуду на первых порах освоиться в столице, найти работу и встать на ноги. По их рекомендации он начал выступать в концертных программах филармонии.

Эсамбаев, конечно, необыкновенный талант. Это настоящий чеченский гений. Причем не только несравненный исполнитель, он умел замечательно подбирать для себя танцевальный и музыкальный материал.

Махмуд с молодых лет начал разучивать танцы различных народов.

Сначала, пока он еще не ездил в зарубежные гастроли, это были танцы народов СССР. Очень хороши были его испанские танцы. Они особенно привлекали тем, что сопровождалась кастаньетами. Кастаньеты у него были самые настоящие. Их ему подарила испанская танцовщица, гастролировавшая в СССР. Махмуд ей так понравился, что она научила его игре на кастаньетах и даже подарила ему свои запасные.

Махмуд вообще всегда стремился добывать настоящие инструменты и костюмы для исполнения танцев. Он старался, чтобы всё у него было подлинное. Например, совершенно изумительно выглядел костюм, в котором он исполнял ритуальный танец «Макумба». Он шит из шкур настоящих ягуаров. Костюм этот был подарен ему бразильским жрецом. Мне говорили, что он заплатил какие-то немислимые деньги за чудесные перья, которые красовались на его головном уборе во время исполнения этого экзотического танца.

Замечу, что костюмы ему шили исключительно талантливые мастера-художники. Уникальный индийский костюм, в котором он исполнял прославивший его танец «Золотой бог», был подарен ему правительством Индии, стоил больше трехсот тысяч долларов.

Махмуд был совершенно неповторим в своем творчестве. Ему никто не мог подражать, даже если бы и захотел. Ведь танцевальная школа у него была, если это можно назвать школой, совершенно иная, в корне отличная от классической, которую, к примеру, получила я и которую с малолетства ставят в наших балетных училищах и академиях.

Его стиль был индивидуальным и неповторимым, я бы назвала его кавказским.

Было у него и удивительное чувство провидения.

Я помню многие замечательные номера из его программы, но танец «Автомат» стоит все-таки особняком. Он построен на выразительнейшей пантомиме, степ-дансе, чечетке и поражает механически бездушным автоматизмом движений. Махмуд словно бы сквозь годы увидел современное общество, почувствовал, во что превратится нынешняя жизнь, где всё построено на механическом нажатии каких-то кнопок.

Может быть, я несколько преувеличиваю и просто тоскую о том, как жили мы когда-то. Но ведь этот автоматизм, эта бездушность современной жизни не выдумка. Это реальность!

Конечно, в те далекие шестидесятые, когда этот танец был создан и впервые показан, советская пресса представила его как изображение бездушного мира капитализма. Ну, и слава богу, что такое, очень устраивающее советскую пропаганду объяснение танца было представлено. Оно позволило Махмуду танцевать «Автомат» еще много-много лет. На самом же деле этот танец даже в малой мере не был примитивной агиткой и критикой капитализма. Махмуд вообще-то до политики дела не было. Его идеи и задачи были гораздо крупнее и касались самых коренных душевных основ жизни. Махмуд каким-то образом умел прозревать и предчувствовать будущее и выражал свое неприятие бездушного автоматизма жизни в забавном, элегантном и в то же время грустном и пророческом танце.

Герой танца Автомат — это и есть то, что мы из себя сейчас представляем. Мы люди-роботы.

Если разбирать творчество Эсамбаева, то, наверное, лучше все it) было бы посмотреть фильмы. Там достаточно полно отражены его творчество и взгляды артиста на все стили и жанры танца. Замечательно, что в свое время эти фильмы умудрились снять, и теперь мы имеем возможность как бы вживую увидеть потрясающую работу этого гения танца.

С гордостью могу сказать, что мне удалось танцевать вместе с Махмудом. Я была одной из участниц широкоформатного фильма «Лебединое озеро».

С тех пор прошло, наверное, больше чем пол столетия. Помню, что я специально ходила в кинотеатр «Мир» на Цветном бульваре, возле старого Никулинского цирка — только там показывали широкоформатные фильмы, — и смотрела наше «Лебединое озеро».

Главную партию танцевала народная артистка СССР Мария Семенова,

а Злого гения Ротбарта — Махмуд Эсамбаев. Себя я там тоже увидела, я стояла первым лебедем. Это было и мое первое появление в Большом театре.

Во время съемок я так волновалась, что почти ничего не замечала. И все-таки Махмуд Эсамбаев в роли Ротбарта мне сразу запомнился. На мой взгляд, это был совершенно оригинальный образ злого волшебника Ротбарта, впоследствии ничего подобного я не видела. Действительно, завораживающее мастерство.

Лично с Махмудом Алисултановичем я познакомилась, когда получила от газеты «Советский артист» задание написать о нем статью.

Махмуд был очень приятный и любезный человек, он сразу же пригласил меня к себе домой. Жил он тогда где-то на Красной Пресне. Крохотная квартирка Эсамбаева напоминала караван-сарай. Она была буквально под завязку набита людьми.

— Это все мои друзья, — сказал Махмуд. Многолюдство это его, похоже, несколько не раздражало.

С большим трудом удалось найти укромный уголок, где мы могли без помех поговорить.

Махмуд остроумно и живо отвечал на мои вопросы. При этом держался удивительно просто и скромно. Я ни на секунду не почувствовала, что говорю с уникальным артистом, хотя, как профессионал, это прекрасно понимала.

Статья получилась хорошая. Очень жалею, что за многие годы она не сохранилась...

Как же давно всё это было!

Да, все мы, конечно, постарели, все люди, о которых я сейчас рассказывала. Андрею за 80, Гоше Бовту тоже. Несмотря на то, что они давно работают в Америке, живут оба нашими российскими интересами. Иногда Андрей просто удивляет меня, когда спрашивает: «Скажи мне — это правда, что вот тот-то на той-то женился или развелся?»

Я поражаюсь.

— Откуда ты, Андрюша, живущий на другой стороне планеты, всё это знаешь?!

— Да уж знаю, — отвечает. — Ты не думай, что если я далеко, то ничего не знаю. Российская жизнь для меня всегда ближе, чем американская.

Всё это правда. Несмотря на возраст, мы интересуемся тем, что происходит вокруг. Мы же все продолжаем работать — преподавать, заниматься с молодежью. Ну а те, кто занимается с молодежью, это давно

известно, и сам себя чувствует молодым.

Я до сих пор жалею, что Махмуд Эсамбаев так и не успел начать по-настоящему заниматься с детьми. А ведь известно, что он очень этого хотел. Тяжелая болезнь помешала ему...

На днях ведущий педагог мужского танца Американской школы балета Андрей Львович Крамаревский звонил мне из Нью-Йорка, и я спросила его о Махмуде Эсамбаеве. Вот что он мне ответил:

«Мне было тринадцать лет, когда в Киргизском государственном театре оперы и балета появился стройный, высокий, поразительно гибкий юноша. Он сразу обратил на себя общее внимание. Это был Махмуд Эсамбаев.

Я, воспитанный отцом-балетмейстером в строгом стиле классического танца, понимал, что танец Махмуда — это совсем не то, чему меня учили и учат. И в то же время я не мог отвести от него глаз, даже когда он просто ходил, так изящно и грациозно это у него получалось.

Признаюсь, мне было очень приятно, что он тоже обратил на меня внимание и стал дружить со мной, несмотря на нашу десятилетнюю разницу в возрасте.

Неудивительно, что довольно скоро Махмуд стал солистом балетной группы нашего театра.

Я до сих пор помню то изумление и восторг, который испытал, увидев его в первой крупной роли Злого гения Ротбарта в балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро». Это было совершенно новое, совершенно непривычное и в то же время прекрасное исполнение.

После Злого гения он исполнил главную роль Тараса Бульбы в одноименном балете Р. В. Захарова. Вот уж где произошло поразительное перевоплощение. Тонкий и гибкий, как тростинка, молодой мужчина преобразился в могучего, грузного, несколько даже медлительного богатыря запорожца.

Тогда я впервые с изумлением понял, что этот человек наделен, кроме всего прочего, поразительным даром перевоплощения и способен с блеском исполнить любую роль. Я начал догадываться, что такой простой и веселый мой товарищ Махмуд (которого все по-свойски звали Махмудик) на самом деле — бесподобный и ни с кем не сравнимый артист.

Это мое предчувствие он в полной мере оправдал, когда, начав с небольших, второстепенных ролей в замечательном балете Бориса Асафьева «Бахчисарайский фонтан» дошел до главной роли. Он исполнил ее так, как никто до него. А теперь могу с полной уверенностью сказать, что и после никто не приблизился к тому трагическому и прекрасному

образу хана, который он создал.

И всё же главным и величайшим делом его жизни стало создание уникальной эстрадной программы 'Танцы народов мира'. Тут соединились его поразительные способности перевоплощения, умения проникать в древнюю психологию и внутренние мотивы танцев разных народов мира и поразительная фотографическая способность запоминать и выражать тончайшие оттенки движений, через которые только и могут быть выражены характер и смысл народного танца.

По сути дела, в Махмуде как бы объединилась вся уникальность великого ансамбля Игоря Моисеева, где во главе стоит гениальный мастер народного танца, а исполнение доверено талантливейшим танцорам. В программе 'Танцы народов мира' всё это многообразие талантов постановщика и исполнителей объединилось в одном-единственном человеке. Такого чуда мы, видимо, больше никогда не увидим.

Недаром он был признан и любим во всем мире, удостоен званий народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда. Был депутатом Верховного Совета СССР и даже министром культуры Чеченской Республики.

Это был настоящий гигант, но я помню его как исключительно доброго, щедрого и веселого человека. Остается только жалеть теперь, что уже больше никто не увидит, как бесподобно остроумно изображал он Галину Уланову, Мариса Лиепу, Любовь Орлову и Леонида Утесова. С ним никогда не было скучно.

Махмуд Эсамбаев, кроме всего прочего, был настоящий человек-праздник.

Годы дружбы с ним я считаю одним из самых роскошных подарков, которые преподнесла мне жизнь...»

Вот такой рассказ услышала я с другой стороны земного шара из далеких Соединенных Штатов Америки. Когда я на другой день стала рассказывать коллегам у себя в академии, в разговор включился наш заведующий кафедрой хореографии РАТИ-ГИТИС Евгений Валуйкин. Оказывается, он хорошо знал Махмуда Эсамбаева.

— С молодых лет следил за этим удивительным артистом, — признался он, — и много думал о его особенном ни на что не похожем пути...

Я попросила Евгения Петровича подробнее рассказать о своих впечатлениях, но он только покачал головой и заметил: «Нет, экспромтом не получится, лучше я напишу».

Через пару дней он передал мне эти заметки, озаглавленные «Душа

Кавказа».

Итак, слово народному артисту России Евгению Петровичу Валукину: «Никогда не забуду понедельники в Концертном зале им. Чайковского, где каждую неделю проходили вечера балета, пользующиеся огромной популярностью у всех любителей танца. Здесь открывался простор для самовыражения, здесь царила настоящая демократия взаимоотношений и репертуара, здесь можно было увидеть самое новое, самое интересное и неожиданное.

Участие в таком концерте гарантировало признание коллег и любовь публики. Ради одного выхода сюда приезжали выдающиеся артисты Ленинграда: Наталья Дудинская и Константин Сергеев, Алла Осипенко, Михаил Барышников. Алла Шелест впервые показала тут москвичам «Вечного идола» Л. Якобсона. Почти все ведущие артисты Большого театра: Ольга Лепешинская, Галина Уланова, Раиса Стручкова, Сергей Корень — стремились покорить эту сцену.

На одном из таких вечеров я впервые увидел Махмуда Эсамбаева. Интересно, что во время его выступления все великие и признанные участники концерта выстроились за кулисами и с неподдельным интересом следили за каждым движением человека, не имевшего никакого хореографического образования, но танцевавшего так, что дух захватывало.

Индийский танец «Золотой бог» буквально обожествил его исполнителя.

Тонкость и гибкость стана, кошачья пластика, выразительные жесты, изящество движений кисти, руки, стопы, одухотворенное лицо, огненные огромные глаза, всё это зачаровывало так, что ленинградцы, выступавшие в первом отделении, забыли обо всем, засмотрелись и опоздали на свой поезд. Могучая энергетика и какое-то необычное откровение, исходящее от танцовщика, ошеломляли.

О том, что творилось в зрительном зале, даже не пробую рассказать. Зал ревел и забрасывал нового молодого кумира цветами.

Я был потрясен, но все-таки еще не отдавал себе отчета, с каким великим явлением свела меня судьба.

Позже Галина Сергеевна обронила многозначительную фразу, навсегда запавшую мне в память: «Как много мог дать Махмуд нашей школе!»

Прошли годы, молодость промелькнула. Я был уже деканом балетмейстерского факультета ГИТИСа, когда в кабинете у меня зазвонил телефон и Махмуд Эсамбаев предложил свою помощь в обучении студентов из Мечено-Ингушской АССР.

Для нас это было настоящим подарком. На кафедре хореографии мы

сразу организовали творческий вечер Махмуда. На встрече со студентами шла открытая беседа о сценической хореографии и особенном балетмейстерском почерке танцовщика, о создании им сценических образов и характеров, о важности каждого штриха и каждой детали. Интерес к этому человеку был настолько велик, что подобные встречи пришлось проводить много раз подряд. И всегда не хватало мест. Студенты часами стояли и слушали его, а потом буквально засыпали вопросами.

Его естественность, человечность, внимание к каждому слушателю, обращавшемуся к нему с просьбой или вопросом, заслуживают глубокого уважения. Недаром Ростислав Владимирович Захаров в первую очередь отмечал в Махмуде незаурядную личность, сильный, страстный и в то же время исключительно тонкий характер творца.

В этом человеке наиболее выразительно воплотились черты гордого, но всегда открытого добру и красоте Кавказа.

На мой взгляд, высочайшим признанием его таланта стало приглашение на партию Злого гения в фильме «Лебединое озеро», где были собраны самые блестящие звезды советского балета. Но и тут, среди звезд, его Злой гений — нечто особенное. Не отягощенный многолетними канонами в исполнении этой партии, Махмуд Эсамбаев внес в нее свежий взгляд и совершенно новую концепцию. Он сделал Ротбарта мятущимся, страдающим, наполнил его чем-то демоническим, лермонтовским.

В обычной же жизни меня всегда подкупала в Махмуде его человечность, я бы сказал, даже жертвенность. Он не задумываясь ставил свою подпись, если возникала необходимость помочь забытому артисту получить жилье, выхлопотать пенсию, выделить путевку в санаторий. И если что-то не получалось, шел сам, открывая любые двери, и всегда добивался положительного решения.

Махмуд Эсамбаев — это ярчайшая звезда, свет которой никогда не угаснет. Недаром этот чеченский гений стал гордостью всей нашей великой страны».

*

Вспоминает Николай Иванович Семенов, в прошлом секретарь горкома партии города Грозного:

«Махмуда я в первый раз увидел весной 1974 года. Тогда я работал заворгом обкома партии и был на докладе у первого секретаря Семена Семеновича Апряткина. Это легендарный человек, знаменитый нефтяник,

Герой Социалистического Труда.

Вдруг открывается дверь и появляется красивый такой, стройный, как тополь, мужчина в прекрасном костюме и папаше удивительного абрикосового цвета. Никто, между прочим, о его приходе не докладывал. Он просто вошел, как к себе домой. Удивительно (никто из нас, так вот, запросто, без доклада, к Семену Семеновичу не заходил), мне сразу стало понятно, что человек этот непростой.

Семен Семенович его появлению обрадовался и сразу нас друг другу представил, так я познакомился с Махмудом Эсамбаевым.

Я понял, что им нужно поговорить, и сказал, что выйду ненадолго, тем более что доклад мой был окончен и мы с Семеном Семеновичем уже просто разговаривали.

Когда я проходил мимо, Махмуд как-то пронзительно глянул на меня своими огромными светло-зелеными, как мне показалось, глазами и вдруг спросил:

— Радикулитчик?

У меня правда был хронический радикулит.

— Как вы узнали?! — я искренне удивился. Кстати, в тот момент у меня спина не болела.

— Я по этим делам специалист, — сказал он и улыбнулся. — Рыбак рыбака...

Потом Махмуд зашел ко мне и сказал:

— Николай Иванович, радикулит — профессиональная болезнь спортсменов и танцоров, так что я тебя сейчас подлечу, вот только домой съезжу, за лекарством.

Минут через двадцать появляется. Положил меня на диван в комнате отдыха и сделал натирку с массажем по своей какой-то методе. Потом отдал мне тюбик мази.

— Это замечательное французское лекарство. Я без него и танцевать бы не смог. Так что в будущем, как только боль почувствуешь, сразу натирай.

Правда, удивительное лекарство! Натерся и никакой боли не чувствуешь, а стоит присесть или лечь, и чудесное мягкое тепло растекается по всей пояснице.

Так что наше первое знакомство началось с моего излечения, и я узнал Махмуда раньше как целителя, а только потом как великого танцора.

Но первое, что поразило меня уже при знакомстве — его глаза. В них буквально можно было провалиться, такие они были огромные и прозрачно-бездонные. Вот только я до сих пор не могу сказать в точности,

какого они цвета. В зависимости от обстоятельств они становились светло-серыми. Иногда казались зеленоватыми и даже голубыми. Ну а если он сердился — приходилось видеть и такое, — становились жесткими остро-серыми, как отточенный кинжал.

Так мы с Махмудом познакомились и стали встречаться. Не очень часто, потому что он больше был в Москве и на различных гастролях по стране и миру. Но когда он приезжал в Грозный, мы обязательно встречались...

Как-то, это было уже года через два, Махмуд зашел ко мне и говорит:

— Николай Иванович, мне очень машина нужна. Столько времени на переездах теряю...

Ну, это было мне понятно. Когда Махмуд появлялся в Грозном, он буквально ни минуты не сидел на месте, все время куда-то спешил. К кому-то ехал, кого-то разыскивал, кому-то помогал. Иногда мы давали ему машину, чаще он ездил на такси. Но это всё, конечно, неудобно. Собственная машина в Грозном ему была крайне необходима.

— Мне «Волга» нужна, чтобы больше людей можно было посадить, — объясняет он мне.

— Давай обратимся в Совмин.

— Не надо, — говорит. — Я уже туда обращался.

— И что?

— Говорят, что нет у них такой возможности.

Мне не верится: «Удивительное дело! У Совмина нет возможности машину народному артисту Чечено-Ингушской Республики продать?!»

Звоню председателю Совмина. Тогда был Вахаев Рамзан Исаевич.

Он мне отвечает: «Николай Иванович, вы же сами знаете, машину вне очереди можно приобрести только по решению бюро обкома и только передовикам производства, ну и так далее и тому подобное...»

Я ушам своим не верю.

— Вы о чем говорите? — спрашиваю я. — Передовиков производства у нас, слава богу, достаточно. А Махмуд Эсамбаев один, больше таких людей не только в республике, но и во всем мире нет...

— Нет, я не могу, — отвечает.

Непонятная, прямо сказать, ситуация.

Звоню министру торговли, Мирчеву, спрашиваю, есть ли машина для продажи, он говорит — есть.

Я рассказываю про Махмуда.

Он отвечает, мол, я с удовольствием все сделаю, но мне нужно распоряжение Совета Министров...

Круг замкнулся!

Но тут уж меня самого зло взяло. Нашли случай, на ком свою принципиальность показывать! Говорю Мирчеву:

— Значит, так! Через два часа машина должна быть у Махмуда. Все необходимые распоряжения от Совмина вам будут доставлены еще раньше, с Рамзаном Исаевичем я сейчас сам договорюсь.

Ну, действительно, это и есть тот самый случай, когда для того, чтобы пробить бюрократическую стену, нужно хорошенько разозлиться.

Поехал в Совмин. Принес председателю все необходимые бумаги и говорю: «Подписывай, а если кто-то спросит, отвечай прямо, мол, это меня Семенов заставил».

Почему он так препятствовал? Может быть, перестраховывался, может, кошка черная между ним и Махмудом пробежала? Эсамбаев ведь не только ласковым, но и очень резким мог быть, если его что-то возмущало.

Через два часа Махмуд мне звонит:

— Николай Иванович, спасибо. Машина стоит у подъезда!

Хорошо помню эту машину. Мы ведь с ним в одном доме и в одном подъезде жили на улице Красных фронтовиков, он на два этажа выше меня. «Волга» бежевого цвета. Махмуд меня потом на ней не раз возил, когда мы с ним куда-то вместе отправлялись».

*

Семидесятые годы — счастливое время в жизни Махмуда.

Главная радость — 1 сентября 1971 года в Грозном у Махмуда появилась внучка Медина.

Как же он любил детей!

— Нет в мире ничего прекраснее детской улыбки, — говорил Махмуд.

Как хорошо, что в эти времена уже не надо думать о деньгах! Он может иметь все, что хочет сам и что необходимо близким. Запросы его как всегда просты (это, конечно, не касается костюмов, обычных и сценических, рубашек и обуви)...

Жизнь, однако, идет, и волос становится меньше. Махмуд по этому поводу несколько не грустит. Он уверен, что лысина — признак ума. Дурак же почти всегда замечательно волосат.

Вспоминает Владимир Загороднюк: «О доброте и щедрости Махмуда ходили легенды. Он всегда носил с собой мелкие деньги. Во всех карманах пиджаков и брюк, а несколько крупных купюр на всякий случай лежало в

папахе. Постоянно раздавал нищим и просто нуждающимся. Когда мальчишки подбегали к его машине на перекрестках, чтобы помыть стекла, тут же доставал деньги, высовывался в окно и давал им.

Ходить по улице с ним было невозможно.

На празднике, посвященном 850-летию Москвы, гуляя по Тверской, шли почти два часа от Большого театра до Пушкинской площади — всё время останавливались. Со всех сторон подбегали люди: «Можно автограф? А можно с вами сфотографироваться? Можно вас потрогать?»

— Конечно, можно...

— Махмуд, а помните 10 лет назад?.. А помните 20 лет назад?.. А помните 30 лет назад?..

— Конечно, помню... Помню, а как же...

Какой-то мужчина подошел, стал благодарить за то, что в 1963 году, подумать только, в Кисловодске Махмуд помог ему достать билет на поезд до Воркуты, вспоминал, что был на концерте с женой и дочкой, вышел на сцену и подарил Махмуду букет белых хризантем и бутылку коньяка.

— Конечно, помню.

Когда мужик ушел, я уже не выдержал: «Неужели ты правда помнишь эту историю? Это же было почти сорок лет назад?!» Махмуд остановился: «Здрасьте, о чем ты говоришь. Ну, конечно, помню: у него жена Валя и дочка Лида».

Просто невероятно, невозможно поверить, я забываю, что было год тому назад, а он всё помнит!

Людей, с которыми его сталкивала судьба, он запоминал раз и навсегда. Он запоминал имена, фамилии. Он действительно помнил, в каком городе, на какой сцене, в какой гостинице он встречался с тем или иным человеком.

У него дома был огромный талмуд — телефонная книга, исписанная его неразборчивым, только ему понятным, почерком, вся потрепанная и замусоленная. Каждый раз, надевая очки, мучительно долго искал какой-нибудь телефон, слюнявил пальцы, шелестел страницами, наконец находил, но часто ошибался, набирал не тот номер, злился, бросал трубку. Удивительное дело, не мог запомнить ни одного телефона, но людей, с которыми он встречался, запоминал раз и навсегда.

Чеченцы относились к нему по-особенному.

Вспоминаю одну смешную историю. Когда Юрий Михайлович Лужков дал ему квартиру в Москве на Таганке, прекрасную, трехкомнатную, в престижном доме, встал вопрос о сантехнике, обоях, линолеуме, прочих вещах, сопровождающих переезд на новую квартиру. Это было начало

девяностых годов. В магазинах еще было пусто, и всё было дефицитом.

Тут я вспомнил: «Махмуд, послушай, у меня есть приятель, Витя, в городе Хотьково под Москвой. Он директор магазина стройматериалов, поехали к нему, там всё сразу и купим».

На следующий день мы на машине приехали в этот магазин, директор нас радушно встретил, кое-что мы подкупили у него. А потом Витя и говорит: «Здесь рядом в Загорске большой хозяйственный магазин, и, по моему, если я не ошибаюсь, директор чеченец». Махмуд тут же встrepенулся, схватил пальто и, поправив папаху, сказал: «Всё, поехали к нему».

По дороге к Загорску он меня убеждал: «Володя, если он действительно чеченец, посмотришь, как он нас примет».

Через полчаса мы уже были на месте, припарковали машину возле магазина. Махмуд вышел и не успел закрыть дверь, как к нему навстречу уже бежал какой-то человек и по-чеченски его приветствовал.

Они о чем-то говорили, конечно же я не мог понять ни одного слова, но то, что директор этого магазина, а это был именно он, выражал свой восторг и восхищение таким неожиданным появлением дорогого и уважаемого гостя, не вызывало никаких сомнений. По дороге он успевал давать указания своим заместителям.

Всё вокруг закружилось, завертелось, и через несколько минут в кабинете уже был накрыт стол, и директор поднимал тост за Махмуда, вспоминал город Грозный, селение Старые Атаги. Вспоминал земляков, которых очень хорошо знал Махмуд, и у меня даже создалось впечатление, что они с Махмудом чуть ли не родственники.

Потом запели чеченские песни, и в какой-то момент Махмуд, выпрыгнув из-за стола и лихо сдвинув папаху на затылок, пустился в пляс. Он, как всегда, был неподражаем.

Потом они обнимались, говорили друг другу комплименты, тосты следовали один за другим, и когда, в конце концов, директор узнал причину нашего приезда, он тут же вызвал своих подчиненных, и через мгновение на столе уже лежали образцы обоев, линолеума, каких-то замысловатых кафельных плиток. Махмуд встал и сказал: «Я в этом ничего не понимаю, Ахмед, как ты скажешь, так и будет».

Директор дал команду, машину тут же набили до отказа, засунули в нее всё, что только могли. Багажник не закрывался: из него торчали расписные самовары, унитазы, раковины, а на заднем сиденье утрамбовали обои, линолеум, какие-то коробки и еще черт знает что.

Махмуд вытащил кошелек и робко спросил:

— Ахмед, сколько это стоит?

— Махмуд, ты меня обижаешь. Как ты мог это сказать? Я не возьму у тебя даже копейку — это мой подарок тебе.

— Ахмед, я не могу даром...

Но директор был неумолим. Наконец-то мы распрощались, весь персонал магазина получил автографы, открытки, календарики от Махмуда с его фотографией — все были рады встрече и не хотели отпустить его.

Махмуд, как лис, кружил вокруг машины, пытаясь понять, как же туда влезть. Общими усилиями его, наконец, с трудом затолкали на заднее сиденье. И вот тут, как никогда, ему пригодилась природная гибкость. Извернувшись невероятным способом, втиснувшись между линолеумом, обоями, коробками, постоянно поправляя папаху, он, наконец, примостился и затих. Его правая нога каким-то образом оказалась на переднем сиденье и уперлась мне в бок. «Поехали отсюда скорее», — выдохнул он.

Мы рванули с места, крышка багажника, как бешеная, загрохотала по самоварам, но нас уже было не остановить. И только когда показалась Москва, с заднего сиденья из-под коробок и рулонов раздался еле слышный, сдавленный голос Махмуда:

— Володя, ну что я тебе говорил? Теперь ты понял, как меня чеченцы любят?

— Я-то понял, Махмуд, я всё понял, только скажи мне, пожалуйста, что ты будешь делать со всем этим добром?

— Не волнуйся, дорогой. Я тебя умоляю, в хозяйстве всё пригодится. Да и не мог я ему отказать, он бы обиделся».

Николай Иванович Семенов: «В те дни, когда Махмуд был в Грозном, возле нашего подъезда постоянно толпились люди. Не зарастала, как говорится, народная тропа к Махмуду Эсамбаеву. Он ведь постоянно чьими-то делами занимался. Ну, не мог он сказать людям, своим землякам, что, мол, некогда мне, разве вы не видите, что я каждый день работаю по шесть — восемь часов над программой, а по вечерам выступаю. Если бы он так сказал, люди бы поняли, ведь это правда. Поняли бы и отступились. Но тогда это был бы уже не тот, не их родной Махмуд Эсамбаев.

Бедная Нина Аркадьевна, героическая женщина! Я удивлялся, спрашивал ее: «Как вы только всё успеваете? И принять людей, и покормить, если нужно, и с каждым поговорить?!» Ведь в основном всё это многолюдство на нее обрушивалось. Она только плечами пожимала. Так они жили все последние годы. Нина Аркадьевна понимала, что она помогает Махмуду. А другой цели у нее и не было.

Нина Аркадьевна — человек изумительной души. Махмуд со своим

неизменным юмором во всех житейских делах объявлял, что, женившись на Нине, он стал главным зятем великого армянского народа. А когда спрашивали, что он больше всего любит в Нине Аркадьевне, очень серьезно отвечал, что больше всего ему понравилось в своей избраннице то, как она вкусно готовит. Шутил, конечно. К еде, даже на самом шикарном застолье, он почти не прикасался.

Я его спрашивал: «Где ты силы на всё это находишь? Когда ты спишь?!»

Он смеялся. Я, говорит, хитрый. Часов до двенадцати я сплю. Днем у меня репетиция, вечером концерт, часов до одиннадцати. Ну, в это время я с людьми разговариваю, что очень важно, а с кем обязательно нужно встретиться, мне Нина Аркадьевна рассказывает.

И так вот каждый вечер. Люди идут, идут, идут. Идут именно к нему, потому что верят в своего Махмуда. С удивительными просьбами порой к нему обращались, а он выслушивал и всегда старался помочь.

Однажды пришел ко мне с совершенно необычной просьбой.

— Николай Иванович, — говорит, — у меня друг, Саша Рагулин (тот самый великий хоккеист, защитник ЦСКА и сборной Союза), он такой большой, что ему ни одна кровать не подходит. Помоги для него специальную, большого размера кровать купить.

Я, конечно, Рагулина знал, как и всякий болельщик, но... в общем, сказал тогда:

— Махмуд, ты знаешь, что для тебя я готов сделать всё, что в моих силах, потому что ты Махмуд Эсамбаев, и таких людей больше на свете нет, но если это будет касаться других, то здесь придется обойтись без меня. Да ты и сам понимаешь, что это не очень красиво будет выглядеть.

Махмуд понял. И нисколько, между прочим, не обиделся. Он был очень умный и деликатный человек. Больше никаких подобных разговоров у нас с ним не было...

Вот еще что обязательно нужно сказать. Я всё время говорил ему: «Махмуд, почему ты не берешь учеников? Тебе обязательно надо создать свою школу, свой театр, иначе чудесный дар на тебе же и окончится».

— Николай Иванович, — ответил он мне однажды очень серьезно, — думаю, что я останусь один. Такая судьба. Второго Махмуда Эсамбаева не может быть, потому что главное, что есть во мне, кроме всех наработанных приемов классического балета и народного танца (чему можно научить), это всё же дар от Бога, которому обучить нельзя.

И всё же поначалу он пробовал что-то сделать.

Помню, у него был в учениках парень-чеченец, с которым он год

примерно занимался, и в нескольких концертах они вместе выступали.

Еще, помнится, в Ростове он нашел молодого парнишку с замечательным голосом, и вот оба этих парня работали какое-то время в группе Махмуда. Танцевали и пели в перерывах, когда Махмуд переодевался и менял грим. Какое-то время они выступали в таком составе, и я их видел в Грозном, но потом как-то все это развалилось.

Как очевидец, могу сказать, что рядом с Махмудом было очень трудно выступать на достойном уровне. При всем очевидном таланте этих ребят, они совместной работы не выдержали.

Таким образом, первые зачатки театра Эсамбаева угасли. Больше он не пытался что-то подобное создать».

Глава третья

«МАКУМБА»

Одна из самых известных и прославленных работ Махмуда Эсамбаева — бразильский культовый танец жрецов «Макумба». О нем следует рассказать особо.

«Я примеряю каждый танец к своей индивидуальности артиста и человека, — рассказывал Махмуд о том, как он отбирает танцы для своей программы. — Если в результате такого знакомства испытываю симпатию к нему, чувствую, что могу к его первозданной гармонии добавить внутреннюю силу, рожденную ощущением сегодняшней жизни. Придать новый оттенок, усовершенствовать. Только тогда я начинаю разучивать танец. Постигать философию, заключенную в нем».

Вот танец «Макумба». Это танец необыкновенный.

Недаром он был поставлен Махмудом в самый конец программы. Слишком уж много сил не только физических, но и душевных отнимал он у исполнителя.

По сути своей это рассказ о том, как могучий человек борется с силами зла, как приносит себя в жертву грозным богам, чтобы вернуть их расположение своему народу.

«Макумба» — это танец-жертва, танец, кончающийся гибелью жреца-танцора.

«...Знакомство с народным танцем для меня всегда равносильно душевному потрясению, — писал Махмуд Эсамбаев. — Поражают мощь и смелость художественных обобщений, создаваемых народом в танце, выразительность символики и ясность хореографического текста. Самый древний народный ритуал вдруг обретает простой, всякому понятный смысл.

Помню, как в Бразилии мне удалось посмотреть обрядовый танец «Макумба». Трудно передать, что охватывает вас при виде двухсот человек, содрогающихся в магической пляске. Раздается громовой аккомпанемент национального оркестра из шестидесяти человек, колышутся яркие перья головных уборов, развеваются от стремительных порывистых движений хвосты ягуаров, украшающие сшитые из шкур костюмы, пурпурными пятнами крови жертвенных животных испещрены лица танцующих. Все они, охваченные исступлением, пляшут свой танец, изображая изгнание злого духа. В этом танце — и устрашающая сила древних народных

представлений о зле, и напряжение человеческого духа, и жажда очищения. Поразительно сочетание ясности идеи и острой символической формы. К такому сочетанию стремлюсь я теперь, когда исполняю в своих концертах вывезенную из Бразилии «Макумбу».

Но легко сказать — вывезенную. Для того чтобы вывезти «Макумбу» из Бразилии и включить ее в свой репертуар, Махмуду нужно было освоить этот сложнейший обрядовый танец, и не только внешне, что он мог сделать, пользуясь своей феноменальной, фотографической памятью на любое танцевальное движение. Махмуду необходимо было понять глубинную суть этого танца, его древнюю житейскую и религиозную философию.

«Меня учила «Макумбе» великолепная бразильская танцовщица Мерседес Баптиста, — рассказал Махмуд своему товарищу Мусе Гешаеву. — Она не только хорошо танцует, она серьезно занимается историей танца своего народа.

Мерседес первая рассказала мне про «Макумбу». Это древний танец, танец-заклятие, танец-самопожертвование. Его танцуют тогда, когда на дом обрушивается несчастье. Умер ребенок, умер хозяин. Всем ясно: злые духи поселились в доме, их надо изгнать. Зовут колдуна. Колдун приходит ночью, залитый белым светом луны. Под мышкой он несет курицу, белую, как луна. Произнося заклятия, он режет курицу и ее кровью мажет себе лицо. Потом начинает танцевать. Во время танца злые духи входят в колдуна и убивают его. Вместе с ним умирают и злые духи. «Макумба» приносит счастье дому, в котором ее танцуют».

В своей чудесной роли повелителя танца Махмуд был немного (а может быть, и много) волшебником, шаманом, колдуном — человеком, способным на всемогущество и настоящее чудо. Тому есть доказательства.

Галина Адаменко, работавшая в Чечено-Ингушской филармонии, прекрасно знала Махмуда. Случалось, подолгу жила у него на квартире в Москве, в особенности в начале девяностых, когда он жил на Пресненском Валу.

Тогда случилась у нее страшная беда — погиб взрослый уже сын Сережа. Похоронен он был на Николо-Архангельском кладбище. Несчастливая мать каждый свободный день приходила на могилку сына. Потом случился перерыв, и когда через год она пришла снова, то вместо стройной пушистой елочки, что росла возле могилы, увидела безобразный пенек...

Об этом своем горе она рассказала Махмуду.

Он даже лицо руками закрыл, до того расстроился.

Долго молчал, потом сказал:

— Тот, кто это сделал, скоро умрет. Ты об этом узнаешь.

И вот через несколько дней Галина Адаменко слышит, что у костюмера Большого театра погиб брат. Перед Новым годом он был на Николо-Архангельском кладбище и, словно бы черт дернул его, срубил там росшую на могиле елку, спрятал в машину и поехал домой. Мчался, словно за ним гнались. И не заметил припаркованный возле тротуара каток...

— Нет, я этому человеку плохого не желал, — сказал Махмуд. — Просто то, что он сделал, в жизни не прощается. Никому и никогда.

В статье «И пленник, и волшебник» журналист Альберт Плутник рассказал такой случай: «Однажды Махмуд получил письмо от незнакомого человека, в котором ему понравилось начало: «Я давно жду встречи с вами, но всё не осмеливался напомнить вам о своем ожидании»...

Писал Мамат Шамсаев из небольшого горного аула. Письмо было наполнено тоской и тревогой. Наскоро собравшись, как на срочный концерт, Махмуд поехал в аул к Шамсаеву.

В доме на кровати лежал юноша. Комната была почти пуста. Из мебели лишь этажерка, заваленная книгами. Книги лежали и на полу — жертвы «перенаселения». Десять лет юноша был неподвижен. Стал инвалидом, спасая другого человека, соседа. Прошло время, и эту саклю, обитель горя и доблести, аул позабыл...

Эсамбаев вышел на улицу. Люди сгрудились вокруг его «Волги». Махмуд шел к машине мимо улыбок, мимо рук, благодарно лежащих на сердце в знак высшего почитания.

«Наш сын! Гордость нашей земли!» — слышал он.

Всеобщая любовь гостеприимно расставляла свои сети.

«Вы все сегодня огорчили меня», — сказал Махмуд и уехал.

В этом ауле обидели его искусство.

«Красота должна пробуждать в человеке добро» — вот чего всегда добивался Махмуд Эсамбаев своим танцем...

Вечером к дому Шамсаевых снова подъехала машина. Внесли большой цветной телевизор — подарок Эсамбаева.

В этот же вечер Мамат увидел на экране телевизора своего нового друга.

«Я танцевал для тебя, Мамат», — услышал он голос Эсамбаева, когда концерт окончился...

Твердые принципы, способность не размягчаться в лучах славы, трогательная способность откликаться на человеческую беду — всё это доказательства силы, свидетельство чудесной отзывчивости характера. Но

о способности творить чудеса это не говорит. Мысль о «всемогуществе» повисает в воздухе. Не хватает настоящего чуда, совершенного по мановению великого танцора и его танца».

Но были и настоящие чудеса. Одно из них широко известно и даже описано в газетах и журналах.

Это случилось в Херсоне в 1964 году. Эсамбаев тогда встречался со студентами культпросветучилища. Рассказывал о своей работе и о себе.

Один из ребят невольно обратил на себя внимание Махмуда какими-то однообразными, как бы автоматическими движениями: постоянно вскидывал голову, быстро писал и снова как-то особенно всматривался в лицо Махмуда, словно бы следя за движениями его губ...

Вот как рассказывал об этом случае сам Махмуд: «...Юноша буквально каждое мое слово заносил в блокнот. Движения его были настолько однообразны, что раздражали меня и мешали говорить. Я только и видел, как мечется то вверх, то вниз его голова. В конце концов я сказал: «Дорогие мои, теперь задавайте мне вопросы». Тот юноша встал и подал мне тетрадку. Это был слишком большой вопрос — он занял почти всю тетрадь. Я сказал ему: «Лучше спроси меня, слишком долго читать твой вопрос». Он быстро завертел головой, как бы ища поддержки. И мне объяснили, что он немой, потерял речь. Так состоялось мое знакомство с Анатолием Барыгиным.

Меня опечалило то, что я невольно обидел этого человека. Оправдываясь, я пригласил его на концерт. Я знал, что он любит искусство, хочет танцевать.

В зале он сидел счастливый, у него светились глаза. Я танцевал для него в тот вечер...

И вот закончился концерт (как обычно, колдовским бразильским танцем «Макумба»). Мне преподносили фарфоровые фигурки, читали стихи. Когда я стал благодарить моих зрителей, раздался душераздирающий крик. Я подумал, что кто-то хулиганит, очень обиделся, подошел ближе к микрофону, сказал, что, вероятно, меня плохо слышно, я буду говорить громче. В это время занавес за моей спиной закрывался, но я успел заметить, что на сцену на руках несли какого-то паренька. Я извинился перед зрителями и пошел к нему. Сообща мы привели его в чувство. Он стал говорить. Первые слова его были: «Махмуд, голос!» Анатолий Барыгин заговорил!!!»

«Макумба» — своеобразный танец, очень сложный не только для исполнителя, но и для нас, зрителей. С первой минуты он захватывает так, что доводит до исступления стремительными движениями, необычным

ритмом, какими-то дикими возгласами, душераздирающими криками, световыми эффектами, нечеловеческой музыкой. Костюм исполнителя — из шкуры леопарда, огромная шапка — из кожи анаконды, поразительная маска-грим. Танец никого не может оставить равнодушным. С этим номером Махмуд всегда выходил в финале концерта. После этого танца ни один номер не воспринимался бы, настолько сильно его воздействие на зрителей.

Бразильцы говорят, что «Макумба» приносит счастье. Трудно говорить за других, но то, что танец сделал счастливым немого юношу Анатолия Барыгина, — точно.

А вот как вспоминает историю Анатолия Барыгина еще один свидетель — писатель Руслан Нашхоев: «Танец «Макумба» начался. Всё порывистей, быстрее становятся движения, жесты, всё труднее уследить за их молниеносной стремительностью. Борьба всё нарастает, ритм убыстряется. Нервное напряжение таково, что оно, как раскаленная магма, выливается в зал. Хочется закрыть уши, глаза и крикнуть: «Не убивай себя, хватит!» А «Макумба» всё набирает темп. Уже захватывает дыхание, сохнут губы. Колдун чудовищно вращает головой из стороны в сторону, бешено мечется. И вдруг, издав дикий крик, он замертво падает, унося с собой злых духов.

Стояла абсолютная тишина, будто зал был пуст. И тут с верхнего яруса раздался крик: «Махмуд! Голос!» Это кричал Анатолий Барыгин. Пережив сильное потрясение, он обрел голос. Он тут же потерял сознание и упал. Когда юноша очнулся, он быстро заговорил, смешивая слова со слезами.

Сообщение об этом чудесном исцелении облетело всю нашу страну. «Разве это не божественное чудо, не проявление воли Всевышнего?» — говорили люди».

Вот что поведал сам Анатолий Барыгин: «Танец «Макумба» буквально поразил меня своей пластичностью, выразительностью и величайшей эмоциональной силой. Не знаю, как это случилось, но неожиданно я почувствовал, что вновь могу говорить. Сначала попробовал сказать несколько слов шепотом. Вышло. Еще не веря в свое исцеление, я закричал на весь зал. Почувствовал страшную головную боль и потерял сознание».

«Толя Барыгин, — комментировал случившееся врач-психиатр И. Я. Завилянский, — не испытывал какого-либо вредного физического воздействия, а лишь пережил сильное нервное потрясение. Выздоровление наступило так же неожиданно, как и возникло заболевание. Исцелил юношу не врач, а артист. Произошло нечто вроде «чудесного» исцеления. И в возникновении невроза у Барыгина, и в исцелении его сыграли роль

эмоции. Сначала это была эмоция страха, а потом упоение искусством великого мастера танца.

Пусть говорят, что чудес не бывает, но вряд ли кто-нибудь станет отрицать великую чудодейственную силу настоящего высокого искусства. Именно таким искусством владеет великий танцор Махмуд Эсамбаев».

Барыгин принес Махмуду свою фотографию с дарственной надписью: «Моему лекарю-чародею». С тех пор Махмуд следил за судьбой своего «крестника».

Во время следующего приезда Эсамбаева в Херсон Анатолий Барыгин после концерта вышел на сцену с огромным букетом цветов, но от волнения только и сказал: «А сейчас боюсь, что опять потеряю голос!» — и ушел за кулисы со своим букетом.

— Букет-то хотя бы отдай! — крикнул ему вслед Махмуд.

«На другой день к десяти утра я ждал у себя в номере Толю... — рассказывал Махмуд корреспонденту газеты «Правда». — И нет моего Толи. Ни в десять, ни в одиннадцать. Пришел только в час: «Дядя Махмуд, они таскали меня на радио, заставляли рассказывать, как всё было». И так чисто, так хорошо говорит. Чудеса! Я пошел с ним в магазин, купил ему костюм, ботинки. Несколько лет потом обувал его и одевал, даже после того, как устроил его в ансамбль «Веснянка». А теперь он народный артист Украины. До сих пор называет меня батей. Только давно я уже не видел своего сыночка. Чуть ли не с тех пор, как разлучили нас супостаты — губители великой страны».

Молва раструбила по всей стране, что искусство Эсамбаева несет зрителям не только радость, но также и удивительные исцеления больным, уже потерявшим надежду людям. Вполне возможно, что случаи, попавшие на страницы газет, лишь немногие из тех, о которых известно зрителям, приходившим на концерты Махмуда Эсамбаева в самых разных краях нашей огромной страны.

По здравом размышлении этому не стоит удивляться. Так и должно быть, ведь чистая радость, которую дарит зрителям танец великого мастера, действительно способна творить чудеса и, главное, делать людей добрее, красивее, лучше — вот это и есть самое главное чудо, созданное великим Махмудом.

Нельзя забывать и о самих танцах. В них заложено свое вполне реальное волшебство. Как все ритуальные танцы, «Макумба» содержит в себе программу, имеющую глубокий смысл.

— С древних времен в Бразилии существует вера в злого духа, который приносит людям несчастье, голод, войны, смерть, — рассказывает

перед началом танца ведущая. — Но злой дух может быть изгнан. Приходит колдун-заклинатель, режет белую курицу, кровью ее наносит на лицо магические знаки и начинает танец, во время которого злой дух вселяется в него, мучает его изнутри, стараясь вырваться. Злой дух гибнет. Вместе с ним погибает и заклинатель, который ценой своей жизни освобождает всех от зла.

Колдун «Макумбы» умирает на сцене, но умирает он для того, чтобы люди жили. И зрители понимали это, писали Махмуду письма, в которых благодарили за то, что он, ни много ни мало, подарил им радость жизни, а то и саму жизнь.

Вот лишь одно из многих — письмо Тани Голубковой, ученицы восьмого класса:

«Когда я была маленькой, я очень любила танцевать и, как большинство девочек, мечтала стать балериной. Нов жизни не всегда получается так, как хочется. Я заболела полиомиелитом и в течение многих лет была прикована к кровати. Так погасла моя мечта стать балериной. Но иногда я вижу сны, в которых танцую, и не просто танцую, а парю и кружусь в каком-то волшебном танце и всем своим существом чувствую легкость и гибкость своего тела. И вот три года тому назад я увидела Вас. Вы танцевали в лучах прожекторов, и мне казалось, что я наяву вижу тот сон, который так редко снится мне.

Я знала Вас давно по кинокартине, слышала о Вас очень много и даже не мечтала, что Вы приедете к нам в Уфу. И даже когда я увидела Вас на афише, глазам своим не поверила. Билет на Ваш концерт я, конечно, не достала и, если бы не бабушка (которая раньше работала в филармонии), никогда бы не увидела Вас и Ваши танцы. Когда после концерта я вышла на улицу, мне хотелось смеяться и вместе с тем плакать, и даже рыдать, сама не знаю почему. Когда я Вам аплодировала, слезы текли по моим щекам. Мне не верилось, что на свете есть такие люди, как Вы...»

«Может быть, мое письмо покажется вам странным, — пишет Нонна Н. из города Киева, — но я не могу не написать Вам, так как Вы своим выступлением доказали, что настоящему человеку не страшны никакие трудности, что человек может все, что с любимыми трудностями можно и нужно бороться и не надо падать духом. Я родилась в грозном 1941 году. Отец ушел на фронт и не вернулся. Мама с двумя маленькими детьми (моим братом и мной) вернулась в 1946 году из эвакуации в Киев. Нам жилось очень трудно...

Окончив десятилетку, я несколько раз поступала в институт и проваливалась. Так что даже стала терять веру в то, что когда-нибудь буду

вообще учиться в институте. А после смерти мамы я стала часто задумываться — зачем вообще жить?.. Теперь я поняла, что это просто дезертирство. Увидев Ваше выступление, я с особой силой и ясностью поняла, что человек должен бороться с любыми трудностями и что настоящий человек сможет преодолеть их. И вообще, Вы доказали, что человек может всё — нужно только упорно трудиться, упорно идти вперед. Я снова поверила в себя, у меня как бы появились новые силы, и за это я Вам от всей души благодарна».

А вот письмо, отправленное Махмуду Эсамбаеву Олесей Панасюк: «Извините за плохой почерк. Мне 10 лет, и я не умею красиво писать. Я люблю танцы, оперу и балет. Больше всех Ваших танцев мне нравится бразильская «Макумба». У меня мурашки по спине бегают, когда я смотрю этот танец. Мне было жалко колдуна и Вас тоже...

Не бросайте, пожалуйста, танцевать. До свидания».

С этой искренней и наивной просьбой Олеси трудно не согласиться.

*

Конечно, всё это замечательные письма. Но было среди них и одно особенное. Его Махмуд всегда возил с собой, как талисман, сообщает в своей книге «Махмуд Эсамбаев — чародей танца» Руслан Нашхоев:

«Мне 74 года, и я впервые увидела Вас 17 мая 1975 года. Вторая половина моей жизни полна горечи и печали, а порой и жестокости.

Но вот на закате моей жизни Вы подарили мне несказанное эстетическое наслаждение своим совершенством перевоплощения. И если до сих пор Ф. И. Шаляпин считается гениальным непревзойденным певцом мира, то Вы, как эстафету, несете и дарите людям гений своего изумительного мастерства, как художник огромнейшего диапазона и тончайшего артистизма Вы изумляете и потрясаете человеческие сердца!

На Вашем концерте я плакала. Наверное, от счастья. И сейчас хожу, очарованная увиденным чудом.

Благодарю Вас за Ваш самоотверженный труд, ведь такое чудо не дается легко, и низко склоняю свою седую голову пред гением Вашего танца!

Живите долго и дарите счастье людям не только 15 лет, как Вы сказали, а еще три раза по 15 — у Вас не должно быть старости.

С признательностью и глубоким уважением к Вам, Юревич Елена Ивановна, город Киров».

Ниже следовала приписка: «По окончании концерта я увидела в фойе большую очередь за открытками с Вашим изображением, но, к сожалению, по состоянию здоровья не смогла выдержать натиск молодых и ушла.

Прощайте, дорогой Вы наш Человек с большой буквы! Крепкого Вам здоровья, бесконечного счастья и успеха!»

На следующий день Махмуд с огромным букетом был у дверей Елены Ивановны. От неожиданности она растерялась. Махмуд обнял ее и вручил цветы. Беседа их закончилась приглашением посетить еще один концерт.

Вскоре он получил от Елены Ивановны еще одно письмо: «Дорогой Махмуд! Вы — человек удивительнейшей судьбы, подарившей Вам бесценный дар Гения!

С момента, как я увидела Вас на сцене, Вы стали сыном моего сердца. И куда бы ни забросила Вас судьба, моя душа, пока я жива, постоянно будет следовать за Вами...

Вы — человек из легенды! Да будет благословенна Ваша жизнь и Ваш гений. Е. Юревич. 19 мая 1975 года».

Газета «Приокская правда» от 8 ноября 1979 года писала:

«Танцует Махмуд Эсамбаев.

Его имя настолько популярно, что когда в городе появляется афиша, где оно написано у билетных касс, — всегда очереди. В четвертый раз замечательный артист приезжает в Рязань, и для поклонников балетного искусства — это снова праздник.

Махмуда Эсамбаева можно назвать коллекционером особого рода — он собирает танцы народов мира. Благодаря искусству Эсамбаева тысячи людей познакомились с древними ритуальными, обрядовыми и современными танцами. В обработке этого выдающегося мастера каждый из них становится легендой или поэмой, новеллой или живой юмористической картинкой.

Необычайно широк творческий диапазон Эсамбаева. Достаточно сравнить ритуальный танец «Павлин» и пантомиму «Портняжка». Царственный инка, — словно оживший рисунок художника таинственной древней цивилизации и смешной подмастерье, мечтающий о славе великого портного, — всё это удивительный неповторимый Эсамбаев, счастливо сочетающий в себе талант танцовщика и драматического актера.

Махмуду Эсамбаеву присвоено высокое звание народного артиста СССР. Его искусству восторженно аплодируют советские и зарубежные зрители. О нем сняты документальные фильмы и написаны книги. Все, о чем может мечтать артист, — слава и признание, — пришло к нему. Но он считает, что им сделано еще далеко не всё, что главные работы — еще

вперед.

— Я помню, — говорит Эсамбаев, как Галина Уланова сказала мне: «А я ведь, Махмуд, не успела сделать всего, что хотела». Удивительно было слышать такое от Улановой — человека, вписавшего бессмертные страницы в историю балета. Но художник только тогда имеет право именоваться художником, когда он в постоянной неудовлетворенности собой, в постоянном поиске.

— Ваши ближайшие творческие планы? — спрашиваю я у Эсамбаева. — Впрочем, с таким же успехом можно спросить об отдаленных планах. Когда видишь Вас на сцене, веришь, что Ваше искусство, как и искусство танца — вечно...

— О вечности не знаю, — улыбается Эсамбаев, — а вот лет двадцать хотелось бы иметь в запасе. Но если говорить совсем серьезно, то планы есть. Хочу показать зрителям «Сказки тысячи и одной ночи». Я исполнитель сказочно романтического плана. Но в сказке вижу правду. Убежден, что если человек не любит сказку, он не может быть ни мудрым, ни добрым. А я хочу видеть людей мудрыми и добрыми.

Танцует Махмуд Эсамбаев. Его герои — смелый благородный горец, презревший законы кровной мести, изысканный испанский тореадор, индийский «Золотой бог», подаривший людям полноводные реки, бразильский колдун, ценой жизни спасающий своих соплеменников от злого духа... Великое искусство танца — редкостный исключительный талант. Эсамбаев помогает нам постигать величие жизни, красоту человеческих чувств».

*

В 1958 году Эсамбаеву было присвоено звание народного артиста Чечено-Ингушской автономной республики.

Отмечая это событие, корреспондент венесуэльской газеты «Универсаль» Израэль Пенья (Махмуд в это время был на гастролях в Южной Америке) писал: «Среди артистов — исполнителей народных танцев привлекает наше внимание Махмуд Алисултанович Эсамбаев. От этого имени веет тем же сладким восточным ароматом, что и от имен арабских принцев из сказок «Тысячи и одной ночи». Видя это имя в сочетании со званием народного артиста, мы укрепляемся в надежде увидеть искусство, которое нас приблизит к жизни напряженной, полной изумительных свершений во имя непобедимого братства всех народов

земли...»

Прошло не так много времени, и Махмуд Эсамбаев стал народным артистом шести республик — РСФСР, Киргизской ССР, Мечено-Ингушской, Дагестанской, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской автономных республик.

Впереди у него было самое высокое звание народного артиста СССР.

Вспоминает народный артист СССР В. М. Зельдин:

«Если есть на свете волшебство, то это волшебство существовало в мире танца Махмуда Эсамбаева. Как я уже рассказывал, первая наша встреча произошла много лет назад, во время съемок фильма «Свинарка и пастух», но это было просто знакомство. Он снимался тогда в массовке, видимо, ему нужно было как-то зарабатывать деньги, и я даже подозревать не мог, что в будущем это будет такая звезда!

После той первой встречи мы расстались надолго. А настоящая дружба наша началась уже после того, когда я увидел его танцующим в зале имени П. И. Чайковского.

У меня в то время был спектакль «Учитель танцев», я играл в нем главную роль и много танцевал. Потому живо интересовался всем, что имело отношение к танцу и сценическому движению.

Проходя мимо зала Чайковского, я увидел афишу, на которой был изображен Махмуд Эсамбаев. Это были первые его сольные выступления в Москве. Не знаю уж почему, но я как-то сразу понял, что этот концерт мне нужен.

Мало сказать, что я был восхищен, поражен — впечатление было ошеломляющим! Это не просто великолепный танец, танцевать и даже очень хорошо могут многие, это была драматургия. Полностью завершённый мини-спектакль, в котором существовали все необходимые элементы драматургии — завязка, развитие действия и неожиданная развязка, и все это правдиво, естественно, без малейших признаков наигранности. Здесь зритель смеялся, грустил, замирал в тревожном ожидании и радовался победе добра и красоты.

Мне стало понятно, что я вижу незаурядное явление. Оказывается, многие люди уже давно это поняли, потому что в небольшом зале имени П. И. Чайковского был редкостный преаншлаг, люди стояли даже в проходах. С тех пор я старался, будучи в Москве, концертов Махмуда Эсамбаева не пропускать. Тут был не только зрительский, но и профессиональный интерес. Мне, как драматическому актеру, хотелось понять силу его артистического воздействия. Я видел, что он ведет свои мини-спектакли не только как мастер танца, но и как исключительно

одаренный и оригинальный актер. Все его жесты, мимика, даже неуловимое, казалось бы, движение глаз работали на главную цель — создание живого яркого образа. Он был, безусловно, король танца, но мне, профессионалу, было особенно интересно видеть, как чисто актерски он в этом своем танце существовал. Ну, а тут недостаточно просто смотреть, и мне очень захотелось с ним поговорить, пообщаться, понять, откуда берется этот поразительный талант.

Получилось так, что однажды я не смог достать билет на его представление и пошел к нему за кулисы, чтобы попросить коллегу о помощи — а он, оказывается, тоже знал меня как актера. Махмуд тут же раздобыл мне место. С первой же встречи мы почувствовали интерес друг к другу и подружились. Да и трудно с таким не подружиться. Это был человек поразительного обаяния, открытый и душевно щедрый. Он, как магнит, притягивал к себе людей.

Вот только один случай. Мы как-то оказались на гастролях в городе Сочи. Наша труппа давала спектакли в местном театре, а Махмуд выступал на открытой эстраде. Жили мы в одной гостинице «Приморская».

Вечером выступали, а днем проходили на пляж, общались, купались в море и грелись на солнышке.

В это же время в Сочи проходил кинофестиваль, и потому здесь были известные режиссеры, в данном случае Марк Донской, замечательная актриса Лида Смирнова и много других. Утром все они высыпали на пляж возле гостиницы. И вот в один из дней Махмуд всех удивил. Устроил шашлык — праздничный завтрак, прямо на пляже.

Мясо и всё необходимое он закупил сам. Ночью отмачивал в маринаде, а утром приготовил всё на мангале, который одолжил у продавца, работавшего в палатке поблизости.

Скажу прямо, такого вкусного шашлыка я до этого никогда в жизни не пробовал. Потом-то я к этому привык, Махмуд очень любил устраивать такие неожиданные праздники. Делал он это столь же виртуозно и артистически, как и танцевал.

Но сейчас речь не о том.

Он стоял у мангала, угощая всех, кто был в тот день на пляже, и артистов, и режиссеров, и простых отдыхающих, не делая между ними никакой разницы. В это время к нему подошел молодой мужчина, явно кавказец по наружности, и с серьезным озабоченным видом о чем-то с ним заговорил. Махмуд тут же залез в свою спортивную сумку, лежавшую возле мангала, достал оттуда портмоне и дал этому человеку несколько крупных купюр. Довольно большую сумму. Кавказец поблагодарил и ушел.

Я был рядом и спросил, мол, наверное, это родственник, если ты ему так просто даешь крупную сумму.

— Нет, — ответил Махмуд, — я его впервые вижу.

— Как же так! А если он тебе этих денег не вернет?!

— Может, и не вернет, — отозвался Махмуд безмятежно. — Главное, чтобы они, эти деньги, помогли ему в трудную минуту. Ну подумай, как я могу отказать ему? Ведь это мой соотечественник — чеченец.

Вот это событие, может быть, и не очень важное для Махмуда, очень мне запомнилось и запало в память.

А потом я много раз испытывал эту необыкновенную отзывчивость Махмуда на себе. Как у всех советских автомобилистов, у меня нередко возникали проблемы с машиной. Нужно было достать какую-то остродефицитную запчасть, и стоило мне как-то между прочим оговориться об этом при Махмуде, как он тотчас подключал свои потрясающие связи и буквально на другой день эта, кажется, совершенно недоступная деталь появлялась у меня.

Постепенно у нас стали складываться какие-то привычки, характерные для нашей манеры дружеского общения. Например, если он возвращался в Москву из гастрольной поездки, то звонил мне. Я снимал трубку и слышал его приятный баритон, поющий популярную тогда песенку из фильма, в котором я играл: «Ив какой стороне я ни буду, по какой ни пройду я траве...» Я подпевал ему, и он объявлял, что я немедленно должен прийти к нему в гости.

У него тогда уже была однокомнатная квартирка на Красной Пресне, где постоянно приходили, жили, обменивались новостями, дегустировали напитки и потрясающие блюда, которые готовил Махмуд, его бесчисленные земляки, родственники, друзья и где, несмотря на такое многолюдство, всегда можно было душевно поговорить и чудно провести время.

Со временем он получил большую квартиру где-то на Таганке, куда его жена Нина переехала, но эта, купленная им крохотная однушка всё равно никогда не пустовала.

Махмуд жил, надо сказать, очень активной творческой жизнью. Где бы он ни появлялся, он всегда притягивал к себе людей, очаровывал их своими остроумными рассказами, в которых удивительно преображался в тех персонажей, о которых рассказывал. Способность к доброму пародированию и перевоплощению у него была потрясающая, тут его даже и сравнить не с кем. А знал он, и очень близко, многих великих людей. Он ездил с ними в гастрольные поездки не только по нашей стране, но и по всему земному шару. Он участвовал в мировых гастролях, где выступали и

Галина Сергеевна Уланова, и Оля Лепешинская, и многие, многие выдающиеся актеры и музыканты. И всех их он умел исключительно остроумно, но не зло, пародировать. Это были замечательные дружеские шаржи. И надо сказать, что все эти великие мастера на Махмуда не только не обижались, они его любили.

Где бы ни появлялся Махмуд, вокруг него всегда были люди, которые любили его творчество и его самого. Искренне любили, по-настоящему.

Он уже был тогда депутатом Верховного Совета СССР и Героем Социалистического Труда. Сразу скажу, что депутатом он был замечательным. Мало кто из его коллег сделал столько доброго для людей. И многие, очень многие были благодарны ему за скорую и бескорыстную помощь.

Помню юбилей пожилого актера, которого Махмуд давно знал и любил. Когда чествование закончилось, Махмуд предложил нам втроем поехать к нему домой. Приехали мы поздно, в доме ничего не было. Ну конечно, откуда чему взяться, когда весь день в квартире находятся десятки людей, едят, пьют, беседуют.

В холодильнике обнаружилась только селедка. Махмуд сварил кастрюльку картошки, нашлось немного водки, и вот за этим импровизированным и, надо признать, совсем не шикарным ужином мы замечательно посидели чуть не до утра и поговорили буквально обо всем. Махмуду такое общение было необходимо, как воздух, а для нас этот вечер стал настоящим праздником, который запомнился навсегда.

Помню, как Махмуд поздравлял и меня самого с шестидесятилетним юбилеем. Он вышел тогда на сцену в роскошной черной бурке, знаменитой своей папахе и сказал:

— Я тебя поздравляю, Володя! Вот тебе наша кавказская бурка, — надел ее мне на плечи, — наши чеченские женщины с любовью сшили и украсили ее для тебя особенным горским узором... — Помолчал и добавил торжественно: — Ты это знаешь. Я никогда и ни перед кем не снимал папахи, ни перед королями, ни перед президентами, когда они принимали меня в своих дворцах. Но сейчас на этой сцене я снимаю эту папаху перед тобой!

Снял и надел ее мне на голову.

Эта папаха хранится у меня, и я даже иногда выхожу в ней, когда случается выступать с рассказом о моем друге Махмуде Эсамбаеве. Я знаю, что она мне очень идет.

Папаха и кавказская бурка. Это очень дорогие для меня реликвии.

Махмуд всегда был необычайно элегантен. Очень красиво и с большим

вкусом одевался. У него была потрясающая фигура, и одеждой он это свое достоинство умел как-то особенно подчеркнуть. Неудивительно, что везде, где бы он ни появлялся, в этой своей папахе, элегантном костюме, замечательных, индивидуального пошива, туфлях, он всегда выделялся и привлекал к себе внимание. Всё это очень соответствовало его яркой, артистичной личности. И при этом он любил говорить, что он простой горец и образование у него всего три класса начальной школы.

Но вот что интересно! Этот необразованный горец мог часами читать стихи Лермонтова, Пушкина, Пастернака, Ахматовой, рассуждать и спорить о творчестве Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина.

Насчет образования он не обманывал — ну, если только чуть-чуть, родные его рассказывают, что Махмуд закончил учебу все-таки не в третьем, а в шестом классе. Но зато трудно даже предположить, сколько замечательных (и очень непростых) книг он после этого прочел! Его самобытное образование было таково, что он мог на равных беседовать и спорить с докторами искусствоведения и философии, без всякой подготовки исключительно тонко и оригинально говорить о скульптуре и живописи.

Это был настоящий самородок. Живой, не забитый догмами ум позволял ему глубоко проникать в сущность самых сложных проблем. Он никогда не отступался от того, что интересовало его, до тех пор пока не находил убедительных и удовлетворяющих его ответов.

Природа исключительно щедро одарила его. Редкостный талант и острый ум — замечательное сочетание! Но всё же главным его человеческим качеством я считаю душевную чистоту, щедрость и всегдашнюю готовность прийти на помощь...

То, что Махмуд делал на сцене, было больше, чем просто танец, — его выступления походили на запечатленные пластические новеллы. В небольших танцевальных зарисовках можно было прочесть всю драматургию судьбы, всю линию жизни его героя. Это переходило через рампу и брало в плен зал, зритель никогда не оставался равнодушным. Я до сих пор помню его удивительный танец «Портняжка» — маленький трогательный человек, в которого во время танца превращался красавец Эсамбаев, вызвал настоящую волну сочувствия.

Махмуд был уникальным явлением — профессиональному масштабу точно соответствовал масштаб человеческий, а это, как вы знаете, бывает крайне редко. И на сцене, и в жизни он сохранял необыкновенную доброту и доброжелательность, обладал неподражаемым, мудрым восточным остроумием.

Впоследствии, когда у Махмуда сложилась эстрадная программа, ему пришлось собрать и подготовить свою небольшую концертную группу, которая работала в паузах между номерами, когда ему нужно было поменять грим и переодеться.

В этой его группе был музыкант, у которого был юбилей. Махмуд тогда был депутатом Верховного Совета, он мог решать большие дела. У него не было никаких сложностей, если нужно было попасть на прием к руководителю любого ранга. Все они готовы были принять его немедленно по первой же просьбе.

Позвал он этого музыканта и спросил весело: «Завтра у тебя юбилей. Что тебе нужно, друг мой, — звание, однокомнатная квартира или отрез на костюм?»

Музыкант этот подумал и сказал: «Знаешь, Махмудик, квартира у меня хоть и коммунальная, но соседи хорошие. На костюм я и так заработаю, ты ведь нам всем хорошие зарплаты устроил. А вот звание — это было бы здорово. Звание, оно на всю жизнь!»

Махмуд сразу же пошел в свой Верховный Совет, встретился там с кем надо и сказал: у моего музыканта юбилей, к завтрашнему дню нужно оформить для него звание заслуженного.

Все, конечно, удивились. Невозможно, мол, за один день такое дело провести. Кроме нас, его должны и в Министерстве культуры, и там, на самом верху, утвердить.

Махмуд отвечает: вы только примите решение и оформите его, а о том, что нужно делать дальше, не беспокойтесь, это уже моя забота.

Ну и что в итоге?

Назавтра, в день юбилея, Махмуд вручает этому музыканту шикарный диплом заслуженного артиста республики со всеми необходимыми печатями и подписями.

После этого уже ко мне подошел мой коллега, очень хороший артист, который давно не мог получить звания. Не знаю уж почему, такой он, верно, был невезучий. Всех награждают, а его нет. Подошел он ко мне и говорит, вот я уже в какой раз представлен на звание, но опять стою в самом конце списка, и наверняка мне опять не дадут. Не можете ли вы поспособствовать, чтобы не вычеркнули?

Я, понятное дело, обещать ничего не мог, а рассказал всё Махмуду и сказал, что если опять вычеркнут, то это будет большая несправедливость и трагедия для этого человека.

— Всё понял. Пошли, — сказал Махмуд.

И вот мы отправились в Верховный Совет и прочие высокие

инстанции, стали встречаться и разговаривать с разными людьми.

Скажу честно: я только присутствовал, переговоры вел Махмуд. Я смотрел на него и не мог нарадоваться — с такой легкостью, юмором и так умно он вел эти непростые переговоры. Такие удивительные слова находил, что никто и не думал отказывать, наоборот, старались как можно скорее, буквально тут же, выполнить его просьбу.

Махмуд так всех очаровал, что фамилию этого человека не только не вычеркнули, но перенесли из конца в самое начало списка (а ведь списки, это всем известно, для чиновников святое) и этот человек наконец-то получил свое давно заслуженное, обещанное, долгожданное звание.

Он был счастлив.

Если нужно было помочь, Махмуд не знал слова «не могу». Для меня он был доказательством того, что национальные преграды являются пустой и глупой выдумкой: он был чеченцем, я — русским, но мы дружили всю жизнь. По правде говоря, это было очень легко: вплоть до самых последних дней Махмуд оставался светлым, солнечным человеком.

Я считаю, что в наше жестокое время нужно больше говорить о таких замечательных людях, которые были и составляли гордость нашего отечества, нашего искусства, они демонстрировали великую силу и плодотворность того, что, к сожалению, во многом осталось в прошлом — дружбу и единство многочисленных народов, населявших нашу страну. Все наши великие победы и достижения связаны именно с этим единством, которое необыкновенно умножало силы.

Мне кажется, что, несмотря на все огромные и пока неясные по своим последствиям перемены, которые произошли, эту дружбу, эту симпатию между людьми нужно сохранить. Это можно было сделать умной политикой.

Но когда ломали и разваливали великую страну, об этом не думали, и это, может быть, самая большая ошибка и самая большая потеря последних лет.

Недавно был странный звонок. Мне позвонили из Организации Объединенных Наций. Они спросили мое мнение о том, что сейчас происходит в мире. Видимо, они хотели узнать мнение старых людей, посвятивших жизнь работе в области культуры.

Я так и сказал, что могу более или менее компетентно выразить мнение людей, посвятивших жизнь театру. Мне кажется, что жизнь становится всё более непримиримой и жестокой, и наша задача, задача людей, работающих в области культуры, как-то смягчать эти острые углы и противоречия.

Я, например, восхищен творчеством Вахтанга Кикабидзе, Нани Брегвадзе, и меня очень огорчило, что они отменили свои концерты в России. Мне кажется это ошибкой. Не обострять противоречия, а смягчать и восстанавливать отношения между народами — вот главная задача не только артистов, но всех, кто может хоть что-то сделать в этом отношении. Ну а деятели культуры именно к этому призваны. Они могут сделать очень много.

Это не говорит, конечно, о том, что люди культуры не должны высказывать свой протест по поводу того, что кажется опасным и вредным.

Махмуд был именно таким человеком. Он стремился к объединению людей, но очень жестко протестовал против того, что казалось ему ошибкой. Например, он всегда был против развала страны и никогда этого не скрывал. Он восставал против циничного пересмотра истории. Особенно тяжело он переживал войну в Чечне. Руководителей, допустивших такое трагическое развитие событий, Махмуд прямо назвал преступниками.

Махмуд любил людей, он жил для них. Неповторимая аура его творчества передавалась в зрительный зал. Она была подобна какому-то доброму гипнозу. Его душевная красота и щедрость передавалась в зал, захватывала людей. Вот почему зрители, позабыв обо всем, буквально жили благородными сюжетами, которые так замечательно выражались в его танцах. Махмуд был человеком, которого нельзя было не любить...

Просто невозможно поверить, что жизнь приготовила для этого радостного человека такое испытание на склоне дней. Я говорю о чеченском конфликте, об этой ужасной войне.

Конечно, трагедию в Чечне, все эти страшные события он очень глубоко переживал. Конечно, не потому, что у Махмуда в Грозном был дом, представлявший собой настоящий музей и выражавший всё поразительное многообразие интересов хозяина. Этот дом, этот музей погиб в огне вместе со всеми бесценными экспонатами. Нет, не о доме он жалел. Махмуд переживал трагедию своего народа. До конца дней это было самое большое его горе. Он никогда этого не скрывал и протестовал жестко, непримиримо. Он не был дипломатом и то, что его волновало, высказывал напрямую...

Господь дал этому человеку высочайший природный талант, чувство меры и вкус, ко всему этому, он был еще и по-настоящему мудрым человеком. Про таких говорят — поцелованный Богом.

В последний раз я видел Махмуда после того, когда он перенес инсульт, и был счастлив от того, что он оказался поправляющимся. И вдруг... хотя когда, скажите мне, смерть случается не вдруг?..

О том, что мой друг Эсамбаев скончался, я узнал во время репетиции спектакля «Человек из Ламанчи». До сих пор не могу в это поверить.

Всё это показалось мне глубоко символичным.

Махмуд по самой глубинной душевной сущности своей был трогательным и жертвенным Рыцарем печального образа, Дон Кихотом Ламанчским, человеком, жившим не для себя, а для людей. Он дарил им свое искусство и свою душу, потому что это было у него неразделимо.

Ну а люди любили его за несравненное волшебство танца, помноженное на эту душевную щедрость и доброту».

В разговор о Махмуде вступают народные артисты России Наталья Касаткина и Владимир Васильев:

«Уникальный, разносторонний танцовщик и артист. Умный человек с неповторимым юмором. Махмуд — олицетворение доброты и безграничной, вдохновенной любви к танцу. Этой любовью он осенял не только свое собственное творчество, но и всех нас, причастных судьбой к искусству. Дыхание танца, как невидимое облако, окутывает его изящную фигуру, коронованную папахой.

Весь мир восхищался его не имеющим аналогов искусством. Поразительно, как он был отзывчив и как умел радоваться Танцу! И не только когда исполнял сам, но и когда танцевали другие. Мы очень любили Махмуда, а он с какой-то удивительной нежностью относился к нам, потцовски гордился нами. Махмуд всегда называл нас «Наташенька» и «Володя». Когда нас наградили профессиональной премией «Душа танца», то вручал ее конечно же Махмуд.

На наших премьерах и юбилеях над головами зрителей возвышалась его неизменная папаха. У него был точный, «волшебный» глаз — когда он благословлял дебютантов, их творческая судьба оказывалась счастливой. Для нас всегда были важны глаза друзей на наших премьерах, и особенно тех, кого мы могли назвать своими Учителями. Среди этих «самых-самых» была Галина Сергеевна Уланова, был Игорь Александрович Моисеев, был Махмуд Эсамбаев...

Первая наша личная встреча с Махмудом Эсамбаевым произошла на съемках фильма М. Лавровского о балете. Махмуд снимался в роли Ротбарта в балете «Лебединое озеро». Талия всемирно известного танцовщика была 47 сантиметров, совсем как у Натальи. Восхитительную легкость облика Махмуд сохранял всю жизнь. У него была особая диета. Он ел только борщ, который готовил ему повар, сопровождавший его во всех поездках. Но объединило нас не измерение талии, а общность понимания Танца. И Махмуд и мы многое восприняли от Льва

Михайловича Крамаревского. Это имя должно быть обязательно упомянуто рядом с именем Эсамбаева, потому что именно Крамаревский открывал для приехавшего в Москву Махмуда (какое-то время, не имея пристанища, он и жил в доме Крамаревских) тайны танцевальной техники, по методике, разработанной самим Крамаревским на основе школы Чеккетти. Именно из этих уроков вырос самый знаменитый танец Махмуда Эсамбаева «Бог Солнца».

Желание танцевать никогда не покидало Махмуда. Совсем недавно, несколько лет назад, на одном из праздничных номеров нашего театра на сцене Большого Кремлевского дворца он танцевал фрагмент из балета «Жанна д'Арк». Эту роль и хореографию специально для него сочинила наша ученица Светлана Воскресенская.

Последний раз он пришел на наш спектакль «Пушкин», поставленный в дни юбилея поэта. В июне 1999 года мы говорили с ним о специальной нашей хореографии для него. В дни празднования последнего в жизни Махмуда юбилея мы вручили ему либретто современной балетной миниатюры «Дон Кихот». Мы хотели, чтобы Махмуд в сопровождении наших артистов исполнил главную роль, а в конце сыграл на кастаньетах (что он делал первоклассно). Но не успели...

Памяти Махмуда Эсамбаева мы посвятили в феврале 2000 года свои спектакли «Дон Кихот» на сцене Государственного Кремлевского дворца. Артисты танцевали для него — светлого рыцаря нашего театра и нашей судьбы».

Как-то, отвечая на вопрос корреспондента о том, как найти свой путь в жизни, Махмуд Эсамбаев сказал:

— Важно направлять усилия именно туда, куда нужно, а не куда хочется. Это большая разница. Хочется часто не туда, куда нужно на самом деле...

— А какое качество вы считаете главным для себя?

— Мы очень часто говорим с видом мудрецов, что есть вопросы, на которые очень трудно ответить, которые человечество еще не объяснило, и так далее... Гёте, например, говорил, что человечество во всех областях жизни достигнет непостижимых результатов, есть только одна область, к которой оно ничего не сможет прибавить. Это мораль христианства, которая заключена в одной фразе — возлюби ближнего своего, как самого себя. Ну, и действительно, трудно найти иное, более полное и убедительное определение человечности...

Глава четвертая

ДЕМОН

Как рождаются танцы? Да так же, как стихи. Непонятно из чего, отчего и почему. Очень точно сказала об этом великая Анна Ахматова, не меньше своих читателей пораженная тем, из какого сора могут расти стихи...

Рождение танца — такое же неповторимое необъяснимое чудо, как рождение стихов, музыки или человека.

— Обратите внимание, — заметил Махмуд Эсамбаев в одной из своих бесед со зрителями, — когда курам бросают горсть зерен и они, кудахча, подбегают — клюют ли они зерна подряд, без выбора? Можно как будто и подряд клевать, но они разгребают клювом, когтями, клюнут одно зернышко — и снова разгребают. Оказывается, и курицу не все устраивает. Что же говорить о человеке! Я считаю, что искусство — это те же самые зерна, что лежат у ног артиста, но он ищет именно свое.

Я исполняю танцы народов мира; сколько этих танцев, не счесть. Танцовщик работает не ногами, а головой. Я выбираю танец в зависимости от того, как вижу его, как могу его исполнить, примеряю его к моей индивидуальности артиста и человека. Если я могу к красоте народного танца добавить какую-то внутреннюю силу, придать иной оттенок, усовершенствовать, только тогда я его разучиваю. Это трудно, поверьте, очень трудно — выбрать танец, ведь в каждом есть своя философия, своя красота, созданная природой и людьми.

Кроме того, — продолжал Махмуд, — многие зрители помогают мне советами. Ведь танцы — это моя работа, а всякая работа требует и анализа, и оценки. И хочется чаще слышать не восторженные отзывы, хоть они и приятны, а критические замечания, которые помогали бы в работе. Для меня это особенно важно потому, что я не только исполнитель — мне часто приходится самому и ставить танцы, и делать либретто, и придумывать костюм. И здесь очень важно не утратить критерий художественности, не утратить чувства меры, которое так необходимо в творчестве. Поэтому очень важно, чтобы кто-то, посмотрев твою работу как бы со стороны, мог не только оценить положительное, но и подсказать, что плохо...

Случалось, и не раз, когда зрители подсказывали Махмуду темы его танцев. Однажды жительница Новосибирска Людмила Уфимцева написала ему: «Когда вам будет 50 лет, я бы хотела, чтобы специально для вас

сочинили танец легенду «Демон». Если это произойдет раньше, то будет еще лучше».

Вот такое, совершенно конкретное предложение. Но как выясняется, не одному человеку это приходило в голову. Некоторые зрители предлагают почти готовый сюжет.

«Большая просьба, мольба, — пишет Махмуду человек, не назвавший своего имени, — создайте, сотворите Демона — лермонтовского Демона — духа, мечту. Это должно быть очень просто (для вас, разумеется). Движения танца скупы и сдержанны. В костюме никакой мишуры. На большой сцене. Большой симфонический оркестр. Музыка подберите сами из классической. Может быть, Паганини, Лист, Бетховен, Рахманинов или Вагнер...

Мрачные горы. Вдали свет и слабые звезды. Он опустился на скалу (и в нем еще полет). Видны руки, голова, торс. Легкий черно-дымчатый газ окутывает его, и огромные крылья, легкие и черные, даже не существующие, а искусством артиста вызванные в воображении зрителя. Кожа смуглая, брови крылатые, глаза Ваши, рот бледный, нос тонкий. Волосы недлинные, свободно лежащие, густые.

Спускается в движении полета и танцует без крыльев. Только торс затянут в матовую ткань платинового оттенка, сливающегося с телом. Это не танец, а чувства, выраженные в движении, — печаль, нежность, стремление, борьба, страдание... но что мои бледные слова. Чудесное только в том, что Вы расскажете языком своих рук, глаз.

Лермонтов, Врубель, Шаляпин — источники Вашего вдохновения. Мне кажется, когда Вы читали Демона и Мцыри, Ваши впечатления вылились в танец и он давно существует в Вашем воображении...»

В этом письме многое удивительно тонко угадано, увидено такое, что действительно уже давно бродило в голове Махмуда, заставляло задумываться и умолкать посреди оживленного разговора. Демон был для него совсем нечуждый персонаж. Махмуд давно думал об этом невольном, он так считал, носителе зла, ангеле, отринутым самим небом. Отвергнутом, но не лишенном памяти о божественной красоте высокого мира.

*И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,*

*Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, — и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего...*

Вот она, полностью сформированная в тончайших оттенках картина начала танца. Великая, холодная, не пробуждающая радости красота...

Махмуд не раз и не два начинал искать начальные па этого сложнейшего танца. Некоторые эскизы казались ему удачными, но не имели продолжения. Общий рисунок танца так и не проявлялся.

И опять же это точнее всего можно сравнить со стихами. Первые строки появились, первая рифма тоже, и она звучит и манит, но если в других стихах этого достаточно, чтобы все остальное открылось и легло на бумагу, то здесь, в этой большой балетной поэме, первые рифмы почему-то не влекли за собой новых. Красивое и мощное начало так и оставалось только запевом.

Существовала, определенно существовала какая-то мистическая загадка в этом персонаже и в самом замысле. Махмуд это остро чувствовал.

Конечно, он мог бы обратиться к кому-то из балетмейстеров,

например, к своему старому товарищу Льву Михайловичу Крамаревскому, к Ивану Кирилловичу Ковтунову или к той же Грязновой, которая недавно так ярко и так ново поставила ему испанский танец с кастаньетами. Но Махмуд привык работать с балетмейстерами только тогда, когда танец вчерне уже существовал в его голове. Конечно, эти замечательные профессионалы могут самостоятельно поставить ему поэму о Демоне, но тогда это будет уже не его танец...

Может быть, беда в том, что он все время отвлекался и потому так и не смог сосредоточиться на одном. Действительно, за это время он сделал немало новых танцев и некоторыми был очень доволен. Например, очень неплохо получился «Танец огня» на музыку испанского композитора Мануэля де Фалья. Здесь человек как бы соревнуется с огнем. Тело его трепещет и летит, как невесомые языки пламени. Но это не игра, это борьба человека и неукротимой огненной стихии. Битва, в которой побеждает все-таки не стихия, а человек.

Состоялся, наконец, русский танец, который так долго не давался ему.

Для успеха, оказывается, нужен был особенный костюм. Русский по всем традициям и характеру, но в то же время особенный, подходящий именно для Махмуда. Настоящего русского танца не было до тех пор, пока не появились у него два товарища, два художника из Палеха — Калерия и Борис Кукулиевы. Это были его давние верные поклонники, но познакомились они лично совсем недавно. Знакомство это принесло Махмуду долгожданный танец.

Что может быть выше такой награды?!

Костюм, сшитый по эскизам супругов Кукулиевых, — сам по себе произведение искусства. Впервые в артистической практике Махмуда Эсамбаева танец рождался не из движения, которое было уже давно найдено и отработано, а от костюма. Оригинальный костюм позволил Махмуду вполне выразить и себя, и русскую тему в этой яркой огненной пляске.

Это была большая удача, и под замечательное настроение Махмуд начал работать над Демоном. Что-то вроде бы начало получаться... и вполне может быть, что именно тогда танец бы родился... но опять отвлекли гастролы. Замечательная поездка, от которой он, азартный путешественник в душе, не мог отказаться. Это была большая поездка в Монголию, страну, которая Махмуда очень интересовала.

Правительственную телеграмму с приглашением посетить Монгольскую Народную Республику для участия в торжествах, посвященных 56-летней годовщине народной революции, Махмуд получил

на Кавказе, где участвовал в гастрольной поездке. Уже 8 июля 1977 года он вылетел из Москвы в столицу Монголии Улан-Батор.

Попал, как говорится, с корабля на бал.

Прямо с самолета, едва успев переодеться, Махмуд оказался на премьере балетного спектакля «Испанские миниатюры», поставленного балетмейстером из Белоруссии Херардо Виано де Гомес Фонсеа.

В большом зале монгольского Государственного театра оперы и балета не было ни одного свободного места. В правительственной ложе сидели члены Политбюро ЦК МНРП, во главе с первым секретарем, председателем Великого народного хурала Юмжагийном Цеденбалом. Рядом сидела его жена Анастасия Цеденбал-Филатова. Уже на другой день Махмуд был принят главой государства и у них состоялся заинтересованный разговор о развитии монгольского оперного и балетного искусства.

Махмуд выразил искреннее восхищение спектаклем и сказал, что его любимые испанские танцы поставлены балетмейстером Фонсеа безупречно.

— За это нужно благодарить также хореографические училища Москвы и Ленинграда, которые дали монгольским танцовщикам и балеринам великолепную подготовку, — с большим пониманием дела заметила Анастасия Ивановна. Махмуд не мог не согласиться с этим.

Юмжагийн Цеденбал на хорошем русском языке расспросил о планах Махмуда и выразил надежду, что знаменитый советский артист сможет побыть в республике достаточно долго, чтобы его увидели не только жители больших городов, но и работники промышленных предприятий, и сельские жители, которых в Монголии очень много. Махмуд ответил, что давно интересуется Монголией и ее замечательным народом, создавшим некогда величайшую в мировой истории державу, простиравшуюся от Тихого до Атлантического океана, и будет только рад познакомиться как можно подробнее с жизнью современной Монголии.

Признался, что давно мечтает включить в свою программу «Танцы народов мира» монгольский танец. Но сделать это без глубокого знакомства с народным искусством невозможно.

Супруги Цеденбал таким серьезным планам Махмуда Эсамбаева только порадовались и сказали, что со своей стороны сделают всё возможное, чтобы его знакомство с Монголией было как можно более глубоким и полным.

Свои обещания они выполнили полностью и самым внимательным образом проследили за тем, чтобы Махмуд увидел в Монголии как можно

больше и встретился со всеми людьми, которые его интересовали. В результате спустя месяц супруги Цеденбал стали первыми зрителями, увидевшими созданный Махмудом Эсамбаевым «Танец монгольского охотника», который потом с блеском, под гром аплодисментов, был показан в СССР и различных странах мира.

Это был танец охотника... и орла. Именно так. В этом танце Махмуд представлял сразу двух персонажей — охотника и его жертву.

Охотник, тщательно скрываясь и поминутно застывая на месте, высматривает добычу... а вот и орел. Он парит высоко над землей, редко и мощно взмахивая могучими крыльями. В своей заоблачной высоте он кажется совершенно неуязвимым. Но охотник увидел орла и следует за ним, терпеливо выжидая момент, когда тот опустится ниже и станет достижим для его стрелы...

Орел парит, высматривая добычу...

Вот, увидел! Сложил широкие крылья и, стремительно набирая скорость, понесся к земле.

Охотник заносит руку за спину, выхватывает из колчана стрелу и растягивает тетиву до самого уха...

Он ведет острый наконечник стрелы, «выцеливая» увлеченного охотой орла. И, поймав именно тот самый, единственный, неотвратимый момент, который знают и чувствуют великие стрелки, отпускает стрелу. Отчетливо слышен звон тетивы и смертный свист улетающей стрелы...

Сраженный орел падает на землю.

Охотник танцует вокруг него, празднуя победу. Но победитель не вызывает одобрения. «Всё живое прекрасно!» — повторял Махмуд любимое изречение Франциска Ассизского. «Только тот, кто дарует жизнь, имеет право отнять ее, — добавлял он... но не вслух, а про себя. Не хватало, чтобы его обвинили в религиозности...

Этот танец, как всегда у Махмуда, — драматический рассказ, достоверная картина из жизни. Он подсмотрел ее, когда во время длительных гастролей проехал дружественную республику вдоль и поперек, побывал на охоте в бескрайней монгольской степи.

Махмуд давно мечтал побывать на легендарной земле Чингисхана. Хотел увидеть и понять бескрайнюю вечную степь, породившую величайшего завоевателя всех времен и народов.

Он засыпал в войлочных чабанских юртах, слушая ровный гул степного ветра и разноголосое бляение бесчисленных овечьих отар. Незаметно присматривался к темноликим старикам, сидящим у костра, тлеющего в середине юрты. Они сидели часами, посасывая свои трубки с

длинными чубуками, изредка перебрасываясь словами, непонятными, гортанными, которые почему-то не нарушали тишины.

Утром пил кумыс и выезжал пасти овечью отару — ему хотелось хоть немного почувствовать себя монголом. Умная лохматая лошадка, на которой степные люди покорили половину обитаемого мира, слушала далекие крики пастухов и делала привычную работу, как если бы Махмуд не сидел на ней. Выполнив очередную команду и подогнав к стаду отбившихся овец, она опускала голову и начинала срывать губами жесткую степную траву.

Степь была огромна и прекрасна. Вся она была покрыта мягкими складками округлых холмов, над ней в пронзительной синеве летели легкие, как розовый пух, облака. По обожженной траве катились куда-то бесприютные, колючие шары перекати-поля.

Махмуд попросил пастухов показать ему могилу Чингисхана, и они, не раздумывая, кивнули головами.

Поехали втроем. Махмуд на своей рабочей лошадке и двое стариков. Ехали довольно долго. Не меньше трех часов.

Остановились на вершине горы. Отсюда открывался огромный мир степей, простирающихся беспредельно во все края горизонта.

— Здесь! — сказал один из стариков, немного говоривший по-русски. — Это гора Великого хана.

— Значит, здесь его могила? — спросил Махмуд. Он-то знал, что место погребения археологи ищут уже многие десятки лет.

— Где могила, точно никто не знает, но Великий хан велел похоронить себя так, чтобы с места упокоения он мог бы видеть всю свою степь...

Что ж, такое желание великого человека было понятно Махмуду.

Однажды вечером, когда он уже собрался в обратный путь, состоялся большой праздник. Много людей в ярких одеждах собралось возле костра. Тогда Махмуд увидел танец монгольских охотников и сразу понял, что именно он был нужен ему, чтобы выразить чувство беспредельности и вечности степного мира, которое, видимо, так хорошо понимал и которым так умело пользовался великий Чингисхан. Это был танец охотника и орла, и как только он увидел его, в воображении Махмуда возникла картина танца, в которой обе эти роли будет исполнять он один...

Когда в день отъезда из Монголии в Улан-Баторе он показал на большой сцене оперного театра этот танец, его долго не отпускали и заставили несколько раз повторить. Махмуд понял, что дети Чингисхана признали его своим. Ему даже подарили мохнатую степную лошадку. «Такой замечательный охотник, как вы, — объяснили ему, — не должен

ходить пешком».

Лошадка была очень похожа на ту, что возила его по монгольской степи и на гору Великого хана...

*

Ну а Демон?

Он по-прежнему ждал своего часа.

Махмуд всё еще не мог решить, нужна ли ему в этом танце напарница. Нужна ли Тамара, без которой невозможна драма любви, и кто сможет исполнить роль возлюбленной Демона?

Как мощно и грозно звучит клятва Демона! В этом монологе уже заложен танец:

*Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первую слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовью моей
(...)
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя...*

Да, монолог... но это все-таки танец двоих. Хотя Тамара в этой сиене может быть представлена едва различимой тенью...

Кажется, начал проявляться какой-то подход. Но в это время...

Позвонил с «Мосфильма» кинорежиссер Леонид Попов и предложил Махмуду роль Шамана в своем фильме «Земля Санникова».

Махмуд любил кино. Однако еще в юности решил, что у него, так щедро одаренного талантом танцевального движения, способностей драматического актера нет. Ничего удивительного — не может человек быть одарен всеми артистическими талантами сразу.

Потому на многочисленные предложения сниматься в кино он отвечал неизменным отказом, не пускаясь при этом в долгие разговоры и объяснения. Извините, не могу. Совершенно нет времени.

Правда, в нескольких кинокартинах он все-таки снялся, но то были фильмы о танце. Тут он, по сути, делал то же самое, что на сцене, — танцевал.

Что же касается фильмов художественных, то Махмуд совершенно искренне считал, что это трудное дело — не его стихия.

Скажем сразу, что тут он заблуждался. Однако причина у этого заблуждения была старая и очень стойкая.

По правде говоря, Махмуд еще в детстве мечтал не только танцевать, но стать драматическим актером. И вполне возможно, что стал бы... если бы не «Мцыри».

Лермонтовский Мцыри — самый любимый из множества известных Махмуду литературных героев! Мцыри, которого он в глубине души всегда считал своим братом... и надо же такому случиться, именно в роли Мцыри он безобразно провалился (так он считал) на давнем школьном вечере...

Что ж, и у Махмуда было немало искренних заблуждений на свой счет. На самом же деле он был щедро одарен драматическим талантом. Это не вызывает сомнений. Достаточно посмотреть картины, в которых он снимался, и в особенности, конечно, фильм «Земля Санникова».

Тут Махмуд играл с удовольствием, от всей души, в компании с прекрасными драматическими актерами Владиславом Дворжецким, Олегом Далем, Георгием Вициным и Юрием Назаровым. Эсамбаев в этом фильме был шаманом — духовным вождем затерянного в арктических льдах народа онкилонов. Эту в общем-то второстепенную роль Махмуд превратил в одну из самых ярких и драматичных.

Надо сказать, что и эту замечательную роль он едва не упустил. На то у Махмуда были более чем уважительные причины. Во-первых, он не верил в свой драматический талант, во-вторых, готовился к длительным гастролям, работал над несколькими новыми перспективными номерами (в том числе с самыми первыми наметками танца «Демон») с прекрасным балетмейстером и своим старым другом Львом Михайловичем Крамаревским, который ради этой работы отложил все свои дела...

Когда режиссер фильма «Земля Санникова» Леонид Попов в первый

раз позвонил ему и предложил сыграть Шамана, Махмуд даже удивился. Кажется, он уже давно оповестил киношников, что он в их играх не участвует. Единственное исключение, когда речь идет о съемке его танцев. Пришлось повторить всё это Попову, для убедительности Махмуд добавил, что у него вообще нет сейчас для посторонней работы ни одного дня, ни даже лишнего часа.

Однако упорный режиссер через пару дней позвонил опять. Теперь он попросил Махмуда уделить ему несколько минут и начал рассказывать о своей работе. Он объяснил, что фильм сделан по роману знаменитого геолога, академика Владимира Афанасьевича Обручева. Что это исключительно интересный рассказ о приключениях полярных путешественников, поставивших перед собой цель найти легендарную землю, которую видел во время своих походов известный промышленник и землепроходец Яков Санников, однако ни разу так и не смог ее достигнуть (Попов как будто знал о жившей в душе Махмуда страсти к путешествиям).

Досказать историю Леонид Попов не успел, так как Махмуд спешил в филармонию. Прощаясь, режиссер попросил Махмуда прочесть роман Обручева «Земля Санникова».

Махмуд пообещал. Скорее из вежливости — времени для чтения романа у него сейчас не было.

Странно, но весь день разговор с Поповым не выходил у него из головы — вернее сказать, не разговор даже, а именно это название — «Земля Санникова».

Махмуд знал, что дома, в его немаленькой библиотеке, такого романа нет. Подсмеиваясь над собой (ну ведь некогда читать, это правда!), зашел в библиотеку филармонии и спросил у хорошо ему знакомой старушки-библиотекарши эту самую «Землю Санникова». Он думал, что симпатичная бабушка будет долго искать это название в своих толстых талмудах, куда внесены неисчислимые богатства, хранящиеся на библиотечных полках, но старушка радостно, по-детски улыбнулась и сказала:

— Пожалуйста, вот она! Только недавно ее читала. Не знаю уж в который раз. Представьте себе, я ведь прочитала ее еще в юности, как раз когда она вышла. Эта книга как-то особенно на меня действует. Случаются в жизни такие нехорошие дни, когда начинает казаться, что ничего интересного и нового уже не будет, когда жизнь кажется серой, вот тогда я вспоминаю об этом чудесном острове — земле Санникова, который, где-то в недоступной Арктике, несомненно существует... я открываю книгу и отправляюсь в путешествие. И вся жизнь моя меняется... Вот ведь какая история!

После такой рекомендации Махмуд не стал откладывать и в тот же вечер начал читать. Бабушка из библиотеки была права. Жизнь изменилась. Махмуд понял, что вернется в обычную жизнь только после того, как перевернет последнюю страницу.

«...До сих пор не разгадана еще тайна двух островов, легенда о существовании которых передается уже около полутора столетий. Отважные промышленники, посещавшие ближайшие к берегам Северо-Восточной Сибири острова для добычи на них пушнины, диких северных оленей и мамонтовой кости, а также некоторые исследователи Севера видели вдали с высоких пунктов, в редкие на Севере ясные дни, эти неизвестные острова, но добраться до них не могли. Это Земля Санникова к северу от Новосибирского архипелага и Земля Андреева к северу от устья реки Колымы, название первой — по имени промышленника Якова Санникова, а второй — по имени сержанта Андреева, впервые увидевших эти острова далеко на горизонте, среди льдов.

Настоящий роман и описывает попытку найти один из этих островов — Землю Санникова и обследовать его. Роман назван научно-фантастическим, потому что в нем рассказывается об этой земле так, как автор представлял себе ее природу и население при известных теоретических предположениях.

Читатель получит представление о некоторых островах Арктики, об условиях путешествия через льды, о природе и населении неизвестной земли, какие могли бы быть, если бы она существовала там, и в таких условиях, как предполагает автор. В послесловии к этой книге читатель найдет ответ на некоторые вопросы, касающиеся гипотезы о Земле Санникова, и коротко ознакомится с новейшими открытиями советских ученых в Арктике, раскрывающими в какой-то мере тайну Земли Санникова»...

Махмуд начал читать и вскоре позабыл обо всем. Теперь он сам шагал день за днем, неделю за неделей, вместе с путешественниками по океанским льдам, помогая собакам перетаскивать через торосы тяжело нагруженные нарты, прятался в снежных пещерах от свирепой полярной пурги, ночевал в старинных, но всё еще прочных поварнях, сооруженных бесстрашными промышленниками, добывавшими на далеких арктических островах северных оленей и бивни мамонтов. Все дальше и дальше уходили путешественники в неизведанные просторы полярного океана, шли до тех пор, пока перед ними не раскинулось темное пространство чистой ото льда воды...

«...Полоса тумана закрывала лежащую за полыньей снеговую равнину,

но на самом горизонте, на севере виднелось что-то темное, выдававшееся над туманом.

— Вот, кажется, виден остров Беннетта! — воскликнул Ордин, первый обративший внимание на это место горизонта.

Горюнов и Костяков взглянули в указанном направлении, и первый тотчас же взял засечку по компасу.

— Это не остров Беннетта, — сказал он. — Остров находится много восточнее и с Котельного не виден — он слишком далек. Если это не мираж, то мы видим Землю Санникова...»

Махмуд читал всю ночь, совершенно позабыв о делах, которые ждали его на следующий день. Он вынырнул из книги и вернулся из путешествия только утром, когда перевернул последнюю страницу...

Да, экспедиция потерпела неудачу. Почти все материалы погибли во время страшной вулканической катастрофы, произошедшей на Земле Санникова. Горюнов привез организатору путешествия академику Шенку только десяток образцов горных пород да пару уцелевших фотографий...

«— Неужели и вы не верите мне? — воскликнул удрученный Горюнов.

— О нет, я вполне верю! — поспешил успокоить его Шенк. — Выдумать всё, что вы рассказали, невозможно... Но лучше пока помолчим!

— Пока? До каких пор?

— Пока новая экспедиция с вашим участием не посетит землю, не найдет этот огромный кратер, затопленные леса, новый вулкан, кости животных и людей...

К сожалению, экспедиция не состоялась. Разразилась война с Японией, и академия не смогла получить необходимые средства. А по окончании войны Шенк умер, едва сделав первые шаги для осуществления проекта...

Горюнов и Ордин тщетно ждали извещения и занялись другими делами. Но отчет, сохранившийся среди бумаг Шенка в архиве академии, послужил материалом для этой книги. Может быть, она возбудит интерес к таинственной Земле Санникова в ком-нибудь из нового поколения и побудит отправиться на поиски ее среди ледяных просторов Северного моря».

Махмуд отложил книгу. Ему было грустно, что замечательная история закончилась... и тут вспомнил, что нет, не кончилась!

В это же утро он позвонил Леониду Попову и сказал, что готов сниматься.

Ну а Демон? Демон так и не дался ему.

Остался мечтой. Мечтой неясной, темной, красивой и немного даже страшноватой в своей необъяснимой неприступности.

Да, ведь и самому Михаилу Юрьевичу этот персонаж достался очень трудно. И, похоже, намного укоротил его без того трагически короткую жизнь. Так успокаивал себя Махмуд. Но можно ли этим утешиться?

Глава пятая

«ЗЕМЛЯ САННИКОВА»

Вспоминает Леонид Сергеевич Попов — режиссер фильма «Земля Санникова»: «Артистов на главные роли нашли быстро. О том, кто должен играть Шамана, двух мнений быть не могло — Махмуд Эсамбаев. Вот только согласится ли он? Говорили, что Махмуд принципиально отказывается от всех киноролей, кроме тех, где он занимается своим профессиональным делом — танцует.

Шаман у нас в фильме много танцевал, но главным в его роли был все-таки не танец, а яростное стремление оставаться единственным вершителем судеб маленького, затерявшегося в бескрайней Арктике народа онкилонов. Отсюда берет начало непримиримое отношение шамана к могущественным пришельцам из чуждого, непонятного и опасного мира.

Это фильм о романтическом путешествии в Арктику для нас самих превратился в нескончаемое путешествие. Мы снимали его, переезжая с места на место по всему Союзу. Из Прибалтики на Камчатку, а оттуда на Кавказ...

На Шамана больше никто не пробовался. Тут всё было однозначно. Только Махмуд и этот его знаменитый танец бразильских индейцев «Макумба» во всех отношениях замечательно для нас подходил. Всё там словно специально для нашего фильма придумано. И страшные индейские скульптуры — тотемные столбы, и костюм, и его гипнотический танец, в котором он доводит себя до исступления, страшно кричит и падает на землю, — всё это готовый эпизод для фильма...

Павильон у нас был в Ленинграде. Тут был дом купца Перфильева, которого играл Н. О. Гриценко. Ресторан тоже в Ленинграде. Почему там снимали, а не на «Мосфильме»? Там дешевле и ждать очереди не надо.

У нас была смета 550 тысяч рублей. По тем временам хорошая. В среднем такой фильм стоил тогда до 400 тысяч. Но у нас все-таки много разъездов, разнообразные костюмы.

Судно парусное, на котором экспедиция отправляется на Землю Санникова, пришлось перегонять с Балтики в Выборг. На Балтике берега неподходящие, низменные. Выборг как раз был очень хорош.

Там мы снимали эпизоды на пристани, где несут гроб начальника погибшей полярной экспедиции — барона Штоля. Там мы снимали сам парусник и сцены на корабле. Неподалеку нашли башню, на верхушку

которой на спор с завязанными глазами залезает Крестовский.

Но еще раньше самое начало съемок было на берегу Финского залива, в Комарове. Там снимали эти проходы путешественников по льду, избушку-поварню и кресты — следы погибшей экспедиции барона Штоля. Мы нашли там большую гору вздыбленного льда — настоящий торос. Под ним снимали кульминацию ледового похода — драку...

После Ленинграда мы снимали в горах Кабардино-Балкарии. Жили мы, вся группа — человек около двухсот, в Нальчике, в гостинице. График жесткий. В 7.00 подъем, завтрак и на работу. Съемочная площадка была в Чегемском ущелье и на Голубых озерах, там снимали жертвоприношение и танцевал свой страшный танец шаман онкилонов — Махмуд. Добираться туда не меньше 50–70 километров, половина по горным дорогам. Не только актеров, но массовку надо привезти. Собирать народ для массовки нам помогал обком партии. А ведь их всех надо еще одеть, загримировать и, в перерывах, накормить. У нас были люди, которые этим занимались, и работали они самоотверженно.

Каждый вечер нужно готовить съемку на завтра. Мы возвращались, когда уже было темно.

Тут Махмуд... он же кавказский человек. Он обожает застолья. Он беспредельно гостеприимный и сам любит ходить в гости. Махмуд тогда был занят почти каждый день, снимались ключевые эпизоды, встреча шамана с пришельцами, добывание огня, жертвоприношение на Священном озере. Махмуд вообще очень ответственно относился к работе.

И вот, замечательно отсняв свой эпизод, он подходит к нам с Альбертом и говорит: «Так, ребята, на сегодня хватит».

Мы удивились.

— В чем дело, Махмуд?

— Дело в том, что сегодня нас ждет у себя председатель такого-то колхоза, замечательный человек, Герой Социалистического Труда, мой старый друг...

— Так ведь еще не всё сняли?!

— Ничего страшного. Завтра доснимем, а сейчас надо ехать, там уже всё готово к встрече с нами.

Отказать Махмуду невозможно. Мы приехали вместе с Альбертом.

Понятная и привычная картина — пара-тройка баранов готовится под шашлыки. Из ледяного горного ручья торчат горлышки бутылок «Столичной». Вина, как ни странно, почти не было — это уже потом, когда я стал просить, чтобы привозили вино, оно появилось. У них, председателей колхозов, считалось, что самое лучшее вино — это водка.

Там же, в речке, охлаждаются бутылки настоящего чешского пива — большая редкость в те времена.

Скатерть-самобранка расстелена прямо на шелковой траве. Посмотришь, и глаза разбегаются, столько там разнообразной зелени, овощей, фруктов, приправ, холодных закусок, и все приготовлено так, что удержаться невозможно, обязательно попробуешь, настоящее объедение.

Махмуд, конечно, тамада.

Он произносит приветственное слово:

— Мой друг — председатель колхоза, Герой Социалистического Труда, рад приветствовать представителей славного советского кинематографа на своей земле. Поднимем же наши бокалы за этого великого и такого скромного человека...

Дальше он по очереди представляет гостей. И тут, конечно, нужно обязательно выпить до дна, а там по очереди пьем за уважаемых бригадиров, передовиков труда, ну и, конечно, за уважаемых стариков...

Если пить, как полагается, за всех подряд, то до конца ни за что не усидишь, опрокинешься. По первому разу мы честно пили и нас уже ночью в полном беспамятстве доставляли в гостиницу. А ведь вечером, прежде чем заснуть, мы должны были подготовить съемку завтрашнего дня.

После первой поездки следующий съемочный день был сорван. Причем именно по нашей вине, потому что мы не в состоянии оторвать от подушки тяжелую голову. Конечно, в каждой киногруппе есть на такой случай второй режиссер, но с этими людьми у нас была какая-то непонятная чехарда. Одного уволили, другой сам потерялся, третьего назначили из ассистентов, но он, конечно, не мог вместо нас подготовить следующий съемочный день.

В другой раз мы уже тайком, через раз выливали водку на землю. Но делать это возможно было только после десятка тостов, когда внимание хозяев притуплялось, а то ведь — кровная обида: «Ты нас не уважаешь!»

Махмуд очень серьезно за дело взялся. Сегодня председатель этого колхоза, завтра другого, послезавтра третьего... похоже тут, на Кавказе, у него не было ни одного председателя колхоза, совхоза или директора предприятия, который бы его не знал и не мечтал пригласить к себе вместе с его московскими коллегами.

Я как-то попробовал его унять.

Махмуд даже рассердился:

— Ну, вот ты сам попробуй встань на мое место. Ведь это не просто уважаемые люди. Это мои друзья. С вами я тоже подружился. И если я еду к старому товарищу, то как же я не возьму с собой новых друзей. Это

просто некрасиво получится!

Тогда я говорю: «Альберт, слава богу, что нас двое, будем ездить по очереди».

Еле-еле удалось убедить Махмуда, что работа не позволяет нам ездить вдвоем, и потом мы с Альбертом «дежурили», сменяя друг друга.

Кстати, сколько я помню, а таких встреч у нас было за время съемок великое множество, Махмуд никогда не танцевал и не плясал на таких встречах, хотя там было немало джигитов, которые пускались в пляс. Он только хлопал в ладоши вместе со всеми. Он считал, что дружеские встречи и работа — вещи разные. На дружеских встречах он должен разговаривать со своими друзьями и вести застолье. Танец — это уже на концерте. Махмуд был настоящий профессионал.

Надо отметить, что он, как настоящий профессионал, работал перед камерой. Внимательно прислушивался к режиссерским замечаниям. Потому работать с ним было легко. Махмуд, конечно, знал себе цену, понимал, что он звезда первой величины. Но никогда этим не кичился, не пытался давить своим авторитетом.

Поначалу в роли Шамана он чудовищно переигрывал.

Дело в том, что жест, поза и мимика в танце всегда исключительно яркие, акцентированные, подчеркнутые. И вот он поначалу свою роль исполнял, как на сцене, сильно переигрывая. Тем более что темперамент из него так пер, он тарасил свои удивительные светлые глаза, злобные гримасы искажали его раскрашенное шаманское лицо.

Нам приходилось останавливать съемку, и мы говорили Махмуду:

— Вот ты злой шаман. Ты громко кричишь, сверкаешь глазами, а мне не страшно... вот если ты те же слова скажешь, только чуть прищурив глаза и тихо-тихо, почти шепотом: «Слышите! Наши предки недовольны. Они сердятся. Они не хотят, чтобы чужие люди жили среди нас!» — это будет убедительней и страшней.

Так же мы довольно долго работали над сценой, в которой Шаман собирается пытать доктора Губина, которого играл Юра Назаров. Мы опять просили Махмуда говорить тихо сквозь зубы и тут же, на контрасте, выть страшным предсмертным криком, когда сын вождя всаживает в него стрелу.

— Тут ты можешь кричать. Как можно страшнее, потому что ты смертельно раненный зверь. Давай, сделай так, и посмотрим, что получится.

Он сделал всё именно так, как надо. Мы просматривали эпизод, и он сам соглашался: «Правда, намного лучше получилось!»

Он был очень тонкий, чуткий человек и актер. Он всему учился

буквально с первого раза. Но первым удачным дублем Махмуд почти никогда не удовлетворялся. Сам говорил: «Ну-ка, еще разок. Я тут кое-что придумал, должно еще лучше получиться». И во второй раз он играл не просто содержательнее и точнее, он умудрялся добавить еще нечто неуловимое, что превращает зачастую схематичный образ в живое существо, которое зритель запоминает на всю жизнь.

Это, кстати, наверное, главная черта, которая отличает профессионального и даже талантливого актера от мастера. Вот это неуловимое, но совершенно очевидное умение дополнить характер персонажа, добавить в него что-то неуловимое свое, чего нельзя прописать даже в самом точном и психологически разработанном сценарии.

Махмуд был именно таким мастером.

И особенно удивительно было то, что он находил в себе силы отказаться для этого от привычного и многими годами наработанного опыта танцора.

Потом, когда его съемки закончились, он на свои средства снял ресторан в Нальчике, пригласил всю группу (почти двести человек) и устроил прощальный ужин. Причем сказал, что он всегда с нами и, если вдруг будет нужен, примчится тут же по первому зову.

Мы выполнили свое обещание, сделали из его роли в фильме очень красивый ролик, где он исполнял свои шаманские танцы на фоне удивительных и страшных тотемных скульптур, прекрасной природы Кавказа и Камчатской долины гейзеров. Там и народ онкилонов, и олени, и даже тигр рядом с Махмудом появляются. Тигр на полярном острове (!!!) — это была наша «зеленая собака».

Парочку «зеленых собак» я, на всякий случай, повесил в картину для надежности. «Зеленая собака» — это характерное выражение на киношном жаргоне. Берет оно начало из глубокого прошлого.

Рембрандт в свое время много раз подряд вынужден был сдавать заказной групповой портрет крупнейших купцов и прочих отцов города, которые бесконечно требовали каких-то поправок и переделок. Наконец мастеру надоело, и он нарисовал в углу картины безобразную зеленую собаку. Ясное дело, что, когда он в очередной раз представил на просмотр переработанное полотно, заказчики дружно накинулись на эту, совершенно неуместную, тощую да еще почему-то зеленую собаку. Но тут уж мастер встал стеной. Это необходимо по композиции — твердо заявил он. Это моя главная находка, и хоть убейте, но я от этого ни за что не откажусь.

Спорили долго. Наконец заказчики переговорили между собой и сформулировали окончательное заявление — мы примем работу и сразу

заплатим деньги, но только в том случае, если зеленая собака будет изгнана с картины.

С этим окончательным вердиктом Рембрандт «вынужден» был согласиться. Так мастеру удалось сдать злосчастное полотно и получить за него в полном объеме оговоренный гонорар.

Вот, собственно, главная причина, по которой на арктическом острове появляется индийский тигр. На самом-то деле это не тигр, а зеленая собака...

Ролик Махмуду очень понравился, и потом он его неоднократно показывал во время своих концертов...

На заключительном вечере в ресторане Махмуд произнес великое множество замечательных тостов за нашу съемочную группу. Не забыл оператора, и режиссеров, и художника по костюмам, и гримера, и всех помощников, и чуть ли не за каждого из 150 киношных онкилонов... растрогал и насмешил всех, а пошутить Махмуд умел замечательно...

Надо сказать, что еще до начала работы над «Землей Санникова» у меня очень удачное и радостное было время. Я жил тогда неподалеку от Речного вокзала возле кинотеатра «Нева». Как-то шел на студию, она там тоже совсем недалеко. Подхожу к кинотеатру и, примерно метров за сто, у меня спрашивают: нет ли лишнего билетика?

— А что идет? — спрашиваю.

— Как?! Вы не знаете?! Да Фантомас же, Фантомас!

«Ах ты, сукин сын Попов! — подумал я тогда. — Что же это ты до сих пор не можешь сделать такой фильм, чтобы вот так, еще на подходе к кинотеатру, люди спрашивали лишний билетик»...

Работа над «Землей Санникова» закончена. Начальство объявило, что прокат нашего фильма начнется в мае. Они думали, что делают нам большую услугу, поставив нас так рано. Но это была услуга медвежья.

Я собрал всех наших и, мы договорились, что будем добиваться отсрочки проката. В конце концов пойдем даже на то, что как бы потеряем негатив. Нам необходимо сделать так, чтобы фильм вышел не раньше чем в конце сентября.

Тут элементарный расчет. Выйди наш фильм в мае, что получится? Все зрители в отпусках, на дачах, молодежь за городом в лагерях. В кинозалах пусто. А в сентябре все возвращаются, и тут уж никто не пропустит новый, только что сделанный фильм.

Рекламы тогда практически не было. Но оказалось, что сарафанное радио — как всегда, самое надежное. Мы добились своего. Премьера у нас была в кинотеатре «Октябрь», что в гостинице «Россия», в самом конце

сентября. Я помню, как шел по Красной площади, а меня постоянно спрашивали — нет ли лишнего билетика.

Тогда я и подумал с великим торжеством:

«Вот! Не за сто метров, как тогда, возле «Невы», когда показывали «Фантомаса», а за пятьсот метров до кинотеатра спрашивают билеты на наш фильм».

За год фильм «Земля Санникова» посмотрело 46 миллионов зрителей.

Все получилось, как надо. Мы делали кассовый фильм. Он таким и стал. Мне было тогда 33 года. Нам приятно и весело было работать. И потом, с кем бы из участников съемок ни приходилось встречаться, это всегда была радость. Сразу начинали рассказывать, как интересно мы тогда жили. И, конечно, всегда вспоминали нашего неподражаемого Махмуда, который стал как бы фирменным знаком фильма».

Вспоминает народный артист России Юрий Владимирович Назаров: «Попал я в картину «Земля Санникова» случайно, вместо кого-то. Когда начинали снимать на Балтике, в Финском заливе, меня там не было.

Я снимался на Кавказе. Тут нас судьба и свела с Махмудом Алисултановичем. Сразу скажу, так вот, торжественно, по имени-отчеству никто его не называл. Говорили — Махмуд (кстати, так у чеченцев и полагается, там даже стариков называют по имени). Иногда обращались ласково — Махмудик, но это женщины или те, кто был знаком с ним давно.

На мой-то взгляд — главное в этом человеке то, что он был редкостный умница. Я много о нем думал и к такому выводу пришел — умный человек не может быть плохим. А он дивный был умница.

Конечно, бывают и мерзавцы совсем неглупые. Но это все-таки от недостатка ума. То есть ум имеется, и даже немалый, но всё же его не хватает, чтобы понять — сволочью быть только во вред себе самому.

Нередко еще и зависть мешает. Очень сильное чувство. Оно даже умных людей нередко с толку сбивает.

Но Махмуду просто некому было завидовать. Звания и титулы... этого у него было столько, что всего он и сам не помнил. Ну а потом ему присвоили народного артиста СССР. Но главное то, что люди любили и его самого, и его неповторимое искусство. Так что завидовать ему было просто некому и ни к чему.

А ведь он был еще и валютный. Его весь мир на ура принимал, и платили ему там очень хорошо. Он как целый ансамбль Игоря Моисеева один зарабатывал. И как государство ни грабило, что-то и ему оставалось.

Вообще-то он был главный человек в Чечено-Ингушетии и на Кавказе вообще. Какие бы проблемы ни возникали, Махмуд шел куда надо и на

любом уровне вопросы решал. Ему всё разрешали и выдавали безотказно, и не нужно было хитрить и мудрить. Все тут буквально молились на него.

Мне такую историю рассказывали. Где-то в Бразилии или Аргентине, бог его знает, в Южной Америке, одним словом, оказался он на гастролях с Борисом Штоколовым. Штоколову только что присвоили звание народного артиста СССР, и он ужасно этим гордился. Давали они совместный концерт. Штоколов народный СССР, а Махмуд народный артист всех республик, но не Союза. Ну и как объявлять?

— Боря, — говорит Махмуд, — объявлять нужно просто: советские артисты — танцор Эсамбаев, певец Штоколов. Они тут люди темные, у них даже профсоюза работников искусств нет, им эти наши звания непонятны...

Штоколов обиделся:

— Ну что это?! Зря, что ли, мне звание присвоили? Пусть объявляют, что поет народный артист СССР...

— Я же говорю, что у них и понятия нет такого — народный, это будет звучать — артист оф пипл, артист из народа...

— Нет, пусть объявят...

Закончился концерт. К Махмуду все валом бегут — члены правительства, депутаты, миллионеры и всякие прочие бесчисленные его поклонники: «Махмуд! Махмудик! Ты наше солнышко... а этот твой напарник-то, он хоть из народной самодеятельности, но петь умеет. Его можно на сцену выпускать...»

И так он эту историю выразительно рассказывал, что мы просто на ногах устоять не могли от хохота.

Махмуд, он по природе своей настоящий скоморох, он во всем видит смешное. Прибавьте к этому бесподобный талант пародиста. Голосом, движением, мимикой он на удивление похоже и смешно умел человека показать. Я в своей, не короткой уже жизни только двух таких людей видел. Один — бывший артист еврейского театра Михаил Михайлович Алипский. Мы познакомились, еще когда поступали в институт. В общежитии на Трифоновке он крутился. Из него так и лилось нескончаемым потоком — анекдоты, истории, присказки, частушки, да еще и с матерком, но всё к месту и так смешно, что у людей от смеха челюсти сводило.

Второй был Махмуд. Фейерверк какой-то нескончаемый. И тоже все так смешно, что словами передать невозможно...

Но главное в нем все-таки — удивительная человечность, доброта и стремление помогать.

Расскажу такую вот, несколько странную медицинскую историю,

которая у нас во время съемок «Земли Санникова» приключилась.

В этом фильме рассказывается о северном народе — онки-лонах, которые в древние времена перешли по дрейфующему льду с материка на далекий полярный остров. Так вот, в качестве онкилонов снимался чуть ли не весь балет, который сумели собрать от Камчатки до Ленинграда. Подбирали, конечно, таких, что были похожи на коренных жителей Арктики, а из балета потому, что в фильме нужно было много танцевать, бегать, красиво двигаться.

Ну, балет — это молодежь, а где молодежь, там и любовь, и всё такое прочее. А тут Кавказ, Нальчик, лето, везде и все цветет... у одного танцовщика ленинградского на боку выскочила какая-то странная сыпь. Как потом выяснилось — аллергическая. Но это потом... а сначала... Ну кто знает, аллергия это или что-то другое? Приятель этого бедолаги — парнишка из Казахстана, который играл сына вождя, посоветовал, сходи, мол, к врачу, тебе же спокойнее будет.

Тот пошел.

Явился к одному врачу, его посылают к другому, третьему и наконец он оказался у венеролога. Венеролог, недолго думая, закатал парня в инфекционную больницу. Тут же в съемочную группу прислали пропагандиста-агитатора, который сообщил, что всё это очень похоже на мраморную сыпь. А мраморная сыпь — это вторая стадия сифилиса!!!

Конечно, началась паника.

Георгий Михайлович Вицин, царствие ему небесное, неподражаемым своим голосом объявил, что мы снимаем кино методом сифилитического реализма...

Однако далеко не у всех хватило ума и характера, чтобы в этой ситуации шутить. Народ был в шоке. Вдруг я когда-то пил из его стакана?! Или докурил после него сигарету? Да просто рядом стоял, прикоснулся! Чего со страху не померещится...

На другой день чуть ли не с хоругвями вся группа двинулась в вендиспансер на обследование.

Махмуда тогда с нами не было, он, пользуясь перерывом в съемках, отправился домой в Грозный. Тут ведь недалеко, всего пара часов на машине.

Когда он вернулся, паника была полнейшая. Его конечно же сразу во всё посвятили, предупредили, что, мол, вот какая у нас тут беда и все мы, да и вы тоже... в общем, заслали к нам террориста, который всех сифилисом заразил!

И что же делает Махмуд?

Он не думает ни о каких проверках и профилактиках.

Махмуд идет на базар, покупает корзину фруктов и отправляется с этой передачей в инфекционную больницу к тому несчастному парню.

Вот попробуйте представить. На волне повального венерического психоза только один человек не поддается панике и делает то, что и положено делать — приносит больному передачу. От всей широты своей кавказской души выражает ему свое искреннее сочувствие и уверенность, что всё будет хорошо...

Думаю, что именно поэтому у парня сыпь буквально на другой день сошла. И всем сразу стало понятно, даже врачам, что никакого сифилиса нет — обыкновенная аллергия на цветение каких-то там южных трав или цветов...

Но это потом всё стало понятно и просто. А сначала... сифилис! Вторая стадия!!! А там третья, когда всё начинает проваливаться и отваливаться! Это не шутки! Да еще коллективный психоз, вся группа словно сдурела.

Сразу по городу слух пробежал, что, мол, эти артисты доигрались...

Помню, мы большой компанией отправились куда-то поесть. А девчонки у нас, что балет, что массовка, что ассистентки — все, как одна, красавицы. И вот, проходим мимо местных парней, и какая-то из девушек случайно одного джигита задела. Он ее цап в охапку. И сразу все его приятели заорали:

— С ума сошел! Брось ее скорее! Это же «Земля Санникова», у них сифилис второй стадии.

Вот такой был психоз.

И только один человек оказался выше этого. Только Махмуд.

Вот я и говорю, что Махмуд был умница, а умница не может быть плохим человеком.

Это вовсе не значит, что был он рубаха-парень — душа нараспашку. Душа нараспашку и у дурака может быть. Он вовсе не был безответным добрячком. Он никому не позволял на ногу себе наступать. Отлетишь так, что больше не захочется. Но по душе своей — это просто чудо-человек.

Но вот скажите, кто ему этот паренек из Ленинграда, который в инфекционную больницу попал? Да таких в нашей группе еще пара десятков наберется. Но парень попал в беду, и Махмуд без колебаний пришел к нему на помощь.

Ну хороший человек! Настоящий! Чего еще скажешь!

Как артист, Махмуд, конечно, блестяще выступил. Шаман в фильме далеко не главную роль играл. Но у Махмуда он получился до того

интересный и яркий, что конечно же стал одним из основных персонажей.

Очень убедительно выглядели шаманские танцы, которые он исполнял. Он великое множество знал всяких обрядовых танцев, и это не важно, были это танцы северных народов или индейцев майя, они все близки и похожи, так как по сути своей обращены к божественным силам природы. Да хотя бы взять этот танец «Макумба», который он из Бразилии привез, — это самый настоящий колдовской шаманский танец, только других онкилонов, которые в Южном полушарии живут.

Если рассказывать о его привычках, то и тут ничего похожего на других. Ну, мы все, после съемок, кто в чем был, собрались пивка выпить и пообщаться. Устроились прямо на съемочной площадке в горном ущелье, понятно, что там пыль, грязь. Махмуд сразу ушел в вагончик и вышел оттуда в каком-то потрясающем костюме необыкновенного голубого цвета, в роскошной папахе.

Я подвинулся на ящике:

— Садись, Махмуд, — приглашаю его, — хотя ты в таком красивом костюме...

— Ерунда, — отвечает. — Это я для КГБ так нарядился, пусть видят, что ни от кого не прячусь...

И спокойно уселся рядом со мной на этом, не слишком чистом ящике.

Мы тогда замечательно посидели, слушая его байки и хохмы.

Когда я вернулся со съемок домой, то первые дни просто замучил всех рассказами про Махмуда...

Вот что я могу рассказать об этом человеке. К сожалению, я его только тогда, на съемках фильма, и видел, после мы уже не встречались, хотя в душе у меня он остался навсегда.

Ну, о том, что это великий и единственный в мире мастер танца, говорить не буду, это и без меня известно.

Мы все, конечно, в какой-то мере мальчишки против негожие только потому, что он был старше. Владик Дворжецкий с 1939-го, Олег Даль — еще моложе, я с 1937-го. Тринадцать-пятнадцать лет даже и в зрелом возрасте — разница большая. Но с ним было легко. Он никогда не изображал из себя мэтра. Никому ничего не доказывал. Вся киношная грязь — ревность, сплетни, интриги, — всё это проходило мимо, нисколько его не затрагивая. Махмуд ведь и правда был лучше всех, и это не требовало доказательств. Ну а главное, он был, как я уже сказал, великий умница, а умница не может быть плохим человеком.

Двери в его вагончик всегда были открыты. Заходи кто угодно и когда угодно, ни о чем не спрашивай, садись к столу и перекуси, чем Бог послал.

Там стол всегда накрыт на несколько человек и полон разнообразной еды. Словно на столе у него была скатерть-самобранка. Потом мне сказали, что Махмуд с собой специально возил профессионального повара, именно для того, чтобы стол всегда был полон и готов к приему гостей.

Конечно, положение у Махмуда было особенное. Он ведь был не только великий артист, он был еще и депутат, и, по сути, первое лицо Чечено-Ингушской Республики. К нему постоянно шли люди, а он неуклонно соблюдал главную кавказскую традицию — гость всегда главное лицо в доме. Этот жизненный принцип чеченцев для Махмуда был святым.

И это человек с шестью классами образования...

Этот же человек — лицо и душа Чечни!

Понятно, что не только в образовании дело. И всё же мне трудно представить, как сложилась бы судьба такого человека сегодня. Просто не могу поверить, что, к примеру, какой-нибудь Абрамович или Газпром стали бы сейчас его спонсировать. А при советской власти он стал великим Махмудом Эсамбаевым. Не помешало то, что семья была бедная, неграмотная и что сам он в школе так плохо учился, что из шестого класса был изгнан. Что в 1944 году был выслан из Чечни в Среднюю Азию, где он не только пребывал в изгнании, но и танцевал в республиканском театре оперы и балета, прошел высокую школу классического танца, где открылся миру его уникальный талант.

Махмуд вырос и стал великим при Советском Союзе, и он никогда не стеснялся говорить, что любит эту большую страну так же, как свою родную Чечню. Разрушение СССР стало для него настоящей трагедией.

Сейчас, я думаю, большинство людей жалеют о том, что Советский Союз был безответственно и тупо разрушен. Ведь это настоящий анекдот, по сути, что судьбоносный документ о роспуске СССР был подписан тремя пьяными мужиками в бане (а ведь знали, между прочим, что народ проголосовал за сохранение Союза). Но эти, в бане, мечтали только о том, чтобы сесть в персональное президентское кресло, а там хоть трава не расти.

Не будь этого пьяного банного акта, вся наша теперешняя жизнь была бы другой. И, уж точно, она была бы не хуже, потому, что не случилось бы этого безумного парада суверенитетов, а значит, и чудовищной войны на Кавказе, которая и сегодня отравляет всем нам жизнь и совершенно неясно, когда она кончится. Убежден, не будь этой войны, Махмуд прожил бы на несколько лет больше.

И хотя на эти темы мне с Махмудом конкретно говорить не пришлось, но я по многим его высказываниям понял, что всё это «демократическое

преобразование», а по сути разрушение нашей большой Родины стало для него главной трагедией последних лет жизни...»

*

Махмуд был истинный чеченец. В нем собрано всё, что составляет неповторимый характер этого народа. Яркая талантливость, безумная храбрость, стремление к независимости. Этот народ не приемлет ни ермоловского, ни сталинского усмирения, он требует уважительного, серьезного, заинтересованного отношения, которое так замечательно и полно выражено у великих русских людей, таких как Михаил Юрьевич Лермонтов и Лев Николаевич Толстой.

Не грубая сила, не пушки, а только взаимный интерес и уважительное отношение к народным традициям и культуре способны разрешить самые трудные споры между людьми и народами.

За это святое дело Махмуд Эсамбаев положил всю свою жизнь, и это была самая главная его забота.

«Злоба, оружие, война никогда не сплачивали людей, государства, — говорил он. — Людей сближают знания, культура, доброта, выдержка, благородство. Именно эти качества, особо выделенные в священном Коране, всегда высоко ценились нашими предками».

Часть пятая

ВОЗВРАЩЕНИЕ



Глава первая

ВЕЛИКИЙ, НО НЕ НЕМОЙ

Такое случалось нередко, особенно в последние годы. Закончив свою программу, Махмуд подходил к микрофону и начинал говорить со зрителями.

Случалось, даже пел.

У него, как уже говорилось, был прекрасный баритон и абсолютный музыкальный слух. Если бы он захотел стать певцом, это не составило бы ему труда. Однако он к этому не стремился. Только в одном своем номере «Голубка» он танцевал и одновременно пел гениальную песню о любви «Бесаме мучо». Весь зал подпевал ему.

Он любил не себя в музыке, а музыку вообще.

На первом месте у него шли великие теноры от Карузо и Тито Гобби до нашего современника Пласидо Доминго. Нередко, закрывшись от всех, часами слушал симфонии Моцарта или Верди, особенно его «Реквием». Обожал испанских гитаристов Андреса Сеговию и Пако де Лусию и замечательно подстукивал им на кастаньетах. Про Сеговию всегда говорил, что это всесторонний гений, так как в девятилетнем возрасте обзавелся ребенком, и тут же напоминал, что и его отец, красный партизан, произвел его на свет, будучи почти восьмидесяти лет от роду.

Зрители очень любили такие его незапланированные выступления и долго не отпускали со сцены...

О чем он говорил? О самых серьезных вещах. О красоте и безобразии. О добре и зле. О книгах, которые недавно прочел. Он обязательно читал те книги, о которых шла какая-то молва, не важно, хорошая или плохая.

Махмуду очень нравилась повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой». Он нередко говорил о ней, размышляя, какой быть деревне, в том числе и чеченской — старинной, кондовой, нелегкой для жизни, но твердо стоящей на земле, или современной и комфортабельной, как на Западе?

Он считал, что непременно что-то теряется и в том, и в другом случае.

В заключение разговора Махмуд говорил, что даже самое многолюдное обсуждение вопросов, поднятых в серьезной книге, дела, конечно, не решит. Да и сам он устраивает обсуждение вовсе не для того, чтобы вынести решительный приговор, но для того только, чтобы те, кто его слушает, эту книгу обязательно прочитали...

Он часто бывал в театрах. Если не нравилось, то, случалось, уходил с половины спектакля, не скрывая разочарования. Если нравилось, сидел до конца и принимал активное участие в завершающих аплодисментах. Не стеснялся кричать «Браво! Бис!» и даже бросать на сцену цветы.

Любимые театры Махмуда: Большой, Мариинка, БДТ (тут у него была любимая вещь — «Ханума» в постановке Георгия Товстоногова, которую он смотрел много-много раз)... ну и, конечно, родной Грозненский театр имени героя-пулеметчика Нурадилова. Тут любимый спектакль: «Бож-Али». Вот его собственный отзыв:

«...Был в театре имени Нурадилова, когда принимался спектакль «Бож-Али», а 3 октября 1965 года имел счастье быть уже на девяностом его представлении. Девяносто раз за полгода! Успех сверх меры! И всегда аншлаг...

Замечательная пьеса. Хамидов — знаток людей, их психологии. У него острый глаз на все трагическое и смешное. Есть что-то гоголевское в нем — это его смех сквозь слезы! А как он владеет нашим, истинно чеченским, народным языком, с обычаями, с колоритом речи, образной остротой, где все оттенки нашего характера, нашей истории, непростой судьбы.

Это народный автор и истинно народный спектакль».

Очень интересовал Махмуда Бомарше.

— Вот ведь человек! — говорил он. — Сын часовщика. Выгодно женился, стал полулакеем в Версале, где играл на арфе, пел и блистал остроумием и тем понравился королеве. Купил должность секретаря короля. По всему, должен быть мерзкий человек, а он и говорил, что не обязательно родиться благородным, а вот стать им желательно. И по этому принципу всего добился. Главное, действительно стал не лакеем, а человеком благородным. Дворянство тоже купил. Но для того, чтобы прославиться, выбрал творчество. «Севильский цирюльник» — абсолютный шедевр!

Очень любил Махмуд оперетту. Неудивительно, сам в оперетте начинал.

Дружил с Григоровичем и поддерживал изо всех сил, именно когда от него все отвернулись.

Очень возмущался, когда делили Таганку и Художественный.

— Театр — это вам не колбаса! — ворчал он.

Политиков не любил и политикой не слишком интересовался. К Хрущеву относился точно так, как это выражено в памятнике Эрнста Неизвестного — по черно-белому. И никогда этого не скрывал.

Очень любил детей и готов был разговаривать, играть, заниматься с

ними, забывая о времени.

Вспоминает Хажбикар Боков: «Не сомневаюсь, что Махмуд Эсамбаев мог стать замечательным преподавателем и создать свою, единственную в мире, неповторимую школу. То, что этого не случилось, большая беда и непоправимая ошибка людей, возглавлявших Министерство культуры, официальные балетные школы и академии.

Махмуд хотя и был великим мастером танца, но он не был немым. Умел очень хорошо рассказывать, понятно, по-житейски, объяснять сложные вещи и оригинально, совершенно по-своему, философствовать.

Объяснял он это так: «Я ведь не просто танцор. Я — артист. Значит, человек публичный. Со сцены я должен уметь понятно разговаривать со зрителями любых стран и национальностей. В любой форме. Не только танцем, но рассказом и даже песней. Я это умею делать и люблю».

...Мы познакомились с Махмудом в конце пятидесятых. Это было после Всемирного фестиваля молодежи, Эсамбаев был уже широко признан и знаменит. Я работал тогда в Доме политического просвещения горкома партии. В мои обязанности входила организация бесед, лекций, диспутов с учеными, инженерами, передовиками производства. Особенно я любил устраивать встречи с артистами, музыкантами, художниками, писателями. Вскоре у меня появилось много друзей из круга творческой интеллигенции, которые умели интересно и умно разговаривать с людьми, доносить до них свои, порой довольно сложные и непростые, идеи и мысли. Мне хотелось всё интересное, что было в этих людях, сделать достоянием общества. Во многом это удавалось. Жаль, что сейчас такую форму просвещения можно увидеть только по телевидению, да и то лишь на одной-единственной программе «Культура». А в те давние уже времена это было по-настоящему большое и очень интересное направление пропагандистской деятельности горкома партии. Именно пропагандистской, не побоюсь этого слова, ведь пропаганда — это внушение, а внушать людям хорошее, разумное и полезное — исключительно благое дело.

Махмуд был одним из постоянных и любимых докладчиков. Именно так. Поверьте, он был не только гениальным танцором, но и лектором, умеющим понятно, увлекательно и ярко рассказывать о танце и красоте искусства, а через это и о жизни.

Вот и попробуйте представить себе, как человек, образование которого официально (и реально) составляло всего шесть классов средней школы, выступает в огромном заводском клубе перед несколькими сотнями, а то и тысячами людей. Он делится с ними удивительно тонкими и глубокими

наблюдениями из мира хореографии и культуры. Рассказывает так, что люди слушают затаив дыхание. На такое выступление способны далеко не все дипломированные профессора-искусствоведы, а он объясняет, показывает да попутно еще такие забавные байки вставляет в свое повествование, что народ порой просто плачет от смеха.

То есть он умел говорить не только умно, тонко и понятно, но еще и остроумно, а это, согласитесь, великая редкость, и в этом отношении я даже не знаю, с кем его можно сравнить. Пожалуй, только с замечательным Ираклием Андрониковым.

Сам Махмуд признавался, что в жанре живого рассказа видит недостижимый образец и завидует только одному человеку — Ираклию Андроникову. С этим мастером, говорил он, вообще никто не может сравниться. В жанре устного рассказа Ираклий Луарсабович — истинный гений!

Кстати, периодически Махмуд заставлял меня сильно напрягаться. Дело в том, что шуточки его бывали весьма колючими, как говорится, с перцем. Причем мог он запросто пройтись по людям, от которых тогда много зависело. Не упускал он случая подшутить надо мной и другими знакомыми и друзьями, но тут умел разыграть всё так, что получалось смешно, но не обидно.

Ну, а из тех шуточек, которыми он меня периодически крепко пугал, припомню такую. Частенько он заходил ко мне в горком партии (тут мы обычно встречались перед выступлением) и, шагая по коридору, вполне отчетливо ворчал: «Как это ты можешь тут работать?! Это же настоящее белогвардейское гнездо! Обрати внимание, как этот дом от людей охраняют. Простая бабушка разве сможет сюда попасть, чтобы с кем-нибудь поговорить... ну, не сердись, не сердись. Есть тут и нормальные люди, вот ты, например», — и хлопал меня по спине.

При том что Махмуд был не прочь отпустить и отпускал частенько весьма опасные шуточки, он умел очень тонко улаживать и разряжать всякие трудные ситуации. Если он, например, видел, что я обижен или заведен до крайней степени какими-то неприятностями, на работе или в быту, он умел незаметно, рассказав какую-нибудь забавную историю, а то и просто приобняв, похлопав по плечу, снять напряжение, и всё вдруг становилось легко и просто. От него явственно исходило какое-то доброе тепло (сейчас говорят — положительная аура).

С ним очень интересно было разговаривать на философские темы. О добре и зле, искуплении и грехе, чувствовалось, что он немало размышляет над подобными вопросами. Это неудивительно. Махмуд был редкостный

книголюб и много читал. Можно только удивляться, когда он между своими концертами, непрерывными репетициями и разучиванием новых программ успевает еще и читать. Он успевал. И умел к тому же интересно и кратко изложить суть прочитанного, что вообще-то мало кому удается.

Как я жалею, что у меня в те времена не было маленького удобного диктофона. Я бы тогда записал, а сейчас с превеликим удовольствием по новой прослушал бы замечательные лекции Махмуда, эти невольные подслушанные веселые перебранки в гримерке, глубокие рассуждения о жизни и смерти, а потом передал в издательство, чтобы всё это выпустили отдельной книгой. Поверьте — получилась бы полная жизненных наблюдений, философская и веселая, совершенно неповторимая, как сам Махмуд Эсамбаев, книга.

Этот человек самим Господом был одарен просветленной душой.

Признаюсь сразу, если уж заговорил о Боге, — я не являюсь фанатичным приверженцем какой-то одной религии. Считаю всякий фанатизм (и религиозный в том числе) явлением опасным и не божественным вовсе, а дьявольским по своей сути и происхождению.

Я верю в Единого Бога — Высший Разум, общий для всех людей.

Такой же, в этом я глубоко убежден, была житейская религия Махмуда Эсамбаева. Его Бог никогда не призывал к непримиримости, злобе, уничтожению несогласных с его личной или государственной догмой. Его Бог творил красоту и через нее способствовал сближению между людьми. Душа Махмуда была чистой и человеческой, как его поразительный щедрый талант.

Талант этот был безграничен. И это несмотря на то, что он закончил всего шесть классов средней школы... да ведь, наверное, даже и не закончил, так как двойку по математике так и не исправил до конца своей жизни. Дело в том, что в период, когда нужно было исправлять двойку, танец уже подхватил Махмуда и унес далеко от школьной парты и школьных забот.

Талант его был так многогранен, что я не сомневаюсь, столь одаренный человек мог бы стать великим в любой сфере человеческой деятельности. Даже и в математике, если бы жизнь его сложилась иначе и нашелся учитель, который сумел открыть ему высокую красоту этой исключительно интересной, хотя и сложной науки. Ведь для Махмуда высшим приоритетом любой человеческой деятельности была именно красота.

Следует признать, что мечта отца Махмуда была не столь уж и далека от реальности. Много лет Алисултан упрямо твердил, что его сын бросит

бесполезные и бессмысленные танцы, начнет прилежно учиться и станет судьей. Причем не каким-то рядовым судьишкой, а великим, грозным и мудрым судьей, который сумеет защитить и возвысить свой многострадальный народ.

Не сомневаюсь, что Махмуд мог стать судьей и прокурором и даже большим ученым-юристом. Внутреннее ощущение красоты и гармонии позволило бы ему добиться успеха в самых разных профессиях и науках, однако его раз и навсегда захватил танец. Тут существовало одно исключительное условие. Для профессионального танца, этого редкостного вида человеческой деятельности, у Махмуда были чудесно приспособлены не только разум и душа, но и тело. Тело Махмуда было подобно волшебной скрипке, против которой даже изделие гениального Страдивари показалось бы стандартным фабричным продуктом.

В этом человеке счастливо соединились все необходимые качества — разум, душа и тело, а в итоге возник идеальный, единственный в мире инструмент для передачи божественной красоты танца. Причем не только горского кавказского, к чему, кажется, с самого рождения приспособлен всякий чеченский мальчишка. Махмуд понимал и мог во всей полноте передать красоту танца любого народа земли. Неудивительно, что по этому пути он и пошел в своей жизни и творчестве.

И время было для этого подходящее. В период молодости Махмуда Чечня была настоящим букетом из различных национальностей. Здесь жили ингуши и чеченцы — народы-братья, а вокруг и рядом — русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, азербайджанцы, евреи. Это был настоящий интернационал! И все жили в мире и дружбе.

Махмуд по самой природе своей убежденный, искренний интернационалист. Он никогда не пожелал бы добра какому-то народу или даже одному человеку в ущерб другому. Больше того, он очень интересовался самыми разными народами, их историей, великими людьми, их литературой, музыкой, искусством. Это было необходимо ему, а иначе как же он мог бы так чудесно и полно передавать самый смысл и национальный характер танца.

Тогда, это были шестидесятые годы, возникла идея (очень, по-моему, хорошая и плодотворная) проводить в Грозном дни культуры различных народов. Махмуд не только всей душой поддержал это начинание, он стал основным и совершенно неповторимым выразителем этого прекрасного и благородного дела. Именно тогда он начал создавать букет знаменитых танцев народов мира.

Надо было видеть, с каким восторгом, даже изумлением,

представители разных национальностей принимали его творчество. Многие потом говорили мне, что, мол, мы так привыкли к своим танцам, что даже перестали замечать их красоту, а вот когда гопак или молдовеняску танцевал Махмуд, мы увидели, как прекрасен и ни на что больше не похож наш старинный народный танец. Махмуд словно бы всем глаза открыл.

Это было особенное и неповторимое качество его искусства.

Большой мастер может изобразить любой танец, введя в него пару-тройку узнаваемых па — этого в принципе вполне достаточно. Так поступают многие танцоры, но только не Махмуд Эсамбаев. Он бесконечно внимательно и подробно изучал и готовил каждый народный танец. Находил и подчеркивал в нем особенную, только этому танцу присущую оригинальность и красоту. Понять и уловить эти тончайшие особенности танцевального движения позволяли его поистине фантастическое мастерство и удивительная общечеловеческая душа, в которой умещалась любовь ко всем народам земли.

Не могу представить себе ни одного другого мастера, кроме гениального ансамбля Игоря Моисеева (этот коллектив, согласитесь, воспринимается как один человек, как единый великий танцор), который с такой любовью, вниманием и точностью умел передать особенное ощущение красоты танца, присущее различным народам земли...

Сначала дни культуры проводились у нас, в Грозном. Потом праздник стал всесоюзным, и каждый год мы на шесть дней приезжали в какую-то республику и устраивали там концерты. В следующий раз уже они приезжали в гости к нам или нашим соседям и тоже привозили лучших своих деятелей искусства, певцов, танцоров, композиторов, художников, литераторов. Замечательная, скажу вам, традиция, ныне, к сожалению, утраченная и забытая...

Неудивительно, что Махмуд в то время стал очень популярным человеком. Заполучить его в свою республику, в свой дом мечтал каждый человек, но особенно старались начальники. Конечно, кому не хочется потом на работе или в кругу приятелей, как бы между прочим, обмолвиться: «У меня вчера в гостях был Махмуд Эсамбаев. Ну до чего же интересный, обаятельный человек!»

Замечу, что мало кому из начальников можно было и вправду таким визитом похвастаться.

Махмуд никогда никакого руководство особо не выделял, и если его, даже очень настойчиво, приглашали в гости, всегда находил отговорку, чтобы не пойти. Его гораздо чаще можно было увидеть в гостях, на дне

рождения у какого-нибудь старенького артиста или даже работника сцены...

Одна женщина-начальница (кажется, директор филармонии) была особенно настойчива и нашла-таки подход к Махмуду. Как-то она жалобно сказала, что вот уже год (приврала, скорее всего) ее дети со слезами просят маму познакомить их с великим Махмудом Эсамбаевым.

— Ну, раз дети, да еще со слезами, — расчувствовался Махмуд и отправился с этой женщиной к ней домой...

Дальше было вот что. Эту историю он сам рассказывал. Далеко идти не пришлось, она жила в правительственном доме. Зашли в комнату, где за столом сидели мальчик и девочка, погодки, лет шести-семи.

— Ну, дети, смотрите, кого я к вам привела! — торжественно объявила начальница. — Помните, мы говорили с вами о великом человеке?

Детишки вытаращили глаза и громко прошептали:

— Чапай!

— Что вы, милые мои! Посмотрите как следует! — попыталась исправить положение начальница. — О ком мы с вами всё время думали и говорили?

Тут я снял папаху, и они сразу узнали...

Вскочили на ноги и закричали хором:

— Ленин!!!

Когда Махмуд рассказал мне эту историю, то сам смеялся до слез. Повторял: «Великий в папахе — Чапаев! Без папахи и лысый... кто же это может быть? Конечно Ленин! Как только увидели мою замечательную лысину, так сразу и узнали!» — и снова заливался смехом...

Вспоминает народный артист России Владимир Винокур:

«С Махмудом очень много связано в моей жизни встреч и веселых историй. Помню, я иду по гостиничному коридору с друзьями, с девушками, знакомыми ко мне в номер отметить мое пребывание в Сочи и концерт, который прошел нормально. Проходим мимо открытой двери люкса Махмуда. Вдруг Махмуд говорит:

— Володя, заходи!

— Извини, Махмуд, я иду с друзьями в мою комнату.

— Никаких комнат, — говорит Махмуд, — я тебя и твоих друзей никуда не отпущу. Всё накрыто.

Махмуд возил с собой повара и каждый день накрывал стол для друзей и товарищей. В номере, конечно, всё руководство города Сочи, артисты, другие гости. Сидели до самого утра, говорил только Махмуд, все восхищались его шутками, образной речью, все мои гости были просто в

восторге.

Очень смешной случай произошел там же, в Сочи, на очередных гастролях. Собрались в моем номере в гостинице «Жемчужная». Был и Саша Розенбаум, тогда еще молодой, начинающий певец. Он расчувствовался, увидев Махмуда, и сказал: «Я хочу спеть для вас, гитары, жалко, нет». Я помчался в ресторан, с большим трудом договорился с цыганами, они дали гитару на какое-то время. Саша взял гитару в руки, а Махмуд в это время рассказывал какую-то историю. И вот мы сидели, слушали его как замороженные. И эта история длилась минут сорок. Потом мы выпили по стаканчику вина. А Махмуд говорит: «Я еще одну историю расскажу, коротенькую». И еще часа полтора рассказывал. Мы умирали со смеху, буквально рыдали, а Саша так и не притронулся к струнам, потому что все увлеченно слушали Махмуда Эсамбаева. Розенбаум часто вспоминает этот случай — как он хотел спеть, как я бегал за гитарой. Но Махмуд настолько интересно рассказывал, что не нужны были ни гитара, ни песни, ни мои анекдоты.

Махмуд за столом был королем. Но и на сцене он был король. Я помню приезд его в Курск. Там жили мои родители. Он пришел к нам на обед, поел фаршированную рыбу, очень хвалил, мама специально накрыла для него стол. Казалось, Махмуд говорил на всех языках мира. Он говорил и на еврейском, очень хвалил еврейскую кухню. Вечером на концерте между своими номерами он стал рассказывать, как он был у родителей Винокура. Мы сидели в зале: мама, я, брат, отец, и Махмуд почти полконцерта посвятил тому, как он был у родителей Винокура, как вкусно его кормили. «Вы не пробовали такой рыбы, которую делает Анна Юрьевна, мама Володи, — говорил Махмуд. — Такой рыбы я в жизни ни в одной стране мира не ел». Но самое смешное было в конце, когда он выходил в костюме с перьями, весь разукрашенный гримом, и рассказывал всевозможные байки, истории о том, как он депутатствовал и каждый день появлялся на сессиях в новом костюме. Он говорил: «Представляете, в первый день я появляюсь в Кремле в белой папахе, в белом костюме и белых туфлях, на второй день — в черной папахе, черном костюме и черных туфлях, на третий — в коричневой папахе, коричневом костюме и коричневых туфлях, а навстречу мне идет Расул Гамзатов. И, представляете, три дня он проходил в одном и том же костюме». Зал рыдал от хохота.

Мне кажется, что Махмуд был потрясающим комедийным актером. Как он умел смешно рассказывать! У людей, которые его слушали, просто истерика начиналась, что бы он ни рассказывал.

Там, где он появлялся, всегда было празднично, всегда было весело,

всегда было торжественно...»

И снова Владимир Загороднюк: «В сентябре 1996 года Махмуда пригласили в Ереван на акцию в поддержку президента Армении Левона Тер-Петросяна. У нас была солидная делегация — Аркадий Арканов, Леонид Ярмольник, Марк Рудин-штейн, Сергей Пенкин, Владимир Веревкин, Сергей Крылов и автор этих строк.

В театре оперы и балета при стечении огромного количества народа состоялся концерт-митинг, на котором присутствовали видные политики, артисты, общественные деятели, депутаты парламента.

Перед выходом Махмуд очень волновался, он никак не мог запомнить фамилию Левон Тер-Петросян. Тогда я стал ему внушать: «Махмудик, запомни, был такой шахматист, Петросян, ты его знаешь — чемпион мира по шахматам. Запомнил? Пет-ро-сян».

Только Махмуд появился на сцене, зал приветствовал его бурей оваций. Он начал свою речь с того, что он — зять всех армян, что у него жена армянка и что он уже пятьдесят лет живет под игом великого армянского народа. Раздался громовой хохот. Зал встал. Махмуд рассказал еще несколько забавных историй и, довольный, закончил: «Я вас умоляю, лучшего президента у вас не будет, поэтому голосуйте за... — повисла пауза, — голосуйте... — Махмуд оглянулся и, увидев меня в кулисах, радостно закончил: — за Ботвинника...»

Зал лег».

Не менее забавную историю вспоминает Муса Гешаев:

«У Махмуда Эсамбаева директором программы состоял Яша Миносян, армянин еврейского происхождения, а правильнее сказать, еврей с армянским прикрытием. Этот Яша решил жениться. Для того чтобы мероприятие прошло как надо и невеста Роза непременно стала Яшиной женой, нужно было заслать в семью солидных сватов. Ну а что можно тут придумать лучше Махмуда?

Для того чтобы склонить шефа к этому, совершенно неведомому для него делу, Яша предложил отправиться в Чернореченский лес, что под Грозным.

— Такие важные вопросы нужно обсуждать только в раю, — многозначительно заметил Яша.

Он был совершенно прав. Чернореченский лес — настоящий рай на земле, вернее, был таковым до того, как начались бои за Грозный.

Там, в этом раю, хитроумный Яша собрал нескольких близких друзей Махмуда и устроил шашлыки такого высокого класса, какие могут организовать только еврейские армяне или не менее уважаемые армянские

евреи.

После того как присутствующие отведали потрясающих деликатесов, Яша объявил о своем сокровенном желании — жениться на некой Розе (которую никто не видел), но все знали о том, что Яша мужчина не промах и если что-то делает, то всё у него просчитано на много ходов вперед, не хуже чем у его знаменитого земляка и соотечественника Тиграна Петросяна.

Махмуд согласился. Единственное, о чем он попросил, выделить ему в поддержку, так как он никогда до этого не проводил подобных кампаний, какого-нибудь достаточно солидного человека, который одним своим присутствием вносил бы в сватовство солидность. «Одному с таким значительным предложением и заходить как-то неудобно», — заметил он.

Такой человек нашелся среди присутствующих. Ну что может быть солиднее и надежнее капитана ГАИ? Для уверенности этот уважаемый офицер взял с собой красивую кожаную папку, в которую (в деле сватовства он, как выяснилось, тоже не имел никакого опыта) положил полосатый жезл, своего верного друга, с которым чувствовал себя настоящим богатырем.

Вот так, красивой парой, двое уважаемых мужчин вошли в квартиру, где, в кругу своих близких, проживала та самая Роза. Причем кроме них двоих в комнате не оказалось больше ни одного мужчины. В такой компании даже великая сваха Ханума, без сомнения, почувствовала бы себя неуверенно. Но тут... никаких проблем не возникло.

Женщины были в полном восторге.

Они поначалу даже не вполне верили своим глазам. И только через некоторое время убедились, что действительно видят перед собой всемирно известного танцора Махмуда Эсамбаева. Они с изумлением и восторгом пожирали глазами этого высокого, широкоплечего, прямого, как скрипичная струна, красавца мужчину, с талией 50 сантиметров (в иных источниках называются еще меньшие параметры, что возможно), в белом кавказском чекмене с газырями и умопомрачительной папахе из серебристой шкурки новорожденного бухарского барашка. Вопрос (да любой!) был решен еще до того, как Махмуд открыл рот.

Ну, а вы сами подумайте и представьте себе, что будете чувствовать, если такой человек зайдет к вам и, очаровательно улыбнувшись, предложит выдать вашу дочь не за какого-нибудь мало кому известного армянина, а за его товарища (следовательно, армянина с именем и положением). Да что тут рассуждать, вы непременно согласитесь, даже если у вас и нет никакой дочери!

Через десять минут ударили по рукам. Второму свату даже не пришлось потревожить лежащую в кожаной папке всемогущую полосатую палочку.

О, это было ни с чем не сравнимым удобством состоять другом или сотрудником самого Махмуда Эсамбаева. От такого человека как бы отражалось лучезарное сияние, исходившее от великого артиста.

— Ну, Яша, назначай свадьбу! — объявил Махмуд, выходя на улицу.

Если бы Махмуд знал, сколько еще раз ему придется заниматься такой работой для своего любвеобильного директора, он, наверное, сразу и наотрез отказался. Впрочем, как он мог осуждать такое активное женолобие, если его собственный отец женился, по его подсчетам, не меньше десяти раз?

— Благодарю вас, благодетели мои! Благодарю! — захлебнулся от радости Яша Миносян.

И гаишник, не промолвивший за всё время сватовства ни слова, подтверждая их успешную работу, солидно кивнул:

— Сопровождение обеспечим».

И еще один рассказ Мусы Гешаева — о том, как Махмуда из филармонии уволили. Однажды Махмуду позвонил председатель Совета министров Чечено-Ингушетии Муслим Гайрбеков. Как принято, в начале разговора поинтересовался делами.

Махмуд сказал, что дел у него в настоящее время нет.

— Почему? — удивился Гайрбеков.

— А меня уволили. Так что я теперь отдыхаю, книжки вот читаю.

— Ну а дальше что?

— Думаю в Москву позвонить. Попрошу, чтобы в московскую филармонию взяли на работу. Надеюсь, они не испугаются меня принять даже с такой записью в трудовой книжке.

— Какая запись?

— «Уволен за невыполнение приказа руководства и нарушение трудового законодательства».

— Круто! — согласился председатель Совмина. — Только я тебя попрошу, Махмуд, ты пока никуда не звони, мы все уладим.

Утром было собрано правительство, и там директору и художественному руководителю филармонии предложено было отчитаться.

В заключение Гайрбеков спросил, правда ли, что они уволили из филармонии Махмуда Эсамбаева.

Выяснилось, что действительно уволили.

— Ну а сами на сцену выйти сможете, чтобы его заменить? — спросил

руководителя филармонии и худрука председатель правительства.

На этот вопрос ответа не было.

Приказ об увольнении Махмуда Эсамбаева отменили, зато уволили обоих инициаторов увольнения.

На другой день к Махмуду пришел просить за сына (худрука) его отец, старый уважаемый музыкант.

После этого разговора Махмуд позвонил председателю правительства и попросил худрука не увольнять.

— Что, уже забыл обиду?

— Кто не умеет прощать — тот не человек, — сказал Махмуд.

— Что ж, так и запишем, — согласился Муслим Гайрбеков. Худрука восстановили.

*

Однако не всегда Махмуд веселился и смешил людей и устраивал для них разнообразные приятности. Если что-то ему не нравилось или вызывало гнев, он становился острым и неотвратимым, как булатный кавказский кинжал.

Хажбикар Боков поведал историю о рискованных шуточках Махмуда, свидетелем которой он был:

«Как-то на праздничном банкете в горкоме партии, куда он был приглашен в качестве свадебного генерала (а я присутствовал по долгу службы), ему довелось сидеть во главе стола рядом с одной заслуженной женщиной.

Когда пришло время объявить тост, первый секретарь горкома, взявший на себя роль тамады, проявил галантность и предоставил слово «...нашей замечательной боевой подруге».

Женщина эта, толи не была готова сказать достойный тост, то ли таковым был на самом деле ход ее мыслей, резко встала, подняла бокал и, как на экзамене, отчеканила: «Пью за партию, которая меня воспитала!»

Возникла неловкая пауза... и не только потому, что тост оказался для кавказцев непривычно кратким...

Тут поднялся Махмуд, сидевший рядом с этой заслуженной женщиной. Он вытянул руки по швам и, сурово глядя в потолок, запел: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов...»

Тут уж вовсе гробовая тишина повисла...

К счастью, тамада наш оказался умным человеком и очень вовремя

засмеялся: «Ну ты и шутник, Махмуд Алисултанович!» Следом облегченно вздохнули и засмеялись остальные.

Веселились от души. Я тоже смеялся, хотя при этом не переставал ежиться. Случись такое несколько лет назад, и не только Махмуду, но и всем нам было бы не до смеха. Впрочем, даже сейчас мало кто отважился бы так пошутить. Да, с ним никогда не было скучно, хотя иногда... бывало страшновато...

Вообще Махмуд был человек очень большого масштаба, и он сам это прекрасно понимал.

Махмуд знал себе цену и никогда не кланялся тем, кто имеет большую власть и богатство. Он всегда был готов поделиться всем, что имел, с теми, кто нуждался. Он очень трогательно и с нежностью относился к старикам, которых многие тогда (а особенно сейчас) считали бесполезным балластом не только в государстве, но и в семье.

Люди очень чувствовали его отзывчивость и всегда единодушно голосовали за него, выбирали депутатом.

Он не отказывался. Но это была, может быть, самая трудная для него работа. Дело в том, что каким бы ты ни был уважаемым человеком, но всем, кто нуждается в твоей помощи, ты никогда помочь не сможешь. Кому-то поможешь, но не всем. Далекое не всем.

И вот это свое бессилие Махмуд очень сильно переживал. Я это прекрасно знаю, потому что он много, много раз говорил мне об этом с великой горечью. И я совершенно уверен, что эта невозможность помочь всем нуждающимся отравляла его жизнь и накапливалась в нем тяжелой отравой. Для него это было слишком тяжелой нагрузкой.

Депутатская работа, я думаю, намного сократила его жизнь».

Муса Гешаев в книге «Великие чеченцы» рассказывает еще об одной дерзкой выходке артиста: «Весной 1976 года я с Махмудом прогуливался по ночному Грозному — его любимому городу. Это был тогда один из самых зеленых и красивых городов Северного Кавказа. Особенно ярким был его центр, залитый огнями, утопающий в зелени и цветах. Приезжая домой после многомесячных гастролей, Махмуд любил пройтись по центральному проспекту Грозного. Мы шли с ним и говорили, как всегда, о работе и будущих гастролях. Прохожие улыбались, узнавая Эсамбаева, останавливались и смотрели нам вслед.

Вдруг видим: навстречу идет секретарь Чечено-Ингушского обкома партии, с именем которого был связан беспредел, творимый в Чечне. Этот человек имел в республике неограниченную власть. По его указанию могли кого угодно снять с любой должности, арестовать и упрятать в психушку.

Поравнявшись с нами, он остановился и, как-то излишне широко улыбнувшись, сказал:

— Здравствуйте, Махмуд Алисултанович. Вы знаете, что сегодня у всех нас большой праздник?

— Какой праздник? — озадаченно спросил Махмуд.

— Что, еще не знаете?! Убили Хасуху Магомедова!

— Дай бог, чтобы на его месте оказались вы! — не задумываясь, выпалил Махмуд.

— Вы не поняли... Он же абрек. То есть бандит.

— Тогда тем более я бы хотел, чтобы вы заняли его место, — повторил невозмутимо Махмуд.

Секретарь обкома сверкнул глазами, как будто говоря: «Ну, смотри, ты дорого заплатишь за эти слова!» — и резко, повернувшись, ушел.

Я был в ужасе, думал: «Все, конец Махмуду!»

Но, видимо, с разной высоты мы смотрели на дела. Если я мог охватить только Северный Кавказ, то горизонты Махмуда были безграничны. С его высоты этот партийный бонза, гроза жителей республики, был не больше и не страшнее мошки.

Махмуд, естественно, знал, как ненавидят у нас этого партийного выскочку, потому так резко говорил с ним. Мне же казалось, что моему старшему другу теперь несдобровать, несмотря на его громкую славу.

— А кто такой Хасуха? — спросил он меня.

— Ты что, даже не знал, о ком речь?!

— Нет, не знал. Просто я давно хотел поставить на место эту свинью.

— Хасуха — семидесятилетний старик, скрывавшийся в лесу почти сорок лет, с тех пор как всех нас отсюда выселили, — начал рассказывать я. — Это последний абрек. Уже тяжелобольной, понимая, что умирает, он пришел на кладбище в село Асланбека Шерипова в Шатойском районе. Хотел приготовить себе могилу. Там его и убили.

Махмуд некоторое время молчал, затем достал платок и вытер слезы. Настроение и вечер были испорчены.

Так переживал гибель незнакомого ему старого чеченца человек, покоривший своим искусством весь мир. Это Махмуд, которого я знаю именно таким, полным достоинства и чутким к чужому горю»...

О своем творчестве Махмуд умел сказать удивительно точно и коротко. Оно служит прежде всего красоте и доброте и направлено против насилия и зла. «Какой бы танец я ни исполнял, а их в моем репертуаре около тридцати, всегда стремлюсь показать то, что соединяет людей. Доброта — дорога к миру на планете, преодоление зла, в каком бы обличье

оно ни выступало».

И еще из воспоминаний Мусы Гешаева:

«Случалось, Махмуд плакал. Бывало, плакал от умиления, от непередаваемой словами небесной красоты. Например, когда видел «Умирающего лебедя» в исполнении Плисецкой.

Но случалось, плакал и от бессилия. Когда, например, не мог помочь хорошему человеку. Бывало и такое в его жизни...

Так было, когда он пытался снять обвинение в получении взятки с хорошо знакомого ему человека Хажбикара Наурбиева. Махмуд знал этого человека, заместителя директора Чечено-Ингушской филармонии, как своего брата. Он не сомневался, что деньги в его стол подложили враги.

С этой неколебимой уверенностью он пришел к прокурору и сказал, что Наурбиева не нужно обвинять и судить. Что он, Махмуд, жизнью своей готов поручиться за этого человека. Не Хажбикара надо судить, сказал он прокурору, а тех мерзавцев, которые подкинули деньги. И сделать это будет не трудно. Он, Махмуд, готов прямо сейчас назвать фамилии людей, которые не только хотели, но и могли это сделать.

Прокурор артистов вообще-то не любил.

Махмуда по его просьбе он принял. Очень уж известный не только в Грозном, но и вообще в стране человек, к тому же депутат. Но позволять какому-то плясуну учить прокурора Чечено-Ингушетии, что и как ему делать, он, конечно, не мог.

Он прямо так и объяснил, что он, прокурор, не позволяет себе приходить на репетиции Махмуда Эсамбаева и давать советы, как ему нужно плясать лезгинку.

— Вот и вы, уважаемый, избавьте нас от ваших советов! — закончил он свою не очень длинную, но энергичную речь.

«Плясун», однако, оказался человеком невоспитанным и чрезвычайно упрямым. Он продолжал объяснять прокурору (!!!), что они хотят осудить невинного человека.

Нормального разговора не получилось. Прокурору пришлось даже вызвать помощников, чтобы они едва ли не силком вытеснили этого Эсамбаева из кабинета.

Напоследок «плясун» сказал пару таких слов, что прокурору сразу захотелось отпустить этого неведомого ему взяточника Наурбиева и поместить на его место нахального «плясуна».

Одним словом, вмешательство Махмуда оказалось не только бесполезным, но даже вредным.

Хажбикара осудили на полную катушку. Десять лет!

Тогда Махмуд плакал. Плакал, не скрываясь. Но борьбы не прекратил и отправился в Москву. Здесь прокуроры отнеслись к нему с гораздо большим вниманием. Они не считали его неким заурядным плясуном, а великим артистом, и, прислушавшись к его доводам, направили дело на пересмотр.

Несмотря на яростное сопротивление оскорбленного грозненского прокурора, дело пересмотрели и Хажбикара выпустили на свободу. Просидел он всего одиннадцать месяцев.

Но что такое одиннадцать месяцев тюрьмы для человека ни в чем не повинного и к тому же никогда не сидевшего в тюрьме?!

Возмущенный подлым наветом и несправедливым судом, Хажбикар Наурбиев постоянно устраивал протесты и голодовки, а всё это нарушение режима. Потому получилось, что в течение всего своего срока Хажбикар не выходил из штрафного изолятора.

Одиннадцать месяцев тянулись для него, как одиннадцать лет.

На свободу он вышел больным и буквально через месяц умер...

Ну и что тут можно сказать? Хотя бы умер свободным человеком с неопороченным, честным именем.

На похоронах Махмуд плакал».

*

В своих бесконечных гастролях Махмуд бывал в самых дальних краях страны. Выступал на Сахалине, Камчатке, в Магадане, и везде он бывал не раз. Всякий раз, приезжая в Магадан, Махмуд спешил в гости к своему любимому Вадиму Алексеевичу Козину.

Старик жил в тесной квартирке более чем скромно. Половину помещения занимало старенькое дребезжащее пианино, заваленное печатными и рукописными нотами. Величайший мастер романса и в старости продолжал петь и сочинять.

О прошлой жизни говорил просто и без особой горечи:

— Безнравственные люди отправили меня на край света и решили, что так они вычеркнут меня из жизни. Только выяснилось, что их собственная жизнь закончилась много раньше, чем моя.

Махмуд не удержался и попросил старика спеть «Осень».

— Ах эта осень! Неужели она так и будет преследовать меня до самой могилы! — с комическим ужасом спросил старый певец... но всё же запел: — Не уходи, еще не спето столько песен, еще звучит в гитаре каждая

струна...

В слабом, старчески дрожащем голосе слышно было столько искреннего сердечного чувства, что Махмуд, не скрываясь, плакал.

Да, теперь уже невозможно было сомневаться, что этот старик был некогда тем самым «королем романса» и тысячи поклонниц не давали ему выйти из театра.

Голоса уже нет. Но сердце поет, поет по-прежнему...

Махмуд не уставал спрашивать старого певца о том, как складывалась его жизнь в последние годы, и удивлялся тому, что «король романса» не хочет возвращаться в большой мир.

— Мне не нужна слава, — искренне отвечал Вадим Алексеевич Козин. — А музыка до последнего часа будет спасать меня от одиночества. Ко мне приходят молодые ребята, приходят солдатики, я с удовольствием пою для них. Они, конечно, не верят, что я когда-то был знаменит... да я и сам в это уже не верю, но слушают они меня хорошо, и мне больше ничего и не нужно.

Когда Махмуд стал настойчиво уговаривать старика выступить в концертах вместе с ним, Козин благодарно улыбнулся и сказал:

— Бесплезно, дорогой Махмуд. Поезд мой слишком уж долго стоял в тупике. Зачем мне возвращаться в большой беспокойный, шумный мир, где у меня не осталось ни одного родного человека и где меня забыли лет двадцать назад... — И тут же предложил выступить вместе для здешних молодых ребят и солдатиков, которым для полноценной жизни очень не хватает красоты...

И они ехали вместе. Они выступили в воинских частях, лагерях, колониях и рудниках, и всюду вокруг были молодые лица, и старик Вадим Алексеевич Козин радостно говорил Махмуду, что чувствует себя помолодевшим на пару десятков лет.

Вообще отношение Махмуда к людям, попавшим за решетку, было особым. Он считал, что им особенно нужна помощь, и не столько продуктами и одеждой, сколько верой и красотой.

К этим людям у него было чисто народное — жалостное и сочувственное отношение.

«От тюрьмы да от сумы не зарекайся, — говаривал он. — Вот гляжу на их стриженные головы. Тело у них в неволе, но ду-ша-то... душа всегда свободна... Решетка между нами. Мы по одну сторону, они по другую. А небо у всех одно и душа одна. Ей необходима музыка, поэзия, песня... Я выходил на сцену и видел, как им нужен мой танец. После я говорил с ними по душам. Рассказывал о своем детстве, о горах, о страсти к танцу, о

том, как ругали меня в школе учителя за то, что плохо учился... Видел, как меняются лица. Они тоже вспоминали детство...

Я говорил, что споткнуться может каждый, но человеком называется тот, кто после падения найдет силы подняться. «Просите, чего вам надо», — говорил им я. Начальству это не нравилось. Начальники напоминали мне, что здесь так нельзя, что все должно проходить через них и они должны читать все записки.

Я просил их не забывать о том, что я депутат и имею право. Да и не пришлют заключенные записку с просьбой помочь им убежать. Даже если и напишут, я в этом помогать не стану.

Я просто хочу поддерживать их связи с жизнью.

— Вот смотрите, — показываю начальству свежие записки. — Вот парень пишет, ему двадцать лет, просит позвонить девушке, спросить, почему она не пишет... у них любовь была. Надо, чтобы она не прерывалась. Без любви человеку нельзя, особенно здесь.

Вот другой... просит найти его родителей. От них ни слуху ни духу. Живы ли они? Неужели нельзя узнать?

Этот просит, чтобы прислали теплые вещи. Кашель у него...

Все они, эти люди, мои братья и мои дети. Чистых и правильных любить легко. Вы вот таких попробуйте полюбить...»

Не раз обращался Махмуд в Минкульт с предложением создавать и направлять в места заключения полноценные бригады артистов.

Минкульт обещал подумать, но пока думал — держава развалилась.

*

Позволю себе одно небольшое авторское отступление. Я познакомился с Махмудом Эсамбаевым зимой 1978 года, при несколько необычных обстоятельствах. Тогда Махмуд приехал в Грозный из Москвы и прогуливался по площади Ленина, что любил делать во время своих визитов. Я же, старшина милиции, именно в этот день заступил на дежурство у поста номер один, возле памятника В. И. Ленину.

И вот я вижу — по улице идет Махмуд Эсамбаев в своей знаменитой папахе. Думаю, как жалко, что я на посту, иначе обязательно бы подошел и сказал, как я люблю его танцы и горжусь, что он — чеченец.

Вдруг Махмуд поворачивается, подходит ко мне и моему напарнику Эли Мугуеву, здоровается. Мы соответственно представились ему как депутату Верховного Совета СССР. Доложили, что за время нашего

дежурства на посту происшествий не было.

Он пожал нам руки и спрашивает:

— Холодно? Замерзли, наверное?

— Нет! — отвечаем бодро, хотя на самом деле промерзли до костей в своих тонких шинельках. Зима в том году была не по-южному суровой и морозной.

— В каком подразделении служите? Кто у вас командир?

— Подполковник Гарнушкин Владимир Александрович, — докладываем.

— Вот я пойду и попрошу министра, чтобы он вашего Гарнушкина заставил отстоять тут полную смену на морозе в осенней шинельке и ботиночках, а потом спрошу у него, как он себя чувствует. Интересно, что он мне ответит?

На этом наш разговор закончился.

Не прошло и часа, как на пост номер один подъехало всё начальство охраны общественного порядка МВД ЧИАССР во главе с полковником милиции Шахрутдином Гавгаевым, подполковником Гарнушкиным и работником хозяйственного отдела, который привез тулупы из овечьего меха и утепленные сапоги.

Полковник велел нам переодеться и поругал нас за то, что никто не доложил ему, что стоять на посту в осенней форме холодно.

Ну, понятно, начальник виноватых всегда найдет.

С тех пор, по милости Махмуда, тех, кто зимой дежурил на посту номер один, одевали в теплые тулупы и меховые сапоги. И все были благодарны Эсамбаеву, который не прошел мимо замерзавших на посту милиционеров.

Следующая наша встреча состоялась уже в 1994 году, в июне.

Я летел в Москву. Так получилось, что мы оказались в одном самолете с Махмудом Эсамбаевым. Мое место было рядом с ним.

Поздоровались, и я рассказал Махмуду, как он помог всем милиционерам, которым приходилось дежурить возле памятника Ленину на морозе. Махмуд рассмеялся, вспомнив тот случай, и рассказал, что министр уже через час докладывал ему, что все милиционеры одеты в тулупы.

Спросил, зачем еду в Москву. Я ответил, что буду получать диплом в Академии МВД РФ.

— Давно хотел побывать в вашей академии, — сказал Махмуд, — тем более на вручении дипломов. Жаль, что мне нужно сегодня же вылетать в Минск. Но я, пожалуй, вылет отложу и побываю у вас.

Он довез меня до гостиницы «Комета», пожелал успехов и обещал заехать на следующий день.

Как и обещал, он заехал в гостиницу, забрал нас, и мы отправились в академию. Когда министр МВД Ерин вручал дипломы, Махмуд стоял рядом с ним. Потом Махмуд пригласил нас сфотографироваться вместе с ним (эта фотография помещена в книге). После фотографирования нас пригласили в кабинет начальника Академии МВД РФ генерал-лейтенанта Алексеева, где присутствовал и министр внутренних дел России. Махмуд рассказал им историю нашего знакомства. Здесь, в этом кабинете, был решен вопрос о допуске меня к экзаменам для поступления в адъюнктуру Академии МВД.

После этого мы встречались с Махмудом довольно часто, до самой его смерти. Это был совершенно удивительный человек. Да, прежде всего он был несравненным гением танца, но при этом всегда и везде, где только мог, он старался помогать людям — всем нам неплохо бы в этом быть похожими на него.

В 2009 году Махмуду Эсамбаеву исполнилось бы 85 лет. В память об этом великом человеке координационный совет Ассоциации чеченских общественных и культурных объединений организовал и провел концерт в Центральном концертном зале «Россия». Зал, рассчитанный на 7500 мест, с трудом вместил всех желающих: земляков, друзей, молодежь, людей, помнящих и любящих творчество великого артиста. Одних только участников Великой Отечественной войны и ветеранов труда было около восьмисот человек!

*

Снова вспоминает Николай Иванович Семенов: «Как Махмуд Эсамбаев работает, это надо было видеть! Как-то я специально на одну из репетиций к нему пришел. Хотелось посмотреть, что это такое — подготовка к танцу.

Я не знаю, сколько же сил нужно иметь! За одну репетицию, часа четыре она шла, он четыре тренировочных костюма поменял. И каждый нужно было выжимать. Вот как работал! Но об этом мало кто знал, даже из его коллег артистов. Они, как и зрители, считали, что танец для Махмуда естественное состояние и никакого труда не представляет. Отчасти — это правда. Танец действительно был для него естественным состоянием, но для того, чтобы судить о праздничной легкости его жизни, надо было хоть разок посетить такую репетицию.

А он, между прочим, не очень-то к себе на репетиции людей пускал. Зачем? Он считал, что об этой черной работе никому, кроме него и близких, знать не положено. Все должны видеть именно красоту и невесомую легкость танца. «Плох тот артист, — говорил Махмуд, — который показывает, как трудно дается ему танец».

— Да, Махмуд, — сказал я ему. — После такой работы неплохо было бы несколько дней отдохнуть.

Ну, посмеялись, а ведь вот даже и сейчас не могу сказать, как он отдыхал. Просто не представляю. Всегда и везде вокруг него кружились люди. Было, правда, несколько случаев, когда мы отдыхали вместе. Вернее, отдыхал я, а он к нашему семейству иногда ненадолго присоединялся.

Поскольку у меня радикулит был хронический, то французская мазь, которой лечил меня Махмуд, помогала в острых случаях, снимала боль, но полностью излечить не могла. Я ездил отдыхать в Мацесту и принимал там знаменитые лечебные ванны.

Радикулит еще в 1964 году подхватил. Я тогда в Таганроге работал и приехал в Москву на 14-й съезд комсомола. Ну и отправился посмотреть репетицию военного парада. С юга-то приехал налегке, в осенних туфлях, в легком пальтишке. Два раза по три часа простоял, сильно застудил спину, после этого и начал меня мучить радикулит.

У меня 25 июля — день рождения. Так вот, чтобы его на работе не праздновать, я брал семью и отправлялся в отпуск в Мацесту в санаторий Ленина. А Махмуд, как-то так получалось, в это время приезжал в Сочи с гастролями. Он останавливался в гостинице «Светлана» на берегу моря и концерты давал в летнем дворце на Курортном проспекте.

Появляясь в Сочи, он приезжал ко мне в гости в санаторий, и мы к нему всей компанией отправлялись на концерты. Тогда я обратил внимание на то, что, окончив свой концерт, он не уезжал сразу, как делали многие другие артисты, Махмуд подходил к микрофону и начинал разговаривать со зрителями.

И вот что интересно, ведь он выступал в ином жанре, но эти разговорные продолжения концерта зрители слушали с интересом и никто никогда не уходил. Махмуд умел разговаривать с людьми, он говорил о таких вещах, которые всех интересовали. Он рассказывал о республике, о наших людях, о горских традициях, о своих зарубежных поездках и о том, как изучал танцы народов мира.

Частенько вытаскивал к микрофону своих друзей и знакомых. Не раз заставлял подниматься на сцену и меня. Как-то по-товарищески все у него получалось, естественно и просто. Было заметно, что зрители уже ждут

этих незапланированных продолжений концерта и разговоров с любимым артистом. Слушали его заворуженно.

Я даже как-то сказал Махмуду, что на афишах ему нужно писать — артист танцевально-разговорного жанра. Но он мне ответил, что мастер разговорного жанра у нас в стране только один — Ираклий Андроников.

После концерта возвращались в гостиницу. Вот такие охапки цветов и опять гости, опять Нина Аркадьевна накрывает стол и все это продолжается до поздней ночи.

В 1984 году мы в Грозном отмечали его шестидесятилетие. Торжества проходили в театре имени Михаила Лермонтова. Мы как раз недавно его построили. Махмуд нам очень помогал. Из Киева, помню, привезли с его помощью необыкновенно красивый цветной паркет. Он тогда был депутатом Чечено-Ингушской АССР, депутатом РСФСР мы его выдвинули, помнится, в тот же год, когда ему было присвоено звание народного артиста СССР.

Всё проходило очень торжественно. Запомнилось выступление Иосифа Кобзона. Он даже специально по этому случаю сочинил песню для Махмуда и ее исполнил.

Махмуд сидел на сцене в кресле, сделанном в виде королевского трона, и принимал поздравления. После Кобзона выступал Юрий Жданов — он тогда был ректором Ростовского университета, они с Махмудом дружили, — ну и много других известных людей.

Мне особенно запомнилось, что Махмуд выступил с рассказом о своей жизни и дал со сцены торжественное обещание танцевать до семидесяти лет. Это тогда людей сильно интересовало, ведь балерины и танцоры рано уходят на пенсию. Тогда Махмуд всех успокоил. И надо сказать, что свое обещание он выполнил.

В 1985 году я уехал из Грозного. Меня направили секретарем ЦК партии в Киргизию. Вот как интересно сложились наши пути. Махмуд в конце войны был сослан (вернее сказать, добровольно отправился в ссылку) в Киргизию. С этой республикой в жизни Махмуда многое связано. Там умерла в изгнании его чудесная мама Бикату. Там он нашел и успел спасти от смерти своего отца, там много лет проработал в республиканском оперном театре и стал профессиональным танцовщиком.

Я из Чечни тоже туда отправился, но это было партийное назначение.

И вот демонстрация во Фрунзе. Октябрьские праздники. Стою на трибуне. Проходит по площади театр оперы и балета, и вдруг смотрю, глазам не верю — Махмуд!

Вот радость-то!

Сразу после демонстрации он подошел к нам с Валей. Валя — это моя жена, она, как и я, очень Махмуда любила. Оказалось, что он приехал на гастроли один, без Нины. Договорились собраться через пару часов у нас на служебной даче.

Замечательная была встреча, правда, народу было много. Я ведь заранее пригласил многих сослуживцев. Ну, и разошлись мы только во втором часу ночи. Махмуд всех очаровал. Он говорил, выступал, произносил замечательные тосты, даже пел. И вот что удивительно, почти всё, что было на столе, осталось нетронутым. Валюша моя по этому поводу сильно расстроилась, она ведь все наготовила, а люди, буквально позабыв обо всем, смотрели на Махмуда и слушали, вместо того чтобы есть. Ну ладно Махмуд, он всегда очень мало кушал и совершенно не пил. Формально бокал вина перед ним стоит, и он его весь вечер пьет.

Чего только он нам тогда не рассказывал. И о Париже, и о разъездах по США, и про то, как настоящий колдун его бразильским танцам учил, и про свои бесчисленные поездки по нашим республикам. Он мог бы рассказывать сутками, и все готовы были его сутками слушать. Ведь он кроме таланта рассказчика в полной мере обладал даром пародиста. Ему не составляло труда изобразить любого известного человека и говорить, и даже петь голосом Утесова, Магомаева. Клавдию Ивановну Шульженко, Иосифа Кобзона... да кого угодно он мог изобразить очень смешно и похоже. Неудивительно, что при таких талантах он всегда и везде сразу становился душой компании. Все, кто участвовал в застолье с Махмудом, удивленно говорили потом, что просто не заметили, как пролетело время.

Махмуд любил поговорить на серьезные, философские темы с людьми, настроенными на такую же волну. У меня был друг — народный художник Российской Федерации Николай Яковлевич Бут из знаменитой студии баталистов имени Грекова, замечательный портретист. Он приехал на Кавказ работать над серией полотен «Земля и люди Чечено-Ингушетии». Так вот, первая картина из этой серии был портрет Махмуда Эсамбаева. Кстати, это замечательный портрет, самый выразительный, по-моему, из всех, какие я видел.

Он написал его за несколько сеансов. Каждый сеанс длился три-четыре часа, и в течение всего этого времени они постоянно беседовали. Их разговоры были непростые. Оба любили размышлять о серьезных вещах, так что диалоги эти были поистине философскими. Они и потом при встречах вели такие разговоры. Как жаль, что тогда я даже и не подумал о том, что это следует записать. Хватился только в 1989 году, когда Николай Яковлевич умер. Скоропостижно. Ехал на работу и в троллейбусе

умер. А ведь был могучий человек, настоящий богатырь. Даже и в голову не могло прийти, что такой человек уйдет из жизни внезапно, в расцвете сил.

Да ведь и все те беседы, которые Махмуд вел со зрителями после концертов, не были легкой болтовней. Это серьезные размышления об искусстве балета и древних корнях народного танца, о том, почему всё это так нужно и дорого людям. Однако профессиональные темы в разговорах со зрителями были далеко не главными. По большей части Махмуд делился с людьми своими размышлениями о жизни.

Хорошо помню его размышление по такому важному вопросу, как личная свобода.

— Вот меня часто спрашивают о свободе. И говорят, что это главное, без чего невозможно жить, — рассуждал Махмуд. — Все требуют свободы, и никто при этом не задумывается, что же это за понятие такое, за которое люди готовы и свою жизнь положить, и чужую отнять. Но, прежде чем биться за свободу до смерти, надо понять, что ты хочешь получить в результате борьбы. Для этого нужно хоть раз в жизни спросить себя: что такое свобода? Ваша свобода может быть настоящей только в том случае, если она не ущемляет моей свободы и свободы всех остальных людей. Стоит об этом задуматься, и сразу становится ясно, что полная и ничем не ограниченная свобода — это блеф и обман. Свобода — всегда понятие относительное и очень деликатное.

Мысли Махмуда были наполнены глубокой жизненной мудростью. Понятно, что все это было далеко от теории и научности. Это была настоящая и очень глубокая философия жизни. Причем, это следует отметить особо, философия эта была наполнена радостью. Махмуд был искренним оптимистом, неудивительно, что размышления его встречали искренний отклик зрителей.

Я-то думаю, что это происходило потому, что он очень любил людей, любил свое искусство и стремился максимально отдавать себя тому, что делал на сцене, вне зависимости, танцевал он или разговаривал с людьми.

Когда я был переведен из Киргизии в Москву, наши встречи с Махмудом и взаимные семейные визиты должны были стать регулярными (по крайней мере, я на это надеялся), но получилось по-другому. Как раз в это время началась смута и вся наша жизнь начала разваливаться на глазах.

Мы, конечно, встречались, особенно в первое время, он жил тогда на Малой Грузинской, и я туда несколько раз приходил.

Потом мы встретились на его семидесятилетиях.

Отмечали этот юбилей в Центральном концертном зале в России.

Махмуд тогда выглядел неплохо, был крепок и весел и, казалось бы, ничего плохого не могло быть впереди, хотя жить ему оставалось уже немного.

Надо сказать, что свое обещание, данное на шестидесятилетием юбилее в Грозном — танцевать до семидесяти, он выполнил безупречно...

Ну, а потом, как я уже сказал. Меня перевели из Киргизии в ЦК КПСС заведующим сектором Средней Азии и Казахстана, и почти сразу начались смутные времена. Жизнь наша стала такой, что утром, придя на работу, никто не знал, что будет с ним вечером.

Потом и сама КПСС развалилась, а всех нас выбросили на улицу. Причем никакой возможности устроиться на работу не было — кому нужны были прожженные партократы? А у меня семья. И столько было раньше друзей. Где они все? Можете представить мое состояние. Так что в эти тяжелые времена мы с Махмудом не встречались. Очень об этом жалею. Он ведь в это время тяжело болел.

Полгода я сидел дома без работы. Телефон молчит. Самому звонить неудобно, поймут, что о помощи прошу. Под конец жизни превращаться в просителя не хочется. Душа не позволяет.

Только Махмуд и звонил. Каждый разговор с ним тогда становился праздником для меня.

Следует заметить, что и у него тогда тяжелое было настроение. В Чечне, по сути, уже шла война. Махмуд из-за этого очень переживал. Я просил его не расстраиваться и говорил, что постоянные заботы кого угодно сведут в могилу, да и чего расстраиваться, когда не в твоих силах изменить ситуацию.

— Забот не имеют только те люди, кому всё в жизни безразлично. Я, например, без переживаний не могу. Характер чеченцев надо знать, — отвечал мне Махмуд и рассказал старинную притчу.

Она так крепко запомнилась мне, что я и теперь могу рассказать ее наизусть. Вот эта история:

— В давние времена чеченские юноши, собираясь в отряды, угоняли табуны лошадей и стада коров у князей, живших в других местах. Надоело это князьям, собрались они и порешили: поставить над чеченцами князя, породниться с ним и с его помощью прекратить набеги на свои земли. Все эти князья пришли к чеченцам и стали убеждать их избрать себе князя, но народ не пожелал этого, и князья ушли ни с чем.

Обо всем этом прослышал кумыкский князь Шамхал Тарковский и объявил:

— Хочу проверить, насколько сметливы и умны чеченцы, если им и князь не нужен. Приглашаю к себе в гости самых известных мужчин.

Собрались человек десять чеченцев и поехали к нему по его приглашению. Хорошо их встретил Шамхал Тарковский. Попировали они, и затем князь сказал:

— Я задам вам один вопрос: «Кто отягощен заботами, а кто не знает забот?» Если не хотите ответить сразу, то можете оставаться у меня десять дней. Всё это время вы будете жить в лучших комнатах, и за вами будут ухаживать так, что вы ни в чем не будете нуждаться. Тому же, кто правильно ответит на мой вопрос, я подарю вот эту золотую саблю, — сказал Шамхал Тарковский и повесил на ковер саблю.

Согласились чеченцы и начали думать. День проходил за днем, а прийти к согласию они никак не могли, потому что каждый давал такой ответ на вопрос, который другие отвергали. Вот уже и последние дни настали.

Тем временем сын одного из этих мужчин решил проведать отца и прибыл к ним. Это был юноша лет пятнадцати.

Узнал он, в чем дело, и сказал, что может дать верный ответ на вопрос Шамхала Тарковского. Мужчины обрадовались возможности не посрамить себя и сказали, очень хорошо, что ответ даст безусый юнец. Затем они спросили его об ответе, и когда он рассказал, все мужчины признали ответ правильным. Пришли они к князю, и самый старший из мужчин сказал ему:

— Ты нам предложил такой вопрос, на который у нас может ответить любой мальчик. Вот послушай, что скажет этот юноша.

Юноша ответил:

— Заботами обременен тот, кто желает быть в числе лучших людей, забот не имеет тот, кому всё в жизни безразлично.

Снял князь саблю со стены и подарил юноше. И понял Шамхал Тарковский, почему чеченцы обходятся без князей.

Чеченцы больше всего на свете ценят свободу, — закончил Махмуд, — а управлять ими нужно не силой, а добротой и разумом.

Вот он рассказал мне эту притчу, а я сразу подумал, что история про него самого...

*

Как-то, выступая с концертом в Ленинграде, Махмуд после исполнения очередного танца не ушел переодеваться, а взял микрофон и заговорил.

Это были размышления о жизни. Он вспомнил, как недавно, в какой уже раз, побывал в Царском Селе. Тут нельзя было не задуматься — что получилось бы, к примеру, из него, Махмуда Эсамбаева, если бы он рос не в маленькой пригородной деревушке на Кавказе, а тут, среди чудесных дворцов, статуй, и гулял бы по тропинкам волшебного парка? Если бы учился в Царскосельском лицее, где все было продумано до мелочей. И древние языки, для глубины знаний, и великая литература всех времен и народов, и в то же время спорт (фехтование, танцы), а летом в деревне на каникулах к этому богатству и народный язык, песни, сказки, хороводы за околицей добавлялись...

Так и нужно готовить элиту государства.

Но у него была другая жизнь, в которой всему приходилось учиться самостоятельно. Пас овец. Карабкался по крутым тропинкам, поднимался на скалы, купался в ледяной воде горных рек. И танцевал, танцевал... буквально с четырех лет. Уже тогда умел встать на пальцы босой ноги и сделать несколько оборотов, подняв другую ногу к самому уху...

Да, молодость прекрасна, но прекрасна и вся жизнь до самого последнего дня, а порой трагически прекрасна...

И тогда сразу вспоминал про Моцарта. Махмуд не верил в его отравление — ну не нужно это было благополучному маэстро Сальери, которого тогда знали и ценили гораздо больше, чем Моцарта. О том, что произойдет через столетие, ни Сальери, ни Моцарт знать не могли.

У Моцарта была тяжелейшая болезнь — склероз почки. Точно как у любимого эсамбаевского прозаика — Михаила Булгакова. Когда почки перестают работать, все признаки отравления налицо и со стороны вполне может показаться, что несчастного отравили.

Но «черный человек» к Моцарту несомненно приходил. И заказал реквием.

Это знак!

Знак того, что ты призван и отмечен на самом верху... на небесах...

Но не на земле.

На земле Моцарт был похоронен в неведомой могиле для нищих...

*

В 1980 году умер Высоцкий.

Прежде чем уйти, он тоже создал свой реквием.

Узнав о смерти Высоцкого, Махмуд плакал не скрываясь.

— Мне было страшно за него, — говорил он. — Всегда страшно. Трагическая душа и трагический дар.

Махмуд часто вспоминал его концерт в Грозном. Тогда на лице Высоцкого уже видна была печать близкой смерти.

Но как он пел! Словно в последний раз. Да он и всегда так пел.

Все знали тогда, что он взбодряет себя наркотиками, без этого уже не мог, просто не хватало сил.

Пережив в 1970-м клиническую смерть, Высоцкий думал, что может не бояться повторения. Ведь он там уже побывал однажды и вернулся. Сумел уйти. Теперь он уже ничего не боялся.

В тот день Высоцкий пел еще и в доме Махмуда. Начал он с баллады о депортации чеченцев (песня эта и сейчас мало кому известна). В утро ворвались на пророческих «Конях привередливых». Так Высоцкий жил в свои роковые дни. На последнем дыхании, на излете, но всё равно пел.

«Кони» тогда прозвучали потрясающе. Как прощание. Как «Реквием» Моцарта.

В те дни Махмуд и сам, похоже, начал задумываться о своем реквиеме.

Глава вторая

РУКОПИСИ ГОРЯТ

О Махмуд! Как ты всегда был красив и оригинален, как заметен везде, где бы ни появлялся! И в Москве, и в Питере, и особенно на юге, где-нибудь в бесконечно праздничной июньской Ялте...

Вот идет совершенно удивительный, ни на кого не похожий, человек в светлом костюме-тройке. Жара даже тут, возле моря, за 30, но на его ослепительно белой рубашке ни одной капельки пота. Такого же светлого оттенка его легкие полуботинки, на голове у него темно-коричневая папаха (глаз не видно, они затенены солнцезащитными очками), на груди одиноко и ослепительно сияет золотая звезда Героя Социалистического Труда. Человек идет спокойно, неторопливо и как-то непередаваемо красиво, густая толпа гуляющих расступается перед ним, как малые лодочки перед роскошным океанским лайнером.

Так выглядел обычный выход в мир народного артиста СССР Махмуда Эсамбаева...

Асланбек Аслаханов: «Помню, был случай в Крыму. Махмуд шел по набережной Ялты, как всегда, в элегантном белом костюме и неизменной папаше. Вдруг подбегает к нему какой-то молодой человек, срывает папаху и... но Махмуд, он, видимо, почувствовал заранее, когда парень только схватил папаху, мгновенно развернулся и, как этот американский робот в знаменитом танце «Автомат», ударил ногой. Не ожидавший такого ответа парень выронил папаху. Пока он поднимался, какие-то проходившие мимо мужчины скрутили грабителя. Вскоре подросел и милиционер.

Махмуд спросил неудачливого грабителя: «Зачем ты это сделал?»

Тот признался, что уже много лет является страстным поклонником Махмуда и мечтает иметь какую-нибудь вещь своего кумира. И вот сегодня, когда Махмуд проходил мимо, он не удержался...

— Ладно, ладно! — сурово оборвал милиционер. — В суде всё подробно расскажешь.

Тут Махмуд удивил всех. Он сказал:

— Отпустите его. Всё, что вы видели, было шуткой. Я уже давно обещал подарить ему папаху. Пошли.

Он взял парня за руку и повел его в гостиницу.

Милиционер и мужчины, схватившие парня, только переглянулись и пожали плечами.

Махмуд привел парня в свой номер, накормил, подарил папаху и отправил восвояси.

Вот история, свидетелем которой был я сам.

Да, Крым был любимым местом отдыха Махмуда. Очень интересно было наблюдать, как он купался. Как только Махмуд выходил на пляж, отдыхающих больше море не интересовало. Все смотрели на этого удивительного человека. Мужчину с такой стройной фигурой все видели в первый раз. Сразу со всех сторон к нему сбегались люди и просили автограф. Некоторые, у кого не было книги или открытки, просили расписаться прямо на их теле. Спокойно позагорать или поплавать ему никогда не удавалось. Но Махмуд никогда не сердился на людей.

«Они любят меня, — говорил он. — И я их тоже».

Когда началась война в Чечне, Махмуд безумно переживал. Ограбили его квартиру в Грозном. Причем грабили ее как те, так и другие, а потом и вовсе разбомбили и сожгли. Эта квартира была великолепным музеем, где хранились уникальные вещи, привезенные Махмудом из мировых гастрольных поездок. Ему везде дарили подарки. Чаще всего не простые, а сделанные руками замечательных народных мастеров. Помню, он приехал из Индии. Он показывал там «Золотого бога». Это один из самых сложных танцев уникальной индийской хореографии. Чтобы справиться с ним, приходится учиться с раннего детства много лет, да и то редко кто достигает такого уровня мастерства, когда становится способным в полной мере передать все сложнейшие нюансы этого ритуального танца бога Шивы.

В Индии периодически проводятся конкурсы танца. Махмуд был единственным иностранцем, который не только принял участие в этом всеиндийском конкурсе, но и стал его победителем. Призом в этом соревновании лучших мастеров был костюм для танца «Золотой бог». Костюм этот страшно дорогой, как говорил мне Махмуд. Он стоил больше 300 тысяч долларов. Это был приз правительства Индии лучшему исполнителю национальных танцев.

Но и без этого костюма в грозненской квартире Эсамбаева хранилось много такого, что восстановить или повторить уже невозможно. Кроме народных костюмов и сувениров там были картины Айвазовского (этого замечательного художника он очень любил), рисунки Пикассо, сделанные мастером во время танца Махмуда, и много еще поистине бесценных вещей».

«Рукописи не горят», — часто повторял Махмуд знаменитую фразу своего любимого писателя Михаила Булгакова.

Фраза эта вложена в уста одного из главных героев великого романа — мессира Воланда.

На самом деле рукописи горят!

И рукописи, и картины, и уникальные театральные костюмы, и даже статуи танцующих богов. Всё горит. Превращается в дым и пепел. В этом Махмуду довелось убедиться лично.

*

Если присмотреться, то получается, что многое из того, что связано с Махмудом Эсамбаевым, несло на себе отпечаток некой непознаваемой высокой мистики. Приведу здесь и еще один пример.

Юри Мэтью Рюнтю — искусствовед, эссеист и драматург, написал книгу «Великие немые». Главные ее герои — гениальные танцовщики Махмуд Эсамбаев, Галина Уланова и Булат Аюханов. Книга составлена из записанных на магнитофон рассказов этих великих людей.

Писатель Муса Гешаев вспоминает, что во время работы над книгой Юри Рюнтю Мэтью приезжал в Грозный. В то время в Чечне шла война, и он был взят в заложники. Когда захватившие его боевики узнали, что австралиец приехал, чтобы написать очерк о Махмуде Эсамбаеве, они отпустили его без всяких условий и вернули все собранные материалы, к которым приложили записку: «Грозный твой дом. Пиши свою книгу».

Вот фрагмент из беседы с Махмудом, записанной Юри на магнитофон: «Сколько себя помню, всегда танцевал. Три-четыре года мне было, я уже танцевал. Бесконечно и везде, где только можно было.

Мне очень нравилось восхищение людей, их улыбки и доброта. Это уже была слава. Маленькая, юная, но другой я тогда не знал, и она была хороша для меня. Были и подарки, я старался их припрятать. Отец такого не любил и мог прибить под «веселую руку».

Я не только мог танцевать, умел копировать и передразнивать и мужчин, и женщин. Я совершенно естественно улавливал все характерные особенности походки, жесты, мимику. Это стало моим хобби, но показывал я это только Паде и самым близким друзьям.

Я очень скоро понял, что это дело опасное и если некоторые люди вполне нормально и даже со смехом относятся к моим мальчишеским проделкам, то иные... так глянет... сразу понятно, убил бы, не будь вокруг столько людей...»

Вот что говорил Махмуд о семье и государстве:

«Думаю, что жизнь должна устраиваться через семью. Затем идут различные сообщества по роду занятий и только потом государство...

Любить абстрактно нельзя. Государство — понятие отвлеченное, и любить государство можно только через семью, через свою профессию, через красоту окружающего тебя мира.

Болтать о любви к человечеству легко и просто, любить реально некое человечество вообще невозможно. Абстрактно можно мыслить, но нельзя любить...»

А вот что он думал о войне и насилии:

«Я закоренелый пацифист. Никогда не соглашусь ни с каким решением через кровь. Я мирный, миролюбивый, но...

Через какую кровь прошла наша страна и в особенности мой несчастный народ!

Если глянуть в прошлое, просто удивительно, как же мало я знал о том, что происходит.

Вот, к примеру, судьба поэта Осипа Мандельштама. Я ведь этого поэта узнал совсем недавно. И поразила отчаянной смелости его стихотворения о Сталине. Неужели не понимал, что вождь такого стихотворения поэту не простит, будь тот хоть всемирно признанный гений?

Тогда же узнал и о сталинском холуе, писателе Петре Павленко, авторе сценария киноэпопеи «Падение Берлина» и многих толстых романов. Это ведь он поспешил написать рецензию-донос на Мандельштама. Понятно, не он, так кто-то другой постарался бы услужить, Иуд-добровольцев во все времена хватает, но если бы не этот Павленко, то Мандельштаму хотя бы еще год-два жизнь могла подарить, а нам немало замечательных его стихотворений...»

А ведь и сам Махмуд Эсамбаев был близок к тому, чтобы повторить трагическую судьбу поэта Мандельштама. Он спасся только чудом. Та же рука, что без трепета подписывала расстрельные списки на сотни тысяч безвинных людей, взяла синий карандаш и начертала на письме жены Махмуда Нины Аркадьевны: «Освободить».

Это чудо, но оно было.

Лагерь Бурулдай, откуда мало кто выходил живым, открыл для Махмуда свои ворота, заплетенные колючей проволокой...

Да, Нина Аркадьевна, это нужно отметить еще раз — особая удача в жизни Махмуда. Недаром более чем пятидесятилетняя совместная их жизнь прошла в нерушимом согласии и любви.

О том, как любил Махмуд свою «лучшую половину», мог бы рассказать только он сам. Однако он, большой любитель поговорить на

любые темы, о своей семье почти никогда не рассказывал, а если спрашивали, отделялся шутками. Но были случаи, когда трогательная нежность к супруге открывалась друзьям порой самым неожиданным образом.

Об одном случае рассказывает Владимир Загороднюк в своей книге «Маленькие тайны гордого Махмуда»: «Николай Караченцов, известный и популярный артист театра и кино, как-то раз пригласил нас с Махмудом в театр Ленинского комсомола на премьеру пьесы «Songy» режиссера Глеба Панфилова. Спектакль имел бешеный успех, а на сцене было всего два человека. Но каких! — Инна Чурикова и Николай Караченцов. Мы сидели в ложе на самых почетных местах. Пьеса была очень смешная, зал постоянно взрывался хохотом и аплодисментами.

И надо же было такому случиться, что Махмуд забыл дома очки. И, естественно, ничего не видел, а потому плохо слышал, что происходит на сцене. После очередного взрыва смеха или аплодисментов он толкал меня локтем в бок и шептал: «Что там происходит, чего все смеются?» Я старался, по возможности, рассказать, но не успевал за ходом спектакля. Это его раздражало, и в антракте он мне сказал, что ничего не понимает и потому надо уезжать к Арчилу Гомиашвили в ресторан «Золотой Остап», там сегодня очередная телесъемка и ему нужно обязательно быть.

— Махмуд, — возразил я, — как же мы уйдем? Во-первых, Коля нас пригласил, посадил на свои места, просил после спектакля не уходить. И, во-вторых, Глеб Панфилов накрыл стол в твою честь и ждет тебя.

— Нет, нет, уходим, — настаивал Махмуд. — Я ничего не вижу и ничего не понимаю, я больше не выдержу.

— Подожди, Махмуд, ну давай хоть что-нибудь придумаем, ну не можем же мы уйти посреди спектакля, нас неправильно поймут.

— А что мы придумаем?

— Знаешь что, — предложил я, — давай скажем, что Нина Аркадьевна заболела и потому мы должны уйти.

— Точно, Володя, пошли за кулисы быстрее.

Мы зашли в гримерную. Махмуд преподнес Чуриковой прекрасную чайную розу. Долго рассыпался в комплиментах. Глеб Панфилов сделал фото на память и пригласил после окончания спектакля к столу, чтобы отметить премьеру. И тут Махмуд запричитал:

— Глебушка, Коленька, не могу, извините ради бога, Нина Аркадьевна заболела. Мы сейчас должны уехать, приедем как-нибудь в следующий раз, обязательно, только не обижайтесь.

— Ой, Махмуд, конечно, раз так случилось. Ждем вас в следующий

раз. Передавайте Ниночке, чтобы она выздоравливала. И вообще, надо как-нибудь собраться и посидеть вместе, ведь так редко видимся.

Мы распрощались и вышли в фойе театра. И тут навстречу Женя Моргунов.

— Ребята, пошли в буфет — по сто граммов за встречу. Я угощаю.

— Нет, Женечка, — запричитал опять Махмуд. — Не могу. Нина Аркадьевна заболела. Мы сейчас уезжаем.

— А что случилось, Махмуд?

— У нее температура поднялась, Женя.

— Да, тогда надо ехать, — сказал Моргунов. — Температура, это дело такое.

И в одиночестве побрел в буфет. Вот так еще несколько раз пришлось останавливаться и объяснять причину своего ухода. В раздевалке театра гардеробщицы поинтересовались:

— Неужели не понравился спектакль? (Они еще не помнят случая, чтобы кто-нибудь уходил до окончания.)

— Девочки, — сказал Махмуд грустным голосом, — жена заболела, Нина Аркадьевна. У нее высокая температура.

— Ой-ой-ой, как же, как же, раз такое дело, надо непременно идти. А спектакль в следующий раз посмотрите.

Мы вышли на улицу, сели в машину. Вдруг вижу — Махмуд плачет, слезы так и катятся ручьем.

— Махмудик, дорогой, что с тобой, что ты плачешь?

— Нина Аркадьевна заболела, — всхлипывает Махмуд. И продолжает реветь.

— Послушай, Махмуд, какая Нина Аркадьевна? Кто заболел? Это же мы сами с тобой придумали. Сейчас поедem к Арчилу, ты покушаешь свой любимый хаш, мчади.

— Идиот! — заорал Махмуд. — Быстрее домой. У Нины высокая температура.

И заревел горячими слезами. «Да, — подумал я, — какой же ты, Махмудик, все принимаешь близко к сердцу, как ты веришь своим фантазиям. Какая добрая и ранимая душа у тебя, мой дорогой друг!»

Ну в точности, как гениально подмечено А. С. Пушкиным — над вымыслом слезами обольюсь...»

В упомянутой книге опубликован трогательный снимок отца и дочери Эсамбаевых. Счастливые и такие молодые лица. Впереди вся жизнь.

«Этот снимок сделан мною в 1974 году в начале января, — пишет В. Загороднюк. — Стелла, любимая дочь Махмуда, приехала в Ленинград к

отцу, где во Дворце культуры Ленсовета с огромным успехом проходили его концерты. Махмуд, как всегда, жил в гостинице «Октябрьская», где и сделана эта фотография.

В те годы Стелла жила в Грозном и руководила студией хореографии после стажировки в училище Большого театра. Дочь, как говорится, пошла по стопам отца.

Настроение у всех было праздничное, новогоднее. Махмуд и Стелла охотно позировали мне, и я отснял целую фотопленку. Какие это были счастливые дни! Махмуд молодой, ему еще только 50 лет.

Мне кажется, что это было совсем недавно. Боже мой, как быстро летит время.

Когда мы встречаемся со Стеллой, она снова и снова вспоминает своего отца:

«Все говорят, что папа выдающийся общественный деятель. А для меня он был выдающимся талантливым отцом. Он был идеальный отец. С того момента, как я увидела лицо своего отца, я почувствовала такую доброту, такую ласку к себе, что всю жизнь купалась, как в лепестках розы.

Я такая счастливая дочь. Никогда он даже косо на меня не посмотрел. Я только слышала: «Доча, Стеллочка». Когда у него было плохое настроение, нужно было сказать только одно слово «Стелла». И тут же у него появлялась улыбка. Он был идеальный отец, и его потеря для меня большая трагедия».

Эта фотография, к счастью, уцелела, но сколько же бесценных свидетельств великой жизни погибло безвозвратно!

К великому сожалению, рукописи все-таки горят. И если не всё, что напоминает людям о гениальном танцоре, было проглочено жадным пламенем войны и нашим буйным беспощадным временем, если что-то удалось спасти, то благодарить за это нужно друзей и близких и прежде всего Стеллу — президента благотворительного фонда имени М. Эсамбаева, девиз которого «Доброта спасет мир».

Вспоминает жена Эсамбаева Нина Аркадьевна:

«Мы встретились с Махмудом в Киргизии, в городе Фрунзе (Бишкеке). Там мы поженились, у нас родилась дочь Стелла.

Махмуд работал в оперном театре, а я училась в мединституте. Это были тяжелые послевоенные годы, но мы были молоды и никогда не унывали. Жили вначале на частной квартире, а потом Махмуду дали ордер.

Когда мы пришли смотреть новое жилище, там сидела женщина и плакала. Звали ее Лида, и работала она осветителем в театре. Махмуд ее спросил, почему она плачет. «Здесь жил театральный художник Арефьев, а

я жила у него и во всем ему помогала — он был одиноким. А теперь он переехал в Москву», — отвечала Лида. Мы стали ее успокаивать, а потом Махмуд мне говорит: «Нина! Ты побудь с Лидой, я скоро вернусь». Он быстро вернулся с двумя ордерами на квартиру — ей и нам.

В этой квартире не было никаких подсобных помещений, в одной комнате — спальня, кухня, столовая и, кроме нас троих, всегда были гости. И так мы прожили десять лет. Лида от нас отделилась шкафом и ковром. На шкафу висели сковородки. Мы проходили через ее комнату, и когда поздно ночью от нас уходили гости, обязательно кто-нибудь задевал их и они падали на голову. Лида, конечно, просыпалась, но мы никогда не ссорились, жили дружно.

Квартира находилась рядом с театром, нас отделяла лишь стена. К нам на обед часто приходили его коллеги. У меня всегда были наготове пирожки, блинчики, оладьи. Иногда друзья кричали, проходя мимо: «Нина, пирожки есть?» — и я передавала горячие пирожки в окно. Тогда всем жилось трудно, но люди старались помочь друг другу.

Часто ходили в ресторан. Тогда это было доступно, брали что-нибудь легкое, недорогое. Там всегда было очень много знакомых. Весь вечер друзья танцевали, и всем было весело.

Вот как-то идем мы с Махмудом из ресторана — уже поздно, два часа ночи. И нам встречается рабочий сцены — грустный, бедно одетый. Махмуд у него спросил: «Завтра Первое мая, в чем ты пойдешь на демонстрацию?» — А он говорит: «Надену белую рубашку и пойду, а брюк новых у меня нету».

Махмуд потащил его домой. Я было напомнила ему: «Махмуд, там ведь Стелла спит». Он говорит: «Мы потихоньку, свет большой зажигать не будем». Махмуд одел его во всё новое. Тому было очень неудобно. Я ему посоветовала: «Бери, Махмуд делает это от души».

Когда гость ушел, я упрекнула Махмуда: «Почему ты отдал ему совсем новый костюм?» А он мне в ответ: «У меня будет еще много костюмов, а у него — не знаю когда. Ты представляешь, какой у него завтра будет праздник!»

Когда на другой день 1 мая мы всей семьей встретили этого рабочего на демонстрации, он шел веселый, подтянутый, — совсем другой человек. Махмуд мне говорит: «Видишь, как человеку мало надо. И нам приятно, и ему хорошо. Давай всегда будем радоваться и радовать тех, кому это очень надо».

Махмуд в Киргизии носил шляпу, и она ему очень шла. Шляпа была одна ко всем костюмам, но всегда была под цвет. К белому костюму он

натурал ее пудрой «Белый лебедь», к розово-коричневому — пудрой «Рашель», к голубому — белой пудрой, смешанной с синькой, к коричневому — порошком из толченого кирпича.

Это была сложная процедура.

Когда его спрашивали: «Махмуд, сколько у тебя шляп?» — он отвечал честно: «Всего одна», и щелчком ударял по полям шляпы. Пудра облаком разлеталась вокруг. «Ну и выдумщик ты», — восхищались друзья.

Он всегда был элегантен, подтянут. Мне кажется, что ему очень помогла работа в Пятигорской оперетте...

Как-то приходит Махмуд домой и говорит: «Нина, ты знаешь, что скоро в Москве будет Всемирный фестиваль молодежи и студентов? Это большой шанс для меня. Надо поставить новые танцы, сшить к ним костюмы. Но я знаю, у нас на это нет средств». Я ему в ответ: «Махмуд, ты обязательно поедешь на фестиваль, у нас есть два новых ковра и финская швейная машинка».

Всё это мы продали и собрали деньги на дорогу.

В это время у нас гостила одна эстрадная пара, муж с женой, они тоже собирались в Москву. Я отдала деньги этой паре, так как боялась, что Махмуд потеряет их. Когда приехали в Москву, эти двое прямо с вокзала скрылись со всеми деньгами.

Махмуд пошел в Большой театр, там работал сын бывшего главного балетмейстера Киргизского оперного театра Льва Михайловича Крамаревского, Андрей. Его мама в Киргизии была партнершей Махмуда. Они танцевали в сборных концертах перед началом сеанса в кинотеатре. Андрей был рад Махмуду, они пошли с ним домой. Там его встретили радушно, очень ему обрадовались. Это были прекрасные добрые, милые люди. У них была одна комната 17 квадратных метров. В общей квартире жили пять человек и стоял большой рояль. Махмуд на этом рояле спал. Жили они весело и во всем помогали гостю. Я выслала ему деньги.

Балетмейстер Грикурова начала ставить с Махмудом индийский танец «Золотой бог». Репетировал он с утра до позднего вечера в зале им. П. И. Чайковского. Мне во Фрунзе часто звонила Грикурова и говорила: «Я удивляюсь его работоспособности, он целыми днями репетирует».

У Крамаревских была талантливая, опытная художница по театральным костюмам. Она и сшила индийский костюм для Махмуда — бесплатно. Собрали пустые банки из-под конфитюра. Из них сделали «золотой» головной убор, украсили его бусами, стекляшками. Купить пришлось только материал. Колокольчики для ног кто-то подарил. К началу фестиваля и костюм, и танец были готовы.

Махмуд часто пел: «Хоть в кармане ни гроша, но поет моя душа». Это было действительно так. Он никогда не унывал.

Тамара Зейферт, солистка ансамбля танца Игоря Моисеева, поставила «Таджикский танец с ножами». «Испанский», как и костюм для него, он привез из Киргизии.

Перед самым началом фестиваля мы с дочкой приехали в Москву посмотреть и поддержать Махмуда. А у него грипп. Высокая температура. Через каждые три часа я ему колола пенициллин. К утру температура спала, но осталась большая слабость. Мы все же собрались и поехали на концерт. И он прекрасно станцевал!

Махмуд стал дважды лауреатом Всемирного фестиваля. Вскоре мы переехали жить в Грозный, но Киргизию не забывали. Там у нас прошли самые тяжелые и счастливые годы.

После фестиваля начались его сольные концерты, которые проходили с большим триумфом. Махмуд занялся своей программой, ему захотелось станцевать еврейский танец. Он созвонился с балетмейстером Якобсоном, тот дал свое согласие, и мы поехали в Ленинград. Я была на всех репетициях мужа.

Оба были талантливы, вспыльчивы и часто спорили насчет постановки. Я была их сдерживающим центром. Якобсон говорил: «Махмуд, ты же не еврей, ты не знаешь специфику так, как я». А Махмуд ему отвечал: «Но у меня много друзей евреев, я часто бывал на еврейских свадьбах, люблю петь по-еврейски», — и начинал петь. Якобсон улыбался, и они мирились.

Когда заканчивалась репетиция, это были любящие друзья. Якобсон мне говорил: «Ниночка, мне очень трудно с ним работать, а тебе, наверное, трудно с ним жить. Я бы никому не простил такого, но я терплю, потому что он талантище, и я его очень люблю». Мы с Якобсоном очень дружили, он часто бывал вечерами у нас в гостинице, мы бывали у него дома.

Борис Эйфман ставил Махмуду «Цыганский танец». Часто репетировали в гостинице «Октябрьская», где мы всегда останавливались в одном и том же люксе. Как-то ночью просыпаюсь, вижу — Махмуд напевает мелодию из цыганского танца и, лежа в постели, делает руками танцевальные движения. Я понаблюдала за ним, потом говорю: «Миша (его так все в Киргизии называли), ты можешь хоть ночью отдыхать?» Он мне отвечает: «Это мой отдых-Это моя жизнь». Тогда я ему говорю: «Миша, ты все время думаешь о танцах, о работе, о своих друзьях. А о нас с дочкой ты, наверное, не думаешь?» А он мне отвечает: «Ты и моя доченька всегда у меня в сердце, и никогда, ни на минуту я о вас не забываю. Но без работы,

без друзей я не смогу жить, и воспринимай меня таким, каким родился — я всё равно не изменюсь».

Я видела всё это и понимала, что не надо пытаться его переделывать. Актер — человек сложный, своеобразный. Чтобы его творчество жило, процветало — надо его воспринимать таким, какой он есть.

Поэтому вмешивалась осторожно, и он ко мне всегда прислушивался, в особенности когда делал новую программу. Я присутствовала на всех репетициях. Он говорил: «Приходи на концерт, посмотри, что надо убрать, как звучит из зала оркестр, как ведет программу ведущая». Все мои замечания учитывались.

Его работоспособности и любви к своему творчеству не было предела. Всему этому он отдавался, не жалея сил и времени. Наша жизнь была связана с его жизнью, его работой, с его творчеством. Дома всегда было шумно, постоянно приходили друзья, товарищи, знакомые и незнакомые. Ему было хорошо и нам неплохо, потому что он любил дом и нас. Мы с дочкой ему во всем помогали.

Как-то на пресс-конференции меня спросили: «Как вам живется с Эсамбаевым?» Я ответила: «Как в сказке: всякое бывает, но окончание всегда хорошее». Если бы меня спросили, как бы я хотела прожить свою жизнь — так, как жила, или иначе? Конечно, только так. И только с Махмудом Эсамбаевым».

И еще воспоминания дочери Стеллы:

«Воспоминания о моем отце самые трогательные и теплые. Папа никогда меня не обижал. Я никогда не слышала от него грубого слова. Даже когда я выросла, он продолжал называть меня «доченька, моя радость», а я его «папочка». И так было всегда.

Когда мне было шесть лет, я ходила на его уроки бальных танцев и была его партнершей. На елках, которые он проводил каждый год в Киргизском театре оперы и балета, я была Снегурочкой — в белом платьице, с короной на голове, а он в русском костюме. Наряд Деда Мороза он никогда не надевал, говорил, что он его сковывает.

Он вел много танцевальных кружков. Мы ходили, к примеру, в школу милиции, и папа просил, чтобы я с ними танцевала и показывала движения танца. Участники самодеятельности часто наступали мне на ноги, но я никогда не жаловалась.

С самого детства я посещала его оперные и балетные спектакли, была, как и мама, на его репетициях, и мне это никогда не надоедало. Когда папа напевал мне мелодию из спектакля, я всегда угадывала, откуда это и даже из какого акта. Папе это очень нравилось.

Он привил мне большую любовь к классической музыке. Часто посещал консерваторию, любил оперетту, цирк, спорт, хорошую эстраду, кино — только настоящее искусство. Ему хотелось все попробовать, познать. Например, он прежде никогда не катался на коньках, первый раз встал на лед — и сразу стал танцевать. И так ловко, так красиво и плавно — ни разу не упал, не поскользнулся. С тех пор, как приходил домой после очередного спектакля, сразу надевал коньки и катался допоздна, а мы все, вместе с его друзьями, получали от этого большое удовольствие.

Для него не было непреодолимых преград в творчестве. Если он чего-то хотел, то добивался этого, какого бы огромного труда это ему ни стоило.

В Киргизском оперном театре был поставлен балет «Тарас Бульба». Папа играл Тараса. Его внешность была настолько изменена, что когда балетмейстер взял меня за руку, подвел к папе, услышав знакомый голос от незнакомого человека, я очень испугалась. Передо мной стоял человек — высокий, полный, с трубкой, который говорил мне: «Это я, доченька, твой папа». А балетмейстер рассмеялся: «Видишь, даже дочка тебя не узнала, ты настоящий Тарас!»

Когда мне исполнилось 16 лет (это было уже в Грозном), папа принес мне подарок и одну чудесную розу. Она стояла у нас долго и не вяла.

Вскоре мы уехали отдыхать на море, а когда вернулись, с удивлением обнаружили, что с нее не упал ни один лепесток. Листья остались зелеными, цветок высох, но сохранил первозданную свежесть и краски. Мне кажется, что любовь отца сохранила эту розу.

Папа был добрым, милым, любящим отцом. С ним всегда было шумно и весело. Дом наш был постоянно полон людьми, и мы это любили. Мы жили жизнью нашего папы.

Спасибо ему за все, что он дал мне и нашей семье. Он всегда рядом, я это чувствую».

Глава третья

МАРШАЛ ЭСТРАДЫ

В 1974 году пятидесятилетний юбилей Махмуда Эсамбаева отмечался в Грозном, а затем в Москве, и праздновали его так, что мог позавидовать любой член политбюро.

На праздник прибыли делегации всех республик Советского Союза. Торжества проходили в Государственном театре Чечено-Ингушетии, на сцене которого восседал на специально для него изготовленном золотом троне Король-Махмуд. По обе стороны трона картинно стояли на страже могучие красавцы из Государственного ансамбля «Вайнах», одетые в костюмы героев различных танцев Махмуда Эсамбаева.

К торжественному событию подоспело присвоение Махмуду Эсамбаеву звания народного артиста СССР. И хотя Махмуд успел уже стать народным артистом целого ряда союзных республик, звание народного артиста СССР стало для него замечательным подарком.

Поэт Илья Резник отметил юбилей друга стихотворением:

*Махмуд, как много в этом звуке,
В нем зной палящий и гроза.
О, эти пламенные руки
И окаянные глаза!
Твой гений никуда не денешь,
Махмуд, души моей шербет,
Я за тобой бреду, как дервиш,
За очищеньем столько лет.
Ты мефистофельской улыбкой
Спасал нас, грешных, от тоски.
Плывут, летят по глади зыбкой
Твои неслышные шаги.
Узоры тайные сплетая,
Витает танец твой, за ним
Спешу в счастливые года я
И возвращаюсь вновь другим.
В твой день, неистово красивый,
В твой Богом данный юбилей
Тебя приветствует, мой Шива,*

*Неиссякаемый Орфей.
Свети в мильон протуберанцев.
Спасай нас от вселенских пут,
Творец таинственного танца,
Святой, единственный Махмуд!*

Всё было так красиво и торжественно, что расчувствовавшийся Махмуд позволил себе выпить целый бокал шампанского, чего до сих пор не случалось. Самое большое, что он позволял себе, — один-два глотка за вечер, даже на самых важных мероприятиях и празднествах.

Махмуд вообще больше всего любил угощать. Сам он ел совсем мало (вот откуда его поразительная талия в 48 сантиметров). «Ест, как птичка», — сетовала его верная подруга Нина Аркадьевна, бывшая, как многие армянки, редкостной мастерицей кулинарии в ее самых прекрасных и даже экзотических формах.

Шестидесятилетие артиста в 1984 году отмечалось еще более торжественно и пышно. Самым важным событием стало присуждение Махмуду Эсамбаеву звания Героя Социалистического Труда за выдающиеся успехи в развитии хореографического искусства. Следует заметить, что никто из танцоров до него не удостоивался столь высокой награды.

В этом году Махмуд и сам стал звездой, космическим танцором, не только в восторженных журналистских определениях, но и в строгом научном смысле. Его именем была названа малая планета № 4195, открытая астрономом Л. И. Черных, и названная им в честь любимого артиста. Таким образом, Эсамбаев занял место в уникальной книге «Кто есть кто в Солнечной системе», куда внесены имена ста выдающихся деятелей советской науки, техники, искусства и культуры XX века. Это люди, деятельность которых оказала существенное влияние на облик современной цивилизации.

С 19 сентября 1984 года «Махмуд никогда не снимал звезду Героя, — пишет Владимир Загороднюк. — Звезда, как и папаха, всегда была при нем. Было время, когда отказывались от всего, что хоть как-то напоминало о Советском Союзе. Публично сжигали партбилеты, отрекались от всего, чего достигли за свою жизнь. Махмуд же никогда не снимал звезду Героя. У него было много орденов, медалей со всего мира, самых разных — от Индиры Ганди, Цеденбала, Фиделя Кастро. Но самой дорогой наградой для него была звезда Героя Труда, потому что он сам был великий трудяга. И

она единственная осталась у Махмуда после того, как в Грозном сгорели его квартира, библиотека и все другие награды».

Более тридцати лет Эсамбаев постоянно избирался депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, Верховного Совета РСФСР и, наконец, с 1988 года — Верховного Совета СССР. По сути своего характера и отношению к жизни Махмуд всегда был народным депутатом. Не будучи еще избранным в официальные законотворческие структуры, он всегда был ходяком по самым разным делам, с которыми к нему, известному артисту, обращались самые разные люди. Чувство справедливости и чести было у Махмуда настолько безупречно, что он никогда не становился на сторону несправедливости, будь она облечена даже самой высокой властью. Он всегда защищал обманутых и несправедливо обиженных людей. Тут он не жалел ни сил, ни времени. Атак как с самого начала актерской карьеры Махмуд был человеком известным, то имел возможность входить в любые властные кабинеты. Отказать же ему в справедливых и ясных требованиях было трудно, тем более что он просил не за себя. В большинстве случаев ему шли навстречу, начальники тоже люди, им не хотелось плохо выглядеть в глазах знаменитого артиста.

Проводя свою избирательную кампанию, Махмуд собирал людей и обращался к ним с речью, смысл которой можно выразить в нескольких словах.

— Я приехал к вам не для того, чтобы просить вас голосовать за меня. Если даже вы не выберете меня депутатом, я все равно буду заниматься теми делами, которые важны для вас. Я не стану ничего обещать, потому что всегда делаю то, что в моих силах. Делать добро людям можно и не будучи депутатом.

Махмуд так и работал на всех постах, куда его выдвигали. Он был единогласно избран президентом советской эстрады.

Человек с шестиклассным образованием стал академиком двух академий, был удостоен княжеского титула, награжден золотой звездой Героя Социалистического Труда, орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Дружбы народов и множеством высших орденов и медалей самых разных стран мира.

«В послевоенные годы, когда киргизское театральное искусство начало свой подъем, — вспоминал знаменитый писатель Чингиз Айтматов, — я помню, как мы, будучи студентами, часто ходили в Киргизский театр оперы и балета. Для нас это было в новинку. Балетное искусство нашего народа только возникало, шло его становление. И вот имя Махмуда Эсамбаева уже

привлекало наше внимание, в общем неискушенных, но благодарных зрителей. Никто из нас тогда не предполагал, что в этом высоком долговязом молодом танцоре в будущем проявятся выдающиеся способности. Поэтому теперь, когда он стал всемирно известным, всем понятно, что он феномен уникальный в мировом искусстве танца. Теперь все мы очень охотно вспоминаем и гордимся им, Махмудом Эсамбаевым, как питомцем Киргизского театра оперы и балета и считаем его своим собственным сыном».

«Такие люди, как Махмуд Эсамбаев, встречаются даже не знаю во сколько лет, может быть, единожды, — не скрывая восхищения, говорила, обычно скупая на похвалы, легендарная балерина Галина Уланова. — Он имеет уникальные данные. Он, по существу, так пластичен, так музыкален и выразителен, и самое замечательное, что он своими силами нашел форму выражения своего искусства, искусства своего народа. Мне кажется, что все его танцы, все, что он исполняет, никто другой не смог бы сделать, как он. Даже имея физические данные, которые бывают только у считанных людей, и то не всякий артист балета сможет делать то, что удастся Махмуду. К тому же он начал заниматься искусством нашего классического балета довольно поздно. Может, это даже и лучше, что он начал в детстве танцевать не в классической школе, может быть, у него тогда многое и пропало бы. А так у него осталась народность, народность во всех смыслах этого слова. И это здорово».

Замечательный балетмейстер, народный артист СССР Юрий Григорович, отмечая шестидесятилетие танцовщика, вспоминал: «Хочу сказать о моем друге Махмуде Эсамбаеве, что я люблю его творчество. Знакомы мы очень давно. Еще в бытность мою в Ленинграде, когда я был артистом в Кировском театре. Я помню первые приезды Махмуда к нам в город. Это было чрезвычайно интересно. Я должен сказать, самые уникальные данные у артиста — изумительная фигура. Пожалуй, такой талии, как у Махмуда, я не знаю даже у женщин. Большие выразительные глаза и удивительная пластика актера производили очень сильное впечатление. Каждое выступление Махмуда Эсамбаева на эстраде, каждая его миниатюра — это, я бы сказал, маленький законченный балет. Мы знаем, что Махмуд Эсамбаев очень интересно снялся в фильме «Лебединое озеро». Роль Ротбарта, которую он интересно и своеобразно интерпретировал на экране, надолго останется в памяти всех любителей балета и кино».

Еще один Герой Социалистического Труда — поэт и писатель Сергей Михалков, тоже хорошо знавший юбиляра, — говорил: «Махмуд Эсамбаев

принадлежит к людям, которыми гордится земля, на которой он родился и вырос. Земля, на которой он живет. Махмудом Эсамбаевым гордится весь советский народ. Его имя широко известно за рубежами нашей Родины. Его искусство никого не может оставить равнодушным, оно завораживает. И, кажется, даже омолаживает. Махмуд Эсамбаев — это вихрь, добрейший человек. Отличительная черта Махмуда — это его прекрасные душевные качества. Его невозможно не любить».

Шестьдесят лет — прекрасный и радостный праздник. Махмуд добился всего, чего только возможно добиться артисту, а жизнь его, по кавказским меркам, едва перевалила за половину. Ведь Алисултан, красный партизан — отец Махмуда — прожил сто четыре года и за это время умудрился жениться одиннадцать раз. Живи, радуйся и легким балетным шагом двигайся к очередному юбилею — семидесятилетию...

Однако именно между этими юбилеями пришло самое трудное время. Начались горбачевские реформы. Привычная, как бы к ней ни относиться, жизнь разваливалась на глазах. Нелегко пришлось в эти годы всем, в том числе и артистам.

Владимир Загороднюк в своей книге «Маленькие тайны гордого Махмуда» рассказывает об этом времени так: «В самый разгар перестройки, в 1988 году, в подмосковном городе Рузе состоялся учредительный съезд артистов эстрады. Это было тяжелое время для эстрады — филармония и концертные организации, что называется, дышали на ладан, и многие артисты, причем артисты известные, со званиями и регалиями, по существу, оказались на улице. Концертов не было. Возникла острая необходимость как-то объединиться и общими усилиями постараться выжить. В Рузу съехались известные всей стране артисты. Здесь были посланцы Украины, Казахстана, Белоруссии, Армении, приехало много ленинградцев. Заседание было бурным, поочередно выступали с различными предложениями Юрий Богатиков, Эдуард Хиль, Бен Бенцианов, Евгений Петросян, Иоаким Шароев, Игорь Гранов. На этом высоком собрании было решено создать Ассоциацию деятелей эстрадного искусства СССР. Кто же возглавит эту организацию? Вот тут-то и выяснилось, что двух мнений не существует: только Махмуд Эсамбаев. Все присутствующие дружно проголосовали за его кандидатуру. Махмуд вышел на трибуну и сказал: «Если вы меня выбрали, я пойду в любые кабинеты и сделаю так, как надо. Это я вам обещаю». Махмуд к этому времени уже закончил свою концертную деятельность. И тут пригодилась его неумная энергия, желание помочь людям. Началась его бурная деятельность на посту президента Ассоциации деятелей эстрадного

искусства СССР.

В 1991 году с развалом страны ассоциация была преобразована в Международный союз деятелей эстрады, и на протяжении почти десяти лет его неизменно возглавлял Махмуд Эсамбаев. У него были достойные заместители: вице-президентами в разные годы были Борис Брунов, Иоаким Шароев, Ирина Осинцева, Петр Шаболтай, а первым вице-президентом был избран Виктор Моисеев, который взял на себя тяжелейшую обязанность вести всю рутинную работу. Он постоянно встречался с артистами, оформлял звания и награды, устраивал встречи с ветеранами сцены, готовил всевозможные благотворительные акции, презентации, концерты. Махмуд всегда говорил: «Если Витя на месте, все будет о'кей».

Когда же возникали проблемы или какие-то трудности, то в бой вступала, как говорится, тяжелая артиллерия — подключался Махмуд. Министерство культуры, мэрия, правительство России и другие организации планомерно осаждал в своей знаменитой папаше Махмуд Эсамбаев. Сколько он пробил для артистов почетных званий, персональных пенсий, наград — одному Аллаху известно. И за это все ему безмерно благодарны.

Когда собирался президиум союза или правление, в которое в разные годы входили популярные артисты Евгений Петросян, Лариса Долина, Юлиан, Борис Брунов, Юрий Антонов, Александр Песков, Юрий Маликов и многие-многие другие деятели эстрады, начало заседания часто затягивалось. Минут сорок все с удовольствием слушали выступления Махмуда, всегда яркие, образные, настроение сразу поднималось, и все заседания союза проходили в праздничной атмосфере, легко, непринужденно, и не хотелось расходиться. Со всех сторон слышались шутки и смех. Ну а когда решались финансовые вопросы и выяснялось, что нет денег на цветы или подарок какому-нибудь юбиляру, то Махмуд снимал папаху, пускал ее по кругу, и она всегда возвращалась забитой доверху деньгами.

В январе 1996 года Международный союз деятелей эстрады учредил звание «Маршал российской эстрады». Был подписан указ, и в присутствии звезд российской эстрады Махмуду вручили маршальскую фуражку, погоны и другие атрибуты этого высочайшего звания. Махмуд был счастлив безмерно. Каких только наград и званий у него не было! Но такого признания коллег он не ожидал. И долго фотографировался в форме маршала со всеми желающими на память. А папаху передал мне со словами: «Володя, теперь ты ее носи, она тебе очень идет, ты в ней

вылитый чеченец».

Вот текст этого «указа»:

«Указ № 001

Верховного главнокомандующего Российской Федерации Ельцина Б.
Н. от 15 января 1996 года

О Махмуде Эсамбаеве

1. За выдающиеся заслуги и достижения в российской и международной эстраде, воспитании творческих кадров и многолетнюю хореографическую деятельность присвоить воинское звание Маршала российской эстрады президенту Международного союза деятелей эстрадного искусства, народному артисту СССР, академику Эсамбаеву Махмуду Алисултановичу с вручением маршалских погон, маршальской фуражки и других знаков отличия и атрибутики.

2. Полковнику Анатолию Дегтяреву и рядовому Виктору Зиме облачить Махмуда Эсамбаева в маршальские одежды и атрибуты.

3. Приказываю Маршалу российской эстрады Эсамбаеву М. А. не нарушать форму одежды и впредь появляться во всех общественных местах, на всех эстрадных тусовках, праздниках и торжествах, в ночных барах и клубах, надевая вместо папахи маршальскую фуражку с кокардой.

4. Рекомендую Маршалу российской эстрады Эсамбаеву М. А. выдвинуть свою кандидатуру на пост президента Международного союза деятелей эстрады на новый срок.

5. Одобрить инициативу шоу-группы «Доктор Ватсон» (художественный руководитель Мамиконов Г.) по приобретению в США автомобиля «Линкольн» в распоряжение Маршала российской эстрады Эсамбаева М. А.

6. Транспортное обслуживание со дня оглашения данного приказа поручаю заслуженному работнику культуры России полковнику Загороднюку В. Н.

7. Председателю ревизионной комиссии Осинцевой И. П. изучить обстановку, атмосферу награждения и обязать вновь принятых в Международный союз деятелей эстрадного искусства артистов Л. Пескова, В. Анашина, А. Привину по случаю торжества накрыть праздничный стол.

8. Поручаю рядовому Виктору Зиме произвести фотографирование вместе с Маршалом эстрады известных деятелей культуры.

9. Поручаю старшему лейтенанту Моисееву В. Л. довести данный приказ до сведения всего личного состава российской эстрады, а также оповестить все средства массовой информации, включая телевизионные

передачи «Акулы пера», «ПОСТ-музыкальные новости», «Экспресс-газету», «Джокер».

Президент Российской Федерации,
понимаешь,
Б. Ельцин».

Следует признать, что если бы в артистическом мире присваивались воинские звания, то эти шикарные погоны с громадной золотой звездой Махмуд Эсамбаев без сомнения заслужил.

«Иногда я слышал: «Махмуд — свадебный генерал, свадебный генерал...» Кто это выдумал? — размышляет Владимир Загороднюк. — Я категорически с этим не согласен. Свадебный генерал приходит и сидит и никак не влияет своим присутствием на происходящее. Появление же Махмуда придавало значимость, особую атмосферу любому торжеству или празднику, его шутки, юмор, ирония над собой восхищали всех присутствующих. Он всегда заполнял пространство, как цунами, становился эпицентром события, он излучал свет, где бы он ни сидел — в директорской ложе или в зале. А когда он выходил на сцену, то были безумные овации, такие долгие, что я всегда думал: вот оно — высшее счастье для любого артиста — искупаться в таком океане аплодисментов, в таких теплых, горячих овациях».

Вот вполне объективная оценка значения и масштаба личности великого танцора в газете «Советская Россия» 2 октября 1997 года:

«Махмуд Алисултанович, истинный артист, служит не правительству — людям. Его бог — красота, масштаб — Вселенная. Чеченец по национальности, он легко перешагивал через зримые границы на карте, через незримые — в сознании. Его великое искусство соединяло людей вне зависимости от их крови, веры, образа жизни, несло Любовь, Красоту, Добро. Иначе как «королем танца» его не называли».

*

С годами Махмуд и сам стал вести дневник. Летом 1988 года он записывал:

«Мне шестьдесят четыре.

Год больших планов и свершений. Кое-что получилось. У меня всё в работе. Я еще станцую на сцене пушкинский балет... на «Мосфильме» будет сниматься этот фильм. У меня в «Пиковой даме» роль сатаны. Я

приглашен танцевать в Нижний Новгород. В Самаре тоже ставится балет для меня с ролью Мефистофеля. Готовлюсь сниматься в турецком фильме-балете «Чингисхан», где у меня главная роль. Моего внука Батыя обязательно станцует Миша Барышников».

И год спустя:

«Мне шестьдесят пять.

Внучка Медина окончила школу в Грозном.

Я решил уйти со сцены. У меня состоялся последний концерт.

От Дворца съездов до гостиницы меня несли на руках. Была холодная зимняя погода. У поклонников в руках была белая сирень и ландыши.

Может быть, рано уходить?»

Глава четвертая

ТРИ ТОПОЛЯ

В 1992 году Махмуд Эсамбаев стал министром культуры Чеченской Республики.

Он очень долго не соглашался. С Министерством культуры и культурными министрами всех времен у Махмуда было много сложностей. Начиная с Фурцевой — с Катей, как он называл ее, Махмуд частенько ругался. Объяснял ей, что искусство — это не выпуск ночных горшков. Она злилась, пыталась даже его закрыть, но валюта была нужна, а Махмуд зарабатывал валюты не меньше, чем весь Большой театр. При Фурцевой популярность Махмуда была феерической, а она сама называла его «наш гениальный мальчик».

И вот Махмуд сам становится министром культуры в Чечне.

Утверждали его в парламенте. Он вышел на трибуну. Спикер попросил немного рассказать о себе. Но разве может Махмуд немного? Для него важен смысл.

— Вы меня знаете, может быть, даже лучше, чем я себя, — сказал он. — Так чего уж рассказывать. Никогда я не рвался ни на какие посты. И сейчас не рвусь. Так что если вы хотите, чтобы я стал министром, так это не я вас должен убеждать, что это нужно, а вы меня. Говорят, для того чтобы стать министром, нужно принести клятву на Коране. Мне это кажется странным. Я никогда в жизни ничего не украл и никого не обманывал, так зачем мне клясться на Коране, что я буду работать честно и на благо народа? Но я знаю многих людей, которые клянутся на Коране, а сами и воруют, и берут взятки...

Выступление кандидата на роль министра культуры депутатам явно не понравилось.

Однако всем хотелось, чтобы этот всемирно известный человек стал министром культуры Чечни — лучшей рекламы и не придумать.

Махмуда избрали единогласно.

После этого были десять дней, которые потрясли Минкульт, и многие люди за эти дни вылетели из высоких кресел. После чего стало ясно, что либо Махмуд, либо министерство. Вместе им не бывать.

Махмуд уехал в Москву и оттуда послал генералу Дудаеву письмо с просьбой об отставке.

— Почему из Москвы?

— Я человек мягкий, — признавался он. — Джохар точно уговорил бы меня остаться...

«Семидесятилетие Махмуда отмечалось очень торжественно в Грозном и Москве, — пишет в своей книге о великих чеченцах Муса Гешаев. — Это был 1994 год. Провести в Грозном празднество в честь Эсамбаева предложил первый чеченский президент Джохар Дудаев. Обстановка была сложная. Отношения между Москвой и Грозным обострялись с каждым днем. Уже чувствовалось дыхание войны. Мы с Махмудом вылетели из Москвы в Чечню. В аэропорту имени Шейха Мансура нас встречали со всеми почестями. Джохар Дудаев принял Махмуда тепло и радушно. Говорил он мало, больше слушал, иногда задавал вопросы. Махмуда он уважал и его юбилей считал значительным событием в жизни республики».

Вот как рассказывал об этой встрече сам Махмуд Эсамбаев: «Президентов не должно быть много. Лучше всего, если он только один, а то скоро создадут Союз пастухов и там тоже изберут президента.

Из-за этих президентских кресел все и передрались.

Вот и Джохар стал жертвой этого безумия. Всем ведь хорош. Генерал, герой, чеченец породистый и вроде бы как в местные распри не запутанный. Думали, мол, этот будет стоять над схваткой и принимать справедливые решения. Но это было уже невозможно. В распри его как раз и втянули. Делом ему стало некогда заниматься, как и всем другим президентам Только и оставалось доказывать, что он президент настоящий, в отличие от остальных, которые только за кресло бьются.

Так и получается — президенты дерутся, а у холопов чубы трещат!

А ведь какой приятный был человек. При встрече он меня обнял: «Махмуд, как хорошо, что ты приехал, я так рад тебя видеть».

Он мало говорил. Больше спрашивал и слушал.

На вопросы отвечал честно. На любые.

Прощаясь, снова обнял меня и сказал: «Я по-прежнему твой верный поклонник, дорогой Махмуд. Ты нам очень нужен. Через тебя и таких, как ты, мы достойно входим в мировое сообщество. По тебе, Махмуд, судят о нашей нации, о нашем народе... По тебе, а не по этому (показал на телевизор) ящику Пандоры». Замечательный человек, но и ему не удалось вырваться из этих раздоров...»

Вскоре после развала Союза Махмуд вместе с Джохаром Дудаевым ездил в Киргизию.

Киргизия для Махмуда исключительная страна — вторая, печальная родина. Печальная потому, что это место изгнания, там умерла мама, едва

не умер и отец. Но, кроме того, это страна — начало его артистической карьеры.

Махмуду пришлось много выступать. Когда вернулись в Грозный, Джохар сказал: «Спасибо, дорогой Махмуд, ты нам очень помог. Ты был душой переговоров. Побольше бы таких дипломатов, посланцев Красоты и Мудрости с большой буквы».

«Я первый раз в жизни, — заметил Махмуд, — не нашелся что ответить...»

...В темные времена чеченской войны Махмуд как-то в интервью центральной газете заявил, что он «всегда был и остается россиянином» и что «Чечня должна жить вместе с Россией».

Какой тут поднялся крик! Махмуда объявили предателем. То же самое произошло с теми, кто попытался защитить Махмуда и объяснить: это не значит, что он оправдывает войну, развязанную демагогами и ворами. Дикое, ожесточенное время, никто никого не хотел слушать...

*

«Желающих попасть в Национальный театр Чечни на семидесятилетие Махмуда Эсамбаева было в десятки раз больше, чем мог вместить зал, — вспоминает Муса Гешаев. — В помещение, рассчитанное на восемьсот пятьдесят человек, набилось не меньше двух тысяч. Было много гостей: делегации из соседних республик, друзья Махмуда и, конечно, его поклонники. Выступал Джохар Дудаев. Он подчеркнул заслуги артиста перед чеченским народом. Сказал, что с детства был очарован искусством знаменитого танцора и не перестает удивляться его таланту. Президент подарил Махмуду белого коня, автомобиль и участок земли в центре Грозного. Было много выступлений, подарков, цветов.

Я подарил Махмуду мою любимую картину — большое полотно с изображением всадника на вздыбленном коне работы художника Акопа Гаспаряна, с которым Махмуд познакомился на гастролях в Будапеште. Акоп пригласил нас с Махмудом к себе в мастерскую и показал работы, которые он сделал по заказу арабских шейхов. Мы были потрясены увиденным. Перед нами стоял на редкость талантливый мастер, выпускник Ленинградской академии художеств.

Махмуд любил лошадей, и они любили его. Лошади никогда не делали ему зла. Даже та, самая первая, на которую так неожиданно посадил его отец и хлестнул коня плеткой... даже тот взбесившийся и еще не

полностью прирученный конь не убил его и не заставил бояться бешеной скачки.

Особенно он любил белых лошадей.

Трогательно рассказывал сон, который несколько раз в жизни посещал его.

На изумрудно-зеленом лугу среди множества бесподобно ярких маков умирает белая лошадь. Она пытается поднять голову, и он изо всех сил старается помочь ей. Махмуд видит ее угасающий большой карий глаз и свое отражение в нем, только он там почему-то маленький... еще совсем ребенок...

Что-то невыразимое, тайное связывало его с лошадьми, казалось даже, что он может мысленно разговаривать с ними, делиться самыми потаенными, даже ему самому не всегда понятными чувствами.

Случалось Махмуду выезжать на открытие концертов на лошади. Бывало это и на стадионах. Очень он красиво смотрелся на лошади, настоящий кавказский джигит. Но это только картина, итог. А ведь были случаи, когда хозяин коня предупреждал Махмуда, что лошадь эта с большим характером, настоящий зверь, и кроме него — хозяина — никому не позволит на себя садиться.

Махмуд не спорил. Он подходил к коню, смотрел ему в глаза, потом обнимал за шею и что-то тихо шептал на ухо.

После этого просил всех отойти. Даже хозяина, который делал это с большой тревогой, так как не обманывал насчет трудного характера своего красавца. После этого Махмуд птицей взлетал в седло и выпрямлялся гордо, как перед началом танца. Конь стоял как вкопанный.

Это было поразительно. Конь даже ухом не шевелил, замирал, словно бы превращался в статую!

После этого, по каким-то неуловимым сигналам, которые он воспринимал от Махмуда, конь делал всё, что было нужно, а в конце проезда по стадиону картинно поднимался на дыбы и грозно молотил по воздуху передними ногами. И после этого, будто ни в чем не бывало, ровной торжественной рысью уходил со сцены, унося своего прекрасного всадника.

Нет сомнения, что если бы Махмуду захотелось стать чемпионом мира по выездке, он добился бы этого в самые короткие сроки.

Махмуд на коне — это была картина!

Недаром Акоп Гаспарян, увидев его выезжающим на коне на одном из концертов, написал именно конный портрет. Махмуд очень этот портрет любил и показывал своим гостям. Повесил он его на стене в своем доме в

Грозном, где он сгорел вместе со всем домом во время штурма и бомбардировки.

Эта беда тяжело подействовала на Махмуда и, без сомнения, приблизила его кончину».

Портреты Махмуда писали несколько художников. Самые лучшие из них созданы народным художником СССР Александром Шиловым и Акопом Гаспаряном. Из скульптурных работ наиболее удачны произведения Е. А. Янсон-Манизера, изображающие Махмуда почти во всех его танцах.

Юбилейный праздник, на котором чеченцы чествовали своего талантливого сына, продолжался до полуночи. А затем был банкет в президентском дворце, где присутствовали друзья юбиляра и официальные лица.

В родном селе Махмуда, Атагах, прошли народные гулянья со скачками, спортивными соревнованиями, танцами. На торжества съехались люди из городов и сел республики. Это был поистине всенародный праздник.

Торжества, начатые в Грозном, продолжались в Москве. В концертном зале «Россия» состоялись грандиозные по масштабу и «звездному» составу участники события. Программа «Овация королю танца» собрала вместе именитых эстрадных артистов и видных деятелей культуры России. Массовое шоу, в котором юбиляр танцевал с ведущими солистами Большого театра, вызвало бурю оваций.

Такого яркого зрелища, тем более посвященного семидесятилетию, когда сам виновник торжества столько танцевал, вряд ли довелось видеть кому-нибудь. Кстати, режиссером-постановщиком этого прекрасного праздника был сам Махмуд Эсамбаев. В этом празднестве участвовали также артисты из США, Франции, Японии. В заключительном номере были заняты все участники шоу.

Песню «Виват, король, виват», текст которой был переделан для Махмуда, исполняла очаровательная Тамара Гвердцители. Мелодию подхватил весь зал, отдавая дань восхищения и уважения великому артисту за его огромный труд и талант, за служение народу и искусству. Эта песня как бы подытоживала всё сделанное Махмудом:

*Жизнь — театр, Шекспир сказал,
И все мы в нем актеры.
Ты игрой сердца пронзал,
Рождал восторги, споры.*

*За то, что ты так танцевал,
Народ тебя короновал.
И даже враг твердил порой,
Скрывая страх, что ты король,
Что ты король!
Виват, король, виват!
Покою ты не знал.
Без пушек, без солдат,
Танцуя, как никто, ты страны покорял.
Виват, король, виват! Танцуй, король!
Ты, танцуя, сквозь года
Любовь сполна изведal.
И с тобой навсегда
Золото победы.
Ты наш кумир, ты наш артист,
И вот сейчас твой бенефис.
Для всех гостей один пароль:
Махмуд — наш друг, Махмуд — король!
Махмуд — король!
Виват, король, виват! Виват, король!
Танцуй, король, танцуй! Танцуй, король!
Тебе поют кругом: виват, король!*

Годы не изменили Махмуда. Новая общественно-политическая ситуация в стране не заставила его отступить от тех жизненных принципов, которым он следовал всегда. Он часто говорил: «Не русский я, но россиянин», хотя это не всем чеченцам нравилось. Но ведь Махмуд выступал от имени всего многонационального народа огромной страны, тем самым многократно увеличивая добрую славу чеченцев. Он всегда гордился своим званием народного артиста СССР.

«Советский артист везде принимался блистательно. Над нами был ореол великой страны, — говорил Махмуд. — Каждый из нас, как мог, изо всех сил старался во всей красе показать миру нашу неповторимую культуру. И, конечно, я был счастлив, что нас, советских артистов, признавали во всем мире, уважали... Если раньше мы знали, что непобедимы во всем, то теперь мы уязвимы безумно. Вот дети ловят сачками бабочек, мы что те бабочки, нас может поймать любой... Мы становимся рабами... Я бы очень хотел умереть раньше, чем это

случится...

Я люблю Украину и Белоруссию... Не разделяю ни один народ. Для моей души они неделимы. Ни Киргизия, ни Казахстан, ни Армения... Я — народный артист СССР! И никогда не стану другим.

Что сейчас творится!.. Боже мой! Какие они отдельные государства?! Если бы не было СССР, тогда еще может быть... Но нет, все захотели стать президентами. А народ — голодный!

Я сейчас живу с трагическим настроением и очень сожалею, что мне 73 года и я уже не увижу радости моего народа... Сегодня я засыпаю с грустью и просыпаюсь с грустью... Нет, это не ностальгия по прошлому — это боль за сегодняшний день, за наше унижительное состояние».

«Я сейчас на Кремль смотреть не могу», — заявил Махмуд в газете «Советская Россия». Он считал, что кремлевские политики больше всех виновны в разрушении великой страны. На склоне лет увенчанный всемирной славой чародей танца скажет: «Я — чеченец. Моя семья была в ссылке... Если бы я начинал новую жизнь, я бы прожил ее так же. Со ссылкой и со всем... Имея школьную справку об окончании шести классов, я сейчас академик двух академий. Почему? Потому что я танцевал душу народа. Всего себя отдавал людям. Всё, что я имею, пришло ко мне через мой труд».

«Вспоминаю наш разговор с Махмудом перед поездкой в Грозный, — завершает свой рассказ Муса Гешаев. — На мое предложение поехать со мной он ответил: «Я никогда больше туда не поеду — не смогу видеть всё, что там натворили. Не выдержу... Нет, не смогу, я сразу же упаду и умру... Только вот еще бы раз хотел бы увидеть мои тополя в Старых Атагах. Но, видно, этому не суждено сбыться».

В это нелегкое время Махмуд впервые серьезно задумывается об организации своей танцевальной школы. Он понимает, что настало время передавать свое искусство молодым. К этой мысли его подталкивают разговоры с коллегами и поклонниками, а также письма — в последние годы их стало особенно много. Товарищ Махмуда Геннадий Пожидаев в изобилии приводит их в своей книге. Вот только некоторые из них:

«Дорогой Махмуд!

Наслаждался Вашим артистизмом много раз. Ваши танцы не только удовольствие, но и школа для актеров и особенно режиссеров. В них четко и мудро выраженная мысль и бесподобно изящное движение. Помню Ваши пленительные импровизации в кругу друзей в Грозном (русский театр). Благодарю за удовольствие и школу, полученные и в этот Ваш приезд.

Ваш заочный ученик и поклонник, заслуженный артист Сев. Осетии

Николай Шуров».

«...Вы должны оставить после себя наследника или наследницу Ваших танцев...

Девушки с завода «Сибсельмаш».

«...Вам нужен театр, ревю. Без театра Вы прекрасный метеор. От Вас останутся несколько картин, но не театр-школа...

Ваш друг».

— Надо всегда думать о том, что будет дальше, думаю об этом и я, — соглашался с авторами писем Махмуд. — Надо уметь вовремя уйти со сцены, и я уйду вовремя... Актер и на старости лет может жить полной жизнью, передавая свой опыт детям — тем глазам, которые в нем нуждаются, тем ушам, которые хотят слышать его рассказы. Я буду работать с детьми. Дети — это верно сказано — цветы жизни, только цветы не так красивы, как дети. В детях надо поддерживать, укреплять красоту, чтобы она навсегда осталась в них и когда они вырастут, и когда станут стариками... Я люблю гулять по Ленинграду, восхищаться его прекрасными зданиями. Как давно они построены, эти здания. И стоят, сохраняя свою красоту. Они стоят, потому что у них прочный фундамент. А дети — это наш фундамент. Не один я так думаю, так думают все, кто понимает, что такое мир, жизнь, красота. Я буду работать с детьми.

Жаль, но это свое обещание Махмуд выполнить не успел...

*

Здесь хочется привести слова о Махмуде, сказанные людьми, которыми по праву гордится Россия:

Балерина, народная артистка СССР Ольга Лепешинская:

«Махмуд Эсамбаев был замечательным человеком. Говорю уверенно, потому что наша дружба была доброй и искренней на протяжении многих и многих лет. В нашем доме, ЦДРИ (Центральный дом работников искусств), в работе которого он принимал самое деятельное участие, его очень любили, и, когда надо было с какой-нибудь очередной просьбой идти в высокие инстанции, мы никогда не слышали от него отказа. В ЦДРИ говорили: «Пошла наша квадрига героев (себя я, естественно, исключаю) — Ирина Бугримова, Борис Ефимов, Лев Кербель и Махмуд Эсамбаев». Он

принимал роль ведущего в сани Аполлона. «Из-за высокого роста», — говорил он. Махмуд был добрым человеком, но не «добреньким», он умел говорить правду далеко нелицеприятную провинившемуся в чем-то артисту, ведь он руководил немаленькой организацией. Но никогда люди не держали на него обиду в душе. Пишу о нем, а перо будто само отказывается писать в прошлом времени. В моем сердце он остался танцующим на сцене зала «Россия» вместе с великолепными артистами театра балета под руководством блестящего танцора Славы Гордеева в сцене из балета «Дон Кихот». Я не знаю вероисповедания Махмуда, но знаю, что он всегда называл себя чеченцем. Как русская, всем сердцем, наполненным любовью к Махмуду Эсамбаеву — честному, мудрому человеку с большой буквы, — я по русскому обычаю желаю, чтобы земля для него была пухом, потому что всю свою жизнь он был ее украшением».

Михаил Лавровский, народный артист России, балетмейстер Большого театра:

«Я как сейчас помню маленький телевизор «КВН» с линзой, куда наливали воду. Помню, как на этом крошечном экране я впервые увидел танцы Махмуда и был до глубины души потрясен.

Тогда я даже и предположить не мог, что когда-то буду дружить с этим человеком.

Когда случилась наша первая встреча, трудно сказать сейчас. Мне чаще всего вспоминается, как я был вместе с ним в Сочи на съемках фильма. Ему тогда было 57 лет. Эта дата мне запомнилась, потому что там, в Сочи, был большой концерт и Махмуд замечательно танцевал. Этот концерт поразил меня и навсегда запал в душу.

Наверное, даже хорошо, что я встретился с ним лично, будучи уже достаточно взрослым человеком, способным понять, что за уникальное явление — Махмуд Эсамбаев. Что это не только великий артист, но и, что очень редко бывает, великий человек.

Обычно большие артисты люди плохие, а вот Махмуд потрясающий!

Как складывались его детские и юношеские годы и как он жил до появления в Москве, я не знаю. Но, видимо, это была очень содержательная жизнь, так как здесь, в Москве, он сумел создать свой театр, свой театр на эстраде, и сразу скажу, а я имею на это право, как профессионал, что ничего подобного в мире танца ни до него, ни после него не существовало и не существует.

Да, Махмуд Эсамбаев — это единственное и неповторимое явление нашей жизни. Безусловно, он и сам понимал всемирный масштаб своего

дарования. Но этого никогда нельзя было заметить в его поведении. Махмуд всегда был прост и доброжелателен.

Вот я сейчас наблюдаю за людьми, за теми, кто на виду. У всех друзья — члены правительства. Если у вас в числе друзей нет президента, главы мэрии или, на худой конец, министров и миллиардеров, то вы как человек ничего не стоите.

У Махмуда друзья были самые простые люди, и об этих друзьях он заботился, как о самых близких своих. Как-то я пожаловался ему, что у меня больна мама и нужно каким-то образом достать уникальные лекарства... Так вот, представьте себе, он где-то добыл эти лекарства и уже в семь утра прибежал по лестнице к нам наверх — я жил на Арбате, — прибежал и принес лекарство для моей мамы! Всё! Больше ни с кем и никогда я подобного не припомню. На такое был способен только Махмуд.

По характеру он человек очень теплый, честный и прямой, но если надо, мог быть и очень жестким. Но никогда он никого понапрасну не обидел. У настоящих чеченцев вообще один из самых важных житейских принципов — не уронить достоинство другого человека, не унижить его. На такое Махмуд не пошел бы никогда в жизни. Это отношение к людям замечательно сочеталось с его религиозными принципами.

Я как-то делал спектакль о Господе нашем Иисусе Христе, и Махмуд был на этом спектакле. Да, он мусульманин, но он никогда не был нетерпим к другим религиям.

Мы много разговаривали с ним на эти темы. Меня, прямо скажу, поразило его мудрое, глубоко философское отношение к адептам всех основных религий. Он говорил — Бог один, а люди различных религий просто смотрят на него с разных сторон. Мусульмане с одной, христиане с другой, буддисты с третьей, иудеи с четвертой... Космическая же идея одна.

Такой подход сразу снимал все споры.

Это был исключительно умный, добрый, искренне верующий и принципиальный человек — настоящая крупная личность!

Махмуд был глубоко убежден, что главное дело человека, для которого он призван в этот мир, — помощь другим людям.

Очень многие ему благодарны. Всем людям, которых он знал, Махмуд рано или поздно, но помог. Помог всем. Очень помог он и мне. И хотя сферы нашей деятельности в искусстве, конечно, различные, но для меня была исключительно важна его вера в меня и духовная эмоциональная поддержка. Это буквально удваивало силы, и я становился способен на такое, чего без его поддержки никогда бы не осилил.

Он всегда верил в меня, приходил на мои премьеры. А ведь я не всегда даже его приглашал. Я безобразно, просто по-свински, забывал о нем в жуткой кутерьме, предваряющей всякую премьеру. Зато он не забывал и на самых главных моих премьерах всегда присутствовал. В зале Чайковского был, в Театре оперетты был, в театре Станиславского тоже... везде был. Он всегда приходил сам, как настоящий старший товарищ, как старший брат, и тем замечательно поддерживал меня.

Только вот поговорить по-настоящему о жизни нам с ним никогда толком не удавалось, о чем я очень жалею. Дело в том, что всегда и везде вокруг него был народ. Как в улье каком-то, буквально все гудело. Только очень сильный и очень добрый человек может так притягивать к себе людей.

С огромным уважением он относился к зрителям. Он не просто их любил, но он ясно понимал, что для них он живет.

Расскажу один случай, который прекрасно это утверждение иллюстрирует. К большому сожалению, я сам в этом событии участия не принимал, но люди, рассказавшие мне об этом удивительном концерте, достойны полного доверия.

Однажды Махмуд должен был давать большой концерт из двух отделений. И вот перед самым выходом он повредил ногу. Травма была настолько серьезная, что ни о каких танцах не могло быть и речи.

Что делают в таких ситуациях другие артисты? Извиняются перед зрителями и отменяют концерт.

Кто угодно, но только не Махмуд.

Хромая, он вышел на сцену. Посмотрел в зал, улыбнулся и сказал: «Вы видите, я не могу танцевать. Но не волнуйтесь, друзья, концерт состоится».

На клавише лежали ноты. Сейчас уже не вспомню, что это было... Доницетти, кажется, «Любовный напиток».

Махмуд открыл клавиру и начал петь. Он блистательно знал партитуру и пропел для зрителей все партии этого произведения и в результате был награжден бурной овацией благодарных зрителей.

Надо сказать, что Махмуд потом никогда не рассказывал об этом удивительном концерте. Но те зрители, которым посчастливилось оказаться тогда в зале, услышали единственное и неповторимое исполнение великой оперы.

Махмуд вообще всегда думал о людях.

Даже когда умирал, он согласился на то, чтобы его похоронили не в Грозном, а здесь, в Москве. Он понимал, что многие люди захотят прийти на кладбище. В Грозный не все попадут, а в Москве каждый, кто пожелает,

сможет побывать у него на могиле.

Царствие ему небесное! Махмуд был очень хорошим другом и замечательным человеком. Пока я жив, я всегда буду ему благодарен. Когда я вспоминаю и думаю о нем, то сам становлюсь лучше».

Народный артист СССР Игорь Моисеев:

«С Эсамбаевым ушли особый эсамбаевский стиль, эсамбаевские образы. Повторить его невозможно, и какое счастье, что он остался на киноленте, на картинах и снимках, в записях его устной речи, столь же яркой как и его танец.

Махмуд — это самородок. Это дар природы. Притом редчайший.

Он никогда не посещал хореографических студий и училищ, но его тело, казалось, было создано для танца, для него не существовало технических трудностей, и он распорядился этим щедрым подарком природы со всей ответственностью истинного артиста.

Представитель гордого народа, Махмуд отдавал себя сближению людей. Не случайно его репертуар состоял из танцев разных народов мира. Дружба, добро, красота были целью его творчества, основой его взглядов.

С уходом Эсамбаева мы стали беднее. Но скажем спасибо ему за то непреходящее, что он оставил в искусстве и человеческих отношениях».

Народный артист СССР Владимир Зельдин:

«Махмуд был удивительным хранителем национальной культуры. Ни перед кем из президентов и королей он не снимал папаху, но позволял это себе на юбилеях друзей. У меня до сих пор хранится его папаху, которую он мне преподнес».

Народная артистка СССР Людмила Зыкина:

«Я очень люблю Махмуда, как человека, и как художника. Потому что повторить его невозможно.

Каждый его танец — это целый спектакль с рассказом о жизни, истории, обычаях и нравах того или иного народа. Своим творчеством он воспевает красоту, доброту, радость жизни.

Познакомились мы в 1958 году на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Я ему говорю: «Махмудик, что мне надеть для выхода на сцену? Я хочу петь в сарафане». А он отвечает: «Люда, у тебя прекрасная фигура, ничего не выдумывай, надевай платье».

Махмуд для меня был очень хорошим другом. Когда мы с ним встречались, то не могли наговориться. Он всё рассказывал, как нужно

сохранить свою фигуру. Говорил, что спать нужно только на полу. Причем на пуховых одеялах не мог спать, а возил с собой шерстяную подстилку. Говорил: «Люда, зато у меня спина не болит и никогда не болит поясница».

Искусство Махмуда завораживает всех, кто хоть однажды с ним соприкоснулся.

Пожалуй, нет в нашей стране такого уголка, где бы не любили этого замечательного танцора.

Махмуд был для меня очень хорошим другом».

Народный артист СССР Иосиф Кобзон:

«На вопрос, чем привлекателен был для вас Грозный, я отвечаю: прежде всего тем, что в нем жил Махмуд Эсамбаев — мой старший брат, мой друг, мой любимый артист... Более тридцати лет я был связан узами тесной дружбы с Махмудом. Это был уникальный человек. Такие люди не повторяются. Он прославил себя, свой народ на века. В любой ситуации Махмуд с гордостью говорил: «Я — чеченец».

Дважды Герой Советского Союза космонавт Валерий Кубасов:

«Мне кажется, Эсамбаева я знаю и помню с детства. Я крепко запомнил тогда, в 50-е годы, прозвучавшее на весь мир имя Махмуда Эсамбаева. Язык танца понятен всем. В танцах Махмуда есть нечто глубокое, волнующее каждого, какой бы он ни был национальности, вероисповедания, расы, — это философское начало искусства его танцев.

Когда я лично познакомился с Эсамбаевым, я убедился, что это — выдающаяся личность не только в области танцевального искусства, но и в общественной деятельности. Мы, космонавты, облетаем мир, Землю примерно за полтора часа. Почти за это же время, побывав на концертах Махмуда Эсамбаева, мы, зрители, тоже словно бы облетаем весь шар и имеем возможность познакомиться с искусством танца всех континентов.

Общение с Махмудом — огромное удовольствие, потому что он прекрасный собеседник, человек большой доброты и чистой души, который хочет, чтобы на нашей планете Земля люди жили дружно, мирно. Это свое желание он выражал в своих танцах, понятных всем и каждому».

Народная артистка СССР Ирина Архипова:

«Я вспоминаю перевыборы Международного союза музыкальных деятелей в Доме композиторов. Там собрались все ведущие музыканты, артисты и стали думать — как же назвать главу союза? В зале атмосфера была напряженной, тут и там вспыхивали споры, но подвести итог так и не

удавалось. Тут Махмуд встал и с места крикнул: «Не надо нам председателей колхоза, хватит! Конечно, президент». Это было очень смешно и неожиданно, обстановка в зале сразу потеплела, и действительно утвердили такое название должности.

Махмуд часто бывал у меня дома. Рассказывал какие-то невероятные истории о своей молодости, о своей юности, о работе с Галиной Сергеевной Улановой в Киргизском театре оперы и балета. Он блестяще изображал одним движением падающей руки умирающую Марию из балета «Бахчисарайский фонтан». Прямо на кухне, прислонясь к косяку. И это было так точно, так выразительно, так тонко подмечено. Махмуд был очень музыкальным, он многое впитывал в себя и очень образно выражал, с ним было интересно. Он из ничего мог сделать так, что вы обязательно рассмеетесь. Очень здорово подмечал все достоинства и недостатки людей, особенно актеров. Причем не обидно, а именно смешно. Со всеми был на равных, со всеми доброжелателен. Махмуд своим примером показывал, что в чеченской нации есть и доброта, и светлость, и радость.

Махмуд по-своему был философом в таком юмористическом плане, такой Ходжа Насреддин. Он человек-улыбка. Когда он приходил в наш союз, все расцветало и сияло, одаренности он был величайшей, у него был свой стиль, ни на кого не похожий, это просто удивительно. Второго такого человека нет».

Народные артисты СССР Александра Пахмутова и Николай Добронравов:

«На свете много артистов балета, много даже хороших артистов балета, но как мало (их даже можно пересчитать по пальцам) артистов, которые родились на свет для того, чтобы танцевать; как в звездной пыли огромного неба не так уж часто возникают вдруг истинно немеркнущие светила.

Махмуд Эсамбаев родился для того, чтобы танцевать. Смолоду до последних дней его внутренний нерв, точно молния, давал его телу божественный сигнал, чтобы насытить танец невероятной энергией и темпераментом от самого начала и до конца, когда он в завершающей фазе ставил последнюю точку в танце так, что эта финальная поза становилась неким символом, застывшей скульптурой подлинно классического совершенства.

И все-таки Эсамбаев родился не только для того, чтобы танцевать. Великим он был во всем. Был он великим общественным деятелем нашей страны.

Будучи сам талантливым от природы, он, как никто, умел отличить талант от серости. Он очень любил молодежь и, как мог, всегда помогал молодым. Старался не пропустить ни одного концерта, где выступают молодые, — чего бы это ему ни стоило, как бы плохо он себя ни чувствовал.

Во все времена он говорил то, что думал. Никогда не склонял голову перед «вышестоящими». Зная, что в зале находятся высокие чины, он с особым удовольствием говорил со сцены всё, что думал о них, получая в ответ бурю аплодисментов из зала.

И еще. Он был истинно народным артистом, ибо он был любимцем не только всех народов Советского Союза, но и любимцем всех народов мира.

Губернатор Московской области, Герой Советского Союза Борис Громов:

«Махмуд Эсамбаев... Для меня он навсегда останется человеком-легендой. Нет необходимости перечислять все его награды, звания и титулы — их так много, что, боюсь, сухое перечисление затмит личность Эсамбаева. А суть его личности в необычайном человеколюбии, неиссякаемой доброте и широте души. Я намеренно не поставил на первое место талант Махмуда Эсамбаева, эта грань его жизни хорошо всем известна.

Судьба этого человека, внешне яркая, подобная звезде, на самом деле была сложна, порой трагична. Он в полной степени разделил судьбу страны, судьбу народа. Это и Великая Отечественная война, когда Махмуд, уже в раннем возрасте проявивший незаурядный хореографический талант, участвовал во фронтовых артистических бригадах. Только на передовой он дал почти четыреста концертов, а уж сколько раз выступал перед ранеными бойцами в госпиталях и медсанбатах, вообще не поддается счету.

Вероятно, с тех времен у Махмуда Эсамбаева и осталось искреннее уважение, даже преклонение пред людьми, защищавшими Родину. К примеру, всем известна знаменитая папаха Махмуда. Он ее не снимал даже в самых высоких кабинетах и собраниях. Однако, встречаясь с ветеранами Великой Отечественной войны, Эсамбаев всегда снимал папаху и преклонял голову. И в этом жесте не было ничего наигранного, наносного.

Эсамбаева не раз выбирали депутатом различных Советов — от местного до Верховного СССР. Мало кому удавалось для людей, доверивших ему высокую должность, сделать столько доброго и полезного. Для себя он никогда ничего не просил, зато для других был настоящим заступником, для которого проблема, а тем более беда человека

воспринималась как личная. И не было таких кабинетов, в которые Махмуд не прошел, чтобы помочь обратившемуся к нему за поддержкой.

Эсамбаев, даже став знаменитым на весь мир танцором, любил выступать на сценах гарнизонных Домов офицеров, солдатских клубов. И благодарные зрители придумали для Махмуда еще одно почетное звание — «Маршал танца», которым он очень гордился. Но более всего Эсамбаев любил подчеркивать, что он — народный артист СССР. «И никогда не стану другим!» — обязательно говорил он.

...Таких людей мало. Именно поэтому мы еще долго будем ощущать пустоту в том уголке души, которую занимал Махмуд».

Народная артистка России Алла Баянова:

«В начале 1990-х годов я выступала в городе Сочи и вдруг вижу в зале человека в папахе. Я сразу поняла, что это Махмуд Эсамбаев. Он пришел с огромной охапкой цветов и преподнес их мне очень неожиданно. Махмуд выскочил на сцену легкой кошачьей походкой и бросил их, прямо осыпал меня цветами. Были такие овации, такой невероятный успех. Мне было так приятно. Я его обняла и чуть не задавила, так была рада с ним пообщаться. Это было первое наше такое цветочное, очаровательное, сердечное, душевное общение. Потом мы много раз с ним встречались. И сегодня я остаюсь со своим восхищением и благодарностью, что я его знала, что он так ласково ко мне относился.

И это ощущение меня сопровождает при каждом соприкосновении с этим именем. Махмуд был уникален во всем. Такого второго нет и не будет. Может быть, когда-нибудь, где-то через сотни и сотни лет.

Общение с ним — это радость каждому человеку. Он всегда был ласковым, всегда улыбающимся.

А это нам в сердце льется».

*

Конечно же особенно теплые воспоминания о Махмуде остались у его земляков-чеченцев. Хочется дать на страницах этой книги слово хотя бы нескольким из них. И прежде всего — Мусе Гешаеву:

«Махмуд любил грушу в Шатойском районе. Это было его родное дерево.

Для вайнаха вообще груша — главное дерево. Он всю ее любит. И плоды ее, и цветы, и черный кряжистый ствол, когда опадет листва.

Под этой грушей можно было не только посидеть или полежать в тени. Неподалеку, прямо за полянкой мягкой зеленой травы начиналась тропинка, по которой можно было спуститься к Аргуну, который тут течет не слишком быстро, и вода успевает прогреться так, что и купаться можно.

Тут возле груши и шашлык можно было сотворить.

Грушу эту Махмуд называл своей экологией. Потому что для него это дерево со всем, что его окружает, было природой, и жизнью, и красотой, и всё в одном чудесном месте.

Отец Махмуда, хоть и был старый рубака партизан, к природе относился внимательно и всегда говорил сыну: «Лес — брат наш, а речка — сестра родная!»

То есть жить в природе нужно, как в семье, ни брата, ни сестру не обижать.

Каждый раз уезжая, Махмуд махал груше рукой: «Не грусти без нас. Мы скоро вернемся!»

Говорят, танец — это общение с Богом. И Махмуд с Ним общался. Да, Махмуд наделен божественным даром. Все, что в нем было, всё от Бога. Он излучал свет, доброту, согревавшие человека.

Махмуд никого не оставлял равнодушным. Он завораживал, притягивал, очаровывал, заставлял смеяться, вызывал слезы, но слезы радости и восторга.

Сегодня Махмуд с нами и в то же время далеко от нас. Он заставлял нас плакать. Плакать даже тех, кто никогда в жизни не пролил и слезинки.

Чеченец не любит склонять голову, и его слезы редко кому удавалось видеть. Сегодня я видел суровых, мужественных сынов гор плакавшими. Неутешно их горе. Они потеряли своего великого земляка, посвятившего себя служению народу и любимой Чечне.

Махмуд никогда не останавливался. Он шел всю жизнь. Шел, чтобы успеть сделать как можно больше для людей. Он шел, пока не перешел в бессмертие. Пока не стал легендой. Пока не стал Пророком. Сейчас он далеко от нас, и все же я уверен, что ты слышишь меня, Махмуд. Потому я говорю тебе: «Дала геч дойла хьуна^[2]».

Министр культуры Чечни, народный артист России, художественный руководитель ансамбля «Вайнах» Дикалу Музакаев:

«Первая моя встреча с Махмудом Эсамбаевым состоялась в 1997 году на торжествах, посвященных 850-летию Москвы. Правда, когда я учился в Грозненском культпросветучилище, мы, студенты, бывали у него дома.

Стелла Махмудовна говорила, что мне надо танцевать не только национальные, но и танцы народов мира, как ее отец.

В Измайлове организовали гала-концерт Государственного ансамбля танца Ингушетии. Я пригласил туда представителей Министерства культуры РСФСР, Махмуда Эсамбаева и Мусу Гешаева. Я вышел на сцену, поприветствовал почетных гостей, поблагодарил их за то, что нашли возможность прийти на это мероприятие.

«Особенно радостно отметить, — сказал я, — что в зале находится легенда хореографии XX века Махмуд Эсамбаев».

Муса Гешаев рассказал мне позже, что у Махмуда в тот момент выступили на глазах слезы...

После концерта был банкет. Когда зашел Махмуд, я не стал садиться за стол, а обслуживал гостей, как и положено младшим по возрасту. Махмуд сказал министру культуры Ингушетии Казбеку Костоеву полушутя: «Этого Дикалу мы дали вам не потому, что он нам лишний. Он не должен обслуживать стол. Он сделал вам профессиональный ансамбль. Хотя бы поэтому должен сидеть рядом с тамадой. Если вы не будете к нему относиться должным образом, мы его заберем обратно».

Эсамбаев пригласил министра культуры Ингушетии на концерт в честь открытия звезды Махмуда Эсамбаева на Аллее звезд. Я был приглашен туда с чеченским традиционным парным танцем, который я исполнял с Мадиной Музакаевой.

Это было в то время, когда я работал в Государственном ансамбле танца Ингушетии.

Мы конечно же станцевали.

Когда мы работали на открытии звезды, Махмуд спросил у известного болгарского певца Бисера Кирова: «Ты меня помнишь?» Тот ответил: «Я не могу тебя помнить». Махмуд указал в мою сторону: «Вот посмотри. Это я, молодой, танцую на сцене». За всю свою жизнь более высокой оценки своего творчества я не получал!

Махмуд Эсамбаев попросил нас приехать летом с этим же танцем на свой семидесятипятителетний юбилей, но когда в нашем разговоре он сказал, что пригласил в Москву и ансамбль «Вайнах», мне пришлось предупредить великого танцора, что ичкерийские власти, скорее всего, проигнорируют его приглашение.

Со своей стороны я твердо обещал приехать и сделал бы это, даже если бы мне пришлось расстаться с работой. Махмуд почему-то был склонен сомневаться в ингушах, что они могут не приехать. Но Руслан Аушев, получив факс из Москвы, сразу же подписал распоряжение о

выезде национального ансамбля в столицу. Таким образом мы свое обещание выполнили.

Надо сказать, что юбилей был очень трогательным. Эсамбаев был безнадежно болен, и все это знали.

На генеральной репетиции, увидев Махмуда, мы испугались: он не мог передвигаться без помощи со стороны, был белым как снег. Его всё время трясло, и он не мог нормально разговаривать. Но на следующий день, когда открылся занавес, мы увидели на сцене энергичного и подтянутого Махмуда. А ведь у него еще не были сняты швы после операции. Когда врачи ему сказали, что опасаются за его здоровье, Махмуд ответил, что не так везуч, чтобы умереть на сцене...

За кулисами дежурила целая медицинская бригада. Все были в большом напряжении. Юбиляр дождался нашего выхода на сцену и ушел на перерыв только после того, как мы исполнили свой танец. А во время перерыва он удивил помощников неожиданным требованием надеть на него черкеску. Все уговоры оказались тщетными и... после перерыва зрители едва не онемели от изумления: человек, который не должен был вообще покидать больничную палату, уверенно и грациозно шагал по сцене в национальном костюме. Мало того, он еще и станцевал лезгинку, а зал стоя аплодировал ему. На глазах у людей были слезы. Это был последний выход на сцену великого Махмуда Эсамбаева...

Когда мы на поезде возвращались домой, то в Ростове-на-Дону неожиданно встретились с ансамблем «Вайнах», следовавшим на грозненском поезде в Москву. Мы едва успели пожать друг другу руки. И было очень грустно оттого, что мои соотечественники охотно отправились на гастроли в Италию, причем через Москву, а на приглашение своего знаменитого земляка не отозвались.

Любой другой народ гордился бы таким человеком до безумия, ведь его таланту поклоняется весь мир: в нескольких зарубежных странах стоят памятники М. Эсамбаеву в полный рост. Это был великий человек и великий танцор. Если бы он был жив, то мог бы сегодня оказать нам неоценимую помощь: и ансамблю, и культуре в целом...

В первую чеченскую кампанию Эсамбаев потерял всё свое состояние, на которое, как он шутил, можно было бы построить в Москве целую улицу. Был разрушен дом, погибла коллекция картин и костюмов. Только на одном из костюмов было нашито более 600 бриллиантов. Мэрия Москвы тогда предложила танцору любую квартиру на выбор, и он поселился в квартире на Новом Арбате.

В 1995 году Махмуд в присутствии «сильных мира сего» проклял

разжигателей чеченской войны. Такую историю рассказал известный литератор и журналист Руслан Нашхоев. «После спектакля в Большом театре в Москве фуршет был. Махмуд в шапке, галстук, как всегда, подтянутый, грустный был, в очень депрессивном состоянии. «Скажи!» Махмуд не решался. В конце концов, когда его доняли, а там был Лужков, там были министры, он сказал: «Я скажу», и он сказал очень грубые, но точные слова: «Пусть сдохнут все, кто начал войну». Передохнул и сказал: «И все, кто за это не выпьет». И все выпили».

А его дочь Стелла Эсамбаева сказала: «Эта война была глубокая для него боль. Когда у него спрашивали, как его состояние, он говорил: «Всё это ерунда, там гибнут люди — вот это самое страшное».

Махмуд регулярно звонил президенту Ельцину, своему давнему приятелю, и просил остановить кровопролитие в Чечне. После отставки Ельцина звонить стало некому. Артист быстро таял...

На сцене Махмуд мог всё, но остановить кровопролитие в Чечне ему оказалось не под силу...

Страна помнит великого артиста.

В мусульманской части Даниловского кладбища в Москве открыт памятник Махмуду Эсамбаеву. Постамент выполнен из черного гранита и лабрадорита, а скульптура артиста — из тонированной бронзы. Известный поэт Андрей Вознесенский читал на открытии монумента свои стихи, посвященные этому человеку.

А в Грозном, во дворе Министерства культуры, установлен памятник, созданный руками самодеятельного скульптора.

Махмуд был гражданином мира. Но прежде всего он принадлежал чеченскому народу. Недаром каждый свой концерт он всегда начинал с танца «Любовь к Родине». И на первом ряду, в какой бы стране, каком бы городе ни выступал Махмуд, — всегда сидели чеченцы — эти места Махмуд отдавал землякам.

Много переведено чернил и бумаги, чтобы доказать миру, что чеченцы — бандиты, изменники. А в современную эпоху придуманы и новые эпитеты — террористы, экстремисты. Махмуд своим творчеством, беззаветным служением своей стране, миру опровергал эти горы лжи.

Не только неземной талант Эсамбаева, но и его личностные качества — доброта, порядочность, самоотверженность, исключительное обаяние — всё это положительным образом влияло на имидж того народа, который он представлял.

Советник председателя Государственной думы РФ Саид Лорсанукаев:

«В Шатоевском районе Чечни есть родник, названный горцами в честь Махмуда. На вертикальном срезе скалы, плотно заросшем свежим узорчатым мхом, сверкают, переливаются, двигаются, точно живые, частые капли, каждая с тонким звоном обрывается в ручей.

Когда Махмуд приезжал в горы, он обязательно останавливался возле этого, ранее неизвестного родника и пригоршней пил воду из него. Вокруг родника — тайна. Сколько раз люди забирались на вершину скалы, искали его начало. Исток родника глазами не увидишь, руками не потрогаешь. Сухо наверху. Видно, в сердце скалы его искать надо.

И подумал я: не случайно горцы назвали родник этот Эсамбаевским. Есть в этом глубокий смысл: родник человеческой доброты, чистоты и щедрости бился в душе Махмуда, бился бескорыстно, сверкал заботами о благе близких, родных, о благе родного края.

Люди, вспоминая Махмуда, говорят не о танце, не о виртуозности или одухотворенности танцора, говорят об ожоге, ознобе, ошеломлении, неподдельном восторге, слезах. Такой человек, как Эсамбаев, бывает раз в человеческой жизни. Если планета Земля рождает такое чудо даже раз в тысячу лет — спасибо ей за это.

Эсамбаев принадлежит не одному танцу, не одному искусству, не одному народу. Он принадлежит вселенной — разноязычной, разноплеменной и необозримой аудитории.

Именно поэтому, уйдя в мир иной, он остался с нами. Именно поэтому хочется снова и снова думать о нем и вновь переживать то высочайшее волнение, то наслаждение и радость, которые он дарил так щедро, с такой великой любовью к нам.

Изящество, тонкость, лиризм, красота движений его танца всегда и везде будут трогать людей, волновать их, делать лучше и чище.

Жизнь продолжается. Она, сохраняя сама себя, дает побегу на любых развалинах, произрастая даже из малого семени. Снова зацветут сады, как феникс из пепла, возродится Чечня. И это будет лучшим памятником ее легендарному сыну — Махмуду Алисултановичу Эсамбаеву».

Журналист Руслан Караев:

«Если хочешь убедиться, что танец — это высочайшее искусство, смотри его из зала, — сказал мне как-то Махмуд Эсамбаев, — а чтобы узнать, какая это тяжелая работа, приходи за кулисы и наблюдай оттуда».

Было это в далеких уже семидесятых, когда я, еще совсем неопытный репортер молодежной газеты «Комсомолец Дагестана», договаривался с великим танцовщиком об интервью для этого издания.

Концерт должен был состояться в здании приморского театра Махачкалы, и незадолго до его начала я уже устроился на стуле где-то в конце сцены и слушал приглушенный гул переполненного зала. Потом были долгие выходы и возвращения танцовщика за кулисы, град пота на его лице, прерывистое дыхание артиста и хриплые, едва слышимые команды в адрес музыкантов о подготовке к следующему танцевальному номеру.

А в зале неистовствовала восторженная публика, наблюдавшая за искрометными танцами кумира, освещенного ярким светом мощных софитов, и внимавшая великолепному аккомпанементу музыкантов...

Как и в судьбе каждого великого человека, в жизни Махмуда были и зависть коллег по сцене, и злобное очернительство, предательство вчерашних поклонников и злодейское коварство. Сам же он стоял выше всего этого и щедро дарил людям свою дружбу и свое лучезарное искусство.

Удивительно, но еще солистом Киргизского театра оперы и балета, когда весь чеченский народ был в депортации и немилости советской власти, Махмуд Эсамбаев заставил всех говорить о себе с придыханием. А ведь тогда мало еще кто знал, что Махмуд Эсамбаев успел пронести свое уникальное искусство еще по фронтам Великой Отечественной, даря солдатам своей Родины минуты радости и вдохновения. И это был его, эсамбаевский, вклад в Победу.

Звездный час чеченца, чей народ всё еще оставался в казахстанской и киргизской ссылке, наступил на московском Всемирном фестивале молодежи, куда уже признанного в профессиональных кругах танцовщика организаторы форума просто вынуждены были пригласить для публичных сольных выступлений.

Вспоминая о тех днях, Махмуд любил отмечать, что и в дело возвращения своего народа на Кавказ ему удалось внести свою весомую лепту. Он имел право такое утверждать.

Потом начались его многолетние международные гастроли, концертные поездки по всем городам и республикам Советского Союза. Из многих таких туров он привозил новые хореографические идеи, которые потом воплощал на сцене в единственной тогда и сейчас своей сольной программе «Танцы народов мира». Не раз к нему подходили люди разных национальностей и выражали неподдельное удивление, что, мол, как ему удается танцевать «Золотого бога» лучше индусов, «Макумбу» лучше бразильских индейцев, а в «Корриде» превзойти самих испанцев.

Как-то и я решил задать ему такой вопрос, готовый услышать что-

нибудь в стиле «Работать надо», но оказался совсем неожиданным: «Я же чеченец... А в нашем танце есть всё: и горы, и степи, и яростный огонь, и всё сметающие водные потоки»...

Наверно, тогда я понял для себя, почему этот человек всегда и везде, не снимая ни перед кем — ни перед королями и президентами, ни перед папой римским, ни перед различными генсеками, шахами и султанами, носил на своей гордой голове чеченскую каракулеву папаху. В то время это был единственный публичный чеченец, позволявший себе такую роскошь. Его никогда и никто не видел в жизни в чем-либо другом, никаких вам сибирских шапок, фетровых шляп, модных фуражек или восточных тюбетеек и тюрбанов.

После каждого концерта Махмуд Эсамбаев, еще не восстановив дыхание, не переодеваясь, вдруг снова выходил из-за кулис и на двух языках — чеченском и русском — приветствовал аудиторию. Это вызывало бурю восторга в самых фешенебельных залах, в которые он всегда приглашал и усаживал на первые ряды представителей чеченских диаспор. Ни в одной филармонии никто не смел ему в этом отказать. Настолько был высок и непререкаем авторитет этого гениального человека.

Свое чеченство Махмуд не выпячивал, он его красиво демонстрировал на всех уровнях после очередного признания своего искрометного таланта благодарной публикой. С тем, чтобы эта самая публика начинала нормально относиться и ко всем другим чеченцам, которых кремлевские интриганы сделали изгоями в их собственной Родине. Махмуд очень переживал, когда другие его соплеменники, волей судьбы оказавшиеся на пике мировой славы, начинали по каким-то причинам скрывать свое чеченское происхождение.

И всё же слава Эсамбаева, человека и гражданина, связана в основном и в первую очередь с его уникальным и щедрым талантом непревзойденного танцовщика. Махмуда приглашали на съемки художественных фильмов, в которых он играл самого себя и других известных персонажей. О нем снято много документальных лент, где представлена вся палитра эсамбаевского таланта. Один из них, и, кажется, самый яркий, так и называется «Махмуд Эсамбаев». Талантливейший грозненский кинорежиссер Суламбек Мамилев привел в нем высказывания о Махмуде выдающихся людей современности. В фильме красочно и высоко профессионально показаны все лучшие танцы гения. Сегодня этот фильм, к сожалению, последняя, но лучшая работа, в котором искусство Махмуда Эсамбаева представлено во всем его величии и неповторимости.

Вот как в свое время высказалась о нем очень принципиальный и

скупой на похвалу эксперт, великая балерина Галина Уланова: «Такие люди, как Махмуд Эсамбаев, встречаются один раз даже не знаю во сколько лет. Он, по существу, так пластичен, так музыкален и так выразителен... что все, что он исполняет, никто другой не смог бы...»

Приведу здесь и слова выдающегося ученика Махмуда, живущего сейчас в Дании, Саламбека Идрисова: «Махмуд — велик и талантлив. Он знаком всей планете. Феномен Эсамбаева удивляет многих и сегодня. Его талант долгие годы одаривал нас светом мужественной красоты, вдохновения, народной мудрости. О его способностях создавать характеры, полные внутреннего и внешнего содержания, танцевать так, как будто говорить, о жизни человека и человечества говорят и пишут искусствоведы и сегодня. Он всегда восхищал зрителей искусством танца. Пластичность и воздушность, строгость и четкость рисунка делали искусство Эсамбаева совершенным образцом классического танца. Я горжусь тем, что мне посчастливилось быть его учеником».

К гению великого чеченского и российского танцовщика без всякой натяжки подойдет любой, самый превосходный эпитет. Но и любой, самый удачный из них одновременно будет недостаточен, чтобы его по-настоящему можно было бы оценить.

Сегодня Героя Социалистического Труда и народного артиста СССР продолжают помнить и почитать его талант люди, живущие во всех уголках мира. Наши современники и будущие поколения чеченцев и всех граждан страны должны знать и чтить своих великих соотечественников, несших славу и признание и своей стране, и своим народам».

Конечно, с особой теплотой вспоминают о Махмуде его родственники. Один из них — одиннадцатикратный чемпион мира по боям без правил, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер России Саид Эсамбаев. Он говорит: «Бескорыстие — эта черта дяди особенно врезалась мне в память. Он любил людей. Меньше всего он делал для своих родных и близких, не уставая повторять: «Я — слуга народа, и моя главная награда — счастливые глаза того, кому удалось помочь».

В последние свои земные годы Махмуд Эсамбаев много думал о жизни, снова и снова обращаясь мыслью к высшим духовным достижениям человечества и понимая уже — это и есть путь к Богу. Об этих годах вспоминает председатель Совета муфтиев России, председатель Духовного управления мусульман европейской части России шейх Равиль Гайнутдин:

«Об этом Человеке с большой буквы, выдающемся танцовщике, «короле танца», как неоднократно титуловала его зарубежная и отечественная пресса, Махмуде Эсамбаеве можно говорить долго и очень

много. И все сказанное о нем стало бы отражением его многогранной и яркой личности.

Я был хорошо знаком с Махмудом-эфенди, мы часто общались с ним по телефону и принимали участие в работе многих международных конференций, правительственных заседаний и в разного рода представительских мероприятиях и встречах. Это был очень добрый, мягкий, сердечный человек с раскрытой для людей душой. Я не стану останавливаться на его феноменальном профессионализме и выдающемся таланте самородка-танцовщика: специалистами-хореографами и балетмейстерами, теоретиками и критиками написано и сказано так много заслуженно хорошего о нем, что мои слова попросту утонут в бездне восторженных рецензий о нем и дифирамбов. Я думаю, нет надобности оценивать любимца Терпсихоры, вознесшей его на высочайший Олимп искусства, этого величайшего мэтра танца, художника и гуманиста, ибо история с благоволения Всемиловейшего Творца уже все сама определила и расставила по своим местам. Но мне хотелось бы вспомнить один маленький эпизод, свидетелем которого я был, и очень характерный для Махмуда-эфенди, хорошего мусульманина и просто милого человека.

В начале чеченской войны 1994–1996 годов, когда правительство РФ искало способы нормализации ситуации в Чечне, премьер Виктор Степанович Черномырдин собрал в Доме правительства большую группу государственных деятелей, руководителей общественно-политических организаций, видных военачальников, представителей науки, культуры и искусства, элиту российской интеллигенции и нас, высших духовных иерархов традиционных российских религий. На этой встрече обсуждался один и самый животрепещущий вопрос: о путях прекращения военных действий и кровопролития в Чеченской Республике, где гибли мирные люди и, как правило, самые незащищенные и слабые — женщины, старики, дети.

Недалеко от меня среди деятелей культуры заметно выделялся своей колоритной внешностью в традиционной горской папахе и статью джигита Махмуд Эсамбаев. После нескольких выступивших он, попросив слово у Черномырдина, обратился к присутствующим с очень простыми проникновенными словами, выразившими горе и страдание своего народа, которые глубоко врезались в мою память, а затем немного поведал и о себе. Махмуд говорил, что недавно он был одним из самых богатых людей Советского Союза, имевших всемирную славу и признание как среди монархов и политиков, руководителей государств и бизнесменов, так и среди простых людей во всем мире — ценителей прекрасного. Что все они

с теплотой и восторгом, шквалом рукоплесканий и своей любовью выбирали его искусство, которое он им щедро дарил. Они оказывали различные знаки внимания и преподносили букеты цветов и подарки, из которых в Грозном впоследствии был организован его мемориальный музей, где хранились дорогие картины, которыми могли бы гордиться известнейшие музеи мира. Среди множества ценных подарков, орденов и наград особенно выделялся очень дорогой индийский театральный костюм, подаренный Махмуду президентом Индии Джавахарлалом Неру с 600 бриллиантами. Во время войны в результате одной из бомбовых атак на Грозный музей был разрушен, многие ценности безвозвратно потеряны и уничтожены, а он остался без крова и вынужден был переехать в Москву, в однокомнатную квартиру. Только недавно благодаря мэру Москвы Ю. М. Лужкову Махмуд смог улучшить жилищные условия. Но не потеря имущества, не разрушение музея огорчает его сегодня. Каждый выстрел, разрыв многокилограммовой бомбы или снаряда вырывает частицу его сердца из груди, и кровоточит оно нестихающей болью. Тысячи его соплеменников, а также братьев и сестер других национальностей и религий, потеряв свои дома и родных, свое имущество и здоровье, ютятся в развалинах Грозного, а некоторые навечно погребены под ними.

Когда Махмуд-эфенди говорил все это, слезы горя и сострадания выступили на глазах его, словно бриллианты Неру, потерянные под бомбежкой. Но мужественный «патриарх танца» не стыдился их: это были не слезы слабости, а слезы горя отца, оплакивающего погибающих детей своих. Своим пламенным и столь эмоциональным выступлением Махмуд-эфенди произвел такое сильное впечатление на участников встречи, что в зале воцарилась скорбная тишина.

Махмуд-эфенди был редчайшей и широчайшей души человек, он откликался и принимал участие во всех праздничных торжествах, которые хоть немного могли доставить радость и удовольствие людям. Он с готовностью принимал участие и в мусульманских религиозных, и в различных национальных празднествах. Причем никогда не различал, кто его приглашает. Если его приглашали на праздник чуваша — он ликовал с чувашами, если мордва, он спешил к ним. Но уж когда гуляли татары на своем славном сабантуе, который он бесконечно любил, то он весело и искрометно включался в радостный фейерверк празднества вместе с ними, заражая зрителей и шуткой на татарском языке и праздничным настроением.

Будучи добрым мусульманином, Махмуд-эфенди хорошо усвоил и следовал всю жизнь предписанию Всевышнего, указанному в священном

Коране: «Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах!» (5:53).

На протяжении всей своей жизни он, опережая всех, делал добро людям, и они этим же добром и всенародной любовью и почтительной памятью о нем воздают ему — Махмуду Эсамбаеву, подлинно Народному Артисту, мусульманину и прекрасному человеку».

Глава пятая

ЖИВАЯ ВОДА

Говоря о Махмуде, пытаюсь понять истоки его уникального дарования, многие забывают, что он сам лучше всего рассказал о них в своих статьях и интервью. Вот одна из его статей-исповедей — «Радость танца»:

«Радость и танец — два слова, созданные друг для друга. Для меня радость и танец — понятия почти тождественные. О танце можно говорить без конца. Танец можно изучать непрерывно. Танец можно созерцать постоянно. И всякий раз, беседуя ли я о танце, узнаю ли я танцевальный фольклор ранее незнакомой мне страны, я всегда испытываю радость соприкосновения с прекрасным, счастье единения с народом.

Для меня узнать народ — значит узнать его танец, рожденный выдумкой, изобретательностью, воображением, разумом народа. Танцы, которые издревле живут в народе и создаются сегодня, — подлинная энциклопедия жизни. В каком бы далеком краю вы ни оказались, как бы далеко ни занесла вас судьба, взглянув на танцы народа, вы живо почувствуете склад жизни обитателей этой страны, их горе и радости, их мечты и надежды, существо их национального характера. И как бы различны ни были танцы народов мира, сквозь бесконечное многообразие красок, приемов, особенностей исполнения вы ощущаете глубокое духовное родство хореографии, рожденной на разных широтах.

Чего хочет народ, где бы он ни жил? Конечно, мира, конечно, счастья, конечно, светлых трудов и светлой любви — таков интернациональный смысл народного танцевального творчества. Свойственная всем танцам человечность мыслей и эмоций особенно близка и понятна нам, советским людям. Танец — искусство радости: поэтому ему так привольно дышится, так отлично живется на нашей земле.

Вот почему всякий раз, когда я думаю о танце, мои профессиональные размышления неизменно переплетаются с мыслями о нашей сегодняшней жизни. Я думаю о своих соотечественниках — народе Чечено-Ингушетии. Я думаю о том подъеме, который царит сейчас в любом, самом отдаленном крае нашей земли. И понимаю, что этот подъем во всех областях жизни — научный, индустриальный художественный — не может не принести самых замечательных плодов и в сфере искусства танца. Я думаю о гастролях, которые уже прошли и которые еще предстоят, и испытываю огромное волнение.

Волнение и радость. Волнение от того, что огромна ответственность каждого из нас перед народом. Радость от того, что твое искусство нужно людям, что оно несет им идеи мира, добра, справедливости, что искусство танца помогает людям лучше узнать друг друга, лучше понять неповторимые особенности каждой нации.

Если мы попытаемся совершить экскурс в историю танца, то увидим, что под знойными небесами юга и среди ледяных просторов севера танец зародился примерно в одно и то же время — в глубокой древности. У всех народов танец, первоначально связанный с религиозными обрядами и верованиями, стал интереснейшей и богатейшей в своих возможностях первоначальной формой театрального представления — недаром до сих пор охотничьи и трудовые, любовные и воинственные пляски самых различных народов поражают драматической логикой, осмысленностью и абсолютной ясностью содержания. И по сей день народ хранит и пополняет бесценные сокровища своего танцевального творчества.

Отчего мне с детства страстно хотелось танцевать? Отчего, несмотря на отчаянное сопротивление отца, угрозы и побои, несмотря на отсутствие преподавателей, я всей душой, всем сердцем тянулся к этому искусству? Не потому, что оно поражало своей эффектностью, — и сегодня для меня эффект сам по себе ничего не значит и ничего не решает в танце. Оттого, что я, видимо, подсознательно ощутил сразу волшебную связь народного танца с жизнью.

Я не мог бы сказать, что резче запомнилось из первых лет жизни — цветущие луга родного аула Старые Атаги, полет орлов над снежными вершинами или крылатая, величавая поступь нашей лезгинки. Я не мог бы сказать, что раньше врезалось в мою память — шум и пение горных рек или ритмически-чеканные звуки дойр и пение наших стариков. Я не могу сказать, что больше поражало меня — плавное движение прозрачных облаков в синих небесах или неслышные движения девушек-чеченок в их изукрашенных золотом воздушных костюмах. Впечатления моего детства неотделимы от танца.

Танец в крови нашего народа. Приезжайте в любое селение Чечено-Ингушетии. Заходите в любой дом — там много радости и много детей. Выберете самого маленького, еще не начавшего ходить. Его еще держит мать, но стоит ему услышать ритм лезгинки, как его крошечные руки принимают точное положение, характерное для этого танца. И только наш ребенок сделает первый шаг, он начинает учиться движениям национальных танцев.

Если же вы послушаете рассказы наших стариков, вы живо

представьте себе, как танцевали лезгинку полвека назад. На поясах танцоров были подвешены специальные украшения — нанизанные на нить бараньи косточки — «альчики». Они висели рядами, подвесок по десять. И ход танцоров был так грациозен, четок и строг, что, едва покачиваясь, подвески ни разу не задевали друг друга. И наконец, зрители, покоренные ловкостью плясуна, кричали: «Танцуй без альчиков», что означало переход к следующей, быстрой части танца, когда альчики начинали постукивать в такт движениям.

Чечено-ингушская лезгинка всегда поражала меня удивительной сдержанностью и внутренней красотой, артистизмом. Такой она сохранилась и сегодня в высокогорных аулах.

Если вы приедете в эти сказочно красивые места, где из всех видов транспорта известны только ишаки и самолеты, поймете, что это танец не внешних эффектов, а целомудренного, благородного содержания. Чем стремится наш танцор поразить в лезгинке? Не внешними трюками, не вращением на коленях, не диким оскалом зубов, не демонстрацией неукротимого темперамента. Нет. Элегантность, грация, благородство осанки, совершенное владение своей пластикой — вот что такое наша лезгинка.

Танцор становится на пальцы, точно вырастая и окидывая взглядом близлежащие горы. Он летит бесшумно и крылато, словно рассказывая о преклонении пред своей избранницей. Парень и девушка танцуют, не касаясь друг друга, глаза девушки всё время опущены, но зато в тот единственный раз, когда она поднимает взгляд на партнера, вас поражает лучистая глубина этого взгляда.

В лезгинке собрались все лучшие, самые дорогие мне свойства народа.

Вот почему каждый свой концерт я открываю чечено-ингушской лезгинкой. Вот почему я учусь танцевать этот танец у народа. Вот почему я бываю особенно счастлив, когда старики говорят мне: «Ты танцуешь, как танцуют у нас в народе».

На вопрос, кто мой учитель, я, не задумываясь, отвечу — народ. Актерская судьба не баловала меня встречами с профессиональными педагогами. И если мне удалось чего-то достигнуть, низкий поклон за это народу — у него я учился видеть и понимать жизнь, претворять ее в искусство, у него учился мыслить и чувствовать в танце.

И нет ничего более естественного, чем желание отблагодарить народ, отплатить своему народу за науку, отплатить своей работой, своим искусством.

Конечно, когда ребенком я каждое утро угонял в горы стадо, я не

думал о миссии художника, о призвании и прочих «высоких предметах», о каких думают зрелые люди. Тогда мне просто хотелось танцевать. Это безудержное пламенное желание заставило меня решиться на побег в Москву, откуда меня скоро водворили домой. Но непреходящее пламенное желание преследовало меня даже во время самых прозаических занятий. В булочной, куда меня отдал на выучку отец, я самые будничные дела превращал в танцевальные представления и наслаждался своим первым актерским успехом у тех, кто работал рядом со мной. Пламенное желание привело меня, наконец, в оперный театр, где мне довелось работать около шестнадцати лет.

Я вернулся к себе на родину, в город Грозный. Здесь у меня созрело решение обратиться к народному танцевальному творчеству. Но я обманул бы читателя, сказав, что безбоязненно взялся за новое дело. Конечно, было страшновато.

Итак, оставив академическую оперу, я двинулся в трудный и полный неожиданностей путь. Трудный оттого, что ведь никакой традиции сольного исполнения танцев разных национальностей у нас не существовало. Здесь, на эстраде, номер занимает от минуты до четверти часа. Танцовщик находится один на один с залом, и он должен, совместив в себе исполнителя, режиссера, постановщика, внятно, последовательно рассказать о жизни своего героя и вместить эту жизнь в самый краткий «хронометраж» номера. Такая краткость рассказа требует точности в сохранении рисунка танца, безукоризненной логики актерской работы, абсолютного чувства меры. И, главное, отношения к танцу, как к истории человеческого характера.

Этому человеческому исполнению каждого танца и следует учиться у народа. Танец любого народа выражает его самые характерные, самые высокие и прекрасные черты. Поэтому мне дороги и танцы моей родины, и танцы, созданные в других странах. Поэтому я знаю, что профессиональной школы танцовщику мало. Его школой должна быть жизнь.

Если бы меня попросили рассказать о моих любимых номерах, моих планах на будущее, о моих поездках, — о чем бы ни зашла речь, любой танец для меня неотъемлем от конкретных, живых впечатлений действительности. Они могут быть самыми разными, эти впечатления, — от воспоминаний детства и юности до знакомства с творчеством выдающихся танцовщиков современности, от встреч с колхозниками, перед которыми я танцую во время поездок по стране, до сотрудничества с зарубежными хореографами, о которых я храню теплую благодарную

память. Но всё, что приходится пережить и увидеть, всё, что поражает глаз и воображение, неизбежно прямо или косвенно скажется в творчестве. Это закон, проверенный на личном опыте.

Вы спросите — ну, какая может быть связь с жизнью в таком, скажем, древнем танце, как воинственный таджикский танец с ножами? Формально — никакой. Фактически — самая очевидная. Каждый раз, когда я изображаю этот героический поединок со смертью, эту балладу о воинской доблести, я вспоминаю годы войны, когда я был в одной из наших гвардейских стрелковых дивизий. Героизм и простота окружавших меня людей, их готовность в любую минуту отдать жизнь за свои идеалы до сих пор живы в моей душе и до сих пор помогают мне наполнить старинный танец дыханием современности.

А вот совсем, казалось бы, далекий от нас мир Индии. «Золотой бог» — тоже один из первенцев моего репертуара. Всё трудное время работы над этим номером, когда по пять-шесть часов подряд я репетировал и сам, и под руководством Элеоноры Грикуровой, я вспоминаю как праздник. Огромного времени потребовало изучение литературных источников — мне хотелось найти легенду, наиболее интересную для сценического воплощения. Затем началась невероятной емкости работа по собиранию фотоматериала, — изучив по иллюстрациям и книгам искусство индийского танцовщика Рама Гопала, я руководствовался его манерой исполнения индийской пляски.

Но главное, что поддерживало и окрыляло меня в трудные дни сочинения танца, — это лучезарная поэзия индийского народного творчества. Ожившая, очеловеченная природа, сонм грозных и добрых богов, чистота и образность народных верований совершенно пленили меня. Весь — умом и сердцем — я предался этому танцу.

«Золотой бог» снискал внимание зрителей во всех странах, где довелось мне побывать. Видимо, успех и сценическое долголетие этого номера объясняются тем, что мир легенд, которые тысячелетиями создавал народ Индии, стал для меня реальным и жизненным.

Должен сказать, что знакомство с народным танцем для меня всегда равносильно душевному потрясению. Поражают мощь и смелость художественных обобщений, создаваемых народом в танце, выразительность символики и ясность хореографического текста. Самый древний народный ритуал вдруг обретает простой, всякому понятный смысл.

Помню, как в Бразилии мне удалось посмотреть обрядовый танец «Макумба». Трудно сказать, что охватывает вас при зрелище двухсот

человек, содрогающихся в магической пляске. Раздается громогласный аккомпанемент национального оркестра из шестидесяти человек, колышутся яркие перья головных уборов, развеваются от стремительных порывистых движений хвосты ягуаров, украшающие сшитые из шкур костюмы, пурпурными пятнами крови жертвенных животных испещрены лица танцующих. Все они, охваченные исступлением, пляшут свой танец, изображая изгнание злого духа. В этом танце — и устрашающая сила древних народных представлений о зле, и напряжение человеческого духа и воли, и жажда очищения. Поразительно сочетание ясности идеи и острой символической формы. К такому сочетанию стремлюсь я теперь, когда исполняю в своих концертах вывезенную из Бразилии «Макумбу», чудесный танец, который понятен и привлекателен для зрителей самых разных возрастов, профессий, вкусов.

Вообще должен сказать, что если любая поездка, помимо радости новых впечатлений, помимо знакомства с достопримечательностями новых стран, приносит прежде всего радость узнавания новых танцев, то турне по Латинской Америке, продолжавшееся около четырех месяцев, было особенно плодотворным в профессиональном смысле. Оттуда я привез целую программу, которую вскоре собираюсь вынести на суд зрителей.

Я никогда не забуду, как самоотверженно работали с нами балетмейстеры Хосефина Левалье, Оскар Пуэнтье и Эктор Финк над «Хорабио тапатио», как Мерседес Баптиста, Жозе Гомео и Вальде Курзо приготовили со мной «Макумбу», а бразильские деятели искусства преподнесли мне национальный костюм, в котором исполняется этот танец. Я никогда не забуду, как нам сказали: «Голливуд выкачивает из нас только доллары. А вы, русские, увидели нашу душу, наше искусство и исполняете наши танцы так, что нам есть чему поучиться у вас».

Знаки внимания зарубежных зрителей и зарубежных артистов — прежде всего дань уважения к моей родине, к советскому искусству.

Сейчас я работаю над новой танцевальной программой. В ней мне хочется показать, например, лирическую сказку на темы «Тысячи и одной ночи» — рассказ о влюбленном юноше, погибшем от людской зависти и зла. Мне хочется сочинить танец о негре. Это желание навеяно знакомством с великолепным искусством Жозефины Бейкер. Звезда парижской эстрады, актриса, наделенная решительно всем — внешними данными, голосом, изумительной танцевальностью, чрезвычайно симпатична и как человек. Жозефина Бейкер воспитывает четырнадцать детей разных национальностей — одно это говорит о добром, большом и чистом сердце. Без такого сердца никогда не станешь художником. С

удивительной простотой и естественностью рассказывает она о детях мира — о том, что волнует нас сегодня больше всего. А вот раздается песня «Работай, негр». Под ее музыку, танцуя и декламируя, напевая и плача, Жозефина Бейкер рассказывает о судьбе негритянской женщины. «Негритянка никогда не наденет белого платья, негритянка никогда не будет счастлива, дети наши гибнут от голода», — произносит низкий, страстный голос певицы.

Тогда и я решил сочинить танцевальный рассказ о негре. Его тело расплоснуто на земле, он содрогается от ударов бича, теряя последние силы, он гнется на плантации, срезая ножом сахарный тростник. Но когда труды окончены, негр слышит музыку родного «самбо» и начинает танцевать, и мы видим, как прекрасно и свободно раскованное человеческое тело. В финале танца негр снова слышит свист бичей, но теперь он застывает в гордой непокорной позе. Народ непобедим, могуч и прекрасен — такова идея этого танцевального рассказа.

Что бы я ни танцевал — подлинные народные пляски или сочиненные новеллы, о чем бы я ни думал, куда бы я ни ехал, мне хочется без конца рассказывать людям, как прекрасен и солнечен мир, мне хочется, чтобы, посмотрев мои танцы, они учились беречь мир, как самое дорогое, что есть у человека, мне хочется, чтобы они полюбили нашу огромную страну, которую недаром называют во всем мире «родиной танца».

Недавно я выступал на сцене Ленинградского хореографического училища. Нет слов, чтобы передать волнение, испытанное мною в минуты, когда мои «Золотой бог», «Автомат», «Макумба» и «Чабан» пришли на сцену этого великого школьного театра.

Здесь я увидел детей из всех республик Советского Союза и из множества зарубежных стран. Светловолосые и смуглокожие, веснушчатые и чернобровые — дети земли, каков бы ни был цвет их кожи, как бы далека ни была их родина, учатся здесь прекрасному искусству балета. И я вновь подумал о том, как велика и благородна страна, которая дарит детям всех народов земли высокую радость — радость танца».

*

Он умер 7 января 2000 года...

Незадолго до смерти Махмуд пришел в соборную мечеть к Равилю Гайнутдину. Главный муфтий России совершил молитву и благословил поступок — решение сердца Махмуда. Затем был совершен намаз. Махмуд

совершил молитву впервые и был счастлив, словно его оставили все болезни и беды.

О том, что было потом, вспоминает генерал Асланбек Аслаханов:

«Получилось так, что я был у Махмуда за день до смерти. Мы о чем-то говорили. Потом он замолчал, посмотрел на меня и очень серьезно сказал: «Знаешь, я скоро умру».

Как, видимо, все люди в таких случаях, я понес привычную оптимистическую чепуху и даже пошутил, что у нас на Кавказе в семьдесят лет человек только превращается из юноши в мужчину. Вспомнил его отца Алисултана (прожившего больше ста лет) и сказал, что Махмуду нужно хотя бы до отцовского возраста дотянуть. Начал рассказывать, как мы с ним скоро вместе поедem в Старые Атаги. Как выпьем там живой воды из Аргуна и он сразу забудет обо всех болезнях и станет молодым джигитом. Махмуд слушал меня, не перебивая, и, кажется, с удовольствием ненадолго вернулся в детство.

Потом вздохнул и снова повторил, что он не шутит и знает, что срок его жизни кончается, поднял худую тонкую руку, не давая мне возразить.

— У меня есть к тебе одна просьба, — тихо сказал он. — Когда я умру, похороните меня в Старых Атагах.

После таких слов возможность увилить от серьезного разговора и нести жизнерадостную чепуху исчезла.

— Рано или поздно все мы умрем, — сказал я. — На то воля Аллаха. Но я думаю, что тебя не надо хоронить в Старых Атагах, по крайней мере сейчас, пока обстановка в Чечне такая сложная. Пойми, Махмуд, ты человек, которого знает весь мир. После твоей смерти множество людей захотят побывать на твоей могиле. В Старые Атаги они еще не скоро смогут приехать спокойно. Люди любят тебя, и ты любишь людей. Нужно позаботиться о них. Вот почему я думаю, что тебе нужно быть похороненным в Москве.

Махмуд долго молчал. Видимо, ему было трудно расстаться с убеждением, которое он давно обдумал.

— Я, наверное, был плохой мусульманин, — сказал он горько. — Молитв не совершал, постов и заповедей не соблюдал... но и грехов больших за мной, кажется, тоже нет... Будет у меня к тебе большая просьба. Если нельзя мне упокоиться в Старых Атагах, то похороните в Москве, но по мусульманскому обычаю и на мусульманском кладбище.

— Твое слово — закон, — ответил я. — Можешь не сомневаться, все будет сделано, как ты хочешь.

Вот такой был у нас разговор. Самый последний.

На другой день он умер.

Когда Махмуд умер, вышел указ Владимира Владимировича Путина, тогда он был исполняющим обязанности Президента Российской Федерации, о захоронении народного артиста СССР Махмуда Эсамбаева на Новодевичьем кладбище.

Это был хороший указ и выражение самого глубокого уважения к памяти великого танцора. Новодевичье — главное кладбище нашей страны. Знаю, что и Нина Аркадьевна была этому рада. Ведь если бы Махмуда похоронили на мусульманском кладбище, им уже невозможно было бы оказаться вместе. По обычаю своего народа она должна быть похоронена на армянском кладбище^[3].

Я понимал, что если ничего не скажу о нашем последнем разговоре, то всем от этого, кажется, будет только лучше. Но я понимал, что не имею права молчать, и я рассказал о последней просьбе Махмуда. Дискуссия получилась очень сложная и напряженная. Меня поддержали племянники Махмуда, но многие (даже родственники) возражали. Они считали, что нельзя отказываться от высокой чести захоронения на Новодевичьем кладбище, тем более что там еще ни один чеченец не был похоронен. Иосиф Кобзон долго обижался на меня. Валентина (??) Ивановна Матвиенко, очень любившая Махмуда, тоже выступала за Новодевичье.

Мне было очень тяжело. Я попросил о встрече Юрия Лужкова и рассказал ему о последнем разговоре с Махмудом. Юрий Михайлович предложил похоронить Эсамбаева на мусульманском кладбище, что возле Донского монастыря. Кладбище это уже закрыто, хоронить там можно только родственников в общих могилах. Юрий Михайлович предложил мне пойти на это кладбище и выбрать подходящее место для могилы Махмуда. Я такое место нашел прямо на главной алее. Там, как нарочно, было оставлено подходящее пространство.

Юрий Михайлович сказал мне откровенно, что считает захоронение Махмуда не на Новодевичьем кладбище ошибкой. Но возражать не стал. Сказал — разрешение будет.

Семь человек, постоянно сменяя друг друга, копали могилу. К шести утра всё было готово.

Всё, о чем я рассказываю, происходило в течение одних суток. К четырем утра приехал председатель Совета муфтиев России, шейх Равиль Гайнутдин, с ним прибыли все нужные люди, и похороны были организованы по полному мусульманскому обряду.

Прощание проводилось в концертном зале «Россия», который Махмуд очень любил. Присутствовал муфтий, велась служба, люди проходили

бесконечной чередой, прощались. Гроб был поставлен на возвышении. Там лежала кавказская бурка. Никаких цветов в гроб по нашему обычаю класть нельзя. Венки и цветы складывали у подножия гроба. Было много выступающих. От правительства, Госдумы, театров, филармонии. Выступали известнейшие артисты и простые зрители.

Это были похороны, достойные великого человека.

Нам звонили со всего мира. Множество чеченцев, ингушей, дагестанцев, вообще людей с Кавказа радовались тому, что Махмуда Эсамбаева похоронили, как положено, по мусульманскому обычаю. Теперь мы, его близкие и друзья, все великое множество людей, любивших его волшебное искусство, знаем, что там, куда он ушел, ему хорошо. Каждый год мы приходим на его могилу и словно бы снова встречаемся с ним.

Такого человека, как Махмуд Эсамбаев, мне больше не приходилось встречать в жизни. И если начинаешь вспоминать, то нет конца воспоминаниям...

Моя мама его очень любила. У нас есть национальное блюдо, халтмиш называется — кукурузные лепешки. Творог со сметаной размешиваешь, макаешь туда эти лепешки и ешь, запивая бульоном кукурузным. Обычная еда бедных людей. Вот это народное блюдо Махмуд любил больше всего и, когда приходил к нам, сразу спрашивал: «Халтмиш готов?»

И мама говорила: «Конечно, готов, садитесь за стол, сынки мои».

Махмуд был неповторим. Каждый день и каждый час. Он всегда был по-новому интересен.

После одного из лучших своих концертов он сказал, что во время танца вдруг ясно почувствовал, что тело его освободилось от земной тяжести и он может летать: «Я побывал в другом, божественном мире, где свет небесный сиял вокруг. Люди видели только мое брненное тело. Сам я был там».

Я имел счастье смотреть его танцы из-за кулис и почти всегда думал о том, что во время танца с ним происходит что-то особенное, но в то же время я видел, как он всегда волновался перед выступлением. Это удивляло меня, и я однажды сказал: «Почему ты волнуешься? Тебя так все любят, ты можешь танцевать, как угодно, люди всё равно будут счастливы». «Нет, — говорил он, — они любят меня, значит, должен делать для них только самое лучшее. Я должен не просто станцевать, но подняться на небо».

Помню, Махмуд был уже тяжело болен тогда, но вышел на сцену. Вышел, чтобы поговорить с людьми. Но они всё равно ждали танца. Понимая это, он начал танцевать. Сил его хватило только до половины. Однако он достойно и красиво завершил сокращенный вариант танца, как

всегда, до земли поклонился зрителям, вышел со сцены за кулисы и... только тут потерял сознание.

Это было. Это видели многие, видел я сам...

Танец Махмуда навсегда остался с нами. Это и есть та самая сказочная живая вода, которую он, подобно доброму колдуну из танца «Макумба», добыл для нас ценою собственной жизни».

...Дочь Махмуда Стелла рассказывает, что перед смертью в больничную палату через форточку к Махмуду залетела какая-то птичка. Эту птичку потом после похорон она увидела в сновидении. Махмуд как бы находился в райском саду, и она хотела подойти к нему, но отец, улыбнувшись, повернулся и стал уходить вглубь сада, а на плече у него сидела та самая птичка.

Перед Стеллой вдруг появился чудесный сияющий старец и сказал: «Не переживай. Он среди нас, среди святых».

*

В 2001 году на Даниловском кладбище был торжественно открыт памятник Махмуду Эсамбаеву работы скульпторов Андрея и Николая Ковальчуков. Он представляет собой гранитный постамент, на котором выгравированы полумесяц и арабская молитва и фигура самого артиста с поднятой вверх рукой в хорошо всем знакомом характерном для него жесте.

В 2009 году к 85-летию со дня рождения Махмуда Эсамбаева по телевидению был показан последний фильм о нем. Весь он, по сути, состоит из танцев, входивших в знаменитую программу «Танцы народов мира», и начинается с кавказского танца «Легенда».

На заднике сцены снежные горы. Лихой, беззаботный полет молодого джигита. Жизнь прекрасна...

Не всегда...

«Легенда» — это танец, посвященный древней традиции кровной мести. Радостный танец юноши, сумевшего спастись, но вынужденного покинуть родную землю, чтобы не погибнуть от пули или кинжала мстителя.

Проходит совсем немного времени, и юноше становится понятно, что жизнь в чужих краях — пустыня для него...

И он возвращается.

Возвращается, чтобы жить или умереть на Родине.

Танец «Автомат». Джазовая мелодия. Каменное лицо и редкие, какие-

то болезненно автоматические улыбки, больше похожие на гримасы.

Патентованная американская пляска. А вот «лунная» походка Майкла Джексона — но Майкла тогда, в конце 1950-х, еще и в помине не было. Это гладкая, автоматическая походка робота в исполнении Махмуда. Темп нарастает, и автомат очень четко, механично выплясывает, не по-человечески высоко выбрасывая ноги.

Вам нравится пляска машины. Удивительный танец! О, машина еще и не такое может. Вы только гляньте, что вытворяет! И так на человека похожа!

А тут и люди так танцуют и так живут. Не верите?

Приезжайте в Америку, сами убедитесь...

«Эмигрант». Чудный русский пейзаж, река, луга, далекие лесистые холмы. Раздолье! Есть где размахнуться... Но это всё только картинка на заднике сцены.

Буйная раздольная русская пляска...

Но вот накатила тоска. Опустил руки. Танцор заметно при-увял. Сел на пенек, глубоко и грустно задумался.

Да, недолговечна, нестойка радость человека, навсегда оторванного от родной земли.

«Павлин». Ну, это и в зоопарк ходить не нужно. Уморительно гордая походка заносчивой самовлюбленной птицы. Покачивание роскошного хвоста сочетается с движениями грудью, головой и шеей. Очень точно и выразительно.

Руки — как гибкие лебединые шеи. Пальцы с длинными когтями очень выразительны, как у настоящего петуха-павлина.

Царь-птица красуется, даже кокетничает. Невозможно не поддаться обаянию этого сияющего драгоценным хвостом красавца, блеску его светлых прозрачных глаз.

«Испанский танец». Черный, прямой и острый, как шпага, тореадор с мулетой — ярко-красным плащом, которым он дразнит быка и, внезапно убирая, заставляет промахиваться. С плащом Махмуд работает мастерски, не хуже настоящего тореро.

Разгорается напряженная и строгая испанская пляска. Твердая, каблуками в пол, характерная дробная чечетка.

Светлые глаза. Очень выразительные, о них надо сказать особо. Они освещают танец. Внезапно и широко открываясь, они как бы проглатывают зал. Даже страшно немного становится. Это важные мгновения. Акценты.

Танец продолжается. Но память об этих глазах, ослепительных прожекторных вспышках светлых и глубоких, как бездонная морская вода,

глаз уже не забудется. Не уйдет из памяти и танец, и то важное движение, на котором сделан этот световой акцент.

Глаза Махмуда — особенная, несколько даже мистическая часть танца.

Испанский танец заканчивается мощной работой с тореадорским плащом. Бык побежден, неотвратимый удар шпаги, ноги его подламываются, бык падает.

И льется на землю, как кровь быка, алая мулета тореадора.

«Золотой бог». Медленно поднимается солнце. Медленно и как бы совершенно незаметно из глубокого приседа поднимается танцор. Руки разведены в стороны.

Необыкновенный костюм. От головы, в роскошном царственном уборе, до пальцев рук и босых ног, Золотой бог осыпан сверкающими драгоценными камнями. Необыкновенное кольцо закрывает всю грудь, бесчисленные перстни, браслеты и колокольчики, все сверкает и переливается.

Странные скульптуры рядом с ним.

Темп музыки нарастает. Начинается быстрый танец.

Особенно хороши руки. Очень характерные, узнаваемые движения индийского танца.

Руки, как змеи, танцуют свой отдельный танец...

Вот солнце начинает опускаться.

Музыка успокаивается.

Движения едва заметны. И опять руки и пальцы тут особенно выразительны.

Музыка остывает, стекает за горизонт.

Солнце зашло...

И вот, наконец, «Макумба». Леопардовый костюм, кругом хвосты, они развеваются. Темп невероятный.

Пляска идет среди темных столбов-тотемов, украшенных ликами жутких чудовищ.

Лицо колдуна расписано татуировкой. На шапке ореолом огромные перья какой-то сказочной птицы. Глаза вспыхивают и гаснут.

Колдун содрогается, духи предков входят в него...

Барабаны сходят с ума и вдруг умолкают...

Взрывается страшный крик! Всё на мгновение каменеет от ужаса.

Пронзительные предсмертные вопли следуют один за другим и... тишина не менее страшная, чем крик...

Колдун умер...

Но ведь это танец. Всего лишь танец!

Занавес опустится. Колдун поднимется и уйдет за кулисы в свою гримерку. Переоденется, смывает грим...

Всё это уже было.

Он умирал много раз, и каждый раз танец продолжался.

Танец бессмертен.

Великий волшебник будет выходить на сцену снова и снова, чтобы умереть — и опять родиться, спасая людей. Всех, без различия вер, наций и партий.

*

Однажды перед сном, прочитав книгу об индийских древностях, Махмуд заснул. Ему ясно привиделось, что Золотой бог (огромное, живое заходящее солнце) забирает его в долгое путешествие на запад через великую пустыню вечной тьмы. Тьма, кажется, не имела границ, она была бесконечна...

Но вот, где-то бесконечно далеко, засиял свет...

Он очнулся, открыл глаза... первое, что он увидел, — солнечное пятно на недавно побеленной стене, и странные звуки... это ребенок плакал. Плакал горько и отчаянно. Но вот плач сменился далекой, едва слышной музыкой, которая приближалась, журчала и переливалась, как сверкающая влага стремительного горного ручья.

Он узнал эту музыку. Узнал зурну. Это была искрящаяся, летящая, как стремительный поток весенней воды, мелодия лезгинки.

Ребенок больше не плакал. Он слушал вечно юную древнюю музыку своей бесконечной жизни, и всё его существо, вся его юная и древняя душа танцевала.

Великий танец призвал его на эту землю. Бессмертный танец дал ему право на жизнь вечную...

Всё это уже было или будет. Явится миру новый Великий танцор. Только пока совсем маленький и совершенно позабывший обо всех своих прежних жизнях...

Он вернулся. Так и должно быть... только никому пока что неизвестно, когда и где это произошло и как зовут ребенка. Неизвестно и то — станет ли он Единственным? Украсит ли его голову царственная корона властителя танца, знаменитая папаха Махмуда Эсамбаева из каракуля бухарского ягненка? Да и в танцах ли теперь достигнет он величия? А может быть, в чем-то ином, кто может знать...

Главное, что впереди целая жизнь. А в жизни возможно всё.

Эпилог

СОКРОВЕННЫЙ МАХМУД

«Когда сердце не ликует — ноги не пляшут».

*Одна из любимых пословиц Махмуда
Эсамбаева*

Есть вещи, которые нужно видеть и слышать живьем. Гениальная музыка в записи гложет, гениальный танец выглядит иначе под бесстрастным объективом телекамер. Новые поколения уже не увидят Махмуда Эсамбаева на сцене. Именно поэтому им так важно услышать его слова, глубже раскрывающие душу этого великого человека.

Вот ответы Махмуда на вопросы Геннадия Пожидаева о том, что он особенно ценит в искусстве, в своей профессии:

«— Как ты относишься к балету?»

— Хорошо. Но я люблю драматическое искусство и, конечно, всегда ищу это в балете. Дороже всего мне балетмейстеры, которые провозглашают принципы драматического балета. Он ближе всего стоит к жизни, к простому зрителю. Поэтому прежде всего назову Ростислава Владимировича Захарова. Очень жалею, что судьба лишила меня счастья быть рядом с ним, когда он ставил балет «Бахчисарайский фонтан». Позже мне удалось с ним встретиться. Это было время съемки фильма «Я буду танцевать», где Ростислав Владимирович дал мне прекрасный урок исполнения роли Гирея, по существу, заново ввел меня в этот образ.

Можно ли не сказать о балетмейстере Леониде Лавровском, который так зримо показал драму в балете «Ромео и Джульетта»? Очень ценю Григоровича. Он вобрал в себя опыт предшественников и сумел сказать новое слово в балете. Сергеева люблю за то, что сохранил в хрустальной чистоте классику. Уважаю старых мастеров балета — Петипа, Горского, Иванова, — но считаю, что последующие поколения балетмейстеров пошли дальше и сделали больше. От балета изящества и чистой красоты они перешли к балету философскому, драматическому, балету трагедии и юмора. Из старых мастеров мне ближе всего Фокин. Если бы он жил в наше время, он мне, я думаю, что-нибудь поставил...

— Твои любимые роли в балете?

— Злой гений в «Лебедином озере». Гирей в «Бахчисарайском фонтане». Клод в «Эсмеральде». Карабос в «Спящей красавице». Абдурахман в «Раймонде».

— Как относишься к современным танцам?

— Танго и фокстрот — это академия по сравнению с так называемыми современными танцами.

— А что же делать? Что должна танцевать молодежь?

— Если нет новых хороших танцев, то это не значит, что исчерпаны старые. Разве умрет когда-нибудь вальс? Он современной любого шейка...

Мне кажется, что эстрадный танец должен быть таким, чтобы его любили все — и молодежь, и старики, — как они любят «Жизель», «Лебединое озеро». Чтобы он приносил эстетическое наслаждение, воспевал красоту человека. Сейчас всё чаще говорят о современном эстрадном танце. Но я не представляю себе просто современного танца: он обязательно должен быть народным в своей основе, самобытным. Джазовая истерия, бешеные ритмы западных танцев ничего не оставляют в душе человека. Ультрамодность и слепое подражание еще никогда не приносили пользы искусству.

Эсамбаев рассказывает, как однажды во время гастролей в Америке труппа артистов поехала на экскурсию в обезьянник. И там они наблюдали такую картину. У большого зеркала, поставленного под деревом, собрались обезьяны. Они кривлялись, выламывались, изощрялись, как могли, друг перед другом. «Когда я вижу, — говорит артист, — как выламываются люди, как в джазовой агонии они делают какие-то лишние смысловые истерические движения, я всегда вспоминаю тех обезьян. У них, правда, это получалось лучше, видимо, потому что было естественно. Так давайте обезьянье оставим обезьянам!»

— Любимые художники?

— Рембрандт. Он всегда выбирает главное, как бы помещая его в луч света. Остальное в тени. Конечно, Микеланджело, «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, Репин. Это настоящая правда.

— Любимые композиторы и музыкальные произведения?

— Чайковский, Рахманинов, Шопен, Бетховен. За второй фортепианный концерт Рахманинова готов умереть... «Реквием» Моцарта люблю до слез. Бетховен весом, человечен. Шопен — само изящество.

Оперное искусство люблю и неплохо знаю, ведь много лет в театре проработал. Безумно люблю «Князя Игоря». Какие арии!

— Любимые писатели?

— Толстой, Бальзак, Мопассан, Стендаль, Дюма, Жорж Санд, Майн

Рид, Джек Лондон... У Толстого всё правда. Мне кажется, он мало чего выдумывал. Писал, что видел.

— Любимые драматические артисты?

— Любовь Орлова.

— Эстрадные певцы?

— Клавдия Шульженко. Она рассказывает песни.

— Любимый вид спорта?

— Гимнастика, спортивная и художественная... Болею за наших хоккеистов во время мировых чемпионатов.

И опять разговор переходит на танец.

— Мне кажется, — говорит Махмуд, — что я только начал танцевать. Не знаю, каким буду завтра, хочу лишь совершенствоваться. Когда мне говорят, что видели мой концерт десять лет назад, я не верю этому. Сам я себя не вижу. Только через зрителей.

Безумно люблю драматический театр. Жалею, что я не актер. Люблю классическую оперетту. Современную не люблю, всё в ней, по-моему, не в лад.

И опять о танце.

— Танец, как и музыку, может любить каждый. Мне кажется, что даже толстый человек, сидящий в зале и видящий танец, тоже в душе танцует. Балет, я думаю, сильнее всех любят те, кто в детстве мечтал танцевать на сцене, но почему-то не получилось. Из этих людей рождаются балетоманы.

— Как работаешь над танцем?

— Я репетирую всегда. Даже когда иду по улице, в мыслях у меня движения танца, я повторяю их, шлифую. Я не могу отводить репетициям определенное время, уславливаясь с собой, что, допустим, буду репетировать с двух до трех. В этом случае мне казалось бы, что все время надо подгонять себя, что-то доделывать. Я репетирую столько, сколько смогу, пока не почувствую, что еще минута и я упаду. Останавливаюсь и сразу чувствую, как много еще не сделано. Начинаю все сначала. Часто меня спрашивают: «Махмуд, сколько нужно времени, чтобы так отшлифовать танец?» А у меня нет ни одного отшлифованного танца. Все — в работе... Мне даже приятно находить изъяны в своих танцах — это значит, что не теряется ощущение новизны и красоты...

Любой танец для меня неотъемлем от конкретных живых впечатлений действительности. Они могут быть самыми разными, эти впечатления, — от воспоминаний детства и юности до знакомства с творчеством выдающихся танцовщиков современности, от встреч с колхозниками, перед которыми я танцую во время поездок по стране, до сотрудничества с

современными хореографами, о которых я храню теплую благодарную память. Но всё, что приходится пережить и увидеть, всё, что поражает глаз и воображение, непременно прямо или косвенно скажется на творчестве. Это закон, проверенный наличном опыте.

Какая, к примеру, может быть связь с жизнью в таком древнем танце, как воинственный таджикский танец с ножами? Формально — никакой. Фактически — самая очевидная. Каждый раз, когда я изображаю этот героический поединок со смертью, эту балладу о воинской доблести, я вспоминаю годы войны, когда я был в одной из наших стрелковых дивизий. Героизм и простота окружавших меня людей, их готовность в любую минуту отдать жизнь за свои идеалы до сих пор живы в моей душе и до сих пор помогают мне наполнить старинный танец дыханием современности.

— Что главное в жизни?

— Самое главное в жизни — иметь любимую работу и хорошую жену.

Все видели Волгу? Она течет и течет. Она не может не течь. Вы бодрствуете — она течет, вы спите — она течет. Она не может не течь. Не может остановиться.

Найти мечту — это на всю жизнь обрести стремление к движению.

Нефть не может бить вечно из одной скважины, но энергия будет вечно бить ключом из человека, если он попал именно в ту атмосферу, которая отвечает его внутренней потребности. Искусство питает меня силами и энергией. Мне уже много лет, но с пятилетними я чувствую себя пятилетним, с юношами — юношей, со стариками — стариком. Это волшебство вдохнуло в меня искусство. Искусство — постижение человеческой красоты, а красота бесконечна, бездонна, из этого колодца можно черпать веками.

Земля очень богата, но люди, я думаю, богаче, чем земля. Каждый человек богат. Попросите человека, который живет как будто совсем неяркой, вернее, не бросающейся в глаза жизнью, рассказать о себе, и вы увидите, какой неоткрытый клад припрятан в его душе».

*

Вот мысли Махмуда, записанные его товарищем и коллегой Владимиром Загороднюком:

«Я учился у многих... Например, у выдающегося мастера Игоря Моисеева, хотя, как говорится, в класс к нему не ходил. Меня спрашивают: «Махмуд, ты передашь свое искусство?» Я хотел бы передать, но как?

Помочь, научить, подсказать — можно, но как могла Клавдия Ивановна Шульженко передать свое пение? Как можно передать пение Утесова? Можно его скопировать, но главное в его голосе — душа, а душу не скопируешь. Разве можно передать искусство Райкина? В общем, в искусстве есть люди, которые принесли в мир свои краски, и в этом счастье искусства.

...Воля и любовь к делу — вот что питает мою энергию, а не обильная еда. Самоограничению я учился у великой Улановой. Надо вообще быть подальше от холодильника. Вряд ли кто из зрителей, познакомившись со мной поближе, захочет жить моей жизнью. Я на пляж не хожу. Для пляжа мое телосложение — сплошное теловычитание: чем хуже я для пляжа, тем лучше для сцены. Говорят: хочешь быть стройным и красивым — терпи. Я родился на Кавказе, шашлыки здесь не редкость, но я никогда не съел подряд больше двух кусочков шашлыка.

...Всю жизнь я старался служить своим искусством делу взаимопонимания и сближения людей всех национальностей. Я служил делу дружбы народов. Танец, которому я отдал всю жизнь, представляет самое глубокое проявление национального духа, характер народа; в танце, если он действительно народный, никого нельзя обмануть, здесь всё на виду, в нем просвечивает самое сокровенное. Танец в наибольшей мере способен вызвать чувство взаимного доверия и уважения между людьми всех этносов. Искусство танца — самое благодарное для формирования у людей чувства взаимного восхищения, доброжелательства, дружбы, воспитания в духе интернационализма».

*

И наконец — одно из последних выступлений Махмуда Эсамбаева, запись которого сделана искусствоведом и писателем Юри Мэтью Рюнтю:

«Знания — твоя жизнь. С кем поведешься, от того и наберешься. С миру по нитке я собрал сокровище для себя.

Талант — бесконечный труд. Ничего легко не досталось. Я ничего и никогда не выпрашивал у людей и помогал всем вокруг.

Подвиг — на войне подвиг. На сцене подвиг, когда ты несешь свой крест до конца.

Ученики. Я делал им постановки, дарил концертные костюмы, кормил, поил, содержал. Вся доброта Махмуда живет в сердце его учеников. Память об этом на весах их совести.

У меня свое лицо. Я — это я. Люблю себя таким, каков есть. Мое — это мое.

Сердце пока бьется. Одно сердце у близких людей. Это жизнь.

Доброта — это награда. Любовь, Сострадание, Благословение. Смерть боится мира между людьми.

Танец — это жизнь. Я дышу через танец. Легкие не в счет. Я познал ритм народов мира. У танца нет расы. Я люблю всех. Это молитва. Душа видна через танец. Мой талант открыт, он у всех на глазах. Я бы умер без моего танца. Это моя жизнь, судьба. Каждый день я с ним.

Юность — это полет, радость, всё чудесное и хорошее вокруг. Ты любишь, любим, летаешь. Ты счастлив по-особому. Мы не понимаем этого в молодости. Мы ошибочно верим, что это навсегда.

Мужская дружба — крепче всего.

Мужчину и женщину соединяет желание. Мужчин — помощь и бескорыстие. Мужчины друг друга не делят.

Измена себе мне незнакома. Я настойчиво делал свое дело.

Вера — чистота и доброжелательность к любому человеку.

Судьба — тайна, предначертанная Богом.

Сладострастие — мне не знакомо.

Отец и мать — это священо.

Красивее родителей людей нет...

Чего боюсь — болезней, аварий, катастроф. И никогда не боялся бедности. Что есть, того хватит на всех.

Смерть — страшное горе. Внутри пусто. Я плачу. Я отказываюсь понимать, что человека нет. Моя мама не умерла. Она здесь. До сих пор меня мучают мои долги перед ней.

У нас не было врагов. Но детей заставляли отказываться от родителей — это было. Так жили миллионы моих сверстников. Власти старались разрушить мою семью. Это делали не враги. У них другое имя: «Строители социализма без Бога». У СССР не было врагов, но мы строили социализм для всего мира...

Бесчестье — это бессовестность. Честь — это совесть. Два раза в одну реку не входят.

Ненависть — самое страшное, что есть на земле. Я избежал этого. Бог сберег.

Горе — хуже смерти. Не желаю этого никому. На зло я отвечаю добром. Обезоруживаю врагов своей детской наивностью.

Предательство — когда человек знает секреты и говорит об этом врагам. Хуже ничего не бывает. Бойся подлецов и тварей.

Любовь — необъяснимое чувство. Это рай.

Дети — и есть счастье. Самое прекрасное в жизни — детская улыбка.

Для родителей нет никого красивее их ребенка.

Когда ворону попросили принести самое красивое на свете, то она принесла... своего неоперившегося вороненка. Теперь все знают, что самый красивый детеныш — у вороны!

Великое несчастье — детские слезы. Я рад обнять любого ребенка, утереть слезы, подарить подарками. Став под старость бедным, я украл у детей мои подарки для них, теперь делю с ними свою бедность. Мой дом разрушен бомбами, сожжен огнем войны.

Наркотики — это смерть и гибель. Опьянение разума. Утрата инстинкта самосохранения, жизни ради Бога и с Богом в душе. Не позволяйте отравлять себя. Это разрушение личности, горе для детей, родителей, предков. Несчастье из несчастий. Это противоречит исламу.

Ложь вокруг. Мне кажется, нас забыла правда. Деньги отравили всех. Я ищу и не вижу чистоты между людьми.

Старость. Я не чувствую усталости и пока не чувствую старости. Но снарядом.

Я поклоняюсь Богу, как смертный человек. Несу в себе Бога.

Я исполняю танцы, это ритуальные танцы народов мира. Все религии для меня равны. Бог един. Он любит людей.

У человека одна задача — родиться, прожить и остаться Человеком.

Требование это едино для всех.

Но как же трудно быть Человеком!»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. А. ЭСАМБАЕВА

1924, 15 июля — родился в селе Старые Атаги в семье бывшего красного партизана Алисултана Эсамбаева и его жены Бикату.

1934 — переехал с семьей в Грозный.

1939 — принят в Ансамбль песни и пляски Чечено-Ингушской АССР.

1942 — много раз выезжал на фронт с бригадой артистов, во время одного из выступлений серьезно ранен.

1943, октябрь — поступил в Пятигорский театр музыкальной комедии.

1944, весна — вместе с семьей и всем чеченским народом изгнан с родины в Среднюю Азию.

Осень — стал солистом Киргизского государственного театра оперы и балета в г. Фрунзе.

1945, октябрь — женился на Нине Аркадьевне Ханумянц.

1946, 5 июня — рождение дочери Стеллы.

1948 — смерть отца.

1952 — выслан из Фрунзе в киргизское село Бурулдай.

1953 — вернулся на работу в Киргизский театр оперы и балета.

1955 — уехал в Москву, где стал артистом Московской филармонии. Первый успех с испанским танцем «Ла коррида».

1956 — под руководством балетмейстера Э. Грикуровой создает индийский танец «Золотой бог».

1957 — лауреат конкурсов классического и народного танцев в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

1958 — становится депутатом Верховного Совета СССР.

1958–1965 — гастроли во многих странах мира, встречи с Э. Хемингуэем, П. Пикассо, П. Нерудой, Ф. Кастро, А. Алонсо, М. Фонтейн.

1960 — первая премия на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады.

1962 — первая роль в кино — фильм «Я буду танцевать».

1965 — создал эстрадную программу «Танцы народов мира».

1973 — роль Шамана в фильме «Земля Санникова».

1974 — получил звание народного артиста СССР.

1984, июль — присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1994, июль — получил орден Дружбы народов.

2000, 7 января — умер в Москве.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



*Маст
Григор*



Махмуду десять лет



Махмуд Эсамбаев (внизу слева) в составе фронтовой бригады артистов



Эсамбаев — солист Киргизского государственного театра оперы и балета



Жена Нина



Махмуд в балете В. Соловьева-Седого «Тарас Бульба»...



...и в балете Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан»



Чеченский праздник. Рядом с Махмудом — кинорежиссер Ильяс Татаев



Балетмейстер К. М. Сергеев работает с Эсамбаевым над ролью Ротбарта в балете «Лебединое озеро»



Индусский танец в опере «Лакме»



Испанский танец



Работа с Э. Грикуровой над танцем «Золотой бог»



Индийский танец «Золотой бог»



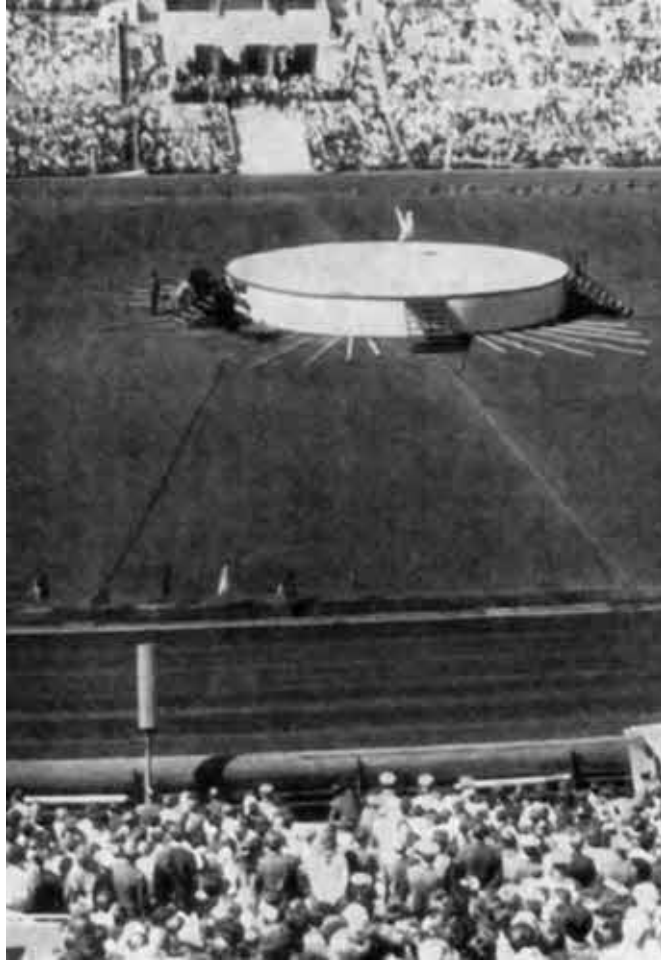
Бразильский танец «Макумба»



Эсамбаев репетирует танец с бразильской танцовщицей Мерседес Баптиста



Неразлучная папаха Махмуда



На стадионе в Лужниках



Танец «Автомат»



Эскиз костюма для русского танца Эсамбаева, выполненный художниками-палешанами Калерией и Борисом Кукулиевыми



Негритянский танец. Кадр из фильма «В мире танца»



Башкирский танец



Танец «Портняжка»



*Чечено-ингушский свадебный танец в фильме «Я буду танцевать»
исполнили Эсамбаев и Лейла Абашидзе*



Танец «Легенда»



С народным артистом Чечено-Ингушетии Вахой Татиевым



Выступление перед рабочими-нефтяниками



«Танец маленьких лебедей» на сочинском пляже. Слева направо: В. Зельдин, Б. Брунов, М. Эсамбаев, К. Воинов



Рядом с Махмудом — актеры Лариса Голубкина, Владимир Зельдин и Ольга Аросева



С моряками Черноморского флота



Эсамбаев и Сергей Михалков



Танец — вся его жизнь



Махмуд Эсамбаев с золотой звездой Героя Социалистического Труда



Эсамбаев в Монголии с главой государства Ю. Цеденбалом и его супругой А. Цеденбал-Филатовой



Махмуд Эсамбаев с племянниками



С супругой Ниной Аркадьевной



С дочерью Стеллой



Кумиры Махмуда — Галина Уланова...



...и Майя Плисецкая



*С Асламбеком Аслахановым, его женой Анжелой и знаменитым
полярником Артуром Чилингаровым*



Эсамбаев и его друг Иосиф Кобзон



Эсамбаев и солист ансамбля танца «Вайнах» Дикалу Музакаев



*Артист с директором и ведущим его коллектива Михаилом
Паталовым*



С Расулом Гамзатовым



В гостях у знаменитого хирурга Гавриила Илизарова



Махмуд в гостях у пионеров



На рыбалке



С Людмилой Зыкиной



Эсамбаев с артистами Нани Брегвадзе и Сосо Павлиашвили



С Валерием Леонтьевым



Эсамбаев и Лариса Долина



Портрет Эсамбаева работы Александра Шилова



Президиум Международного союза деятелей эстрады. Эсамбаев — как обычно, в центре событий



Таким его видели только самые близкие люди



Эсамбаев на вручении дипломов Академии МВД. Справа от артиста — автор книги А. Мусаев



Кулинария — одно из увлечений артиста



На своем юбилейном вечере 70-летний Эсамбаев танцует в балете Л. Минкуса «Дон Кихот» (постановка В. Гордеева)



Юбиляр принимает поздравления



*Махмуд с близким другом Мусой Гешаевым, его супругой Фатимой и
главным администратором Грозненской филармонии Дзугиром
Дадаевым*



Память о прожитой жизни



Члены координационного совета Ассоциации чеченских общественных и культурных объединений у памятника Махмуду Эсамбаеву на Даниловском кладбище в Москве

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Боков Х.* Слово о вайнахах (взгляд изнутри). М., 2000.
- Боков Х.* Надежда-Россия. М., 2007.
- Боков Х.* Родовое братство. М., 2006.
- Гешаев М.* Знаменитые чеченцы. М., 2005.
- Гешаев М.* Махмуд Эсамбаев. Танец над бездной. М., 2008.
- Загороднюк В.* Маленькие тайны гордого Махмуда. М., 2001.
- Нашхоев Р.* Махмуд Эсамбаев — чародей танца. М., 2001.
- Пожидаев Г.* Повесть о танце. М., 1972.
- Рюнтю Ю. М.* Эсамбаев. Правда. Жизнь. Балет http://zhurnal.lib.ги/г/riuntiu_iuri_mettxiu/balletrussianstars-13.shtml
- Худеков С. Н.* Иллюстрированная история танца. М., 2009.
- Шереметьевская Н. Е.* Танец на эстраде. М., 1985.

INFO

М 91

Мусаев А. Н.

Махмуд Эсамбаев / Алауди Мусаев. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 381 [3] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1322).

ISBN 978-5-235-03416-7

УДК 793.31(470.661)(092)

ББК 85.325(2Рос. Чеч)6-8

Мусаев Алауди Нажмуудинович
МАХМУД ЭСАМБАЕВ

Редактор *В. В. Эрлихман*
Художественный редактор *А. В. Никитин*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 13.12.2010. Подписано в печать 14.02.2011.
Формат 84x108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 20,16+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 10493

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21



notes

Примечания

1

Запись воспоминаний сделана другом Махмуда, живущим сейчас в Австралии, искусствоведам и писателем Юри Мэтью Рюнтю.

Да упокоит тебя Всевышний (чеч.).

Нина Аркадьевна Эсамбаева умерла в 2002 году. — *Прим. авт.*